

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **3** (12)

ISSN 2255-9035

Rīga 2015

УДК 281.9 (4)(051)

П 685

Православие в Балтии, №3 (12)

Научно-аналитический журнал

Rīga, LU aģentūra „LU Filozofijas un socioloģijas institūts”, 2015, 248 lpp.

Главный редактор:

Гаврилин Александр Валентинович

Редакционный совет:

Назарова Евгения, канд. ист. наук (Россия)

Шор Татьяна, Dg. phil. (Эстония)

Пермяков Виталий, Dg. theol. (США)

Миронович Антоний, Dg. hab. hist. (Польша)

Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзиньш) (Аргентина)

Рунце Инесе, Dg. hist. (Латвия)

Пазухина Надежда, Dg. art (Латвия)

Крумения-Конькова Солвейга, Dg. phil. (Латвия)

Корректор: Кузнецова Т.Г.

Компьютерная верстка: Даугуле Анита

Publicēts saskaņā ar Latvijas Universitātes FSI Zinātniskas padomes 2015. gada 20. aprīļa sēdes lēmumu.

Редакция не отвечает за точки зрения авторов статей, за опубликованные авторами материалы.

Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит редакции.

Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются.

Переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

На обложке:

Таллинский Александро-Невский кафедральный собор. Строительство 1895–1900 г.г.

Архитектор М. Т. Преображенский. Фотография Андрея Мянник 2012 г.

ISSN 2255-9035

© Latvijas Universitātes aģentūra

„LU Filozofijas un socioloģijas institūts”

© Aleksandrs Gavriļins

Содержание

Предисловие.	5
----------------------	---

Научные статьи

Анатолий Кинстлер (Германия) Прибалтийская православная тема в Архиве Германской Епархии РПЦЗ	11
Александр Гаврилин (Латвия) Собеседования православных миссионеров с рижскими староверами в конце XIX–начале XX в.	49
Антоний Миронович (Польша) Православная Церковь на территории Белоруссии во время Второй мировой войны	62
Константин Обозный (Россия) Профессор Иван Давыдович Гримм. Штрихи к биографии.	76
Регина Лаукайтите (Литва) Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского).	97
Сергей Мянник (Эстония) Архиепископ Иоанн (Алексеев)	110

Мемуары

Воспоминания архитектора В. М. Шервинского	127
--	-----

Публикация документов

Письма митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсона) и протоиерея Иоанна (Свемпа) митрополиту Таллиннскому и всея Эстонии Александру (Паулусу), написанные в 1941–1943 гг.	209
Письмо протоиерея Юрьевского Успенского собора Михаила Блейве (к истории немецкой оккупации Юрьева/Тарту в 1918 г.)	236
<i>Summary</i>	244

Предисловие

Традиционно историографию Латвии подразделяют по политическим режимам, иногда – по этнической принадлежности автора, а именно: на прибалтийско-немецкую, российскую или русскую историографию (историографию периода Российской империи), латвийскую или латышскую историографию (т. е. историографию независимой Латвийской Республики), историографию латышских эмигрантов, советскую историографию, западноевропейскую и современную российскую историографию. Опираясь на эти же критерии, подразделяется так же историография Эстонии и Литвы.

Такое деление кажется условным и искусственным. Политические режимы в Балтии часто менялись, а круг историков оставался неизменным. Возникает вопрос: как в таком случае определить принадлежность автора к той или иной школе историографии? По году издания работы? Но ведь она могла быть написана в период предыдущего политического режима, в соответствии с его идеологическими установками, однако издана значительно позднее. Так, с провозглашением в феврале 1918 года независимой Эстонской Республики или в ноябре 1918 года независимой Латвийской Республики вряд ли сразу же радикально

изменился характер и методология исторических работ. То же самое можно сказать о всех значительных политических событиях XX века, кардинально менявших условия жизни местных народов.

Кажется очень спорной и попытка деления историографии по этнической принадлежности автора. Возникает вопрос: к какой историографической школе в этом случае относятся работы Леонида Арбузова? По национальности он был русским, однако в своих работах придерживался взглядов прибалтийско-немецкой историографии. А что делать с трудами Роберта и Бориса Випперов? По национальности они были немцами, работали в Российской империи, с 1924 года – в Латвийской Республике, а с 1941 года в Москве, т. е. в СССР.

Население балтийских стран всегда было мультинациональным и поликонфессиональным. В результате, работы, посвященные истории Церкви, часто были тенденциозными и противоречивыми, так как история лютеранской, или католической, или православной Церковью использовалась как аргумент, с помощью которого пытались доказать право страны, поддерживающей это вероисповедание, на господство в данном регионе.

Как известно, научное изучение истории Православной Церкви, как составной части истории латвийской и эстонской земли, началось в XIX веке. Стимулом к изучению послужил массовый переход крестьян Лифляндской губернии в православие в 40-х годах XIX века. В это время в историографии сразу наметились две тенденции. Местные прибалтийско-немецкие авторы, лютеране по вероисповеданию, отвергали положительные стороны распространения православия, увязывая этот процесс только с ливонской (прибалтийской) политикой Руси, позднее – России. В свою очередь, православные по вероисповеданию русские авторы, наоборот, идеализировали значение православия в регионе и нивелировали роль католицизма и лютеранства.

Широкие возможности для изучения истории Церкви появились в конце XIX века в связи с публикацией исторических источников и в связи с археологическими раскопками. Правда, публикация источников в этот период сопровождалась достаточно тенденциозными комментариями.

В межвоенный период положение существенно не меняется, по-прежнему историю православия или изучают и идеализируют православные исследователи, или же не всегда обоснованно критикуют представители других религиозных конфессий. После Второй мировой войны объективному изучению истории Церкви мешала атеистическая идеология.

С распадом Советского Союза и восстанием независимых балтийских государств общество вновь стало интересоваться историей Церкви, чему способствовала публикация целого ряда новых научных работ по церковно-исторической тематике. Тем не менее, и в современных работах порой появляются необоснованные выводы, повторяющие традиционные штампы, господствовавшие в историографии на рубеже

XIX–XX веков, в межвоенный период и во время советского режима. Например, в современной исторической литературе иногда встречаются тезисы о «пророссийском» (или прорусском) православии; о «пропольском» католицизме; о «пронемецком» или «пропрусском» лютеранстве; о замкнутости и консерватизме староверов; о национальном характере гернгутерского движения; о том, что лифляндские крестьяне перешли в 1840-х годах в православие только с целью улучшить своё материальное положение... Как может историография перейти к объективному изучению истории Церкви (в том числе и истории православия)?

Для этого, на наш взгляд, необходимо решить три основные задачи.

Во-первых, необходимо пересмотреть традиционную классификацию историографии балтийских стран по истории Церкви, которой не соответствует историческая литература, и разработать новые классификации. Думается, решающую роль в исследовании данной тематики и интерпретации исторических фактов играла не национальность автора или политический режим, в условиях которого появилась конкретная работа по истории Церкви, а профессиональная (в том числе атеистическая) позиция автора. Возможно, более правильной будет классификация историографии по профессиональному принципу?

Во-вторых, максимальное внимание следует уделить публикации источников по истории Церкви. Расширение источниковедческой базы, во-первых, привлечёт внимание к данной проблематике новых исследователей, во-вторых, поможет широкой аудитории убедиться в правильности или, наоборот, в неточности наших выводов. В последнее время в Интернете появилось достаточно много источников по истории Церкви в Балтии, однако эти публикации часто непрофессионально подготовлены: отсутствуют комментарии, нередко формули-

руются непродуманные, тенденциозные выводы. Публикация исторических источников – одна из самых сложных задач исторической науки, и решать эту задачу надо профессионально.

В-третьих, учитывая особенности этнического и конфессионального состава населения балтийских стран, необходимо чаще проводить научные, академические конференции, семинары и круглые столы, посвященные церковно-исторической тематике, с участием представителей разных религиозных конфессий. Не является секретом то, что и в наши дни иногда староверы с недоверием смотрят на православных, католики воспринимают лютеран как конкурентов, некоторые католики и православные считают лютеран и баптистов еретиками и т. п. Надо делать все, чтобы помочь преодолеть эти стереотипы.

Как известно, в балтийских странах стремительно сокращается численность верующего населения. В этой ситуации нужно не упрекать друг-друга в грехах, которые совершили наши предки много лет назад, а решать актуальные, насущные проблемы, понять, как можно выжить в условиях атеистического окружения. На наш взгляд, изучение истории Церкви может дать ответы на эти вопросы.

Третий номер журнала «Православие в Балтии» состоит из трех разделов: 1. Научные статьи; 2. Мемуары; 3. Публикация документов.

В первом разделе опубликованы шесть научных статей. Статья германского архивиста Анатолия Кинслера знакомит читателя с источниками по истории Православной Церкви в балтийских странах, хранящимися в Архиве Германской епархии (АГЕ) Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Следует отметить, что этот материал неизвестен исследователям и впервые вводится в научный оборот.

Статья латвийского историка Александра Гаврилина «Собеседования православных миссионеров с рижскими староверами в конце XIX–начале XX в.» продолжает тему истории межконфессиональных отношений в прибалтийских губерниях Российской империи.

В журнале опубликованы три статьи, посвященные анализу положения Православной Церкви во время Второй мировой войны на территориях, оккупированных армией нацистской Германии.

В статье польского историка, профессора Антония Мироновича «Православная Церковь на территории Белоруссии во время Второй мировой войны» прослеживаются попытки создания автокефальной Белорусской Православной Церкви. По мнению автора, иерархи этой Церкви, с одной стороны, возродили уничтоженную коммунистическим режимом церковную структуру, с другой стороны, это было сделано с нарушением канонического права.

Статья российского историка Константина Обозного «Профессор Иван Давыдович Grimm. Штрихи к биографии» посвящена жизни и деятельности юриста, офицера царской армии, профессора Тартуского Университета И. Д. Гримма. Особое внимание автор уделяет периоду Второй мировой войны, в который И. Д. Grimm служил секретарем экзарха-митрополита Сергия (Воскресенского) и начальником канцелярии Прибалтийского экзархата.

В статье Регины Лаукайтите «Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского)» анализируется положение Литовской епархии во время Второй мировой войны. Особенный интерес представляет попытка анализа деятельности митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского) и обстоятельств его трагической кончины.

Эстонский исследователь Сергей Мянник в статье «Архиепископ Иоанн

(Алексеев)» рассказывает о служении архиепископа Иоанна (в миру – Георгия Михайловича Алексеева, 1892–1966), который с 1919 года проживал в Эстонии, более четверти века совершал пастырское служение, был лично знаком с каждым клириком епархии, в 1955–1961 гг. служил епископом Таллиннским и Эстонским, в 1958–1961 гг. он управлял также и Рижской епархией.

Во втором разделе журнала публикуется продолжение воспоминаний одного из ведущих латвийских архитекторов межвоенного периода, архитектора Синода Латвийской Православной Церкви Владимира Максимовича Шервинского (1894–1975). Этот фрагмент рассказывает о событиях 1944 года, о первых послевоенных годах, наконец, о самом страшном периоде в жизни автора – об аресте, следствии и тюремном заключении. Как и остальные фрагменты воспоминаний, данный отрывок был подго-

товлен к публикации внуком В. М. Шервинского архитектором Эйженом Упманисом.

В третьем разделе журнала публикуются письма митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсона) и протоиерея Иоанна Свемпа митрополиту Таллиннскому и всея Эстонии Александру (Паулусу), написанные в 1941–1943 гг. Так же, как и письма митрополита Александра митрополиту Августину, опубликованные в №11 (2) «Православие в Балтии», эти уникальные документы нашла в Эстонском Историческом архиве и подготовила к печати архивист Татьяна Кузьминична Шор.

В этом же разделе публикуется уникальное письмо сщмч. протоиерея Михаила Блейве, написанное незадолго до его трагической гибели. Это письмо было найдено и подготовлено к печати эстонским архивистом Людмилой Дубьевой.

Все публикуемые в третьем разделе источники впервые вводятся в научный оборот.

Научные статьи

Анатолий Кинстлер (Германия)

Прибалтийская православная тема в Архиве Германской Епархии РПЦЗ

Среди вывезенного нацистским режимом на работы в Германию, эвакуированного или бежавшего в погибающий III Рейх части населения прибалтийских стран, за пределами родины оказались тысячи православных литовцев, латвийцев, эстонцев. В сентябре 1944 года были эвакуированы в Германию главы Латвийской Православной Церкви (ЛПЦ) митрополит Августин (Петерсонс)¹ и Эстонской Апостольской Православной Церкви (ЭАПЦ) митрополит Александр (Паулус)², епископ Рижский Иоанн (Гарклавс)³, а также несколько десятков прибалтийских священнослужителей.

По-разному сложились отношения у глав Эстонской и Латвийской Православных Церквей с Русской Православной Церковью Заграницей (РПЦЗ), на канонической территории которой они оказались. Митрополит Августин (Петерсонс) признавал РПЦЗ и сотрудничал с ней. Митрополит Александр (Паулус) держался в стороне от РПЦЗ, хотя и не запрещал своим священнослужителям сотрудничать с клириками Германской епархии этой Церкви. Значительная часть прибалтийского духовенства (литовское полностью) в Гер-

мании вошли в состав РПЦЗ. ЛПЦ, преобразованное в 1947 году в ЛПЦ в эмиграции, с кончиной в 1955 году митрополита Августина (Петерсонса) прекратило свое существование, который перед смертью позаботился передать попечение о пастве ЛПЦ главе Германской епархии РПЦЗ архиепископу Александру (Ловчему)⁴. Митрополит Александр (Паулус) прожил в Германии всего 3 года и в 1947 году эмигрировал в Швецию. С эмиграцией священников ЭАПЦ и ЛПЦ из Германии в 1948–1949 годах, в Германии сокращалось количество эстонских и латвийских православных общин.

Прибалтийское православное присутствие в военной и послевоенной Германии не могло не отразиться в фондах архива Германской епархии (АГЕ) РПЦЗ. В настоящей статье дан обзор документов АГЕ по прибалтийской православной тематике в Германии. Документы АГЕ по каждой прибалтийской стране имеют свою специфику, что обусловлено в первую очередь степенью взаимоотношений прибалтийских Церквей с РПЦЗ и предшествующей эвакуации в Германию историей православных общин Прибалтики.

Указами Патриарха Московского Тихона (Беллавина)⁵ Православные Церкви в Эстонии (указ от 10.05.1920 года) и Латвии (указ от 21.06.1921 года) получили право широкой автономии в составе Русской Православной Церкви. В 1922 году Собор Эстонской Церкви во главе с архиепископом Александром (Паулусом) под давлением эстонских властей и радикальной части эстонского духовенства обратился к Константинопольскому Патриарху с просьбой предоставления Эстонской Православной Церкви автокефалии. 07.07.1923⁶ года Патриарх Константинопольский Мелетий⁷ утвердил новый статус ЭПЦ, преобразовав ее в автономный церковный Митрополичий округ в составе Константинопольского Патриархата (КП). Неканонический переход ЭПЦ в состав КП не был признан священноначалием Русской Православной Церкви, глава которой находился в это время в Москве под арестом. После регистрации в августе 1926 года МВД Эстонии устава Эстонской Православной Церкви она стала именоваться Эстонской Апостольской Православной Церковью (ЭАПЦ). Автокефальное движение внутри ЭАПЦ привело к разделению эстонской паствы: «Несмотря на кажущееся благополучие, внутри церковной ограды все межвоенное время прошло под знаком острого противостояния между русскоязычной частью ЭАПЦ и сторонниками полной «эстонизации» православных приходов страны»⁸.

Подобная ситуация повторилась и в ЛПЦ, с той лишь разницей, что автокефалистские процессы в Латвии сдерживались мудрым управлением главы ЛПЦ архиепископом Иоанном (Поммером)⁹. Но после его мученической кончины 12.10.1934 года ЛПЦ, опять же как и в случае с ЭАПЦ под нажимом органов государственной власти, взяла курс на отделение от Московской Патриархии (МП). Без согласия Матери-Церкви МП, которая пыталась

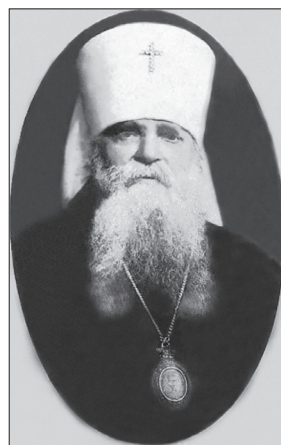
Митрополит Таллиннский
и всея Эстонии Александр (Паулус)

принять участие в решении вопроса о дальнейшей судьбе Латвийской Церкви, возложив временное управление ЛПЦ на митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского)¹⁰, съезд духовенства и мирян ЛПЦ 31.05.1935 года обратился к Константинопольскому Патриарху с прошением о принятии ЛПЦ в юрисдикцию КП. В феврале 1936 года Константинопольский Патриарх Вениамин¹¹ принял ЛПЦ в юрисдикцию КП. 29.03.1936 года состоялась хиротония протоиерея Августина Петерсона во епископа Рижского и всея Латвии и возведение его в сан митрополита. Эти события усилили позицию автокефалистов в Латвии. Усилению этой позиции способствовал и режим президента Латвии Карлиса Улманиса¹², в фарватере политики которого пытался реформировать ЛПЦ митрополит Августин.

Реформа митрополита Августина по полному переводу богослужения в ЛПЦ на латышский язык, попытка перевода ЛПЦ на новый календарный стиль не увенчались успехом, оттолкнув от храмов большинство прихожан. А его «авторитарные методы управления, стремление реформировать ЛПЦ в соответствии с государственной

Митрополит Рижский
и всея Латвии Августин (Петерсонс)

Митрополит Виленский и Литовский
Елевферий (Богоявленский)

идеологией настроили против главы Церкви многих православных Латвии»¹³. После падения политического режима Карлиса Улманиса, митрополит Августин потерял и многих своих сторонников.

Ситуация в православной общине Литвы разительно отличалась от ЛПЦ и ЭАПЦ. Во главе Литовской епархии с 1917 года стоял митрополит Елевферий (Богоявленский), который был активным и последовательным сторонником единства с Московской Патриархией. Не было в Литовской епархии и национальных противоречий, которые могли вызвать тенденции к созданию национальной, независимой от МП Церкви. В отличие от Эстонии и Латвии, где титульные нации составляли процент православных прихожан, количество православных литовцев было очень небольшим. Большинство православных в Литве были русскими, белорусами и украинцами. Установившийся в Литве в 1926 году авторитарный политический режим главы партии «Союза Литовских националистов» Антанаса Сметоны¹⁴ не привел к возникновению автокефальных стремлений в Литовской епархии и не ущемлял права русскоязычного населения, в большинстве

своем бывшего православным, что отличало его от подобных режимов в соседних прибалтийских республиках.

Проблемы юрисдикционного характера существовали, конечно, и на территории Литвы. После крушения Российской империи на территории Ковенской губернии образовалась Литовская республика. За пределами ее оказалась Виленская губерния, где возникло государственное образование «Средняя Литва» с центром в г. Вильно. В феврале 1922 года Средняя Литва вошла в состав Польши, что привело к дроблению Литовской епархии – «каноническая территория Литовской епархии Русской Православной Церкви оказалась разделённой между двумя враждебно относящимися друг к другу государствами»¹⁵. Архиепископ Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский) лишился половины своей епархии и паствы. С вхождением в 1939 году Средней Литвы в состав Литовской республики встал вопрос и о церковной принадлежности приходов бывшей Виленской губернии. Возглавлявший с мая 1923 года приходы Виленской области в составе Польской Православной Церкви бывший архиепископ Смоленский

и Дорогобужский Феодосий (Феодосиев)¹⁶, получивший титул архиепископа Виленского и Лидского, перешел в юрисдикцию МП и был отправлен на покой. Митрополит Елевферий вернулся из Каунаса (Ковно) в бывший кафедральный город Литовской епархии Вильнюс (Вильно). В среде сторонников архиепископа Феодосия была идея создания Литовско-Белорусской автономной Церкви в юрисдикции КП, но она так и осталась нереализованной. Таким образом, Литовская епархия единственная на территории Прибалтики сохраняла верность Московской Патриархии.

Вскоре юрисдикционное положение Православных Церквей Эстонии и Латвии изменили политические события. В 1940 году прибалтийские республики вошли в состав СССР. Синод ЭАПЦ во главе со своим предстоятелем обратился к Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)¹⁷ с прошением о воссоединении с РПЦ. Под давлением латвийской паствы и митрополит Августин пошел на сближение с Москвой. 29–30 марта 1941 года председатели ЛПЦ и ЭАПЦ в Богоявленском кафедральном соборе Москвы принесли покаяние в грехе раскола и были приняты в юрисдикцию МП. С февраля 1941 по июль 1944 года православные Церкви (епархии) Латвии и Эстонии, а также Литовская епархия входили в прибалтийский Экзархат Московского Патриархата, которые возглавлял митрополит Виленский и Литовский, Экзарх Латвии и Эстонии Сергей (Воскресенский)¹⁸, а после его трагической кончины 29.04.1944 года – временно управляющий Литовской епархией и Экзархатом архиепископ Ковенский Даниил (Юзвюк)¹⁹. После ареста нацистами в июле 1944 года архиепископа Даниила и перемещения его в лагерь Фридрихсвальде (Чехия), Экзархат МП в Прибалтике прекратил свое существование. Митропо-

литы Августин и Александр в деятельности Экзархата участия практически не принимали. Воссоединившись с Московской Патриархией, принесли покаяние в грехе раскола в конце марта 1941 года, оба митрополита после начала нацистской оккупации отмежевались от МП. 20 июля 1941 года объявил о восстановлении ЛПЦ по состоянию на 1940 год митрополит Августин Петерсонс, т. е. под омофором КП. Курс митрополита Августина практически не нашел поддержки в Латвии. 24.02.1942 года митрополит Сергей (Воскресенский) уволил его за штат, а 15.07.1942 года запретил в священнослужении. 13.03.1943 года митрополит Сергей хиротонисал во епископа Рижского архимандрита Иоанна (Гарклавса).

В отличие от Латвии, где 70 % православных составляли русские, в Эстонии ситуация сложилась по-иному, так как русские приходы в ЭАПЦ составляли лишь 25 % всех приходов и церковная политика митрополита Александра (Паулуса) находила широкую поддержку в среде эстонскоязычной паствы. Митрополит Александр (Паулус) 14.10.1941 года объявил себя митрополитом всея Эстонии. 05.11.1942 года Экзарх Сергей (Воскресенский) издал указ об отстранении митрополита Александра от управления Эстонской епархией Прибалтийского Экзархата и запретил его в священнослужении. Но все эстонские приходы и часть русских продолжали считать митрополита Александра главой Эстонской Церкви. Германские оккупационные власти не препятствовали его деятельности, хотя и запретили ему поддерживать связь с Константинополем²⁰. Бывший викарий митрополита Александра архиепископ Нарвский Павел (Дмитровский)²¹ и часть русских приходов в Эстонии сохранили каноническую верность Экзарху Прибалтики.

Судьба ЭАПЦ и ЛПЦ в Германии являлась отражением и следствием церковных событий в период со времени обретения

этими Церквами самостоятельности до момента их эвакуации из Прибалтики. Обе Церкви не входили в состав РПЦЗ и продолжали считать себя юрисдикцией КП. Вокруг митрополита Александра в Германии оказались в основном представители эстонских этнических приходов и духовенство, поддерживавшее его церковный курс еще в Эстонии. Среди эстонского духовенства в Германии известен лишь единственный случай перехода священника в РПЦЗ (протоиерей Николай Павский²²). Поэтому и в Германии митрополиту Александру удалось организовать эстонскую православную общину и сохранить ее в дальнейшем после эмиграции в Швецию. Митрополит Августин, напротив, потерял в Германии и своих сторонников, оставшись к концу жизни в одиночестве и передав попечение о АПЦ Германской епархии РПЦЗ.

Как уже было отмечено, настоящая статья посвящается обзору документов АГЕ РПЦЗ по прибалтийской православной теме. Под этой темой понимаются документы по истории ЭАПЦ, АПЦ, служения отдельных священников на территории Германии, жизнь которых так или иначе была связана с прибалтийским регионом. Материалы о священнослужителях Виленского края, который в 1920–1939 годах принадлежал Польше, в работе рассматриваться не будут, так как эта территория в церковном отношении подчинялась Польской Православной Церкви. Исключение составляют документы, относящиеся к священнослужителям, которые в 1939 году, с присоединением Виленского края к Литве, перешли в юрисдикцию Литовской епархии МП РПЦ. Поскольку в настоящее время АГЕ находится в стадии структуризации, часть ссылок на материалы архива будет дана по временным координатам. Представляется оправданным материал статьи разделить не по юрисдикционной принадлежности церковных общин при-

балтийских республик, а по географическому признаку, посвятив разделы православным Литвы, Латвии и Эстонии.

Литва

Количество литовцев, оказавшихся в Германии в результате окончания Второй мировой войны, варьируется от 60 до 70 тысяч человек, лишь 1,5 % которых были православными христианами²³. Из 269 германских лагерей ДП²⁴ литовцы были рассеяны по 113 лагерям. В отличие от православных Латвии и Эстонии, православные литовцы в Германии не имели своего административного центра, своего епископа. Все эвакуированные или бежавшие в Германию священнослужители Литовской епархии, входившей в 1941–1944 годах в прибалтийский Экзархат, вошли в состав Германской епархии РПЦЗ. В связи с этим в АГЕ практически не сохранилось информации о жизни православных литовцев в лагерях ДП и, в целом, в Германии. Исключение составляют документы о приходах Германской епархии, в которых собраны данные о национальном составе общин. Например, в деле «Анкеты приходов, 1948 год» (АГЕ, Ф. 3, Д.1/58) имеется информация о том, что православные литовцы являлись членами церковных общин Ганау (*Hanau, DP Estnisches Lager I*), Аутсбурга, Любека, Меммингена (*Memmingen-Fliegerhorst DP Camp*), Мюнхен-Лайма (*DP Camp 1066*), Мюнхена (Свято-Николаевская церковь). Но зачастую жителей Прибалтики в анкетах записывали общим термином – «балтийцы». Основным источником по литовской православной теме в АГЕ являются личные дела бывших священнослужителей Литовской епархии, благодаря которым можно не только проследить тернистый путь этих священников вне родины, но и найти информацию об их служении в Литве.

Священник Павел Савицкий с дочерью Ниной.
Вильно, 1915 год.
Фото из семейного архива Д. Б. Ждана

Единственным священнослужителем Германской епархии, который принял священный сан в Литовской епархии РПЦ еще в дореволюционное время, был протоиерей Павел Савицкий (1882–1956). Документы личного дела о. Павла в АГЕ (Ф. 2. Д. «Протоиерей Павел Савицкий») подробно освещают непродолжительный период его священнослужения в Литве в 1912–1916 годах. Согласно анкетным данным и послужному списку о. Павла, в 1905 году он окончил Литовскую Духовную семинарию, а в 1911 году – Казанскую Духовную Академию. По окончании академии был зачислен в Литовскую Духовную семинарию преподавателем по предмету раскола и обличительному богословию. 02.02.1912 года в Вильне архиепископом Виленским и Литовским Агафангелом (Преображенским)²⁵ рукоположен во священника с назначением в Виленский кафедральный собор. В 1915 году за усердную службу архиепископом

Виленским и Литовским Тихоном (Беллавиным), будущим Патриархом Московским и всея России, был награжден набедренником. После занятия германской армией Вильно в сентябре 1915 года, о. Павел остался в городе для обслуживания оставшихся православных и двух лазаретов с тяжелоранеными. По свидетельству о. Павла митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде)²⁶, он был единственным священником Вильно, не покинувшим город с приходом немцев. В марте 1916 года немецкое военное командование направило о. Павла в Германию.

Первый период служения о. Павла в Германии продлился до 1927 года, когда его перевели в Чехословакию. В 1939 году о. Павел из юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского)²⁷ перешел в РПЦЗ. С этого времени начинался второй германский период его служения. В 1939–1943 годах он священствовал в Гамбурге. С 1943 по 1951 год служил в Свято-Николаевской церкви Штутгарта. Несмотря на бомбардировки Штутгарта в 1943–1944 годах, в результате которых был разрушен Свято-Николаевский храм, о. Павел и в этот раз не покинул своих пасомых. В 1951 году о. Павел переводится настоятелем в Гамбург, где выполнял обязанность благочинного приходов английской зоны оккупации Германии. С 1954 года о. Павел служил в Марселе в юрисдикции Западноевропейского Экзархата русских православных приходов (КП).

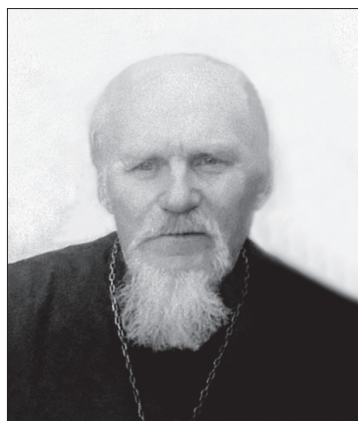
В документах личного дела о. Павла основная информация о его жизни и служении в Литве сконцентрирована вокруг его церковной деятельности. Но о. Павел был известен и как художник. Он окончил Рисовальную школу в Вильно, где учился у академика И. П. Трутнева, а затем были годы учебы в Высшем художественном училище при Академии художеств в Санкт-Петербурге. Был участником художественных выставок в Вильно. Известно также,

что о. Павел служил законоучителем в Виленской частной женской гимназии Е. П. Нездуровой и Н. И. Рейсмиллер²⁸.

Старейшим клириком Литовской епархии, оказавшимся в послевоенной Германии, был протоиерей Герасим Шорец. Личное дело о. Герасима в АГЕ (Ф. 2, Д. «Священники А–Щ, 1945–1949», ч. 36») состоит всего из двух документов – удостоверения о служении в Германской епархии и анкеты священнослужителя. Но и на основании этих документов вырисовываются основные жизненные вехи о. Герасима. Он родился в 1886 году в д. Ижа Виленской губернии. Во время Первой мировой войны эвакуировался в Сибирь. В 1913 году окончил богословские классы Тобольской Духовной семинарии. Во священника был рукоположен в Омской епархии 06.08.1913 года священномучеником епископом Омским и Павлодарским Андроником (Никольским) 11.08.1915.²⁹ года был принят в Тобольскую епархию, где в Тюкалинском уезде Тобольской губернии служил противосектантским миссионером.

В 1924 году о. Герасиму удалось вернуться в Литву. В 1925 году Владыка Елевферий (Богоявленский) назначил его настоятелем Воскресенской церкви в Паневежисе, в которой он прослужил до 1943 года, исполняя все эти годы и должность благочинного Паневежского округа. С 1943 по 1944 год о. Герасим служил в Ковенском (Каунасском) кафедральном соборе. Был сотрудником Внутренней Православной миссии в Литве³⁰.

Информацией о времени и обстоятельствах эвакуации о. Герасима в Германию АГЕ не располагает. Но согласно удостоверению о служении о. Герасима в Германской епархии (л.1), в клир ее он был принят 01.05.1945 года митрополитом Серафимом (Ляде). В Германии он служил до 25.05.1948 года в Мюнхенской Свято-Николаевской церкви, окормляя которую

Протоиерей Герасим Шорец 1950-е годы.
Фото из архива храма Покрова Пресвятой Богородицы Лос-Анджелеса

викарий митрополита Серафима епископ Бад-Киссингенский Александр (Ловчий). Период служения о. Герасима в Мюнхене частично освещают документы епархиальной переписки АГЕ (Ф. 7, Д. «Епархиальная переписка, 1947 год»), а именно, письма о. Герасима находящегося на лечении епископу Александру (Ловчому). В Германской епархии о. Герасим состоял членом Экзаменационной и Ревизионной комиссий, Духовного суда епархии. С отъездом о. Герасима в Америку его связь с Германской епархией не прервалась. За годы служения в Мюнхене у него сложились добрые отношения с епископом Александром (Ловчим), переписку с которым о. Герасим продолжил уже из Америки. Судя по хранящимся в АГЕ письмам (Ф. 7, Д. «Епархиальная переписка, 1948 год, ... 1951 год, ... 1952 год»), о. Герасим живо интересовался церковной жизнью Германии и судьбой своих бывших сослуживцев.

Еще одну стезю служения о. Герасима необходимо отметить особо – его литературные труды, носящие в основном апологетический характер. Начал он эту работу еще в Тобольской епархии. Во время служения во Внутренней Литовской Миссии

он отвечал за издательскую работу. В Германии его труды издавал Миссионерский комитет Германской епархии. Для настоящей статьи представляет интерес его работа «Всеобщая Церковная история», экземпляр которой хранится в АГЕ (Ф. 6). Излагая историю Церкви с возникновения христианства, о. Герасим уделил внимание истории Православия в Литве. Согласно о. Герасиму, Православие в Литву проникло в X–XI веках благодаря русским проповедникам. Развитию и укреплению Православия в Литве способствовало население южнорусских княжеств, которые были присоединены к Литве князьями Миндовгом, Гедемином, Ольгердом, а также династические браки между правителями княжеств Литвы и Руси. Православие приняли литовские князья и правящая элита Литвы. Кратко описывает о. Герасим принятие в 1252 году Православия сыном князя Миндовга Войшелгом и его старания просветить Литву светом «христианской истины». Отдельная глава работы посвящена мученикам литовским – Вал. Антонию, Иоанну и Евстафию, пострадавшим в 1347 году во время правления князя Ольгерда. Преследование и казнь святых мучеников явились реакцией языческих жрецов на распространение Православия среди литовцев (с. 63). В главе «Святые Западно-Русской Церкви» о. Герасим дает биографии святых, бывших уроженцами Литвы – преп. Евпраксии Псковской (†1243), преп. Харитины, княжны Литовской (†1281), св. Довмонта-Тимофея Псковского (†1299), преп. Тихона Луховского (†1503), св. Иулиании Ольшанской (†1566) и др.

Вероятно, работа о. Герасимом была написана в литовский период его жизни. Подтверждением этому может служить заключительное обращение автора к литовскому православному читателю: «Изучая историю христианской Церкви, мы видим, какой великой и могущественной силой

является Православная Церковь в жизни всего человечества и, в частности, в жизни нашего народа в Литве. Невольно мы чувствуем благодарность к Богу за то, что являемся членами этой Церкви и должны еще более любить ее, учиться следовать и подражать святым, просиявшим в ней, и не покладая рук, работать для ее блага и процветания»³¹.

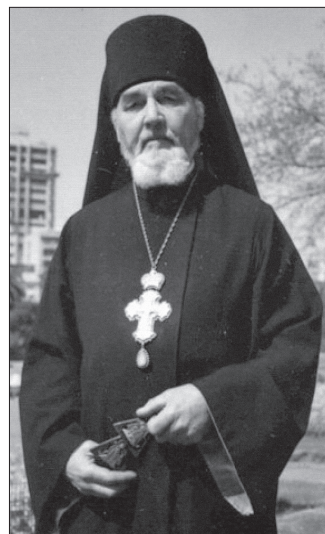
Из соратников о. Герасима Шореца по Литовской епархии в Германию эвакуировался известный миссионер, уроженец Ковно протоиерей Александр Чернай (1899–1985). О. Александр – выпускник Виленской Духовной семинарии. Священнослужение начал в 1925 году сверхштатным диаконом Ковенского Воскресенского собора. После рукоположения в том же году митрополитом Виленским и Литовским Елевферием (Богоявленским) во священника, о. Александр был назначен настоятелем церкви в г. Утене с поручением заведовать и Ушпольской церковью. Позднее был переведен настоятелем в Свято-Сергиевскую церковь г. Векшни. В 1944 году эвакуировался в Германию, где остановился в Бад-Наугейме, курорте в графстве Гессен-Нассау. В 1945 году о. Александр для окормления русских беженцев основал в Бад-Наугейме Русскую православную миссию. Основал храмы в лагерях ДиПи Ганау, Гиссена, Арользена, Гуденсберга. В сентябре 1945 года о. Александр был принят митрополитом Серафимом (Ляде) в клир Германской епархии РПЦЗ.

Личное дело о. Александра в АГЕ (Ф. 2. Д. «Священники А–Щ, 1945–1949», ч. 34) интересно тем, что в нем сохранились копии документов о его служении в Литовской епархии. Лишь немногие священнослужители смогли взять с собой в эвакуацию оригиналы или копии документов с прежних мест служения. Среди указанных документов хранятся следующие копии: сообщения Литовского Епархиального совета

от 17.12.1925 года с резолюцией митрополита Елевферия о предстоящем рукоположении диакона Александра Черная во священника (л. 7); о награждении его тем же архиереем набедренником 12.04.1930 года (л. 8); скуфьей 20.04.1932 года (л. 9); камлавкой 14.04.1938 года; о награждении о. Александра Экзархом Сергием (Воскресенским) золотым наперсным крестом 09.12.1941 года; саном протоиерея 06.12.1943 года и копия канонического отпуска, данного о. Александру заместителем Патриаршего Экзарха Литвы, Латвии и Эстонии архиепископом Ковенским Даниилом (Юзвьюком) 21.12.1944 года во время пребывания архиепископа Даниила в лагере Фридрихсвальд.

Основная часть документов дела о. Александра относится ко времени его служения в миссии Бад-Наугейма. Среди них особый интерес представляет «Отчет о миссионерской деятельности о. Протоиерея Александра Черная с 16 февраля по 30 апреля 1946 года» (л.15–16 об.) и документы, относящиеся к периоду пребывания о. Александра под запрещением в священнослужении с 5 апреля до 14 мая 1946 года с исключением из клира Германской епархии (л.17–33 об.). Обвинения, вменявшиеся о. Александру, среди которых было и обвинение в переходе его в Московскую Патриархию, не подтвердились, за исключением создания миссии в Гессен-Нассау без благословения правящего архиерея. После выяснения обстоятельств дела и беседы с митрополитом Серафимом (Ляде), с о. Александра было снято запрещение и он был снова зачислен в клир Германской епархии.

В связи с запрещением о. Александра вызывает интерес характеристика на о. Александра, данная его бывшим сослуживцем по Литовской епархии протоиереем Герасимом Шорцем. За характеристикой к о. Герасиму обратился сам о. Александр, приложив ее затем к своему письму митропо-

Архимандрит Алексей (Чернай).
Фото из архива церкви св. Иоанна
Кронштадтского в Сан-Диего

литу Серафиму (Ляде) от 13.05.1946 года (л.27–27 об.). О. Герасим так характеризует о. Александра: «Протоиерея Александра Черная хорошо знаю, как начавшего и около 10 лет проходившего пастырское служение во вверенном мне Паневежском благочинии Литовской епархии. В качестве секретаря Викария Ковенского и Заместителя Патриаршего Экзарха я также близко наблюдал дальнейшую пастырскую деятельность о. Чернай и свидетельствую о нем, как о пастыре добром, усердном, особенно рачительном об украшении и благолепии храмов Божиих в местах своего служения» (л. 28).

Историю служения о. Александра в Германии прослеживают документы, посвященные деятельности миссии в Гессен-Нассау (АГЕ, Ф. 3, Д. «Бад-Наугейм»; Д. «Викариатство Гросс-Гессен, 1946–1947 годы»). В деле собраны основные документы, относящиеся к работе миссии в Гессен-Нассау (протоколы собрания членов Правления миссии, отчеты и доклады о ее деятельности), подробно документированы причины ликвидации миссии,

окончательно прекратившей свою деятельность 01.10.1947 года. В деле «Бад-Наугейм» также хранится проект «Устава православной миссии в Гессен-Нассау» и «Положение о порядке участия православных греков Бад-Наугейма и его окрестностей, состоящих в юрисдикции КП, во временном пользовании и управлении православным русским храмом РПЦЗ в Бад-Наугейме». После закрытия миссии о. Александр был оставлен разъездным священником Гросс-Гессенского викариата, а 15.02.1948 года был уволен из клира Германской епархии в связи с переселением в Америку.

В Германии оказались и несколько священников Литовской епархии, служивших на территории Средней Литвы и перешедших с воссоединением Литовского государства в 1939 году от митрополита Дионисия (Валединского) в юрисдикцию МП³². Это протоиереи Борис Борисевич и Константин Каминский. Согласно послужному списку и анкете (АГЕ. Ф. 2, «Д. «Протоиерей Борис Борисевич», л.2–6 об; л. 10), о. Борис Борисевич (1903–1980) являлся выпускником Православного богословского факультета Варшавского университета, магистром богословия. В священный сан был рукоположен в 1928 году в Польской Православной Церкви. Служил в Вольнской и Гродненской епархиях. 17.03.1939 года резолюцией архиепископа Виленского и Лидского Феодосия (Феодосиева) причислен к храму Виленского Свято-Духовского монастыря. В ноябре 1939 года митрополитом Елевферием был принят в клир Литовской епархии с сохранением должности. В феврале 1940 года назначен сверхштатным священником Пречистенского кафедрального собора г. Вильно. В связи с упразднением преподавания Закона Божия в учебных заведениях Литвы, о. Борис 01.07.1940 года был уволен с должности законоучителя правительственных гимназий.

13.04.1942 года Экзарх Сергей (Воскресенский) назначил о. Бориса ключарем Ковенского Благовещенского собора. Эвакуировавшись из Литвы осенью 1944 года, о. Борис получил назначение от митрополита Серафима (Ляде) обслуживать религиозные нужды православных в Линце (Австрия), а 14.08.1945 года был переведен в Аугсбург для организации там православного прихода. К 1946 году относится назначение о. Бориса членом Епископского совета и председателем Миссионерского комитета Германской епархии. Отец Борис покинул Германию в середине 1949 года. Служил в Православной Церкви Америки. После кончины супруги в 1961 году принял монашество под именем Киприан и был хиротонисан во епископа Вашингтонского, викария Нью-Йоркской епархии.

Материалы дела о. Константина Каминского (1903–1984) только упоминают о служении его в Литовской епархии МП. В анкете, заполненной о. Константином в 1947 году, местом его прежней службы названа Польша. Но в графе о церковных наградах имеется запись о награждении о. Константина в 1940 году митрополитом Елевферием наперсным крестом (АГЕ. Ф. 2, «Д. «Протоиерей Константин Каминский», л. 16). Согласно этой анкете, о. Константин в 1927 году окончил Виленскую Духовную семинарию, в 1931 году – Православный богословский факультет Варшавского университета со званием магистра богословия. В священный сан был рукоположен 01.10.1935 года в Вильно архиепископом Виленским и Лидским Феодосием (Феодосиевым). Из других источников известно, что о. Константин после присоединения в 1939 году Виленской области к Литве был вынужден оставить свой приход в д. Горбачи (ныне – Гродненская епархия Белорусского Экзархата МП) и бежать в г. Свислочь, а затем в Вильно. Приехавший подменить сына в церковных службах в д. Горбачи,

отец о. Константина – священник Симеон Каминский, был зверски убит 22.09.1939 года³³. Насколько продолжительным было служение о. Константина в Литовской епархии МП и в какой должности, установить на основании данных АГЕ невозможно. Послевоенный период служения о. Константина в ДиПи-лагере Шлейсхайм освещают материалы дела «Храм Архистратига Михаила, Шлейсхайм» (АГЕ, Ф. 3).

В АГЕ также хранятся личные дела священнослужителей, прибывших на территорию Литвы из советской России и служивших непродолжительное время в Прибалтийском Экзархате. Это дела известного священнослужителя протопресвитера Василия Виноградова и протоиерея Иоанна Харченко.

О. Василий Виноградов (1885–1968) был известен в церковных научных кругах еще до революции, являясь преподавателем и профессором МДА, научным сотрудником Российского Исторического музея. В 1922 году св. Патриарх Тихон (Беллавин) рукоположил его во священника. О. Василий служил в Московской епархии, исполняя должность председателя Епархиального совета. Неоднократно был арестован и заключен в тюрьму. В начале Великой Отечественной войны служил в Калужской епархии, откуда во время немецкой оккупации переехал в Прибалтику. Митрополит Сергей (Воскресенский) в 1942 году назначил о. Василия благочинным Виленского Свято-Духова монастыря и ректором Пастырско-Богословских курсов. В 1944 году эвакуировался из Литвы в Австрию, а оттуда переехал в Германию.

С 1945 года до своей кончины в 1968 году служил в церквях Германской епархии РПЦЗ. В личном деле о. Василия (АГЕ, Ф. 2, Д. «Протопресвитер Василий Виноградов») сохранился лишь один документ, относящийся ко времени его служения в Литве. Это оригинал указа митрополита

Архимандрит Иоанн (Харченко)
Фото из архива церкви святого
Пантелеимона в Брюсселе

Сергия (Воскресенского) от 05.02.1943 года о награждении о. Василия саном протопресвитера. В документах АГЕ широко представлена приходская и преподавательская деятельность о. Василия в Германии. «АГЕ, Ф. 3, Д. «Свято-Николаевская церковь, Штутгарт»; Д. «Бад-Наугейм»; Д. «Храм Архистратига Михаила, Шлейсхайм»; Ф. 4, Д.12/26 «Дело о принятии прот.Сергия Матвеева на службу в Германскую Прав. Епархию с назначением к церкви Архангело-Михайловской в Людвигсфельде в помощь о. протопресвитеру Виноградову, 1956–1957».

В личном деле о. Иоанна Харченко (1901–1963) (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священники А–Щ, 1945–1949», ч. 33) лишь два документа указывают на его служение в Литве. В первом документе – каноническом отпуске из Германской епархии – сообщается, что о. Иоанн 06.08.1944 года прибыл в Германию из Литовской епархии. Анкета о. Иоанна в отношении прежних мест его служения более информативна. Родившись на Дону, о. Иоанн в 1919 году окончил Ардонскую Духовную семинарию, в 1938 году –

Протопресвитер Василий Виноградов обращается к верующим с проповедью. 1960 -е годы. Фото из архива церкви Михаила Архангела в Людвигсфельде (Мюнхен).

Планово-Экономический институт. 07.02.1927 года архиепископом Тверским Петром³⁴ был рукоположен во диакона, до 1941 года служил в Тверской епархии. В 1943 году был принят в клир Литовской епархии и рукоположен митрополитом Сергием (Воскресенским) в сан иерея. Сведения о том, как о. Иоанн оказался в Литве, в его личном деле не имеются. Вероятно, это случилось в результате немецкой оккупации г. Калинин в октябре 1941 года. В 1944 году о. Иоанн был назначен миссионером Литовской Внутренней Миссии. Эту информацию подтверждает историк К. П. Обозный³⁵, сообщая и последнее место служения о. Иоанна в Литве – приход Шкуды (Скуодасе). По воспоминаниям о. Александра Черная, о. Иоанн Харченко являлся его сослужителем (вторым священником) церкви в Векшнях, приписным приходом которого был Шкуды³⁶. В клир Германской епархии о. Иоанн был принят в декабре 1945 года. В мае 1948 года эмигрировал в Бельгию, где вошел в клир Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе под омофором Константинопольского Патриархата. Овдовев, принял монашество. Скончался в Брюсселе в сане архимандрита.

Среди эвакуированных прибалтийцев, принявших священный сан в Германии, известен выходец из Литвы – о. Борис Черепович (Череповичус) (1903–?). По документам АГЕ о. Борис проживал в г. Равенсбурге, имея сан иподиакона (АГЕ, Ф. 2, Д. «Диакон Борис Черепович»). В личном деле сохранилось и ставленническое дело иподиакона Бориса во диакона. Хиротония Бориса была совершена 16.11.1947 года митрополитом Серафимом (Ляде), с назначением рукоположенного сверхштатным диаконом церкви св. Креста Господня в г. Заульгау. Согласно документам архива, о. Борис был выпускником Костромской Духовной семинарии. В Литве Борис окончил Ковенскую Русскую гимназию и Технический факультет Литовского университета. В сане диакона о. Борис в 1949 году эмигрировал в Америку. В дальнейшем был рукоположен во священника и служил некоторое время в основанной о. Герасимом Шорцем Свято-Покровской церкви Лос-Анджелеса.

Заканчивая обзорные документы АГЕ по литовской теме, необходимо отметить ограниченность информации о литовской православной диаспоре в Германии. Трудно

судить, как отсутствие литовского православного административного центра в Германии, т. е. наличие епископа Литовской епархии или священнослужителя этой епархии, который создал бы подобие такого центра, отразилось на окормлении православных литовцев в Германии. Однако необходимо отметить, что литовские православные в Германии успешно адаптировались в общинах РПЦЗ или в эстонских и латвийских православных приходах. Среди этнических литовцев процент православных был невысок, поэтому вполне понятно почему, войдя в состав Германской епархии, бывшие священнослужители Литвы каких-либо попыток по окормлению исключительно только своих бывших соотечественников не предпринимали.

Латвия

В сентябре 1944 года на территорию Германии был эвакуирован митрополит Латвийский Августин (Петерсонс). Ему пришлось немало скитаться по Германии, прежде чем он оказался в последнем месте своего земного пристанища – в санатории Гаутинга (пригород Мюнхена). В октябре 1945 года из Потсдама митрополит Августин перебрался в лагерь Доббентайх в Ольденбурге. К этому времени относятся два интересных документа АГЕ, которые представляют взгляд отдельных деятелей РПЦЗ на дальнейшее взаимоотношение с ЭАПЦ и ЛПЦ. Это письма администратора Северо-Германской администрации Германской епархии архимандрита Нафанаила (Львова)³⁷ митрополиту Серафиму (Ляде) (АГЕ, Ф. 3, Д. «Северо-Германская Администрация»). В письме от 11.12.1945 года о. Нафанаил сообщил о послушнике-латыше Георгии Фреймане (Фрейманисе)³⁸, с которым они обсуждали идею объединения всех

православных епископов, не признающих МП, в Православную Зарубежную Церковь, в которую вошли бы представители православного рассеяния, проживающие вне пределов своих прежних юрисдикций. РПЦЗ отводилось в этих планах ведущее место. В состав этой Церкви предполагалось войти ЭАПЦ и ЛПЦ, в чем, по словам о. Нафанаила, Георгий Фрейманис не сомневался. Из письма того же автора митрополиту Серафиму от 13.12.1945 года следует, что о переговорах по поводу объединения ЭАПЦ и ЛПЦ с РПЦЗ Георгий Фрейманис хлопотал с благословения митрополита Серафима (Ляде). Других документов, подтверждающих насколько эта информация соответствовала действительности, пока не выявлено.

К этому же времени, т. е. к декабрю 1945 года, относятся письма главы ЛПЦ митрополиту Серафиму (Ляде), которые свидетельствуют о характере взаимоотношений митрополита Августина с РПЦЗ. Сохранились они в личном деле упомянутого Георгия Фрейманиса (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священники А-Щ, 1945–1949», ч. 31). Причиной обращения митрополита Августина к главе Германской епархии была просьба о рукоположении во священника Георгия Фрейманиса для духовного окормления «разбросанных по всей Германии православных беженцев – латвийцев в тех городах и всяях, где нет служащего православного духовенства, знающего латышский язык» (письмо от 08.12.1945 года, л. 2 об.). Сам митрополит Августин из-за обострения туберкулеза был помещен в лазарет при прибалтийском лагере в Хане (предместье Ольденбурга). Написанные одновременно с письмами архимандрита Нафанаила и переданные митрополиту Серафиму с тем же Георгием Фрейманисом, письма митрополита Августина ни словом не упоминают об идее создания Православной Зарубежной Церкви

Епископ Рижский Иоанн (Гарклавс)

и переговорах по вопросу вхождения прибалтийских Церквей в состав РПЦЗ. Но по ним можно судить о позиции митрополита Августина относительно будущего ЛПЦ. Митрополит Августин пишет: «Трудно будет Латвийской Прав[ославной] Церкви вновь окрепнуть и достичь того благополучия, какое она имела в 1940 году. Но если будет Латвия свободна, надеюсь она будет, верю, Великий Архиерей сохранит Православие в Латвии. Теперь обращаюсь к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшей просьбой помочь и мне сохранить, что еще возможно сохранить, для будущего Православия в Латвии» (письмо от 08.12.1945 г., л. 2 – 2 об.). Далее следует просьба рукоположить Георгия Фрейманиса во иереи Рижского кафедрального собора Рождества Христова с временной припиской к какой-нибудь церкви Германской епархии. В дополнение к этому письму митрополит Августин написал 10.12.1945 года митрополиту Серафиму еще одно письмо, в котором также речь шла

о будущем ЛПЦ: «Только сердце и голову гложут два вопроса: что будет с Латвией и что будет с Латвийской Православной Церковью?... приезд р. Б. Георгия так меня взволновал, окрылил меня надеждою, что может быть мне удастся еще что-либо сделать для своей родной Латвийской Православной Церкви...» (письмо от 10.12.1945 г., л. 3 об. 4). Помимо заболевания и возрастной немощи, митрополит Августин к этому времени практически не имел в своем распоряжении латвийских священнослужителей. С рукоположением Георгия Фрейманиса у главы ЛПЦ появлялась возможность сохранения и развития ЛПЦ в Германии.

Из писем также известно, что митрополит Серафим оказывал митрополиту Августину финансовую помощь, которая последнему была крайне необходима. Удовлетворил митрополит Серафим и просьбу о рукоположении Георгия Фрейманиса. Он был посвящен в сан иерея 17.02.1946 года епископом Смоленским Стефаном (Севбо)³⁹ в Свято-Воскресенской церкви Мюнхен-Фреймана. На рукоположении о. Георгия сведения о нем обрываются. Вскоре о. Георгий переехал в Лондон.

В целом, ситуация с обслуживанием верующих латвийцев в Германии со стороны ЛПЦ была довольно сложной. Часть латвийского духовенства после эвакуации в Германию вошла в состав РПЦЗ и получила назначения на приходы: о. Георгий Бенигсен, отцы Виктор и Арсений Колиберские, о. Евгений Лызлов, о. Феодор Михайлов, о. Александр Дрибинцев. Группа епископа Рижского Иоанна (Гарклавса) лишь в августе 1945 года прибыла из Чехословакии в баварский г. Амберг (американская оккупационная зона). В эту группу, кроме епископа Иоанна, входили о. Николай Перехвальский, о. Иоанн Бауманис, о. Иоанн Легкий, о. Леонид Ладинский, о. Николай Виеглайс. О. Иоанн Легкий уже в сентябре 1945 года перешел

в юрисдикцию РПЦЗ. В то же время эвакуированный в Германию ранее других латвийских священников о. Михаил Желнеронк с приездом в Германию группы епископа Иоанна подчинился Владыке Иоанну, перестав за богослужением поминать имена предстоятеля РПЦЗ митрополита Анастасия и главы Германской епархии митрополита Серафима, авторитеты которых он до этого признавал. Позднее, в результате рукоположения в священник сан Петра Курземниекса, группа епископа Иоанна получила еще одного священника. Отдельные латвийские священнослужители сотрудничали с митрополитом Августиним, однако находились под покровительством Германской епархии – о. Иоанн Молоток, о. Иоанн Бриедис, о. Иоанн Лиепиньш, о. Владимир Шкилиньш. После рукоположения к этой группе примкнули о. Георгий Фрейманис и о. Антоний Граматыньш. Но это сотрудничество было непостоянным.

Основными документами АГЕ по изучению истории германского периода ЛПЦ (с 1946 года – ЛПЦ в эмиграции), хранящимися в АГЕ, являются личные дела латвийских священнослужителей. Естественно, личные дела заводились только на священников, перешедших в юрисдикцию РПЦЗ или временно трудившихся под покровительством Германской епархии. В фонде 2 АГЕ сохранились следующие личные дела латвийских священников: «Протоиерей Георгий Бенигсен», «Протоиерей Иоанн Легкий», «Протоиерей Виктор Колиберский», «Священник Арсений Колиберский», «Священник Иоанн Молоток», «Священник Иоанн Лиепиньш», «Протоиерей Иоанн Бриедис», «Священник Владимир Шкилиньш», «Протоиерей Федор Михайлов», «Протоиерей Евгений Лызлов», «Священник Александр Дрибинцев», «Священник Георгий Фрейманис».

Одно из важных событий истории ЛПЦ в Германии – снятие 30.09.1946 года Архиерейским Синодом РПЦЗ с митрополита Августина запрещения в священнослужении, наложенного Экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским) 15.06.1942 года, прошло стороной АГЕ. Так как это дело рассматривал находящийся в Мюнхене Синод Русской Зарубежной Церкви, документы отложились в архиве АС РПЦЗ⁴⁰. Последовавшее за этим событие – подписание 20.10.1946 года протокола между митрополитом Августином (Петерсонсом) и епископом Иоанном (Гарклавсом) о совместной работе для организации ЛПЦ в эмиграции, отразилось в документах АГЕ лишь косвенно – в делах отдельных священнослужителей, в основном как реакция на это событие. Но лишь в деле о. Иоанна Молотка⁴¹ сохранилась копия этого протокола на латышском языке и перевод его на русский язык, написанные почерком о. Иоанна Лиепиньша⁴² (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священник Иоанн Молоток, л. 2 41–42 об.)). Целью соглашения латвийских иерархов было объединение всех латвийских православных на территории Германии в общую организацию – ЛПЦ в эмиграции, которая действовала бы как автономная церковная структура. С митрополитом Августином возобновлялось молитвенное общение (п. 2). Руководство ЛПЦ в эмиграции брал на себя митрополит Августин. Епископ Иоанн должен был замещать митрополита Августина в случае болезни митрополита или же когда последний не мог управлять Церковью. Был учрежден Синод ЛПЦ в эмиграции, в который вошли оба архипастыря, три священника и три светских лица. ЛПЦ в эмиграции должна была руководствоваться Уставом ЛПЦ (п. 8).

На самом деле руководил ЛПЦ в эмиграции епископ Иоанн, так как митрополит Августин постоянно находился в санаториях. Несмотря на то, что Синод активно занимался

Митрополит Берлинский и Германский,
глава Средне-Европейского
Митрополичьего округа Серафим (Ляде).
Фото из архива Германской епархии

устроением внутрицерковной жизни ЛПЦ, имя епископа Иоанна (Гарклавса) в документах АГЕ встречается крайне редко, в основном в связи с принесением в храмы Германской епархии Тихвинской иконы Божией Матери, хранителем которой Владыка Иоанн являлся (напр.: АГЕ, Письмо прот. Николая Шероцкого митр. Серафиму (Ляде) от 16.10.1948 года). С представителями РПЦЗ он поддерживал деловые отношения, обращаясь к главе Германской епархии лишь в случае необходимости (АГЕ, Письмо еп. Рижского Иоанна (Гарклавса) митр. Серафиму (Ляде) от 23.03.1949 года «с просьбой предоставления 4 антиминсов для нужд ЛПЦ в эмиграции»).

Непросто складывались отношения епископа Иоанна с митрополитом Августиним, который объединился с епископом Иоанном для создания ЛПЦ в эмиграции, однако «не считал его – хиротонисанного иерархами МП, законным иерархом»⁴³. Митрополит Августин видел будущее ЛПЦ в эмиграции в юрисдикции КП, о чем он

начал хлопотать уже весной 1947 года, обратившись к экзарху Константинопольского Патриарха в Западной Европе митрополиту Германосу (Стренопулосу)⁴⁴. В 1948 г. Синод КП принял в свою юрисдикцию православных латвийцев на территории Германии. Епископ Иоанн, не желая служить в составе КП, обратился 01.10.1947 г. к митрополиту всея Америки и Канады Феофилу (Пашковскому)⁴⁵ с просьбой оказать содействие в переселении латвийских священнослужителей в Америку с включением их в клир Американской Православной Митрополии. Жест доброй воли со стороны Владыки Иоанна, выразившийся в примирении с митрополитом Августиним, не был по достоинству оценен главой ЛПЦ. В целом, события 1946 года, призванные нормализовать обстановку среди латвийского духовенства на территории Германии, еще более осложнили ее.

Следует отметить, что митрополит Августин в результате создания ЛПЦ в эмиграции потерял свой авторитет и в среде своих сторонников. Об этом свидетельствует письмо священника прихода в Эсслингене о. Иоанна Лиепиньша митрополиту Серафиму (Ляде): «В результате действий Преосвященного Митрополита Августина православные латыши, находящиеся за границей, в частности в гор. Эсслингене, вынуждены были констатировать, что они оказываются в положении сирот – без своего законного архипастыря, ибо признать таковым ставленника и представителя советской Церкви Епископа Иоанна Гарклава они не могут; этого не позволяет им их совесть. Поэтому, при создавшейся ситуации, они считают возможным и канонически правильным обращение своих священников под покровительство и защиту Правящего Архипастыря Германской православной епархии, в области которой Бог судил им временно пребывать» (письмо от 10.10.1948 г., л.37–38 об.).

Приход в Эсслингене был одним из самых крупных латвийских православных приходов Германии. По данным о. Иоанна Молотка на май 1946 года в Эсслингене проживало 6 тысяч латвийцев, из которых 268 были православными (АГЕ, Ф. 3, Д. «Эсслинген, Свято-Воскресенская церковь, л.10»). Управление латвийской колонии Эсслингена пригласило о. Иоанна Молотка на приход в 1945 году, и он с благословения митрополита Августина начал окормлять православных латвийцев. О. Иоанн с 06.11.1944 года имел разрешение митрополита Серафима (Ляде) на служение в церквях Германской епархии. Однако 28.02.1946 года он снова обратился к митрополиту Серафиму с просьбой назначить его священником для латвийцев в Эсслингене. Вероятно, в результате отрицательного отношения к факту создания ЛПЦ в эмиграции, о. Иоанн оставил место настоятеля эсслингенского прихода.

О непризнании договоренности о создании ЛПЦ в эмиграции свидетельствует письмо о. Иоанна митрополиту Серафиму (Ляде) от 12.11.1948 года: «После моего категорического отказа следовать по пути беззакония, по которому в 1946 году, по внушению священников И. Лиепиня, Г. Фреймана, И. Бриедиса, Штилия пошел митрополит Августин, меня лишили всего, чего только было возможно... Что касается Управления так называемой Латвийской Церкви, то я с 1940 года, с момента перехода ее в советскую юрисдикцию, с ней ничего общего не имею» (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священник Иоанн Молоток, л. 31). Несмотря на желание о. Иоанна отмежеваться от ЛПЦ и ее руководства, именно с благословения митрополита Августина он начал в 1945 году свою деятельность в Эсслингене. Позицию названных в письме священников в отношении событий 1946 года о. Иоанн отобразил некорректно. Выше уже цитировалось письмо о. Иоанна

Лиепиньша, в котором прослеживается отрицательное отношение последнего к соглашению между митрополитом Августином и епископом Иоанном.

В конце июля 1946 года митрополит Августин переехал из английской зоны Германии в пригород Штутгарта Фельбах, находившийся в американской зоне. В августе 1946 года он назначил на приход в Эсслингене о. Иоанна Бриедиса⁴⁶. Распоряжением от 23.08.1946 года митрополит Августин назначил о. Иоанна благочинным американской и французской оккупационных зон Германии и поручил ему руководство православных латвийских лагерей ДиПи (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священники А-Щ, 1945–1949» ч. 4, л.7–8). Немногом ранее, 03.06.1946 года о. Иоанн получил от митрополита Серафима разрешение на окормление православных латвийцев в тех лагерях ДиПи, где не было постоянных священников Германской епархии. Подорванное пребыванием в лагере Бухенвальд здоровье о. Иоанна не позволило ему обеспечить регулярное обслуживание прихода в Эсслингене, в результате чего осенью 1946 года митрополит Августин назначил в Эсслинген проживавшего в Вайссенбурге о. Иоанна Лиепиньша. Из-за ухудшения материального положения вследствие финансовой реформы 1948 года поездки из Вайссенбурга в Эсслинген стали для о. Иоанна Лиепиньша и для прихода непосильными. К этому времени состояние здоровья о. Иоанна Бриедиса улучшилось и он продолжил служение в Эсслингене. Известно, что находясь на лечении в санатории в Бад-Кольгрубе, о. Иоанну Бриедису митрополитом Серафимом (Ляде) 26.05.1947 года по просьбе прихожан местной Свято-Георгиевской церкви было поручено временное исполнение обязанностей настоятеля церкви (л. 9–11, 6). По всей видимости, контакты с митрополитом Августином у благочинного

Протоиерей Иоанн Бриедис

о. Иоанна Бриедиса были минимальные, так как о. Иоанн лишь в 1948 году узнал о реальном положении дел в ЛПЦ после подписания соглашения от 20.10.1946 года. В письме митрополиту Серафиму (Ляде), о. Иоанн не только критикует соглашение латвийских иерархов по поводу создания ЛПЦ в эмиграции, но и заявляет, что «это все было сделано тайно, без рассуждения всех и основываясь на том обстоятельстве, что подавляющее большинство членов Латвийской Православной Церкви никогда не признавало, не признает и впредь ни под каким обстоятельством не намерено подчиняться этому соглашению и советской юрисдикции, возглавляемой епископом Рижским Иоанном» (письмо от 04.09.1948 г., л. 2 об). По этому письму можно судить, что о. Иоанн Бриедис в данном вопросе был солидарен с Молотком и Лиепиньшем.

В начале сентября 1948 года о. Иоанн Бриедис обратился к митрополиту Серафиму (Ляде) с просьбой принять под свое покровительство латвийское духовенство и мирян, которые не поддерживали объединение митрополита Августина с епископом

Иоанном, а самого о. Иоанна назначить настоятелем Эсслингенской церкви. По словам о. Иоанна, Эсслинген являлся «центром латышской духовно-религиозной и национальной культуры в эмиграции» (л. 3 об). Учитывая это обстоятельство, а также увеличившееся в Эсслингене количество православных латышей до 370 человек, о. Иоанн настаивал на том, что именно священник-латыш необходим для окормления этой общины. О. Иоанн был готов окормлять и русских ДиПи. 09.09.1948 года к митрополиту Серафиму (Ляде) с прошением о покровительстве обратился и о. Иоанн Лиепиньш (АГЕ, Ф. 2, Д. «Протоиерей Иоанн Лиепиньш, л. 6–7).

13.09.1948 года указом митрополита Серафима (Ляде) о. Иоанн Бриедис был принят под покровительство Германской епархии с назначением на должность настоятеля церкви в Эсслингене. Но спустя два дня 15.09.1948 года трагический случай на дороге оборвал жизнь о. Иоанна. 22.09.1948 года под покровительство Германской епархии был принят о. Иоанн Лиепиньш с поручением духовного окормления латышей Эсслингена и его окрестностей. В устроении латвийского благочиния американской и французской зон оккупации попытался принять участие и благочинный латвийских приходов британской зоны о. Владимир Шкилиньш⁴⁷. 27.10.1948 года он обратился с письмом к митрополиту Серафиму (Ляде), выразив благодарность Владыке за прием латвийских священников под свое покровительство и высказав пожелание о назначении о. Иоанна Лиепиньша благочинным латвийских приходов в американской и французской зонах Германии вместо умершего о. Иоанна Бриедиса (АГЕ, Ф. 2, Д. «Протоиерей Иоанн Лиепиньш, л. 1–3).

Очевидно, митрополит Августин терял свое влияние в крупнейшем латвийском

центре Германии. В ту пору он называл приход в Эсслингене «автокефальным». Приходской совет Эсслингена даже не посчитал нужным сообщить митрополиту Августину о смерти благочинного о. Иоанна Бриедиса. Отвергая обвинения в «автокефальности» прихода в Эсслингене, о. Иоанн Лиепиньш указывал, что приход находится под покровительством Германской епархии РПЦЗ (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священник Иоанн Молоток, л.38).

Связи митрополита Августина с латышскими приходами британской зоны оккупации Германии были еще более зыбкими. Окормлял эти приходы о. Владимир Шкилиньш. 09.12.1944 года он получил разрешение митрополита Серафима (Ляде) на обслуживание православных латвийцев. Только в 1946 году о. Владимир узнал адрес митрополита Августина и сообщил ему о своей юрисдикционной принадлежности к Германской епархии (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священник Владимир Шкилиньш», л. 8). Однако митрополит Августин продолжал считать о. Владимира «своим священником», выразив ему благодарность за труды и назначив членом новообразованного Синода ЛПЦ в эмиграции. О. Владимир полученный указ именовал «незаконным документом». Незаконным он считал и сам Синод ЛПЦ. Выяснить отношения с большим митрополитом Августином у о. Владимира желания не было и он продолжал окормлять латвийские лагеря ДиПи, считая себя находящимся в составе Северо-Германского викариата Германской епархии. Осенью 1948 года о. Владимир Шкилиньш окормлял православных латвийцев двадцати лагерей ДиПи. В 1947 году о. Владимиру помогал в организации богослужений в лагерях ДиПи Антоний Граматыньш⁴⁸, который исполнял обязанности псаломщика, организовывал пение на латышском языке. По просьбе митрополита Августина, викарий Германской епархии

епископ Гамбургский Афанасий (Мартос)⁴⁹ 21.07.1947 года рукоположил Антония Граматыньша во диакона и 27.07.1947 года во священника. Личное дело о. Антония (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священник Антоний Граматыньш») содержит только документы, связанные с его рукоположением, и не дает возможности проследить его дальнейший священнический путь.

Каноническое положение самого о. Владимира Шкилиньша в скором времени оказалось непрочным. В письме митрополита Серафима (Ляде) епископу Афанасию (Мартосу) от 24.01.1950 года есть упоминание о том, что митрополит Августин запретил о. Владимиру в священнослужении (АГЕ, Ф. 3, Д. «Северо-Германская администрация»). Это письмо интересно характеристикой главы Германской епархии отношения митрополита Августина к каноническим вопросам: «Что касается запрещения о. Шкилинс в священнослужении, то из писем Митрополита Августина не видно, за какие преступления он наказан. Никаких оснований к запрещению в письмах не приведено. Должен заметить, что сам Митрополит Августин не особенно считается с канонами, ибо он принял в свою юрисдикцию одного из наших священнослужителей, нами рукоположенного, без надлежащего канонического отпуска». Этим священником был о. Дионисий Ильин, о котором речь пойдет ниже. Управление Германской епархии тоже выясняло каноническое положение о. Владимира, документы личного дела которого практически посвящены только этому вопросу. По всей видимости, о запрещении о. Владимиру в священнослужении были извещены и советские организации, курирующие религиозные вопросы. Указание на это есть в письме о. Владимира епископу Афанасию (Мартосу) от 29.01.1950 года: «После получения письма из Лемго, что меня вычеркнули из списка

священников, потому что это просил Августин и не признает меня тоже Ваше Пресвященство – я больше служить не осмеливаюсь, а латышский приход уже долгое время находится без всякой помощи» (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священник Владимир Шкилиньш», л. 8 об.). Ни в списках священнослужителей Германской епархии, ни в архиве Северо-Германского викариатства документов о юрисдикционной принадлежности о. Владимира епархиальным руководством обнаружено не было. Митрополит Серафим свидетельствовал, что он сам лично разрешил о. Владимиру служение в храмах епархии с согласия местных о. настоятелей и предполагал, что во время возглавления Северо-Германской администрации архимандритом Нафанаилом (Львовым) о. Владимир мог быть назначен на приход в качестве и.о. настоятеля (АГЕ, Ф. 3, Д. «Северо-Германская администрация»).

О том, что ситуация не разрешилась положительно говорит документ, который, возможно, прольет свет на дальнейшие действия о. Владимира. Это уведомление о службе украинских автокефалистов в лагере Фарель в августе 1950 года (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священник Владимир Шкилиньш», л. 3). Служба должна была пройти на латышском и украинском языках, а проводил ее священник Владимир «юрисдикции митр. Поликарпа (Сикорского) Украинской Православной автокефальной Церкви». В управлении Германской епархии на этом документе были проставлены отметки: «Сообщение прот. Цуканова», «Владимир Шкилинс». Других документов, подтверждающих переход о. Владимира в УАПЦ, в АГЕ не выявлено.

В 1949 году Германию покинул епископ Иоанн (Гарклавс), выехали в Америку о. Николай Перехвальский и о. Николай Виеглайс. Ранее, в 1947 году переехал в Венесуэлу о. Иоанн Бауманис. С отъездом епископа Иоанна Синод ЛПЦ в эмиграции

прекратил свое существование. В Германии остался протоиерей Леонид Ладинский, назначенный епископом Иоанном администратором ЛПЦ в Германии, и его заместитель о. Петр Курземниекс. В деле «Сведения о приходах, 1950» (АГЕ, Ф. 3, Д. 2/58) сохранились документы, в которых характеризуется заключительный этап существования администрации ЛПЦ в Германии. Это письмо о. Леонида митрополиту Серафиму (Ляде) от 28.03.1950 года с описью инвентаря ликвидированной церкви латышского лагеря Вюрцбург. В письме также сообщается, что церковный инвентарь латвийских церквей в Карлсруэ, Ульме, Ансбахе передан местным о. настоятелям приходов Германской епархии. Кроме того, сохранился ответ митрополита Серафима (Ляде) от 01.04.1950 года о. Леониду с благодарностью за передачу церковного имущества в Германскую епархию, а также несколько писем благочинного Вюртемберг-Баден протоиерея Василия Салтовца митрополиту Серафиму (Ляде) по поводу совершения богослужений в церкви латышского лагеря в Карлсруэ. Весной 1950 года о. Леонид Ладинский и о. Петр Курземниекс переехали в Америку.

После 1950 года в распоряжении митрополита Августина в Германии остался один священник – о. Дионисий Ильин. Документов, подтверждающих переход о. Дионисия из клира Германской епархии в юрисдикцию митрополита Августина, в АГЕ не обнаружено, за исключением уже цитированного письма митрополита Серафима (Ляде) от 24.01.1950 года епископу Афанасию (Мартосу) (АГЕ, Ф. 3, Д. «Северо-Германская администрация»). Письма о. Дионисия, хранящиеся в Епархиальной переписке за 1950–1954 годы (АГЕ, Ф. 7, Д. «Епархиальная переписка»), говорят о его тесных отношениях с Германской епархией. Он пересылал в Епархиальное управление приходо-расходные книги и ведомости

движения церковных сумм, руководством Германской епархии ему поручалось обслуживание приходов. В марте 1951 года о. Дионисий, на основании того, что он получал пособие от главы ЛПЦ, был вычеркнут из списков духовенства, получающего пособие из Епархиальной кассы. Однако отмечалось, что о. Дионисий обслуживал в большей степени паству Германской епархии, чем православных латышей.

Письма о. Дионисия интересны сведениями о бывшем латвийском центре Германии, православный приход которого он возглавил в 1949 году. В ноябре 1950 года о. Дионисий сообщил архиепископу Берлинскому и Германскому Венедикту: «Моя община Православная в г. Эсслингене почти вся разъехалась. Часть переведена в г. Ульм, часть в Швебиш-Гмюнд, а часть в Бад-Канштат у Штутгарта. Последнее воскресенье 5-го ноября на Бож[ественной] Литургии было молящихся 8 чел. Нет псаломщика, нет и певчих. Все разъехались» (АГЕ, Ф. 7. Д. «Епархиальная переписка, 1951 год»). В 1952 г. в первую неделю Великого Поста на ежедневных богослужениях в Эсслингене присутствовало 2–3 человека. В деле о. Дионисия (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священник Дионисий Ильин») сохранились его биографические данные. О. Дионисий родился в 1882 году в Могилевской губернии. В 1900–1910 годах проживал в Петербурге, где служил в Управлении железных дорог. В 1910 году был переведен в Ригу. В начале Первой мировой войны был эвакуирован из Риги в Витебск. В 1915 году назначен чиновником Управления железных дорог при ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве. В марте 1918 года бежал в Ригу. В 1930–1933 годах учился в Рижской Духовной семинарии. В 1927–1930 годах исполнял обязанности псаломщика в Рижском кафедральном соборе, с 1930 по 1935 год служил в Рижской Благовещенской церкви при настоятеле

протоиерее Александре Македонском. В 1938 году переехал в Берлин. В мае 1939 года епископом Берлинским и Германским Серафимом (Ляде) был рукоположен во диакона и священника. Служил в Мариенбаде, Франценсбаде, Карлсбаде. В 1942 году был арестован гестапо и отправлен в концентрационный лагерь. Освобожден из концентрационного лагеря Дахау 03.05.1945 года. В 1945–1949 годах проживал в Мариенбаде, а затем в Германии. На фоне этих данных становится понятен упрек митрополита Серафима (Ляде), как рукополагавшего о. Дионисия в священный сан, митрополиту Августину. Однако латвийский период жизни о. Дионисия, в том числе и церковной, predetermined его окормление православных латвийцев в Германии. С кончиной 12.04.1954 года о. Дионисия митрополит Августин остался в полном одиночестве. Ранее митрополит Августин предпринимал попытки вызвать латвийских священников-эмигрантов в Германию для обслуживания оставшихся латвийцев, но безрезультатно. Об этом свидетельствуют, в частности, документы Епархиальной переписки за 1954 год, в которых идет речь о приглашении митрополитом Августином из Франции о. Владимира Толстоухова⁵⁰. Уже в Германии, куда о. Владимир приехал 01.12.1953 года, выяснилось его каноническое положение, а именно, сокрытие им факта запрещения в священнослужении в 1950 году и лишения сана митрополитом Владимиром (Тихоницким)⁵¹.

07.04.1955 года, ввиду обострения болезни митрополит Августин передал попечение о ЛПЦ и заботу о духовном окормлении православных латвийцев на территории Германии главе Германской епархии РПЦЗ архиепископу Берлинскому и Германскому Александру (Ловчему). Этому событию посвящено отдельное дело в АГЕ (Ф. 4. Д. «Дело о поручении Высокопреосвященным Августином, Митрополитом Латвийским Архиепископу Александру Берлинскому

Лития на могиле митрополита Августина (Петерсонса) на кладбище Гаутинга. 07.10.1955
ЕАА. 5355.1.363.56 (Из фотоальбома прот. Николая Раага). Служит духовенство Германской епархии: еп. Нафанаил (Львов), архиеп. Берлинский и Германский Александр (Ловчий), диакон Феодор Трофимов, архим. Иов (Леонтьев), свящ. Анатолий Древинг, игумен Георгий (Соколов)

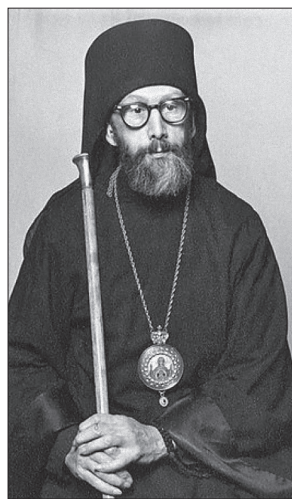
и Германскому окормления православных латвийцев и попечения о Латвийской Православной Церкви в Германии»). Оно, в частности, содержит подлинник заявления митрополита Августина архиепископу Александру от 07.04.1955 года; циркуляр Владыки Александра духовенству Германской епархии с распоряжением относительно попечения о латвийских приходах (единственный известный документ епархиального уровня, сообщающий о действиях, которые предпринял глава Германской епархии в отношении приходов ЛПЦ); акт, подписанный свидетелями, обращения митрополита Августина к архиепископу Александру с просьбой взять под свое окормление верующих Латвийской Церкви. Дополняют документальную базу по вопросу передачи попечения о ЛПЦ материалы Епархиальной переписки за 1954–1958 годы (АГЕ, Ф. 7), а именно, переписка архиепископа Берлинского и Германского Александра (Ловчего) с Первоиерархом РПЦЗ митрополитом Анастасием (Грибановским)⁵², которая велась параллельно переговорам главы Германской епархии с митрополитом

Августином. Все материалы АГЕ, посвященные процессу передачи попечения о ЛПЦ главе Германской епархии РПЦЗ, были опубликованы в журнале «Православие в Балтии», 2014, №2(11)⁵³.

Несмотря на пребывание митрополита Августина в юрисдикции КП (вторично с 1948 г.), передача попечения о ЛПЦ в Германскую епархию РПЦЗ представляется процессом естественным и своевременным. Германская епархия РПЦЗ с момента появления в Германии военнопленных, беженцев, эвакуированных с территории СССР взяла на себя ответственность по их окормлению и несла это бремя до ликвидации последних лагерей ДиПи в Германии. В сложнейших условиях перемещения по Германии и за ее пределы сотен тысяч бывших советских граждан РПЦЗ сумела организовать церковную жизнь в лагерях ДиПи, оказать поддержку нуждающимся, спасти людей от насильственной репатриации в СССР, помочь желающим переселиться из Германии в другие страны. Закрепляя официальным актом процесс передачи попечения, митрополит Августин обеспечивал

своим бывшим соотечественникам покровительство со стороны Германской епархии.

В завершение латвийской темы хотелось бы особо упомянуть о документах личного дела священника Германской епархии, судьба которого тоже была связана с Латвией – о. Мануила Эссенского (АГЕ, Ф. «Протоиерей Мануил Эссенский»). О. Мануил родился в 1907 году в Санкт-Петербурге. В первый год революции семья о. Мануила переехала в Ригу. По благословению архиепископа Иоанна (Поммера) Мануил в 1928 году поступил в Рижскую Духовную семинарию, которую окончил в 1930 году. После окончания семинарии ему было рекомендовано продолжить учебу в Парижском Свято-Сергиевском Богословском институте, два курса которого он прошел в 1930–1932 годах. В 1932 году митрополитом Евлогием (Георгиевским) он был рукоположен celibатом во диакона и священника. Согласно каноническому отпуску из Германской епархии (л. 1), о. Мануил с 1937 года состоял в юрисдикции АС РПЦЗ. Начиная свое служение в Германии в юрисдикции главы Западно-Европейского экзархата КП митрополита Евлогия служением в Свято-Владимирской церкви Берлина и храме-памятнике Святителя Алексия в Лейпциге. В составе РПЦЗ он служил 6 лет в Берлинском кафедральном соборе и с 1945 года в Госларе, приход которого входил в состав Северо-Германского викариата. Митрополитом Серафимом (Ляде) о. Мануил был возведен в сан протоиерея. В 1947 году он был членом Епископского Совета Германской епархии. Не сохранились исторические источники, свидетельствующие о связях о. Мануила с православными латвийцами в Германии, за исключением упоминания о том, что именно через о. Мануила митрополит Серафим передал в 1945 году митрополиту Августину денежную помощь (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священники А–Щ, 1945–1949», ч. 31, л. 3).

Епископ Константин (Эссенский)

В 1949 году о. Мануил эмигрировал в Америку, где продолжил служение в РПЦЗ. В 1967 году он был пострижен в монашество под именем Константин и хиротонисан во епископа Брисбенского, викария Австралийско-Новозеландской епархии. Впоследствии был епископом Бостонским, викарием Восточно-Американской епархии и епископом Ричмондским и Британским. С 1986 года по состоянию здоровья ушел на покой. Скончался Владыка Константин (Эссенский) 31.05.1996 года⁵⁴. Несмотря на сравнительно длительное служение о. Мануила в Германии, его личное дело в АГЕ совсем небольшое по объему.

История ЛПЦ в эмиграции, судьба латвийских лагерей ДиПи в Германии и их православных обитателей широко представлены в источниках, хранящихся в АГЕ. Это объясняется тесным взаимодействием ЛПЦ с Германской епархией РПЦЗ в деле окормления православных латвийцев. Документы представлены личными делами священнослужителей, делами по отдельным латвийским приходам, материалами Епархиальной переписки. Основная часть документов посвящена деятельности главы

ЛПЦ митрополиту Августину и латвийским священникам, которые вошли в состав РПЦЗ или были приняты под покровительство Германской епархии. Полностью отсутствует информации о служении в Германии епископа Иоанна (Гарклавса) с подведомственным ему духовенством.

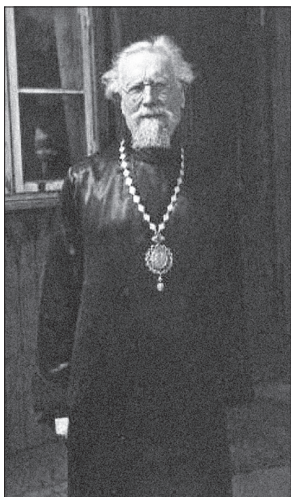
Эстония

Митрополит Александр (Паулус) с группой эстонского духовенства был эвакуирован оккупационными властями 20.09.1944 года в Северную Германию, в лагерь Омштеде под Ольденбургом. В лагерьном бараке митрополит Александр оборудовал временную церковь, основал первый эстонский зарубежный приход. Владыка проживал и служил в Омштеде до своего переезда в Швецию в 1947 году. Помимо упоминавшихся писем архимандрита Нафанаила (Львова), в которых речь шла о создании Православной Зарубежной Церкви и об объединении ЛПЦ и ЭАПЦ с РПЦЗ, в АГЕ не отложилось документов о пребывании на территории Германии митрополита Александра. Нет документов и о связях прихода в Омштеде с эстонскими общинами и возглавлявшими их священниками.

К 1945 году относятся первые документы АГЕ, позволяющие проследить историю возникновения и развития отдельных эстонских православных приходов в Германии. Это переписка представителей церковной общины Равенсбурга, в частности протоиерея Николая Раага (1888–1983) с митрополитом Серафимом (Ляде), отчеты о жизни приходов в Равенсбурге и Гейслингене за 1945–1946 годы (АГЕ, Ф. 3, Д. 57). О. Николай Рааг являлся одним из старейших клириков ЭАПЦ. В священнический сан был рукоположен в 1912 году

в Псковской епархии. В послевоенной Германии трудился по устройству эстонских православных приходов во французской и американской оккупационных зонах. Сразу же после занятия французской армией Равенсбурга командование разрешило организовать в городе и его окрестностях церковную жизнь. Этому способствовало и тесное сотрудничество отца Николая с Германской епархиальной властью. В марте 1945 года о. Николай был назначен митрополитом Серафимом (Ляде) священником в Равенсбург. Первая Литургия в Равенсбурге была совершена в Великий Четверг 03.05.1945 года в капелле при местной городской больнице. К июлю 1945 года общине удалось получить отдельное помещение, служившее ранее для игры в кегли, в котором трудами верующих была обустроена «небольшая, но прекрасная церковь». В течение нескольких месяцев при Равенсбургской общине возникли Женский кружок и кружок христианской молодежи, курсы кройки и шитья, английского и французского языков, вероучения, сестер и братьев милосердия, куроводства. Была открыта небольшая библиотека. Велись подготовительные работы, чтобы открыть курсы по предметам и программе средней школы и курсы шоферов. В организации прихода активное участие принимал священнослужитель РПЦЗ протоиерей Андрей Наконечный⁵⁵. Указом митр.Серафима (Ляде) от 01.11.1945 года приход Равенсбурга был принят в состав Германской епархии с назначением о. Николая Раага настоятелем прихода, а о. Андрея Наконечного вторым священником. Причту Равенсбургского прихода поручалось обслуживание всех православных района Вюртемберга, где не было православных священников, назначенных Германской епархией.

С 12.12.1945 года о. Николай Рааг энергично включился в организацию церковной

Митрополит Александр (Паулус)
в эстонском лагере ДиПи Омштед.
1946–1947 годы. ЕАА. 5355.1.337.4.

Протоиерей Николай Рааг.
Германия, 1945–1950 годы.
ЕАА.5355.1.363.14.

жизни среди православных эстонцев в г. Гейслингене, располагавшимся в американской оккупационной зоне. О. Николаю удалось получить разрешение на совершение православных богослужений в католической капелле детского приюта и 27.01.1946 года им была совершена в Гейслингене первая Литургия. Согласно сведениям о. Николая, в это время в лагерях ДиПи в районе Гейслингена проживало 4 000 эстонцев, 300 из которых были православными. В этом месте была самая большая группа эстонских перемещенных лиц в американской зоне Германии. Комитет по организации прихода в Гейслингене по поручению о. Николая вел переговоры о легализации православной общины. Параллельно о. Николай окормлял больных в Амберге, Гунценхаузене и других городах, но основные усилия были направлены на организацию церковной жизни в Гейслингене. 15.02.1946 года о. Николай писал митрополиту Серафиму (Ляде): «...в последнее время начинаю уставать, но думаю, что самое трудное по Гейслингенскому объединению уже совершено и теперь будет все легче. Пока не налажу

совершенно тамошнюю жизнь я, вероятно, нового пункта не устанавливаю, хотя подготовительные сведения собираю и осведомляюсь, насколько это возможно, от поездки к поездке». Не оставлял о. Николай и приход в Равенсбурге, однако бывал там все реже. В рапорте митрополиту Серафиму (Ляде) от 01.06.1946 года второй священник Равенсбургского прихода о. Андрей Наконечный сообщал, что: «о. Прот. Николай Рааг время от времени Великим Постом бывал в Равенсбурге, но больше времени был занят организацией прихода в *Geislingene* и в других местах Американской зоны. Четвертую неделю В. Поста о. Рааг служил в Равенсбурге. Пасху должен был служить в *Geislingene*, но, отслужив на первый день Пасхи в *Geislingene*, заболел гриппом в тяжелой форме и потому не был в Равенсбурге почти до Пятидесятницы». Вскоре о. Андрей Наконечный был назначен благочинным французской зоны Германской епархии РПЦЗ. Произошла ротация и в Равенсбургском приходе. О. Андрей стал настоятелем прихода, а о. Николай Рааг вторым священником.

Протоиерей Сергиус Самон.
Америка, 1960–1970-е годы.
ЕАА.5355.1.413.1

Осенью 1947 года о. Николай переехал из Германии в Швецию. Хранящееся в архиве личное дело о. Николая освещает лишь его переезд в Швецию (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священники А–Щ, 1945–1949», ч. 25»). Покидая пределы Германии, о. Николай из Гейслингена обратился к митрополиту Серафиму (Ляде) с просьбой освободить его от должности второго священника Равенсбургского прихода. Указом митрополита Серафима о. Николай с 05.11.1947 года был освобожден от этой должности с одновременным исключением из числа клириков Германской епархии.

В 1947 году покинул Германию и глава ЭАПЦ митрополит Александр (Паулус). Центр эстонской православной жизни переместился из Омштеде в Гейслинген. Эстонской Православной Церковью на территории Германии стал управлять протоиерей Сергиус Самон⁵⁶.

Благодаря проведенному Германской епархией в 1948 году анкетированию приходов и священнослужителей сохранились

подробные сведения о благочинии ЭАПЦ в Германии в 1948 году (АГЕ, Ф. 3, Д.1/58). Несмотря на то, что благочиние ЭАПЦ не входило в состав Германской епархии, благочинный о. Сергиус (Сергий) Самон предоставил подробные сведения о составе духовенства вверенного ему благочиния, количестве прихожан эстонской национальности в Германии, в целом, и по оккупационным зонам, в частности. Согласно докладу отца Сергиуса от 09.02.1948 года, общая численность православных эстонцев в Германии составляла 4500 человек. Из них в американской зоне находилось 2800 человек, в английской зоне – 1400 человек и во французской зоне – 300 человек. Православные эстонцы проживали преимущественно в лагерях ИРО. В американской зоне Германии несли служение следующие эстонские священнослужители: г. Гайслинген – благочинный протоиерей Сергиус Самон, священники Николай Лайусте, Иоанн Рейнгольд; г. Бад-Хорисхофен – протоиерей Карп Устав; Ашаффенбург – священник Вамбола Хиисесалу; Мемминген – диакон Иоанн Тамм; Ганау – протоиерей Николай Павский. В этом документе напротив имени о. Николая Павского стоит пометка «м. Серафим», свидетельствующая о том, что о. Николай вошел в юрисдикцию главы Берлинско-Германской епархии. В английской зоне находились священники: в Ганновере (*Estonian DP Camp*) – протоиерей Яков Мутт; в Ольденбурге (*Estonian DP Camp*) – священники Александр Юриссон, Диоскор Юрмаа, Николай Хиндо, иподиакон Иоанн Юргенсон.

В докладе о. Сергия отмечается тяжелое материальное положение эстонского духовенства, отсутствие денежных средств у эстонской православной общины в Германии. Необходимо отметить, что свой доклад о. Сергий подготовил незадолго до финансовой реформы в Германии в июне 1948 года,

которая болезненно отозвалась на каждом представителе категории перемещенных лиц. Ввиду отсутствия средств, трое эстонских священнослужителей не имели ряс, вследствие чего не могли приступить к своим обязанностям. Нехватка священнических облачений была общей проблемой для православных священнослужителей Германии послевоенного времени. В АГЕ хранятся многочисленные прошения священников митрополиту Серафиму (Ляде) ходатайствовать перед различными инстанциями о приобретении материала на пошив ряс. Аналогичная ситуация сложилась и в ЛПЦ в эмиграции. Так, рукоположение в священник сан Петра Курземниекса, состоявшееся 25.04.1948 года, задержалось из-за отсутствия средств и у рукополагаемого и у Синода ЛПЦ на приобретение облачения⁵⁷.

Особенно тяжелое материальное положение было у протоиерея Карпа Устава (18.08.1953–02.10.1967), в виду его преклонного возраста (80 лет), и у протоиерея Якова Мутта (02.05.1948–19.08.1879). О. Яков лежал около года в больнице, страдая водянкой. По сообщению о. Сергиуса, эстонская община Германии старалась ему помочь сборами среди прихожан. 02.05.1948 года о. Яков скончался.

В докладе Самона не упоминается духовенство французской зоны. Единый центр, объединявший православных эстонцев французской зоны, по примеру Ольденбурга в английской зоне или Гейслингена в американской зоне, отсутствовал. Небольшое количество православных эстонцев (300 человек) и их рассредоточенность по французской зоне не давали возможности создать единый эстонский приход с постоянным настоятелем, поэтому православные эстонцы этого региона окормлялись разъездными эстонскими священниками или духовенством Германской епархии.

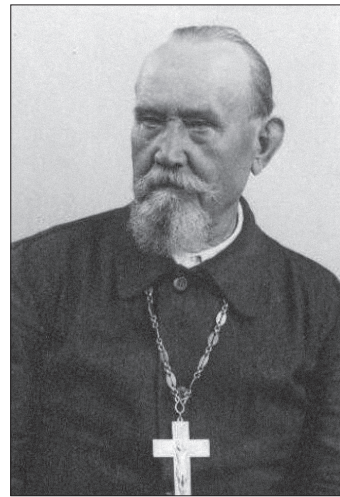
Протоиерей Яков Мутт с супругой Еленой

В 1948–1949 годах начался массовый отъезд ДиПи из Германии в заокеанские страны. Германская епархия лишилась большей части своих священнослужителей, которые эмигрировали вместе со своей паствой в Канаду, Америку, Австралию и др. Из духовенства ЭАПЦ в Германии остались служить о. Карп Устав и перешедший в юрисдикцию РПЦЗ о. Николай Павский.

О. Николай Павский, многолетний священник Юрьевского Успенского собора, возглавлял с 14.12.1946 года Свято-Сергиевскую церковь в Ганау. Будучи уже священником Германской епархии РПЦЗ, он продолжал окормлять выходцев из прибалтийских стран, которые составляли костяк его прихода. Свято-Сергиевская церковь была основана 24.02.1946 года литовским протоиереем Александром Чернаем и располагалась в эстонском лагере ДП, в чердачном помещении жилого дома. Вначале община состояла из 100 человек. В дальнейшем численность прихожан уменьшалась. По данным на февраль 1948 года,

Священник Николай Хиндо.
Великобритания, 1960–1970 годы.
ЕАА.5355.1.158.2

Протоиерей Карп Устав.
Германия, 1947 год.
ЕАА.5355.1.363.54

о. Николай обслуживал 85 человек, но в приходе числилось 69 человек, включая детей. Воскресные богослужения в среднем посещали от 25 до 30 прихожан. Отец Николай скончался после тяжелой болезни 26.06.1950 года в г. Оффенбахе на Майне. В личном деле о. Николая (АГЕ, Ф. 2, Д. «Протоиерей Николай Павский») хранятся документы о награждении его АС РПЦЗ палицей (л. 3–6), письмо отца Николая в канцелярию Германской епархии по поводу предполагаемого отъезда семьи Павских в Канаду (л. 2) и сообщение сына о. Николая – Сергея Павского в Епархиальное управление о болезни отца (л. 1). В АГЕ хранится документ, посвященный Сергею Павскому – анкета псаломщика, обязанности которого Сергей безвозмездно выполнял в приходе Ганау (АГЕ, Ф. 2, Д. «Регенты и псаломщики Германской Епархии»). В Эстонии Сергей Павский учился на Православном отделении Богословского факультета Юрьевского университета (с 1938 года до закрытия факультета советской властью в октябре 1940 года), окончив 4 семестра. С 1937 по 1944 год в Юрьевском

Успенском соборе исполнял обязанность чтеца и пел в хоре.

Протоиерей Карп Устав, несмотря на свой преклонный возраст, принял на себя обязанности по окормлению оставшихся в Германии православных эстонцев. Сохранился рапорт о. Карпа митрополиту Серафиму (Ляде) от 31.05.1949 года (АГЕ, Ф. 7, Д. «Епархиальная переписка, 1947 год»). Согласно рапорту, о. Карп являлся благочинным ЭАПЦ в американской и французской зонах Германии. Проживал он в г. Аусбурге в *DP camp Hochfeld*. В окормляемых лагерях ДП благочиния о. Карпа не было храмов. Кроме того, у о. Карпа не было Св. Антиминса, из-за чего богослужения приходилось совершать в частных помещениях и без Божественной Литургии. Рапорт заканчивался просьбой о. Карпа к митрополиту Серафиму о выделении ему Св. Антиминса. Судя по пометке на рапорте, сделанной рукой митрополита Серафима, «один Св. Антиминс для передачи получил», Владыка Серафим удовлетворил эту просьбу. Протоиерей Карп Устав – замечательный священнослужитель,

Протоиерей Карп Устав с членами эстонской общины Аугсбурга, 1949 год.
ЕАА.5410.1.122.3

общественный деятель, человек неординарный, незаслуженно забытый. После окончания СПбДА Карп Устав по рекомендации обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева был определен учителем городской школы г. Торопца Псковской губернии. В 1896–1905 годах служил в Торопце инспектором народных школ. Уже будучи священником в Печерском крае, явился основателем в 1913 году начальной школы с эстонским языком обучения. В деревне Серго им была открыта первая сетуязычная школа, для сету начали проводить церковные службы⁵⁸. Несколько десятилетий прослужил о. Карп в ЭАПЦ. Будучи в эмиграции в Германии, последние силы отдавал служению своим соотечественникам – православным эстонцам. Скончался 18.08.1953 года в Аугсбурге. Из аугсбургской общины о. Карпа вышел последний священник ЭАПЦ в Германии – о. Феодор Колобов⁵⁹.

В АГЕ хранятся несколько документов, отражающих деятельность о. Феодора в бывшем центре ЭАПЦ в Германии – Ольденбурге (АГЕ, Ф. 7, Д. «Епархиальная переписка, 1952 год»). Инициатором переписки по вопросу окормления эстонцев Ольденбурга выступили представители

эстонской общины *Landplatz*, от имени которых к архиепископу Александру (Ловчегу) обратился староста Свято-Покровской церкви Ольденбурга Вербанов. В общине было несколько эстонцев, не владевших русским языком и желавших исповедаться на родном языке. Из письма Вербанова следует, что для обслуживания эстонских православных Германии Союзом Мировых Церквей был назначен священник Феодор Колобов, рукоположенный незадолго до этого в священный сан. У общины, основанной предположительно в 1946–1947 годах, собственная церковь появилась в 1950 году. Это было барачное помещение в эстонском лагере ДиПи. Обслуживали приход в основном священнослужители РПЦЗ. В 1952 году, после отъезда в Америку настоятеля этой церкви о. Иоанна Карася⁶⁰, приход возглавил священник Никодим Кофанов⁶¹. В результате переписки старосты Вербанова с главой Германской епархии было получено разрешение Владыки Александра (Ловчегу) на совершение о. Феодором Колобовым богослужений в Свято-Покровской церкви для проживающих в Ольденбурге эстонцев. В переписке особо оговаривался вопрос о согласовании времени проведения богослужений

священниками о. Никодимом Кофановым и о. Феодором Колобовым. Неизвестно, как часто и на протяжении какого времени проводил богослужения в Ольденбурге о. Феодор Колобов. В краткой истории прихода Свято-Покровской церкви Ольденбурга о. Феодор значится среди священников, окормлявших этот храм в первой половине 1950-х годов⁶². О. Феодор уехал из Германии в середине 1950-х годов.

Завершая обзор документов АГЕ эстонской тематики, необходимо отдельно выделить священнослужителей Германской епархии, которые были связаны с Эстонией в военные и предвоенные годы, и эстонских эмигрантов, принявших священный сан в лоне РПЦЗ, но не участвовавших в деятельности ЭАПЦ в Германии. Обстоятельства сложились таким образом, что почти все они в Германии явились ближайшими соратниками и сослужителями у престола Божия. Это протоиерей Александр Киселев, священники Димитрий Гизетти и Анатолий Древинг.

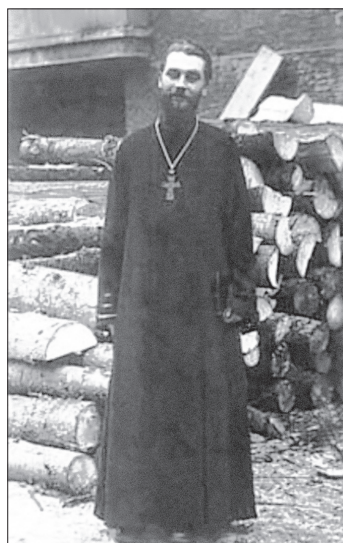
Известный священнослужитель русско-го зарубежья о. Александр Киселев (1909–2001) приехал из Эстонии в Германию в 1941 году, за несколько месяцев до начала войны Германии с Советским Союзом. О. Александр окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1933 году митрополитом Александром (Паулусом) был рукоположен в священник сан. Служил настоятелем Нарвской Успенской церкви (1933–1938), затем – Коппельской Свято-Николаевской церкви Таллина (1938–1941), где диаконом служил о. Михаил Ридигер⁶³, а в алтаре о. Александру прислуживал сын о. Михаила – Алексей Ридигер, будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий II⁶⁴. О. Александр был активным участником РСХД, а с 1935 года – представителем РСХД в Эстонии. В Германии вошел в юрисдикцию Западно-Европейского экзархата русских приходов КП, который возглавлял митрополит

Евлогий (Георгиевский). По соглашению от 03.11.1939 года между митрополитом Серафимом (Ляде) и викарием митрополита Евлогия (Георгиевского) епископом Пражским Сергием (Королевым)⁶⁵, «евлогианские» приходы, сохраняя самостоятельность, вошли в состав Берлино-Германской епархии РПЦЗ.

Первые годы служения о. Александра в Германии документы АГЕ освещают лишь фрагментарно. В Епархиальной переписке военных лет отложилось несколько его писем, одно из которых интересно характеристикой служения о. Александра в Эстонии. В письме игумену Александру (Ловчему) от 09.11.1942 года он пишет: «...нет лучше, чем свой независимый небольшой приход. Такими именно приходами и наградил меня Господь в течение первых восьми лет моего служения в Эстонии. Но, попав в Германию, пошло немного иначе – шуму больше, а толку меньше» (АГЕ, Ф. 7, Д. «Епархиальная переписка, 1942 год»). Несколько писем посвящено деятельности о. Александра в должности товарища председателя Миссионерского комитета Германской епархии, благочинного РОА.

Количество документов, посвященных о. Александру, значительно возрастает в послевоенное время, что явилось следствием его активной деятельности по устройению в Мюнхене Дома «Милосердный Самарянин». Во-первых, это личное дело о. Александра Киселева, почти все документы которого посвящены его деятельности в основанном им Доме (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священники А–Щ, 1945–1949», ч. 14). Во-вторых, дело «*Mauerkircherstraße 5*»⁶⁶, которое позволяет проследить судьбу «Дома», гимназии, Свято-Серафимовской церкви с момента основания в 1945 году и до 1975 года. Дом «Милосердный Самарянин» – уникальное учреждение, в котором функционировали русская гимназия, приравненная в правах к баварским

государственным гимназиям, детский сад, издательство, амбулатория, школа сестер милосердия. Центром всей жизни Дома была созданная трудами о. Александра церковь преп. Серафима Саровского. Документы дела «*Mauerkircherstraße 5*» отображают и деятельность о. Александра по восстановлению РСХД в Германии. Дом «Милосердный Самарянин» стал центром РСХД в Германии, а Свято-Серафимовская церковь при Доме была реорганизована в церковный приход РСХД. Активными соратниками о. Александра в восстановлении РСХД в Германии были прибалтийские движенцы: о. Георгий Беннигсен (Латвия)⁶⁷, о. Димитрий Гизетти с супругой Маргаритой Гизетти, урожденной Банг (Эстония), матушка о. Александра Киселева – Каллиста Ивановна, урожденная Кельдер. Судьбы о. Георгия и о. Александра во многом схожи. Родители обоих, воспользовавшись правом оптации, выехали с семьями из советской России. Оба еще мирянами в 1930-х годах активно включились в деятельность РСХД, где и познакомились со своими будущими супругами. В эмиграции их пути вновь пересеклись. В 1944 году оба пастыря приняли активное участие в деятельности Комитета Освобождения Народов России (КОНР) и духовном окормлении власовского движения. В послевоенное время их вновь объединило РСХД. О. Георгий после переезда в Мюнхен стал служить в Свято-Серафимовской церкви при Доме «Милосердный Самарянин». В 1948 году, еще будучи священником в общине протоиерея Адриана Рымаренко⁶⁸ в Вендлингене, о. Георгий был назначен секретарем РСХД в Германии. В Мюнхене редактировал «Вестник» РСХД. После отъезда в 1949 году о. Александра в Америку, о. Георгий был назначен настоятелем Свято-Серафимовской церкви, а в 1950 году также переехал в Америку.

Священник Александр Киселев у Дома «Милосердный Самарянин» в Мюнхене. Вторая половина 1940-х годов

О. Александр Киселев – один из немногих священнослужителей, по которым фонды АГЕ за последние годы значительно увеличились. В период с 2009 по 2014 год в АГЕ из личных архивов поступило несколько десятков документов, связанных с историей служения о. Александра в Германии. Это воспоминания секретаря Германской епархии, близкого друга о. Александра протоиерея Николая Артемова⁶⁹ (Мюнхен, 2007 год), охватывающие период с 1945 по 2001 год, и воспоминания воспитанницы Дома «Милосердный Самарянин» Маргариты Густавовны Маас-Кутше (Мюнхен, 2008 год). Среди документов, переданных в архив протоиереем Николаем Артемовым, аудиозапись панихиды после установления памятного камня, выданная воинам РОА в Платлинге с речами отца Александра и К. Г. Кромиади и аудиозапись беседы московского историка А. К. Никитина с о. Александром Киселевым в Донском монастыре Москвы 07.12.1996 года с участием о. Николая Артемова и дочери о. Александра – Миллицы Холодной. Беседа А. К. Никитина с

Протоиерей Александр Киселев с супругой Калистой Ивановной. Швейцария 1964 г. Фотография из личного архива Е. А. Ждановой

о. Александром состоялась в процессе работы историка над монографией «Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933–1945)» и посвящена в основном военному времени.

Одним из ближайших сотрудников о. Александра Киселева в Германии был священник Димитрий Гизетти. О. Димитрий родился в 1918 году в Петрограде в семье офицера царской, а затем Белой армии. Вслед за армией генерала Юденича семья Гизетти ушла в Эстонию. Димитрий практически вырос в эстонских лагерях РСХД. Здесь же он познакомился с о. Александром Киселевым, под руководством которого совершал паломничество на Валаам. В августе 1941 года был мобилизован в советскую армию и отправлен на фронт. С ранением попал в плен к немцам. После войны перебрался в Мюнхен, где принял активное участие в работе Дома «Милосердный Самарянин». После сдачи зачетов и экзаменов при Синоде РПЦЗ Димитрий 22.02.1948 года был рукоположен в священнический сан и назначен на должность псаломщика в церковь при Доме «Милосердный Самарянин».

В небольшом по объему (6 документов) личном деле о. Димитрия (АГЕ, Ф. 2, Священник Димитрий Гизетти») отображены все основные этапы его двухлетнего священнослужения в Германии. В настоятельство о. Георгия Бенигсена в Свято-Серафимовской церкви о. Димитрий был назначен вторым священником этой церкви. В январе 1950 года получил канонический отпуск от митрополита Серафима (Ляде) и выехал в Америку, где несколько лет трудился вместе с о. Александром Киселевым над созданием церкви во имя преподобного Серафима Саровского в Нью-Йорке, в юрисдикции Православной Церкви в Америке (ПЦА).

Священник Анатолий Древинг продолжил дело о. Александра Киселева в Мюнхене, окормляя с 1950 года Свято-Серафимовскую церковь. О судьбе о. Анатолия до его прибытия в Германию повествует его личное дело (АГЕ, Ф. 2, Священник Анатолий Древинг»). Родился он в 1910 году в Москве, проживал в Эстонии. В 1935 году окончил Химический факультет Тартуского университета. В священнический сан был рукоположен в 1950 году в Мюнхене и назначен на место отъехавшего в Америку о. Георгия Бенигсена. Тогда же он был назначен духовником Христианского Союза Молодых Людей (ХСМА), движения, которое возродилось в Германии параллельно с РСХД. Ранее духовниками ХСМА были последовательно отцы Александр Киселев и Георгий Бенигсен. Еще в настоятельство о. Георгия Бенигсена Свято-Серафимовская церковь была объявлена самостоятельным приходом. Из-за отъезда русских из Германии гимназия Дома «Милосердный Самарянин» теряла свое значение. Оставшиеся в Мюнхене русские дети учились в немецких гимназиях. В 1953 году на приходе было организовано преподавание Закона Божия, признанного баварским министерством просвещения в качестве обязательного предмета. В 1964 году приходу отказали

в занимаемом помещении и церковь временно ютилась в квартире о. Анатолия. Для проведения занятий по Закону Божию помещение предоставила Евангелическая Церковь. О. Анатолий писал в 1960-х годах: «...приход, не являясь более домовою церковью учебного заведения, вел и ведет многостороннюю культурно-просветительную работу с молодежью». С кончиной в 1969 году о. Анатолия закончилась череда служения в Свято-Серафимовской церкви Мюнхена священников, связанных с Прибалтикой, но приход еще существовал несколько лет, отметив в 1975 году свое 40-летие. Документы личного дела о. Анатолия Древинга в АГЕ дополняются информацией о его служении в Германии дела «*Mauerkircherstraße 5*», которое является интереснейшим источником изучения деятельности Дома «Милосердный Самарянин» и истории Свято-Серафимовской церкви в Мюнхене. О. Анатолий Древинг известен и как церковный композитор.

Таким образом, можно сделать вывод, что в отличие от ЛПЦ в эмиграции, ЭАПЦ широких контактов, в частности, на уровне архипастырей, с РПЦЗ не имела. Инициаторами соработничества с Германской епархией РПЦЗ в основном выступали рядовые эстонские священники. Благодаря этим контактам, по фондам АГЕ можно фрагментарно проследить судьбу эстонских православных общин в Германии.

Примечания

- ¹ Августин (Петерсонс, 1873–1955), с 1936 года митрополит Рижский и всея Латвии. В 1936–1941, 1947–1955 годах в юрисдикции КП. В 1941 году перешел в юрисдикцию МП. В 1944 году эвакуирован в Германию. Скончался в предместье Мюнхена Гаутинге.
- ² Александр (Паулус, 1872–1953), митрополит. В 1920–1923 годах глава автономной Эстонской Православной Церкви в составе Русской Православной Церкви. С 1923 года в юрисдикции КП.

Заключение

Германская епархия РПЦЗ в сложнейших условиях послевоенного времени сохранила уникальные материалы по истории перемещенных лиц в Германии, в том числе и из прибалтийского региона. Документы АГЕ лишь только фрагментарно отражают жизнь литовских лагерей ДиПи и литовских православных общин в смешанных лагерях. Более подробно освещена история существования эстонских лагерей ДиПи с их православными общинами. История латвийской православной общины в Германии имеет достаточно богатую источниковую базу. Для исследователей истории ЭАПЦ и ЛПЦ в эмиграции документы АГЕ безусловно явятся одним из основных источников по изучению германского периода их существования. В связи с тем, что большое количество прибалтийских священнослужителей в результате событий Второй мировой войны были вынуждены покинуть Литву, Латвию и Эстонию, многие из них оказались забытыми на родине, поэтому особый интерес представляют личные дела этих священнослужителей. Личные дела священников отражают эпоху послевоенного времени, страдания перемещенных лиц, потерявших родину, повествуют о нелегком подвижническом служении православных пастырей на территории послевоенной Германии.

- ³ В 1941 году после покаяния временно находился в юрисдикции МП. В 1944 году эвакуирован в Германию. В 1947 году эмигрировал в Швецию.
- Иоанн (Гарклавс, 1898–1982), архиепископ. 13.03.1943 года хиротонисан во епископа Рижского Прибалтийского Экзархата МП. В 1944 году выехал из Латвии с группой духовенства в Чехословакию. В августе 1945 года переехал в Германию. В 1949 году переехал в Америку, где вошел в состав Северо-Американской митрополии.

- В 1949–1957 годах епископ Детройтский и Кливлендский, в 1957–1978 годах архиепископ Чикагский и Миннеапольский. С 1978 года на покое. Являлся хранителем Тихвинской иконы Божией Матери.
- ⁴ Александр (Ловчий, 1891–1973), архиепископ. 29.07.1945 года хиротонисан во епископа Бад-Киссингенского, викария Германской епархии РПЦЗ. С 11.04.1952 года архиепископ Берлинский и Германский. С 15.03.1971 года на покое.
- ⁵ Тихон (Беллавиц, 1865–1925), Патриарх Московский и всея России с 21.11.1917 года (ст. с.), первый Патриарх после восстановления патриаршества в России. В 1914–1917 годах – архиепископ Виленский и Литовский. В 1981 году АС РПЦЗ прославлен в Соборе новых мучеников и исповедников Российской Церкви, в 1989 году прославлен Московской Патриархией.
- ⁶ Православная энциклопедия. Изд.: ЦНЦ РПЦ «Православная энциклопедия», М., 2000, т. 1, с. 499–501.
- ⁷ Мелетий IV (Метаксакис, 1871–1935), Патриарх Константинопольский 27.11.1921–20.09.1923.
- ⁸ Петров И. В., Вопрос о канонической принадлежности православных приходов Балтии в 1940–1945 гг. эл. с.: <http://moskva.bezformata.ru/listnews/pravoslavnih-prihodov-baltii/10491443/>. Дата публикации 28.03.2013
- ⁹ Иоанн (Поммер, 1876–1934), священномученик, архиепископ Рижский и всея Латвии, председатель ЛПЦ в 1921–1934 годах. Прославлен РПЦЗ в 1981 году, ЛПЦ и РПЦ в 2001 году.
- ¹⁰ Елевферий (Богоявленский, 1868–1940), митрополит. 21.08.1911 года хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. С 1917 года управляющий Литовской епархией, с 1921 года архиепископ Виленский и Литовский. Митрополит (1928).
- ¹¹ Вениамин (Гсомас Кириаку) (1871–1946) – Патриарх Константинопольский 18.02.1936–17.02.1946.
- ¹² Уманис Карлис (1877–1942), политический и государственный деятель Латвии. С 1918 года неоднократно занимал пост премьер-министра Латвии. В 1934–1940 годах (с 1936 года президент) авторитарный правитель Латвии.
- ¹³ Гаврилин А. В. Документы по делу митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсона) «Латвийской папки» Архива Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. Сборник «Православие в Латвии» № 5, 2006, Рига. Изд.: «Филокалия». С. 101.
- ¹⁴ Сметона Антанас (1874–1944), политический и государственный деятель Литвы. В 1919–1920 годах первый президент Литовской республики. В 1926–1940 годах диктатор Литовской республики.
- ¹⁵ Серапинас Виталий, священник. Православная Церковь в Литве в межвоенный период, 1918–1939 гг., ч. 1. Научно-аналитический журнал «Православие в Балтии» № 2 (11), Рига. 2014, с. 60.
- ¹⁶ Феодосий (Феодосиев, 1864–1942), архиепископ. В 1923–1939 годах архиепископ Виленский и Лидский в составе Польской Православной Церкви. В 1939 году воссоединился с Московской Патриархией. С 1939 года и до кончины на покое.
- ¹⁷ Сергей (Страгородский, 1867–1944), Патриарх Московский и всея Руси 12.09.1943–15.05.1944. В 1925–1936 годах Заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола РПЦ. В 1936–1943 годах Патриарший Местоблюститель.
- ¹⁸ Сергей (Воскресенский, 1897–1944). С февраля 1936 года епископ Дмитровский (с 08.10.1937 года архиепископ), Управляющий делами Московской Патриархии. С 24.02.1941 года митрополит Виленский и Литовский, Экзарх Латвии и Эстонии. Убит 29.04.1944 года по дороге из Вильнюса в Каунас.
- ¹⁹ Даниил (Юзвюк, 1880–1965), архиепископ. После гибели митрополита Сергия (Воскресенского), епископ Даниил, согласно завещанию Экзарха Прибалтики составленному в октябре 1943 года, вступил в должность временно управляющего Виленской и Литовской епархией с правами заместителя Патриаршего экзарха Прибалтики.
- ²⁰ Православная энциклопедия. Изд.: ЦНЦ РПЦ «Православная энциклопедия», М., 2000, т. 1, с. 499–501.
- ²¹ Павел (Дмитровский, 1872–1946), архиепископ. 03.10.1937 года хиротонисан во епископа Нарвского (ЭАПЦ). После восстановления ЭАПЦ канонической связи с МП РПЦ в 1941 году епископ Павел противостоял попыткам митрополита Александра (Паулуса) вновь разорвать общение с МП. 21.12.1942 года возведен Экзархом Сергием (Воскресенским) в сан архиепископа. 16.04.1945 года назначен архиепископом Таллинским и Эстонским МП.
- ²² Павский Николай (1891–26.06.1950), протоиерей. Уроженец Санкт-Петербургской губернии. Происходил из священнической семьи. В 1914 году окончил Санкт-Петербургскую ДС. Рукоположен в сан диакона епископом Нарвским Геннадием (Туберозовым) в 1914 году. В сан иерея рукоположен в 1915 году епископом Гдовским Вениамином (Казанским). Служил священником Юрьевского Успенского собора. Удостоен сана протоиерея в 1937 г. В 1944 г. эвакуируется

- из Эстонии в Германию. Управляющим Гросс-Гессенским викариатством Германской епархии архиепископом Филофеем (Нарко) 14.12. 1946 г. назначен настоятелем Свято-Сергиевской церкви в Ганау.
- ²³ Статистические данные интернет-ресурса «Baltijas valstu bēgļu noņemnes Vācijā 1944–1951: http://www.archiv.org.lv/baltijas_dp_vacija/index.php?lang=lv&id=18
- ²⁴ ДиПи (от англ. *DP, displaced person* – перемещенные лица) – аббревиатура, обозначающая лиц вынужденно покинувших места постоянного проживания. Широкое употребление термин получил в результате событий Второй мировой войны.
- ²⁵ Агафангел (Преображенский, 1854–1928) священноисповедник. С 04.10.1897 по 13.08.1910 год – епископ Рижский и Митавский (с 1904 года архиепископ). С 13.08.1910 по 22.12.1913 год архиепископ Литовский и Виленский. С 22.12.1913 года архиепископ (с 1917 митрополит) Ярославский и Ростовский. Участник Поместного Собора 1917–1918 годов. Член Высшего Церковного Совета. Кандидат в Местоблюстители Патриаршего Престола по завещаниям Патриарха Тихона (Беллавина). Прославлен как священноисповедник в лике новомучеников и исповедников Российских (2000).
- ²⁶ Серафим (Ляде, 1893–1950), митрополит. В 1938 году назначен епископом (с 1939 архиепископ) Берлинским и Германским РПЦЗ. С 1942 года глава Средне-Европейского Митрополичьего Округа РПЦЗ в сане митрополита.
- ²⁷ Евлогий (Георгиевский, 1868–1946), митрополит. 26.03.1931 года назначен Патриархом Тихоном (Беллавиным) временно управляющим православными русскими приходами в Западной Европе. 10.06.1930 года митрополитом Сергием (Страгородским) запрещен в священнослужении и уволен от занимаемой должности. В 1931 году перешел в юрисдикцию КП и назначен Экзархом Константинопольского Патриарха в Западной Европе. В 1945 году воссоединился с Русской Православной Церковью МП.
- ²⁸ Ждан Д. Б., Дядюшка Павел. Павел Олимпиевич Савицкий-русский интеллигент без России. Эл. с.: <http://www.ruslo.cz/articles/829>
- ²⁹ Андроник (Никольский, 1870–1918), священномученик. С 08.03.1913 по 30.07.1914 год – архиепископ Омский и Павлодарский. Принял мученическую кончину 20.06.1918 года. Прославлен для общецерковного почитания АС РПЦ МП в 2000 году.
- ³⁰ Внутренняя Православная Миссия в Литве создана в начале 1944 года митрополитом Сергием (Воскресенским) с целью обслуживания духовных нужд беженцев в Литве. Деятельность Миссии продолжалась до июля 1944 года. Из эвакуированных в Германию сотрудников Миссии известны о.Герасим Шорец, о.Александр Чернай, о.Иоанн Харченко, о.Сергий Каргай.
- ³¹ Шорец Герасим, протоиерей. Всеобщая церковная история. Издание Миссионерского комитета Германской епархии. Мюнхен. 1949, с. 76.
- ³² Дионисий (Валединский, 1876–1960), митрополит Варшавский и Вольинский, предстоятель Польской Православной Церкви в юрисдикции КП в 1923–1948 годах. В 1948 году обратился с покаянным письмом к патриарху Московскому и всея Руси Алексию I. 22.06.1948 года в Москве был подписан Акт о предоставлении автокефалии Польской Православной Церкви. В том же году митрополит Дионисий властями Польши был отстранен от дел.
- ³³ Корнилов А. А. «Переправимся на ту сторону...» Деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лиц Шялайсгайм (1945–1951 гг.). Н. Новгород; Мюнхен, 2011., с. 88–90 и материалы интернет-страницы Гродненской епархии Белорусского Экзархата РПЦ – <http://orthos.org/eparhiya/blagochiniya-i-hramy/berestovickoe/gorbachi>
- ³⁴ Вопрос о рукоположившем о. Иоанна епископе остается открытым. Тверскую кафедру занимал в 1919–1928 годах митрополит Серафим (Александров), который неоднократно арестовывался ГПУ-ОГПУ. В 1922–1924 годах викарием и в/у Тверской епархией был свщмч. епископ Старицкий Петр (Зверев, 1878–1928). В указанное в анкете время рукоположения о. Иоанна во диакона епископ Петр имел уже сан архиепископа, но являлся управляющим Воронежской и Задонской епархией. К тому же, 29.11.1926 года архиепископ Петр был в очередной раз арестован и находился в тюрьмах ОГПУ, пока в марте 1927 года его не приговорили к 10 годам концлагеря и направили в Соловецкий лагерь, где он и скончался в 1929 году.
- ³⁵ Обозный К. П., «История Псковской Православной Миссии 1941–1944 гг., Изд-во Крутицкого подворья и Общества любителей церковной истории, М. 2008 Эл. с.: http://feodorovna.ucoz.lv/publ/oboznyj_quot_istorija_pskovskoj_pravoslavnoj_missii_1941_1944
- ³⁶ Чернай Алексей, архимандрит. Жизненный путь русского священника. Изд.: „Глобус“, Сан-Франциско, 1981. Эл. с.: <http://ricolor.org/history/pv/45/>

- ³⁷ Нафанаил (Львов, 1906–1986), архиепископ. Во время Второй мировой войны служил помощником настоятеля монастыря преп. Иова Почаевского в Ладомирово. В 1945 году назначен настоятелем Воскресенского собора в Берлине. После войны служил в Гамбурге, являясь администратором Северо-Германской администратуры ГЕ. Принимал активное участие в спасении «перемещенных лиц», предотвратив выдачу СССР около 600 человек в лагере Фишбек под Гамбургом. 10.03.1946 года хиротонисан во епископа Брюссельского и Западно-Европейского. С 1951 года епископ Престопа и Гааги. С 1952 года администратор приходов РПЦЗ в Северной Африке. С 1954 года жил в Мюнхене, в монастыре преп. Иова Почаевского. В 1966–1980 годах – настоятель этой обители. С 1971 года временно управлял Австрийской епархией. С 1976 года епископ Венский и Австрийский. Архиепископ (1981).
- ³⁸ Фрейман (Фрейманис) Георгий (28.09.1895–?), священнослужитель ЛПЦ (ЛПЦ в эмиграции). Родился в Либаве (Лиепая) в еванг.-лютеранской семье. Окончил Коммерческое училище в Либаве и Рижскую ДС. В 1936 году отказался от предложения митрополита Августина о рукоположении во священника с назначением в г. Салдус. Митрополит Августин считал его достойным священного сана кандидатом: «Он кончил курс Р.Д.Семинарии, хотя и при плохом составе руководителей и преподавателей, но оказался одним из лучших кандидатов священства» (из письма митрополита Августина митрополиту Серафиму (Ляде) от 08.12.1945 г., АГЕ, Ф. 2, Д. «Священники А–Щ, 1945–1949», ч. 31). В 1944 году эвакуировался в Германию, где разыскал митрополита Августина. По просьбе главы ЛПЦ, епископ Стефан (Севбо) рукоположил Георгия 15.02 во диакона, а 17.02.1946 г. во священника. В конце 1940-х годов переехал в Лондон.
- ³⁹ Стефан (Севбо, 1872–1965), архиепископ. 17.05.1942 года хиротонисан во епископа Смоленского и Брянского Белорусской митрополии МП. В 1944 году эвакуирован в Германию. 12.02.1945 года вошел в юрисдикцию РПЦЗ. В 1946–1965 годах архиепископ Венский и Австрийский.
- ⁴⁰ Документы Архива АС РПЦЗ по этой теме были полностью опубликованы: Гаврилин А. В. Документы по делу митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсонса) «Латвийской папки» Архива Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. Сборник «Православие в Латвии» № 5, 2006, Рига. Изд.: «Филокалия». С. 101.
- ⁴¹ Молоток Иоанн (28.08.1915–?), священнослужитель ЛПЦ. Родился в Предрудойской волости Витебской губернии. В 1933 году окончил Правительственную Белорусскую гимназию в Двинске, а в 1938 году Теологический факультет Латвийского ун-та. Рукоположен в сан диакона 09.10 и в сан иерея 16.10.1938 года митрополитом Латвийским Августином. Служил на приходах в Лиепая, Алоэ, Риге. После эвакуации из Латвии в 1944 году получил разрешение от митрополита Серафима (Ляде) на служение в церквях Германской епархии РПЦЗ. В 1944–1945 годах служил в Данциге. С 1945 года – в Эсслингене и Штутгарте. В 1949 году получил канонический отпуск от митрополита Серафима (Ляде) в связи с предполагаемым отъездом в Северную Каролину, но эмиграция не состоялась. С 01.01.1950 года зачислен в клир церкви в Функ-Казармах (Штутгарт).
- ⁴² Лиепиньшс Иоанн (13.02.1900–1986), протоиерей. В 1933 году окончил Рижскую ДС. 01.07.1934 года в Риге рукоположен во священника архиепископом Рижским и всея Латвии Иоанном (Поммером). Служил на Адаркашском и Буртнискском приходах. В октябре 1944 года эвакуирован в Германию. В 1944–1946 годах по болезни почти не служил. В 1946 году назначен митрополитом Августином на приход в Эсслингене. Скончался в США.
- ⁴³ Гаврилин А.В., Документы по делу митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсонса) «Латвийской папки» Архива Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. Сборник «Православие в Латвии» № 5, 2006, Рига. Изд.: «Филокалия». С. 101.
- ⁴⁴ Германос (Стренопулос, 1872–1951), митрополит. С 1922 года глава Фиатирской митрополии Константинопольского Патриархата с центром в Лондоне, патриарший Экзарх в Центральной и Западной Европе. 04.02.1936 года назначен представителем Константинопольского Патриарха для участия в Соборе Латвийской Православной Церкви на котором главой ЛПЦ был избран протоиерей Августин Петерсонс. 29.03.1936 года участвовал в хиротонии о.Августина в митрополита Рижского и всея Латвии.
- ⁴⁵ Феофил (Пашковский, 1874–1950), митрополит. С 1934 года митрополит всея Америки и Канады.
- ⁴⁶ Бриедис Иоанн (13.12.04–15.09.1948), священнослужитель ЛПЦ (ЛПЦ в эмиграции). В 1935–1936 годах служил в Екабпилсском Свято-Духовом мужском монастыре. В 1942–1943 годах обслуживал Руйиенский, Скулбергский и

- Алойский приходы. С 16.07.1943 года назначен в Карздабский и Лидерский приходы. Пока неизвестно, как о. Иоанн оказался в концлагере Бухенвальда, но по свидетельству самого о. Иоанна, он был освобожден из этого лагеря после капитуляции Германии (АГЕ, Ф. 2, Д. «Священники А–Щ, 1945–1949» ч. 4, л. 1). С 1946 года настоятель церкви в латышском лагере Эсслингена, благочинный французской и американской оккупационных зон Германии. Погиб в результате ДТП.
- ⁴⁷ Шкилиньш Владимир (25.04.1902–?), священнослужитель ЛПЦ. Родился в латышской православной семье. Окончил Рижскую ДС, Теологический и 2 курса Юридического факультета Латвийского ун-та. Работал референтом в Министерстве общественных дел Латвии. Рукоположен во священника 18.08.1940 года митрополитом Августином (Петерсонсом). Священствовал в Калснавском приходе, а 17.03.1943 года назначен настоятелем Марциенского и Весиенско-Толкского приходов. В 1944 году прибыл в Германию, где получил от митрополита Серафима (Ляде) разрешение на служение в храмах Германской епархии с согласия местных отцов настоятелей. Благочинный латышских лагерей английской зоны Германии.
- ⁴⁸ Граматыньш Антоний, священнослужитель ЛПЦ, (ЛПЦ в эмиграции). Родился в латышской православной семье. Офицер русской армии, участник Первой мировой войны, борьбы за независимость Латвии. В чине подполковника вышел по болезни на пенсию. В период немецкой оккупации Латвии был призван на службу в латвийские полицейские части. В октябре 1944 года эвакуирован в Германию и уволен со службы. В 1946 году организовал латышский православный приход в Любеке. С апреля 1947 года помогал о.Владимиру Шкилиньшу в организации богослужений в латышских лагерях ДиПи. По просьбе митрополита Августина рукоположен епископом Гамбургским Афанасием (Мартосом) в сан диакона 21.07 и во иерея 27.07.1947 года. В 1950-х годах служил в Великобритании.
- ⁴⁹ Афанасий (Мартос, 1904–1983), архиепископ. Хиротонисан в 1942 году во епископа Витебского. В июне 1944 года вместе с белорусским епископатом покинул пределы СССР. В 1946 году вошел в юрисдикцию РПЦЗ и назначен администратором и правящим архиереем Северо-Германской епархии с кафедрой в Гамбурге. В 1950 году покинул Германию.
- ⁵⁰ Толстоухов Владимир (1914–?), бывший священнослужитель ЛПЦ, Латвийской епархии МП, РПЦЗ, Западно-Европейского экзархата русских приходов КП. 14.08.1950 года митрополитом Владимиром (Тихоницким) запрещен в священнослужении и 21.10.1950 года лишен священного сана.
- ⁵¹ (Тихоницкий, 1873–1959), митрополит. С 06.03.1947 г. (*де факто* – с августа 1946) до своей кончины митрополит Владимир управлял Западно-Европейским экзархатом русских приходов в юрисдикции КП.
- ⁵² Анастасий (Грибановский, 1873–1965), митрополит. С 1936 по 1964 год – Первоиерарх РПЦЗ, Председатель Архиерейского Собора и Синода. С 1964 года на покое.
- ⁵³ Завещание митрополита Августина (Петерсона). Журнал «Православие в Балтии», № 2 (11), Рига. 2014.
- ⁵⁴ 01.12.2014 года состоялось перезахоронение останков епископа Константина (Ессенского) с кладбища в штате Техас на братском кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле. При вскрытии гроба епископа Константина было обнаружено его нетленное тело. Панихиду возглавил Первоиерарх РПЦЗ митрополит Илларион (Капрал), который 18 лет назад, будучи епископом Манхэттенским, совершал отпевание Владыки Константина.
- ⁵⁵ Наконечный Андрей (1903–14.05.1983), митрофорный протоиерей. Клирик Польской Православной Церкви в 1924–1944 годах. С 1944 года в юрисдикции РПЦЗ. В 1944–1951 годах служил в Германской епархии, окормляя православных в лагерях ДиПи французской зона Германии.
- ⁵⁶ Самон Сергиус (1902–1993), протоиерей. Родился в волости Лейси уезда Сааремаа (Эстония) в семье известного священнослужителя Дионисия (*Tõnis*) Самона (1871–1950). Начальное образование получил в г. Куресааре. Окончил полный курс Рижской Николаевской гимназии и Духовной семинарии. Митрополитом Александром (Паулуsom) рукоположен в сан диакона 07.09 и во священника 14.09.1924 года. В 1944 году эвакуирован в Германию. Служил благочинным ЭАПЦ в Германии и настоятелем прихода в Гейслингене. В 1949 году эмигрировал в Америку. Скончался в Лос-Анджелесе, США.
- ⁵⁷ Гаврилин А.В., Латвийские православные священнослужители на Американском континенте. Изд.: Общество любителей церковной истории. М. 2013. с. 179.
- ⁵⁸ Тихон (Секретарев), архимандрит. Врата небесные: история Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, Печеры, 2008, с. 577.

- ⁵⁹ Колобов Феодор, священник ЭАПЦ. Рукоположен в священнический сан около 1952 года в Бад-Наугейме Патриаршим Экзархом в Западной и Центральной Европе архиепископом Фиатирским Афинагором (КП) и Управляющим Гросс-Тессенским викариатством Германской епархии РПЦЗ архиепископом Филофеем (Нарко).
- ⁶⁰ Карась Иоанн (1909–1997), протоиерей, клирик Германской епархии РПЦЗ в 1945–1952 годах.
- ⁶¹ Никодим Кофанов (1887–1965), священник, клирик Германской епархии РПЦЗ в 1950–1965 годах.
- ⁶² История прихода Покрова Пресвятой Богородицы РПЦЗ г. Ольденбурга. Эл.с.: <http://www.zerkov.de/index.html>
- ⁶³ Ридигер Михаил (1902–1962), протоиерей, клирик ЭАПЦ, ЭПЦ МП.
- ⁶⁴ Алексей II (Ридигер, 1929–2008), Святейший Патриарх Московский и всея Руси в 1990–2008 годах.
- ⁶⁵ Сергей (Королев, 1881–1952), архиепископ. 17.04.1921 года в Виленском Свято-Духовом монастыре хиротонисан во епископа Бельского. В 1922–1946 годах епископ Пражский, викарий митрополита Евлогия (Георгиевского). С 15.10.1945 года в юрисдикции МП. В 1946–1948 годах – архиепископ Венский, глава Средне-Европейского экзархата МП. В 1948–1950 годах архиепископ Берлинский и Германский. С 1950 года архиепископ Казанский и Чистопольский.
- ⁶⁶ Дело получило название по адресу в Мюнхене, где располагался Дом «Милосердный Самарянин», а позднее Епархиальное управление Германской епархии.
- ⁶⁷ Бенигсен Георгий (1915–1993), митрофорный протоиерей. В 1937 году рукоположен митрополитом Августином (Петерсонсом) в сан диакона. В 1941 году Экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский) рукоположил Георгия во священника. Являлся секретарем Прибалтийского Экзархата МП и участником Псковской Духовной миссии. В сентябре 1944 года эвакуирован в Германию, где вошел в клир РПЦЗ. В 1950 году эмигрировал в Америку. Служил в юрисдикции Северо-Американской митрополии и Православной Церкви в Америке.
- ⁶⁸ Рымаренко Адриан (1893–1978), митрофорный протоиерей. Клирик Германской епархии в 1943–1949 годах. В 1968 году пострижен в монашество с именем Андрей и хиротонисан во епископа Рокландского, викария Нью-Йоркской епархии.
- ⁶⁹ Артемов Николай (р.1950), протоиерей. Секретарь Германской епархии РПЦЗ. Ключарь кафедрального собора Святых новомучеников и исповедников российских и святителя Николая в Мюнхене. Воспоминания о Николае были опубликованы в книге, посвященной о.Александру Киселеву «Преодоление разделения», Изд.: ПСТГУ, М. 2011, с. 67–74 В этой же книге опубликованы воспоминания воспитанницы Дома «Милосердный Самарянин» М. Г. Маас-Кутше, с. 63–67.

Александр Гаврилин (Латвия)

Собеседования православных миссионеров с рижскими староверами в конце XIX–начале XX в.

С раскола Русской Православной Церкви староверы, всегда готовые отстаивать правоту своей веры, охотно шли на публичные богословские диспуты. Как известно, одни из первых собеседований, или «прений о вере», состоялись 5 июля 1682 года в Грановитой палате Московского Кремля в присутствии патриарха Иоакима (Савелов-Первый, 1621–1690) и царевны Софьи Алексеевны (1657–1704). На этих «прениях» от лица ревнителей «древлего благочестия» выступил суздальский священник Никита Добрынин (Пустосвят), доводы которого в защиту «старой веры» никто из его оппонентов не смог опровергнуть, поэтому, чтобы «не смущать» присутствующих, на следующий день царевна распорядилась арестовать и казнить о. Никиту. Второй известной в истории попыткой организации публичного диспута о вере можно считать события 1722–1723 годов. В 1722 году по просьбе Св. Синода Петр I послал к старообрядцам Выговского общежительства еромонаха Неофита с наказом провести с ними собеседования. Однако на первых же публичных «разглагольствах» или собеседованиях, проведенных в Петрозаводске,

ученый иеромонах не смог противостоять аргументации выговских начетников, поэтому отказался от публичных диспутов и попросил выговцев в письменной форме ответить на подготовленные им 106 вопросов. Так появились знаменитые «Поморские ответы»¹.

После первых неудачных попыток убедить староверов в их «заблуждениях» основным аргументом правительства и Св. Синода в борьбе со староверием стали методы административного воздействия. В эпоху реформ периода правления Александра II (царствовал в 1855–1881 г.), в противовес попыткам репрессивными методами уничтожить «раскол», развернутыми в царствование Николая I (с 1825 по 1855 гг.), правительство рекомендовало РПЦ более активно использовать методы «увещевания» старообрядцев. После отмены крепостного права развернулось массовое движение российских крестьян за официальное признание их старообрядцами, которое заставило Св. Синод обратить внимание на миссионерскую работу. Тем не менее, вплоть до последней трети XIX века не было планомерно организованной миссионерской

работы среди староверов. Считалось, что миссионерскую работу должно проводить приходское духовенство, которое, как правило, даже не общалось с местными старообрядцами, и не было к такой работе подготовлено. В свою очередь, сами староверы обычно избегали частных бесед с православными священниками, не принимали их в своих домах и не приходили по их приглашениям. Управлявший Рижской епархией в 1887–1897 годах епископ (с 1893 года – архиепископ) Рижский и Митавский Арсений (Брянцев, 1839–1914) считал, что выпускники семинарий, тем более – Духовных Академий, вполне готовы для ведения миссионерской работы, «если они того пожелают и о том позаботятся», однако сам же признавал, что немногие священники пытаются это делать². В свою очередь, Полоцкая Духовная консистория, отвечавшая за латгальские приходы, отмечала в начале XX века, что приходские священники или совсем не занимались миссионерской работой среди староверов, или же «в своей миссионерской деятельности обнаружили недостаточность внимания, знания и осторожности, чем скорее могут принести вред, а не пользу делу миссии»³. Подводя итог борьбе со староверием в 60-х–начале 80-х годов XIX века, обер-прокурор Св. Синода в 1880–1905 гг. К. П. Победоносцев (1825–1907) написал в 1881 году ведущему обличителю староверия в Российской империи, профессору Московской Духовной Академии по кафедре Истории и обличения русского раскола Н. И. Субботину (1827–1905): «Ни один (из епископов) до сих пор не составил общей картины раскола во всем многообразии его оттенков в епархиях. Как Вы знаете, существуют большие различия не только в количестве, но и в качестве... Мы печатаем книги и рассылаем их, а потом оказывается, что они гниют в консисториях». Субботин согласился с обер-прокурором и от себя добавил, что «у нас

епископы раскола не знают и имеют превратное понятие о единоверии»⁴.

25 мая 1888 года Св. Синод принял «Правила об устройстве миссии и о способе действия миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам». Согласно этим «Правилам» в каждой епархии «для вразумления раскольников в истинах православной веры и обличения их заблуждений» учреждались должности епархиального и окружных миссионеров, организовывались противостарообрядческие библиотеки, предлагалось регулярно проводить со староверами внебогослужебные миссионерские беседы⁵. Переход от частных бесед к публичным собеседованиям оказывался предпочтительнее по следующим причинам: публичные собеседования привлекали людей в православные храмы; можно было работать с разнообразной по конфессиональному и социальному составу аудиторией; было возможно публично критиковать старообрядческих «отцов», эмоционально воздействовать на аудиторию, «укреплять» православную паству в вере.

20 августа 1888 года епископ Рижский и Митавский Арсений (Брянцев) предложил епархиальной консистории разослать всем причтам храмов Рижской епархии подписные листы для сбора пожертвований. На собранные средства предполагалось купить «противораскольничьи и противосектантские книги» для библиотеки, на базе которой православные миссионеры будут готовиться к собеседованиям со староверами и сектантами⁶. Епархиальная миссионерская библиотека была открыта при Рижской Духовной семинарии (РДС) в 1889 году. В августе 1888 года в учебную программу семинарии был введен курс «История и обличение русского раскола и местных сект и обличительное богословие», который стал преподавать кандидат богословия, выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии (СПДА) 1888 года Владимир Игнатьевич Плисс⁷.

При анализе материалов собеседований со староверами нужно учитывать односторонность, субъективность исторических источников. Для староверов был закрыт доступ к средствам массовой информации, у них не было возможности зафиксировать свое отношение к собеседованиям в материалах делопроизводства, поэтому единственные источники, по которым можно проследить ход собеседований – это отчеты об этих мероприятиях, подготовленные православными миссионерами и опубликованные в конфессиональных (православных) периодических изданиях. В результате, в исторических источниках практически отсутствует информация о реакции староверов на ход дискуссии, о каких-либо промахах и неудачах миссионеров, неизбежных в процессе публичных выступлений, нет объективного анализа выступлений миссионеров и т. п. Следует учитывать, что после долгих лет гонений староверы настороженно относились к попыткам вызвать их на публичный диалог, поэтому во время собеседований старались отмалчиваться. Кроме того, тексты их выступлений в отчетах православных миссионеров приводились только в сокращенном виде, причем, разумеется, авторы отчетов никогда не забывали подчеркнуть, что доводы староверов, в отличие от выступлений миссионеров, не смогли убедить аудиторию⁸.

Одними из постоянных вопросов собеседований, поднимаемых православными миссионерами, были вопросы об истинности Церкви, о церковной иерархии, о священстве и таинствах. Православные миссионеры старались доказать, что Иисус Христос создал Церковь со всем священноначалием и таинствами. Опровергая этот тезис, староверы обычно ссылались на исторический опыт существования Поместных Церквей без священноначалия; приводили 15-е правило Второго Константинопольского Собора, допуславшего отказ верующих от

подчинения епископу, который впал в ересь, и цитировали слова Св. Иоанна Златоуста о праве паствы на выбор себе пастыря: «Овцы имеют право выбирать себе пастыря». На доводы миссионеров о необходимости св. причастия, староверы обычно отвечали, что «мы каждый день причащаемся – хлеб едим и воду пьем»⁹. Большие затруднения вызывали вопросы о церковной обрядности. Как известно, одной из основных задач никоновской реформы было приведение обрядности в Русской Церкви в соответствие с обрядностью в греческой Церкви. Об этом в конце XIX века не могли говорить православные миссионеры, так как РПЦ в это время уже считала, что греческая Церковь заражена католицизмом, т. е. разделяла точку зрения староверов. Споры о крестном знамении обычно заканчивались тем, что стороны приходили к заключению, что совсем не важно, как крестится верующий – тремя или двумя перстами, важно, какой смысл он в это вкладывает.

Собеседования в Риге начались в 1889–1890 годах, когда епископ Арсений (Брянцев), используя свои петербургские связи, пригласил самых известных «противостарообрядческих» миссионеров того времени – иеромонаха Арсения (Алексеева, 1845–1913)¹⁰ и протоиерея Ксенофонта Крючкова (1842–1909). Открывая одно из собеседований, проведенных иеромонахом Арсением 12 марта 1889 года в Рижской Всехсвятской церкви, Рижский архиерей заявил, что «цель беседы нашей с вами, братья, отнюдь не обличение или укор заблуждающимся, а искреннее желание, проникнутое истинной христианской любовью, привести всех к познанию истины, согласию и соединению, чтобы все мы, как братья во Христе не по имени только, но самым делом принадлежали к святой Церкви, и приобщались от одной чаши Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа»¹¹. Владыка Арсений не пояснил, в какой форме возможно такое

соединение, но само собою подразумевалось, что, по мнению православного архиерея, единственно возможной формой мог быть только переход староверов в официальную Православную Церковь.

Иеромонах Арсений провел в марте 1889 года в Риге восемь беседований. Темы бесед были традиционными: церковные таинства, о браках законных и незаконных, о решениях московского Собора 1666–1667 годов и т. п. В отчете о беседах, проведенных о. Арсением, отмечалась его эмоциональность, обличительный, напористый тон его выступлений. Судя по тому, что каждое выступление миссионера заканчивалось «горячей благодарностью» слушателей, а также тем, что каждый старался получить от него благословение, подавляющее большинство аудитории составляли православные. Исключением была седьмая беседа о. Арсения, проведенная 12 марта во Всехсвятской церкви. На это собеседование пришла большая группа староверов, которые своим шумным поведением попытались помешать выступлению миссионера. На это последовало резкое замечание о. Арсения: за «22 года своей миссионерской деятельности (он) никогда не встречал терпимости христианской у именуемых старообрядцев, они никогда не оказывались способными для братской беседы об истинах веры. Это объясняется тем, что кто удаляется от Св. Церкви, тот удаляется и от Духа Святого, в том не может быть христианского терпения». Во время этой беседы выступил старообрядец, домохозяин Цветков, который, используя свои записи, попытался опровергнуть доводы миссионера, который отвечал ему «строго обличительным тоном»¹².

На последней беседе, которая состоялась 14 марта 1889 года в Рижском Христорождественском кафедральном соборе, иеромонах Арсений подвел итог своим рижским выступлениям и призвал всех при-

существовавших быть «воинами царства Божия и все свои силы посвящать защите матери своей – Православной Церкви... Вы живете среди именуемых старообрядцев – раскольников и различных сектантов. Может быть, кого-нибудь из вас соблазняют обычаи этих неверных, их льстивые слова; для вразумления подобных людей пусть послужат мои беседы». По словам Владимира Плисса, составившего отчет о визите о. Арсения, «двое именуемых старообрядцев, посещавших все беседы о. Арсения, при помощи благодати Божией осознали гибельность раскольнических заблуждений и выразили желание возвратиться к любвеобильной матери своей – присоединиться к Св. Православной Церкви». Удивляет только то, что с восторгом отметив этот наиболее наглядный результат миссионерской деятельности о. Арсения в Риге, автор отчета не счел нужным назвать имена этих неофитов Православной Церкви¹³. В целом, Владимир Плисс считал, что рижские беседы о. Арсения «произвели весьма хорошее впечатление не только на именуемых старообрядцев», но и «на православных, живущих среди раскольников и сектантов, предохраняя чад Православной Церкви от соversions. Кроме того, миссионерские беседы и собеседования вносят в городскую среду религиозное оживление, пробуждают религиозные интересы, среди раскольников возникает живейшее искание православной истины, и многие из заблуждающихся становятся на истинный путь»¹⁴.

Протоиерей Ксенофонт родился в с. Паима Пензенской губернии в поморской семье. Его родители принадлежали к купеческому сословию, занимались кожевным делом. Имея в своем распоряжении богатую библиотеку книг духовного содержания, которая была у его деда, Ксенофонт очень рано научился грамоте. С годами стал широко эрудированным человеком, отличался своими ораторскими способностями.

В православие перешел в 1866 году под влиянием знакомства с бывшим федосеевцем, знатоком древнерусской и святоотеческой литературы, архимандритом Павлом (Ледневым, 1821–1895) Прусским и митрополитом Московским Св. Филаретом (Дроздовым, 1782–1867). В 1880 году был рукоположен во иереи и стал одним из самых популярных миссионеров РПЦ, выступления которого собирали большие аудитории слушателей. Протоиерей Ксенофонт умело направлял беседу в нужное для него русло, поднимал вопросы, к ответам на готовые был заранее обстоятельно подготовлен, имея в своем распоряжении тщательно отобранные исторические факты, цитаты из св. Писания, из деяний св. Отцов, из трудов православных богословов, из древнерусской литературы¹⁵.

Открывая 18 марта 1890 года в Рижском кафедральном Христорождественском соборе рижский цикл бесед о Ксенофонте, епископ Арсений (Брянцев) заметил, что «цель наших собеседований – утверждать в правоте находящихся в недрах Православной Церкви и обращение на путь истины заблуждающихся»¹⁶.

Протоиерей Ксенофонт Крючков провел в Риге пять собеседований. Тема первого собеседования была традиционной для подобного рода встреч – о Церкви Христовой. После своего вступительного слова миссионер предложил староверам публично опровергнуть его доводы. На это один из староверов заявил, что в православном соборе «старообрядцы не могут ничего говорить» и пригласил миссионера выступить в их моленном доме. На это предложение о. Ксенофонт ответил, что он «может прийти в моленную, но с тем условием, чтобы вы держали себя там сдержанно, все со вниманием слушали. Но сделаете ли вы это? Нет». По словам о. Ксенофонта, в своих моленных староверы оскорбительно относятся к православным миссионерам,

обзывают их бранными словами, причем особым фанатизмом отличаются женщины¹⁷. Этим и закончилось первое выступление синодального миссионера в Риге.

Надеясь все-таки вызвать староверов на диалог с о. Ксенофонтом, епископ Арсений выступил с речью и перед вторым собеседованием, проведенным миссионером 20 марта в Благовещенской церкви. В своей речи архиерей призвал всех присутствующих «без стеснения вступать в беседу с о. миссионером, соблюдая при этом осторожность в словах, приличие и вежливость. Избави Господь всех нас от того, чтобы мы стали унижать друг друга, презирать и смеяться: Господь Бог нас за это накажет. Не будем, братья, друг другу силою навязывать своих вероисповеданий, но будем просить Господа, чтобы Он открыл истину заблуждающимся, и чтобы она была принята ими добровольно и сознательно, и послужила им во спасение»¹⁸. Однако несмотря на все приглашения о. Ксенофонта опровергнуть его доводы о неимении у староверов Церкви и о незаконности их браков, никто из староверов не захотел ему оппонировать.

Третья беседа синодального миссионера в Риге состоялась 21 марта во Всехсвятской церкви. И это собеседование предварил своим обращением к слушателям епископ Арсений: «Прошу вас, возлюбленные братья, со всем вниманием выслушать беседу о. протоиерея, облегчить вашу душу разрешением тех сомнений, которые тяготят вас, не стесняйтесь обращаться к нему за разрешением ваших сомнений»¹⁹. В этой беседе о. Ксенофонт дал анализ понятию «антихрист» и попытался проанализировать старообрядческое отношение к св. таинствам.

Четвертое собеседование, проведенное протоиереем Ксенофонтом Крючковым 23 марта в единоверческой церкви, было посвящено церковным обрядам. Миссионеру удалось вызвать на диалог двух староверов и доказать им, что раз Церковь имеет право

трансформировать обрядную сторону богослужения, то в таком случаи вполне правомерны были и изменения, проведенные патриархом Никоном. И это собеседование показало, что с о. Ксенофонтом практически невозможно было спорить – слишком хорошо он ориентировался в предмете спора.

Наконец, в последней, пятой беседе, состоявшейся 25 марта в Рижском Христорождественском кафедральном соборе, протоиерей Ксенофонт Крючков подвел итог всем своим предыдущим встречам с рижанами и в очередной раз проанализировал основные разногласия Православной Церкви со старообрядцами-беспоповцами²⁰.

Выступления протоиерея К. Крюčkова вызвали огромный интерес со стороны рижан. Достаточно сказать, что такие большие по площади храмы, как Христорождественский кафедральный собор, Благовещенская и Всехсвятская церкви во время выступлений о. Ксенофонта не могли вместить всех желающих. Поразительно, но рижская аудитория того времени была готова 3–4,5 часа слушать анализ сложнейших богословских вопросов, причем не просто слушать, но и вступать с докладчиком в дискуссию.

По мнению, Владимира Плисса, выступления миссионера способствовали, прежде всего, укреплению в вере православных Риги. Действительно, судя по тому, что каждая беседа о. Ксенофонта заканчивалась тем, что многие слушатели подходили к протоиерею под благословение, понятно, что подавляющее большинство аудитории составляли православные.

Разумеется, среди слушателей синодального миссионера не было никого, кто бы мог на равных вести с ним диалог. О. Ксенофонт сам выбирал тему собеседования, был готов к разговору на эту тему, был начитанным человеком и профессиональным оратором, который своей взвешенной, продуманной аргументацией мог сокрушить

любого оппонента. Более того, он был настолько уверен в своих силах, что всегда заранее объявлял тематику своего следующего собеседования, давая возможность потенциальным оппонентам подготовиться. Вместе с тем эти беседы принесли большую пользу и рижским староверам, так как подтолкнули их к углубленным занятиям богословскими вопросами. Если верить отчету о миссионерских беседах 1889–1890 годов, составленному преподавателем Рижской Духовной семинарии, под влиянием собеседований, проведенных о. Ксенофонтом, десять рижских староверов²¹ перешли в православие. Однако при этом выступления известного миссионера только укрепили общину рижских староверов. Говоря словами настоятеля Рижской единоверческой церкви о. Петра Рогункова²², благодаря беседам протоиерея К. Крюčkова и иеромонаха Арсения, рижские «раскольники, а тем более ярые раскольницы, из страха, чтобы не пошатнулся их раскол, сильнее стали защищать свое отступление от Церкви Христовой, разумеется, не публично, но среди своей братии и простого люда»²³, то есть стали усиленно заниматься анализом догматов своего вероисповедания, защитой их от нападков официальной Церкви.

Воодушевленное выступлениями синодальных миссионеров, епархиальное руководство решило продолжить уже своими силами проведение собеседований со староверами. В 1890–1891 годах несколько бесед на «противостарообрядческие» темы провел преподаватель РДС В. И. Плисс. Их только формально можно назвать собеседованиями, так как на самом деле это были открытые учебные занятия для семинаристов, на которых было разрешено присутствие посторонних. Организатор бесед не упоминает, воспользовались ли посторонние, в том числе и рижские староверы, этим разрешением²⁴.

Собственно публичные собеседования начались в ноябре 1892 года. Организации и проведению их способствовал перевод в апреле 1892 года в Ригу опытного миссионера, единоверческого священника Трифона Прокопьева, который хорошо знал Рижскую старообрядческую общину²⁵. Собеседования проходили или в единоверческой, или в Благовещенской, или во Всехсвятской церквях. Первые три собеседования, проведенные о. Трифоном, были посвящены учению о Церкви Божией, происхождению раскола в РПЦ и природе сект. В этих беседах принял участие диакон единоверческой церкви П. Злотников²⁶, который зачитывал соответствующие места из Св. Писания, из Пролога и других, уважаемых старообрядцами книг. Однако, несмотря на все попытки о. Т. Прокопьева вызвать старообрядцев на дискуссию, вопросов к лектору не было. Собеседования, проведенные о. Трифоном 10 и 31 января 1893 года были посвящены разбору письма, подготовленному специально для этих бесед «убогими старцами» Рижской Гребенщиковской общины. Разумеется, что сам факт написания этого документа свидетельствовал о повышенном интересе староверов к тематике бесед, проводимых о. Трифоном. На чтение и анализ письма «убогих старцев» 10 января пришло много староверов, однако никто из них не выступил с комментариями. Только один старообрядец несколько раз публично пригласил о. Трифона в старообрядческую моленную, где ему «все ответят». Разбор письма «убогих старцев» был продолжен на беседе 31 января, на которой выступил старообрядец А. Е. Еремеев. Он заявил, что книги, которые цитирует священник, не являются истинными, он им не верит, «правильные книги только те, которые хранятся у нас в моленной». Дискуссии с Еремеевым не получилось, так как после своих слов он покинул место собеседования. После этого выступил старообрядец А. И. Рыбаков,

который вел себя очень сдержанно, поэтому на все его вопросы о. Трифон дал «надлежащие разъяснения».

Много слушателей привлекло собеседование, которое провел преподаватель РДС В. И. Плисс 21 февраля в единоверческой церкви на тему «Семейная жизнь рижских федосеевцев пред судом Божественного Откровения и церковных канонов», однако вопросов к докладчику не было. Три собеседования были проведены в марте 1893 года, которые, по сути, были только лекциями миссионеров²⁷. В целом, первый цикл собеседований, организованный местными силами осенью 1892 – зимой-весной 1893 года, был адресован более православным Московского предместья Риги, чем староверам, которые к «отщепенцу» о. Трифону Прокопьеву относились с недоверием, в свою очередь, в «противораскольничьем» преподавателе РДС В. И. Плиссе видели только врага.

Осенний цикл собеседований 1893 года открыл 19 сентября в Рижском кафедральном Христорождественском соборе архиепископ Арсений (Брянцев). В своей речи архиерей «пригласил заблуждающихся к мирной и тихой беседе о важных религиозных предметах веры», попросил «заблуждающихся наших братьев приходить на эти беседы не ради пустого словопрепия, а ради уяснения и принятия великих и спасительных истин Христовой веры». Хотя формально беседы проводились со старообрядцами, по словам их ведущего о. Владимира Плисса, его выступления были адресованы, прежде всего, православным рижанам, которые «живут среди многочисленных разноверцев, среди последователей разных сект». Поэтому необходимо публично проанализировать «заблуждения сектантов для того, чтобы преступная их деятельность не могла иметь успеха в православной среде»²⁸, то есть удержать свою паству от влияния сект.

В 1894–1895 гг. о. Трифон Прокопьев и о. Владимир Плисс проводили лишь отдельные беседы на религиозно-нравственные темы. К организации целого цикла публичных выступлений решено было вернуться в начале 1896 года. Программа собеседований была заранее опубликована в «Рижских Епархиальных Ведомостях» и «Рижском Вестнике». Собеседования проводили о. Трифон Прокопьев, о. Владимир Плисс и диакон единоверческой церкви о. Петр Злотников. Беседы проходили по воскресным дням в двух местах – или в единоверческой церкви, или в помещении школы при РДС. В целом, в январе-марте 1896 года было проведено 10 собеседований по тематике: «Отношение старообрядцев и сектантов к Св. Писанию и Св. Преданию», «Особенности старообрядческого чтения символа веры», «О таинстве св. причащения», «Признаки православия и неправославия», «О духовном царствовании антихриста», «О перстосложении для крестного знамения» и др.²⁹ Особенно многолюдным было собеседование, проведенное о. Владимиром Плиссом 10 марта на тему «Об истинности Церкви». На это беседу из Саратова специально приехал известный старообрядческий начетник Худошин. По словам о. Владимира Плисса, написавшего отчет об этой беседе, разумеется, «все приводимые Худошиным доводы о. Вл. Плисс подробно рассмотрел и объяснил неправильность их»³⁰.

Ровно через год, в январе-марте 1897 года о. Трифоном Прокопьевым и о. Владимиром Плиссом было проведено восемь собеседований. Места проведения – кафедральный собор, единоверческая церковь и помещение образцовой школы при РДС, тематика собеседований – практически та же, что и в предыдущие годы: «История австрийского лжесвященства», «О священстве духовном и таинственном», «Каноническое достоинство великого

Московского Собора 1666–1667 гг.», «О Церкви Христовой», «О таинстве крещения», «О службах в старообрядческих моленных», «О почитании и молитвенном призывании ангелов» и др.³¹ По словам о. Вл. Плисса, «народ усердно посещал беседы», однако «именуемые старообрядцы и сектанты приходили на беседы в небольшом числе и редко выступали на защиту своих верований». Первые шесть собеседований проходили без вопросов со стороны аудитории и не дольше чем полтора часа каждое, а большую часть слушателей составляли семинаристы и преподаватели РДС. Только на седьмой беседе, состоявшейся 16 марта в единоверческой церкви, по вопросу о молитве Иисусовой выступил один из староверов, в результате чего развернулась дискуссия. На последнем, восьмом собеседовании весеннего цикла 1897 года, состоявшемся в кафедральном Христорожественском соборе, было особенно много староверов, так как на нем вновь собирался выступить старообрядческий книжник из Саратова Худошин. Действительно, Худошин попытался выступить с комментариями, однако о. Вл. Плисс не дал ему слова, сославшись на то, что «всякие разговоры и словопрения в храме запрещены, дабы не оскорблено было этим место молитвы». Священник подробно объяснил аудитории, почему нельзя оскорблять дом молитвы разговорами, подрывать благоговейное чувство народа к церкви и т.п., однако не объяснил, почему же в таком случае местом собеседования был выбран кафедральный собор³².

В 1898 году собеседования состоялись вновь во время Великого поста, в феврале-марте, в единоверческой церкви и в помещении образцовой школы. Как обычно, их провели священники Владимир Плисс и Трифон Прокопьев. Тематика была традиционная: о браке, о священстве, о таинствах, о Церкви и др. Споры вызвал только

вопрос о законности или незаконности браков, заключаемых старообрядческими наставниками. В подтверждение своей правоты староверы и о. Вл. Плисс ссылались на Большой Катехизис и Кормчую, однако на разные места, поэтому не могли убедить друг друга³³.

С 1899 года форма собеседований изменилась. Они стали практическими занятиями по курсу «История и обличение русского раскола и местных сект и обличительное богословие», читаемого о. Владимиром Плиссом для семинаристов VI курса, на которых могли присутствовать посторонние. Перед каждым собеседованием о. Владимир Плисс читал соответствующее место из Евангелия, далее следовало выступление семинариста и ответы на вопросы. В перерывах хор семинаристов исполнял песнопения знаменного распева. С 2 февраля по 11 апреля было проведено 10 собеседований, причем участие семинаристов значительно расширило тематику бесед. Так, семинарист Антон Крафт выступил с докладом «О догмате в обряде с разъяснением права Церкви Христовой изменять обряды», семинарист Андрей Маршан – «Об имени Спасителя «Иисус» и старообрядческих мнениях о Нем», семинариста Ивана Панкуля – «О препятствиях к соединению старообрядцев с Православной Церковью», о. Трифона Прокопьева – «О спорах рижских федосеевцев и поморцев в настоящее время» и др.³⁴ Практически после каждого доклада с резкой критикой его содержания выступал старообрядец И. Цветков.

Во время собеседования, проведенного 7 марта 1899 года в единоверческой церкви, произошло событие, которое удостоилось внимания официального издания Св. Синода «Церковных Ведомостей». По словам автора заметки, после окончания собеседования, когда все присутствующие запели молитву к Пресвятой Богородице,

один из старообрядцев, назвавшийся Онуфрием Безродным, подошел к солее и попросил священника Владимира Плисса благословения на присоединение к Православной Церкви: «Я – старообрядец, слыша Ваши слова, почувствовал жажду святого причастия и решился присоединиться к Церкви, о чем и прошу Вас». ... Отец Владимир Плисс, взволнованный до глубины души таким обращением к святой Церкви, высказал чувство радости и благодарности Богу за милость, указал на чудесное действие благодати Божией на сердце человека и пригласил всех к благодарной молитве. Все собрание слушателей как бы одними устами и одним сердцем пропело похвалу Божией Матери. Минута была умирительно-трогательная. В ближайшую за сим субботу старообрядец Безродный, а также и другой старообрядец – Иванов, заявивший о своем желании присоединиться к православию на другой день после помянутой беседы, были присоединены о. В. Плиссом к православию в кафедральном соборе после Всенощного бдения в присутствии большого числа молящихся³⁵. Это событие было описано с таким пафосом, что истинность его вызывает сомнения.

Все собеседования, проведенные в Риге в начале XX века, проходили по одной схеме: доклад семинариста, ответы на вопросы, если была в этом нужда – комментарии или о. Трифона Прокопьева, или о. Владимира Плисс. Особенно бурно прошли собеседования в феврале-марте 1904 года (собеседования и в этот год были проведены, как обычно, во время Великого поста). Основным предметом собеседований были по-прежнему «заблуждения» староверов, но так как часть их затрагивали и неопротестантские религиозные течения, участие в прениях приняли и неопротестанты. Очень шумно прошло собеседование 29 февраля, посвященное кресту Христову, которое

провел о. Трифон Прокопьев. Если верить отчету о собеседовании, о. Трифона почти на каждом слове прерывали старообрядцы, которые пришли большой группой, руководимой двумя известными в Риге начетниками – Иваном Цветковым и Николаем Машуриным. Это собеседование имело продолжение в виде пространного письма рижских староверов епископу Рижскому и Митавскому Агафангелу (Преображенскому), в котором было изложено старообрядческое понимание восьмиконечного креста и выражен протест против действий православных миссионеров, которые во время собеседований якобы не дают возможность старообрядческим книжникам отстаивать свою позицию. Комментируя это письмо, о. Владимир Плисс заявил, что «чтение начетников останавливается лишь в том случае, когда читаемое вовсе не относится к делу, и когда обнаруживается, что сами начетники не понимают того, что они читают». По словам православного священника, это неудивительно, так как «некоторые старообрядческие начетники только грамотные, а некоторые даже совсем безграмотные, и что все они одинаково невежественны в вопросах веры»³⁶. К сожалению, на словах зывая к терпимости и христианскому человеколюбию, на деле в пылу спора как православные миссионеры, так и староверы часто голословно оскорбляли друг друга.

Весенние собеседования 1904 года были последними публичными дискуссиями по старообрядческой тематике. В начале XX века в Прибалтике резко активизировались неопротестантские религиозные течения, особенно баптисты и адвентисты, под влиянием революции 1905-1907 гг. в народной среде стремительно распространялись различного рода материалистические теории социалистического толка. На их фоне привычный, степенный консерватизм староверов уже не только не казался православному

духовенству опасным, но, наоборот, даже стал вызывать уважение. Показательно, что в 1913 году епархиальным миссионером Рижской епархии был назначен бывший баптистский проповедник Феодор Буцен³⁷. Этим назначением епархиальное руководство еще раз показало, что основным объектом миссионерской работы является не старообрядческая среда, а неопротестанты.

Управлению Рижской епархии пришлось отказаться от публичных собеседований со староверами еще и потому, что 15 апреля 1906 года скоропостижно скончался ведущий специалист по старообрядчеству в Рижской епархии – единоверческий священник Трифон Прокопьев, заменить которого было нечем.

После принятия указа 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» руководство РПЦ какое-то время находилось в состоянии шока. Привыкнув к привилегированному положению Православной Церкви в Российской империи, церковная иерархия вначале не могла понять как же в дальнейшем вести себя с представителями других религиозных конфессий, с которыми до последнего времени, опираясь на мощную поддержку правительства, нужно было только бороться. По словам епископа Полоцкого и Витебского в 1902–1911 годах Серафима (Мещерякова), с принятием указа 17 апреля 1905 года «меры административные потеряли всякую силу... Да и вообще полицейские меры – не меры Церкви. У Церкви меча нет, а если раскольники терпели стеснения, то только потому, что этого хотело правительство. Теперь же правительство само отнимает у себя меч. Духовенство должно бороться исключительно пастырскими средствами»³⁸.

Вспоминая в 1914 году учебные занятия в РДС, латышский православный священник А. Петерсон³⁹ подверг публичные собеседования со староверами, посещение

которых для семинаристов старших курсов было обязательным, резкой критике: «На этих собеседованиях каждая сторона, не всегда ради выяснения истины, а в подтверждение своего учения старается привести какие-то тексты Св. Писания, прямо даже не относящиеся к обсуждаемому вопросу и его не выясняющие. Делается это с единственной целью – не дать себя видимо победить противнику. Сомнительно также, чтобы эти собеседования часто посещали люди, действительно ищущие истины». По мнению священника А. Петерсонса, у этих собеседований не было никаких реальных результатов⁴⁰.

Сложно сказать, как оценивали миссионерские собеседования сами рижские староверы. Однако совершенно очевидно, что благодаря проведению этих бесед у староверов появилась возможность открыто высказывать (пропагандировать) свои религиозные воззрения; специально готовиться к этим беседам, т. е. усиленно заниматься самообразованием; слышать аргументацию приглашенных на беседы старообрядческих книжников.

Один из организаторов и активных участников публичных собеседований с рижскими староверами в конце XIX –

начале XX в. священник Владимир Плисс отметил в 1907 году, что «значение миссионерских бесед, как средства привлечения старообрядцев в лоно Православной Церкви, не так очевидно и может быть даже оспариваемо... Старообрядцы слепо, фанатично уверены в своем правоверии и остаются глухими к самым наглядным, самым очевидным доказательствам их неправоверия. В рассуждениях своих они догматичны, они не стараются обосновать свои взгляды, признавая их непогрешимость. Миссионерские беседы для них малоубедительны». Возникает вопрос: зачем же тогда нужно было в течение почти 20 лет проводить эти собеседования, если они не могли переубедить староверов? Священник Владимир Плисс так ответил на этот вопрос: собеседования были нужны не для того, чтобы заставить староверов перейти в Православную Церковь, что, как показала многолетняя практика миссионерской работы, совершенно невозможно, а прежде всего для того, чтобы укрепить в вере православных и единоверцев и «парализовать пропаганду староверия» в православной среде⁴¹. Правда, миссионер не объяснил, удалось ли с помощью собеседований достигнуть этого результата.

Примечания

- 1 Катькова В. В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди старообрядцев в Самарской епархии последней трети XIX века. Ч. 1. //samstar-biblio.osoz.ru/publ/144-1-0-1554.
- 2 Архиепископ Арсений (Брянцев). О миссионерстве вообще и в Рижской епархии – особенно// «Прибавления к Церковным Ведомостям». № 3, 18 января 1897 г. – С. 78–90.
- 3 Архив Люцинского благочиния (далее – АЛБ), «Указ из Полоцкой Духовной консистории от 19 июля 1901 года».
- 4 Цит. по: Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2. Москва. 1997. – С. 164.
- 5 Там же. – С. 197.
- 6 По вопросу об устройстве миссий против раскола и разных сект// «Рижские Епархиальные Ведомости». № 19. 1 октября 1888 г. – С. 576.
- 7 Владимир Игнатьевич Плисс родился в 1862 г. в г. Пружаны Гродненской губ. Закончил Виленскую Духовную семинарию, затем – Санкт-Петербургскую Духовную Академию (СПДА). Интересно отметить, что однокурсником В. И. Плисса был будущий Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин), а ректором СПДА в 1883–1887 гг. служил епископ Ладожский Арсений (Брянцев), который и пригласил Плисса в Ригу. В 1893 году Владимир Плисс был рукоположен в священника Рижского Христорождественского

- кафедрального собора, в 1900–1915 гг. – ключарь кафедрального собора. В 1915 году был эвакуирован в Нижний Новгород, где служил настоятелем храма Вознесения Господня. В марте 1926 года протоирей Владимир Плисс был арестован органами ЧК и вывезен в Казанскую тюрьму. Скончался 28 февраля 1927 года в Казани в Университетской клинике.
- 8 В. П. Беседы синодального миссионера, протоиерея К. Крючкова с именуемыми старообрядцами в г. Риге // «Рижские Епархиальные Ведомости». №11. 1 июня 1890 г. – С. 339.
 - 9 В. П. Миссионерские беседы в г. Риге // «Прибавления к Церковным Ведомостям». №10. 6 марта 1893 г. – С. 413–414.
 - 10 Отец Арсений (Степан Федотович Алексеев) родился в семье крестьян Бугурусланского уезда Самарской губернии. В 1860 году поступил послушником в Бузулукский Мойский монастырь. 9 марта 1863 года был пострижен в рясофор. В 1869 году перемещен в Самарский Николаевский монастырь, стал членом Самарской миссии. С 1869 года стал регулярно направляться в разные селения губернии для собеседований со староверами и молоканами. В 1877 году была издана его книга «Проповедание истины в Самарской епархии». В 1882 году был направлен на Афон, где 9 марта 1883 года был пострижен в мантию. 1 мая 1883 года рукоположен во иеродиакона, спустя семь дней – во иеромонаха. В 1886 году был передан в распоряжение Св. Синода для работы с сектантами. С 1888 года проводит миссионерские беседы в разных губерниях Российской империи. В июле 1890 года причислен к братии Санкт-Петербургской Александро-Невской Лавры. 13 июля 1890 года был официально назначен синодальным противосектантским миссионером. В 1894 году возведен в сан игумена. Из-за разногласий с руководством Св. Синода в ноябре 1898 года был лишен должности синодального миссионера. Поводом для такого решения послужило издание о. Арсением своей книги «Обличение на книгу Фаррара именуемую «Жизнь Иисуса Христа». Всероссийскую известность приобрел в ноябре 1905 года, когда стал одним из основателей «Союза русского народа» (другое название этой православно-монархической, националистической организации – «Черная сотня»). Скончался 20 августа 1913 года на Афоне в Андреевском скиту, был похоронен в лесной чаще.
 - 11 В. П. Миссионерские беседы в г. Риге // «Рижские Епархиальные Ведомости». №15. 1 августа 1889 г. – С. 509.
 - 12 Там же. – С. 510–517.
 - 13 В. П. Миссионерские беседы в г. Риге // «Рижские Епархиальные Ведомости». №10. 15 мая 1889 г. – С. 348–353; №15. 1 августа 1889 г. – С. 508–520; №17. 1 сентября 1889 г. – С. 570–577.
 - 14 В. П. Миссионерские беседы в г. Риге // «Рижские Епархиальные Ведомости». №17. 1 сентября 1889 г. – С. 576–577.
 - 15 Владимир Плисс. Синодальный миссионер, протоирей Ксенофонт Никифорович Крючков и его собеседования с именуемыми старообрядцами в г. Риге // «Рижские Епархиальные Ведомости». №8. 15 апреля 1890 г. – С. 231–237.
 - 16 В. П. Беседы синодального миссионера, протоиерея К. Крючкова с именуемыми старообрядцами в г. Риге // «Рижские Епархиальные Ведомости». №9. 1 мая 1890 г. – С. 282.
 - 17 Там же.
 - 18 Речь Преосвященного Арсения перед вторым собеседованием миссионера протоиерея Ксенофонта Крючкова, сказанная в Благовещенской церкви 20 марта // «Рижские Епархиальные Ведомости». №10. 15 мая 1890 г. – С. 299.
 - 19 Речь Преосвященного Арсения перед третьим собеседованием миссионера протоиерея Ксенофонта Крючкова, сказанная во Всехсвятской церкви 21 марта // «Рижские Епархиальные Ведомости». №11. 1 июня 1890 г. – С. 332.
 - 20 В. П. Беседы синодального миссионера, протоиерея К. Крючкова с именуемыми старообрядцами в г. Риге. Пятая беседа // «Рижские Епархиальные Ведомости». №12. 15 июня 1890 г. – С. 364–365.
 - 21 Как и в случае с иеромонахом Арсением, имена перешедших в православие староверов не упоминаются.
 - 22 Священник Петр Рогунков (1834–1891), в 1859 г. рукоположен во диакона, в 1869 г. во священника Петропавловской единоверческой церкви Ново-Ладожского уезда; в 1877 г. перемещен к Ржевской Благовещенской единоверческой церкви. В 1883 г. – к Рижской Михаило-Архангельской единоверческой церкви; скончался 6 ноября 1891 г.
 - 23 В. П. Несколько слов по поводу миссионерских бесед в г. Риге // «Рижские Епархиальные Ведомости». №12. 15 июня 1890 г. – С. 369–371.
 - 24 В. П. Миссионерские беседы в г. Риге // «Прибавления к Церковным Ведомостям». №10. 6 марта 1893 г. – С. 413.
 - 25 Трифон Миньч Прокопьев родился в Пруссии в семье старообрядцев-поморцев. Окончил приходскую школу, после чего 6 лет прожил в старообрядческом монастыре, которым управлял о. Павел Прусский. В юношеском возрасте

- переехал в Ригу, где, занимаясь самообразованием, открыл школу для старообрядческих детей. В 1877 году под влиянием своего духовного отца архимандрита Павла Прусского перешел в единоверие. Жил в Москве, где под руководством профессора Московской Духовной Академии Н. И. Субботина занимался изучением древних рукописей и старопечатных книг. Параллельно вместе с архимандритом Павлом Прусским проводил беседы с московскими староверами. 13 февраля 1878 года Т. М. Прокопьев также сдал экзамен по богословию и церковной истории. 7 мая 1878 он был рукоположен во священника Св. Троицкой единоверческой церкви с. Григорьево, Меленковского уезда, Владимирской губ. Был назначен миссионером Меленковского уезда, регулярно проводил беседы со староверами и сектантами. В 1891 г. в с. Григорьево был освящен новый каменный единоверческий храм. В 1892 г. о. Трифон перешел на службу в Рижскую епархию в качестве настоятеля Рижской Михаило-Архангельской единоверческой церкви. В 1894–1895 гг. в Риге был построен новый Михаило-Архангельский единоверческий храм. В 1897 году о. Трифон был командирован в Илукстенский уезд, где он провел беседы со староверами Гривы и Скрудалиене. Скоропостижно скончался 15 апреля 1906 года, был похоронен на Всехсвятском кладбище г. Рига (Свящ. Вал. Плисс. Священник Трифон Прокопьев//«Рижские Епархиальные Ведомости». №13, 1 июля 1906 г. – С. 544–551).
- 26 Священник Петр Злотников, до июля 1892 г. диакон Одесского Архиерейского Дома, в июле 1892 г. назначен диаконом Рижской единоверческой Михаило-Архангельской церкви; в 1896 г. рукоположен во священника Черносельской (Муствез) единоверческой церкви; в 1899 г. перемещен к Раксольской (Раксала) единоверческой церкви; после 1903 г. служил в Томской епархии.
- 27 В. П. Миссионерские беседы в г. Риге//«Прибавления к Церковным Ведомостям». №10. 6 марта 1893 г. – С. 413–414.
- 28 Религиозно-нравственные беседы с народом и собеседования с именуемыми старообрядцами в г. Риге// «Рижские Епархиальные Ведомости». №20. 15 октября 1893 г. – С. 736–739.
- 29 Миссионерские беседы в г. Риге в 1896 году// «Рижские Епархиальные Ведомости». №2. 15 января 1896 г. – С. 93–95.
- 30 В. П. Миссионерские беседы в г. Риге//«Прибавления к Церковным Ведомостям». №17. 27 апреля 1896 г. – С. 625.
- 31 Соколов П. Миссионерские беседы в г. Риге// «Прибавления к Церковным Ведомостям». №27. 5 июля 1897 г. – С. 927–929.
- 32 Священник Владимир Плисс. Миссионерские беседы в 1897 г. //«Рижские Епархиальные Ведомости». №12–13. 15 июня–1 июля 1897 г. – С. 613–626.
- 33 Миссионерские беседы и собеседования со старообрядцами и сектантами в гор. Риге в 1898 году// «Рижские Епархиальные Ведомости». №9. 1 мая 1898 г. – С. 356–366.
- 34 Расписание собеседований с именуемыми старообрядцами в 1899 году// «Рижские Епархиальные Ведомости». №5. 1 марта 1899 г. – С. 220–221.
- 35 Миссионерские беседы в городе Риге//«Прибавления к Церковным Ведомостям». №21. 22 мая 1899 г. – С. 835–836.
- 36 Миссионерские собеседования с именуемыми старообрядцами в г. Риге в 1904 г.// «Рижские Епархиальные Ведомости». №6–7. 15 марта–1 апреля 1905 г. – С. 245–264.
- 37 Буцен Феодор Антонович (1869–1942), до 1913 г. баптистский проповедник, 27 декабря 1913 г. присоединился к Православной Церкви, с 1914 г. епархиальный миссионер; в 1923–1932 гг. редактор журнала «Вера и Жизнь»; 17 декабря 1940 г. был арестован органами НКВД, в 1942 г. расстрелян.
- 38 Беседа Преосвященного Серафима с представителями духовенства// «Полоцкие Епархиальные Ведомости». №5. 1905 г. – С. 158.
- 39 Митрополит Августин (в миру – Августин Петерсонс, 1873–1955), в 1895 г. окончил Рижскую Духовную семинарию, служил псаломщиком; 13 июня 1904 года рукоположен во священника Сунцельской (Сунтажи) церкви, с 1908 г. настоятель Смилтеновской церкви; с 1914 г. служил полковым священником; с 1921 г. настоятель Двинского (Даугавпилс) Борисо-Глебского собора, с 1 ноября 1925 г. гарнизонный священник; 29 марта 1935 г. хиротонисан в сан епископа и интронизирован на кафедру митрополита Рижского и всея Латвии; 11 апреля 1941 г. передал все дела Экзаршему управлению; в августе 1944 г. эмигрировал в Германию; скончался 4 октября 1955 г.
- 40 Священник А. Петерсон. О приходской миссии// «Рижские Епархиальные Ведомости». №11. 1 мая 1914 г. – С. 348–353.
- 41 Миссионерские беседы с именуемыми старообрядцами в 1906 году в Риге в единоверческой церкви// «Рижские Епархиальные Ведомости». №20. 1 апреля 1907 г. – С. 216–217.

Антоний Миронович (Польша)

Православная Церковь на территории Белоруссии во время Второй мировой войны

После начала в июне 1941 г. наступления армии Третьего Рейха на территорию Советского Союза Патриарший экзарх митрополит Вольнский и Луцкий Николай (Ярушевич) покинул территорию Белоруссии. В июле этого же года Московским Патриархатом экзархом Белоруссии был поставлен архиепископ Пантелеимон (Рожновский). Таким образом, на территории оккупированных немецкими войсками белорусских земель оказались два православных архиерея: архиепископ Гродненско-Вилейский Пантелеимон и епископ Брестский Венедикт (Бобковский)¹. Начался новый период истории Православной Церкви в Белоруссии².

Прежде чем был подготовлен проект создания Белорусской Православной Автокефальной Церкви, митрополит Варшавский Дионисий (Валединский) предпринял попытку распространения своей юрисдикции на территории, входившие до 1939 года в состав Польши. 9 сентября 1941 г. под председательством митрополита Дионисия в Варшаве был создан «Белорусский Церковный Совет». Совет подготовил специальный меморандум по проблеме урегулирования религиозной жизни в Белоруссии, который

впоследствии был представлен немецким оккупационным властям. Совет предложил подчинить белорусские православные приходы власти митрополита Дионисия, а также посвятить в епископский сан трёх архимандритов: Феофана (Протасевича), Филофея (Нарко) и Афанасия (Мартоса)³. Реакция немецких властей на этот меморандум точно неизвестна. Судя по всему, в период стремительного наступления немецких войск на Восточном фронте у оккупационной власти не было плана урегулирования церковных вопросов на захваченных территориях.

Положение Церкви в восточной части Белоруссии было трагическим. В этом регионе не было ни епископов, ни священников. Большинство церквей и монастырей советской властью было уничтожено или закрыто, приспособлено под складские помещения или под светские общественные учреждения (клубы, кинотеатры и т. п.). В Минске из девяти церквей осталась только одна, которая находилась на военном кладбище. В местечках восточной Белоруссии в течение нескольких лет богослужения не совершались. На территории западной Белоруссии духовенство было относительно

многочисленным. Именно оно попыталось восстановить религиозную жизнь на территориях, занятых немецкими войсками. К деятельности этих священников немецкая администрация относилась благосклонно, надеясь с помощью возрождения религиозной жизни в Белоруссии вывести местное население из-под коммунистического влияния. Немецкие власти считали, что православное духовенство пользовалось доверием белорусского общества⁴.

Первоначально немцы, не ориентируясь в канонических вопросах, признали председателем Православной Церкви в Белоруссии игумена Владимира (Финковского), который находился в юрисдикции митрополита Дионисия (Валединского). Деятельность игумена Владимира в Минске была узаконена постановлением митрополита Варшавского от 9 сентября 1941 г. о создании подчиненной ему Белорусской Православной Церкви. Игумен Владимир открывал новые приходы, назначал в них священников, совершал действия, находящиеся в ведении епископа⁵. Деятельность игумена Владимира в Минске продолжалась до образования официальной церковной иерархии. Создание новой церковной организации в Белоруссии обсуждалось политиками, сотрудничавшими с оккупационными властями. Их проект образования Белорусской Автокефальной Православной Церкви отвечал интересам оккупационных властей, которые выступали за разрыв любых контактов Православной Церкви в Белоруссии с Русской Православной Церковью.

*

Первые проекты создания Белорусской Автокефальной Церкви появились среди элиты белорусского общества еще после 1917 года. 9–10 августа 1922 г. в Минске под председательством епископа Мелхиседека (Паевского) состоялся съезд духовенства и мирян Минской митрополии, который

Архиепископ Пантелеимон
и митрополит Дионисий
на Синоде епископов в 1938 году

принял решение о преобразовании существующей церковной структуры в Белорусскую Православную Церковь. В 1927 г. митрополит Мелхиседек (Паевский) созвал Собор епископов, духовенства и представителей мирян белорусских земель, входящих в состав СССР. Собор объявил о создании Автокефальной Белорусской Православной Церкви и разорвал все формы зависимости от Московского Патриархата. Постановления белорусского Собора встретили решительное сопротивление со стороны коммунистических властей и Русской Православной Церкви. Вскоре после Собора митрополит Мелхиседек и другие инициаторы создания Белорусской Автокефальной Православной Церкви были арестованы⁶. К этому проекту вновь вернулись после оккупации белорусских земель немецкими войсками.

Тема автокефалии была затронута уже в сентябре 1941 г. в Минске во время встречи епископа Брестского Венедикта (Бобковского) с главой Минского округа Радославом Островским, впоследствии – президентом Белорусского Центрального Совета⁷. Встреча касалась организации церковной жизни в новой военно-политической ситуации.

Карта территории Польши в 1939–1941 гг.

Островский настаивал на том, чтобы все изменения в церковной жизни происходили в белорусском национальном духе, а вновь посвящаемые епископы были исключительно белорусской национальности.

В присутствии Радослава Островского епископ Венедикт получил от Генерального Комиссариата Белоруссии письмо, адресованное архиепископу Пантелеимону (Рожновскому). В письме, датированным 3 октября 1941 г., были определены условия функционирования на территории Белоруссии Православной Церкви. Генеральный Комиссариат подтверждал, что Православная Церковь в Белоруссии должна руководствоваться церковными канонами, а немецкие власти не будут вмешиваться в её внутренние дела. Православная Церковь на территории Белоруссии должна была принять название «Белорусская Автокефальная Народная Православная Церковь». Все проповеди произносились побелорусски, на белорусском языке должен был преподаваться Закон Божий, на белорусском языке должны были выходить

церковные издания. Впредь избрания епископов, назначения благочинных и священников не могли происходить без разрешения немецких властей. Вопросы организации церковной жизни должны были быть урегулированы Уставом Церкви. Литургия должна была совершаться на церковно-славянском языке⁸. Главным определяющим фактором политики Третьего Рейха в отношении к православному населению на оккупированных территориях было создание церковной структуры, которая не была бы организационно связана с Русской Православной Церковью.

Архиепископ Пантелеимон настойчиво относился к идее создания автокефальной Церкви в Белоруссии, считая, что этот вопрос можно рассматривать лишь согласовав его с Московским Патриархатом. Архиепископ Пантелеимон не соглашался на неканонические действия⁹.

После получения письма Генерального Комиссариата архиепископ Пантелеимон и епископ Венедикт решили созвать 6 октября 1941 г. церковный Собор. На Соборе были приняты следующие решения: выполнить условия, указанные в письме Генерального Комиссариата; перенести резиденцию митрополита из Жировицкого монастыря в Минск и основать Духовную семинарию; дать архиепископу Пантелеимону титул митрополита Минского и вся Белоруссии. Протокол первого заседания Собора имел красноречивое название: „Акт №1 деяний Собора Епископов Белорусской Православной Церкви”. Протокол стал первым документом в истории Православной Церкви в Белоруссии, в котором Собор официально был назван „белорусским”. Собор переслал свои постановления Генеральному Комиссариату, подтвердив, что вся организация церковной жизни на благо Белорусской Церкви должна осуществляться лишь каноническим путём¹⁰.

7 октября 1941 г. Генеральный комиссар Белоруссии генерал Вильгельм Кубе

распорядился признать митрополита Пантелеимона (Рожновского) предстоятелем Белорусской Православной Церкви. Для утверждения новой церковной структуры необходимо было открыть новые епархии и посвятить их архиереев. Так как не хватало кандидатов в епископы, митрополит Пантелеимон был вынужден хиротонисать тех, которые ранее служили в юрисдикции митрополита Варшавского Дионисия. 23 ноября 1941 г. в Жировицком монастыре была совершена хиротония архимандрита Филофея (Нарко) в епископа Слуцкого, викария Минской епархии. После хиротонии Филофея митрополит Пантелеимон послал епископа Венедикта в Гродно. Одновременно митрополит поручил священникам Иосифу Балаю и Иоанну Кушнеру оборудовать в Минске резиденцию епископа. Ранее, в августе, в Минск приехал архимандрит Серафим (Шахмуц), который попытался возродить в городе религиозную жизнь¹¹.

30 ноября 1941 г. митрополит Пантелеимон и епископ Слуцкий Филофей переехали в свою резиденцию в Минске, которая находилась в здании бывшего женского Преображенского монастыря. Кафедральный собор, в котором коммунисты устроили спортивный клуб, был отремонтирован и вновь открыт как собор.

Появление белорусской иерархии и открытие православных церквей привело к возрождению религиозной жизни на всей территории Белоруссии. Митрополит Пантелеимон с большим трудом находил священников для вновь открывающихся приходов. Поредевшее вследствие коммунистических преследований духовенство не было в состоянии удовлетворить духовные нужды всех верующих. В результате в священники рукополагались миряне, не имевшие богословского образования. Немецкая администрация поощряла открытие церквей, особенно на территории восточной Белоруссии.

Митрополит Пантелеимон (Рожновский)

С проблемами иного характера столкнулся в Гродно и в Брестской епархии епископ Венедикт. В декабре 1941 г. в Бресте появилась пронемецкая организация украинских националистов, которая потребовала заменить Владыку Венедикта епископом украинской национальности. Решительный протест духовенства и верующих сохранил существующее положение церковной жизни. Возникший „Украинский Церковный Совет” потребовал отъезда епископа Венедикта из Бреста¹². Дополнительные сложности появились в связи с возникновением национальной церковной структуры на Украине и присоединением к ней, вопреки воле местного населения, епархии Полесской и Брестской.

В мае 1941 г. решением Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Старгородского) был уволен на покой архиепископ Полесский и Пинский Александр (Иноземцев). После передачи Полесской и Брестской областей Комиссариату Украины, архиепископ Александр вместе с епископом Луцким и Ковельским Поликарпом (Сикорским) создали Украинскую Автокефальную Православную Церковь. Эти иерархи, опираясь на поддержку

митрополита Варшавского Дионисия, начали интенсивную украинизацию церковной жизни и белорусского населения¹³. Архиепископ Александр стремился включить в свою юрисдикцию и Брестскую епархию, которой управлял епископ Венедикт (Бобковский), входивший в состав белорусского епископата. 25 февраля 1942 г. администратор Украинской Автокефальной Православной Церкви архиепископ Поликарп (Сикорский) потребовал от епископа Венедикта передать епархию в управление архиепископа Александра. В ответ на это епископ Брестский Венедикт 2 апреля 1942 г. проинформировал архиепископа Поликарпа, что решением Собора Епископов Белорусской Церкви и с согласия архиепископа Берлинского Серафима (Ляде) (РПЦЗ) он назначен экзархом Автономной Православной Церкви в Восточной Пруссии, поэтому сложил с себя обязанности епископа Брестского.

Владыка Венедикт был против передачи приходов Брестской епархии архиепископу Александру по причине отрицательного отношения последнего к митрополиту Минскому Пантелеимону и окружения себя духовными лицами, на которых лежали канонические прещения. Владыка Полесский и Пинский Александр также обвинялся в проступках, не совместимых с достоинством иерарха Церкви. В результате епископ Венедикт оставил Брест и переехал в Гродно, а его место занял епископ Иоанн (Лавриненко), принадлежащий к Украинской Автокефальной Православной Церкви¹⁴.

Митрополит Пантелеимон не обладал большим опытом администрирования Церкви. Много лет он пребывал в Жировицком монастыре, не участвовал в политической жизни, не до конца понимал ситуацию, в которой оказался. Его открытость и искренность только мешали ему в контактах с немецкими властями и белорусскими политиками. Митрополит был противником перемен в церковной жизни, стремился

сохранить русский язык в проповедях и в духовном образовании, был противником белорусификации Церкви. Митрополит Пантелеимон также пытался сохранить канонические контакты с Русской Православной Церковью. Предстоятель „Белорусской Автокефальной Народной Православной Церкви” не выполнял условий, предъявленных ему немецкими властями, более того, начал во время богослужений поминать имя Патриаршего Местоблагодетеля митрополита Сергия (Страгородского). Деятельность Пантелеимона неизбежно должна была привести к конфликту с немецкой администрацией и с белорусскими политиками.

Пронемецки настроенные белорусские деятели направили митрополиту Пантелеимону меморандум, в котором потребовали белорусификации церковной жизни, т. е. реализации принятых в октябре 1941 года постановлений. Проблема белорусификации церковной жизни в Белоруссии решалась стихийно. На белорусском языке шло церковное делопроизводство. На этом же языке духовенство произносило проповеди, общалось с верующими. Использование в богослужении церковно-славянского языка было гарантировано Уставом Православной Белорусской Церкви. Условия белорусификации церковной жизни, выдвигаемые белорусскими деятелями, имели контекст более политический, нежели религиозный. Эти условия скорее были нужны для контактов с немецкой администрацией и для предъявления их друг другу во внутривластных спорах, нежели для удовлетворения реальных нужд белорусского православного общества.

В феврале 1942 г. белорусские политики обратились к Генеральному комиссару Вильгельму Кубе с просьбой оказать давление на митрополита и передать управление приходами Минской епархии в руки викарного епископа Слуцкого Филофея. Кубе, опасаясь что немецкая администрация может

потерять доверие части православного духовенства, не торопился с принятием такого решения. Немецкие власти потребовали от митрополита созвать Собор Епископов, которым был бы принят Устав „Белорусской Автокефальной Народной Православной Церкви”.

Во время обострения отношений между митрополитом Пантелеимоном и немецкими властями в Минск из оккупированных вермахтом польских территорий прибыл архимандрит Афанасий (Мартоc). Именно ему митрополит поручил подготовить церковный Устав. При его подготовке архимандрит Афанасий взял за основу Устав Польской Автокефальной Православной Церкви от 1938 г. Чтобы утвердить новый Устав необходимо было созвать Архиерейский Собор. В условиях военного времени и суровой зимы 1942 г. это было очень сложно. По просьбе митрополита в январе 1942 г. архимандрит Афанасий отправился за епископом Гродненским Венедиктом. Афанасий после этой поездки должен был вернуться в монастырь в Турковицах. Однако в Гродно Владыка Венедикт убедил архимандрита Афанасия вернуться в Минск и принять участие в работе Архиерейского Собора¹⁵.

В работе Архиерейского Собора участвовали митрополит Пантелеимон, епископ Гродненский Венедикт и епископ Слуцкий Филофей. Собор открылся лишь 8 марта 1942 г. Секретарём Собора являлся архимандрит Афанасий. Первым вопросом, которым занялся Собор, было поведение бывшего игумена Жировицкого монастыря Владимира (Финьковского). Игумен Владимир не признавал канонически избранных церковных иерархов – митрополита Пантелеимона и епископа Венедикта. Настоятель Жировицкого монастыря самовольно провозгласил себя епископом Минским и начал назначать священников на приходы. Игумен потребовал от епископа Венедикта, чтобы последний посвятил его сначала

в архимандрита, а затем и в епископа. Епископ Венедикт отклонил требования игумена Владимира (Финьковского), поскольку жировицкий игумен находился в юрисдикции митрополита Варшавского Дионисия, который дал ему сан архимандрита и место минского благочинного. Поведение игумена Владимира привело к конфликтам в приходах, что позволило немецкой администрации вмешиваться в церковные дела. Более того, взбунтовавшийся игумен обвинил белорусских епископов в том, что их деятельность доведёт Православную Церковь до унии с Римом. По мнению немецких властей, игумен Владимир был прекрасным пропагандистом интересов Третьего Рейха, однако не пользовался доверием белорусского епископата¹⁶. В сложившейся ситуации Собор запретил игумену Владимиру служить в Белорусской Православной Церкви и попросил немецкие власти удалить его с территории Белоруссии, так как он находился в юрисдикции митрополита Дионисия¹⁷. Генеральный Комиссар Белоруссии выполнил просьбу Собора и игумен Владимир был вынужден оставить Минск. Он выехал в Полесскую епархию, управляемую архиепископом Александром (Иноземцевым).

8–10 марта 1942 г. Собор утвердил Устав Белорусской Православной Церкви и образование шести епархий: Витебско-Полоцкой, Белостоцко-Гродненской (территориально она простиралась до Восточной Пруссии), Минско-Вилейской, Могилёвско-Мстиславской, Новогрудско-Барановицкой и Смоленско-Брянской. Границы епархий совпадали с границами немецких оккупационных административно-территориальных округов. Белостоцко-Гродненская епархия получила статус автономной, а её предстоятель – титул экзарха Восточной Пруссии. Этот титул объяснялся тем, что земли Белостоцкой и Гродненской областей вошли в состав Восточной Пруссии.

Епископы Белорусской Православной Церкви поставили на Минскую митрополию кафедру митрополита Пантелеимона. Владыка Филофей стал епископом Могилёвско-Мстиславским, епископ Венедикт – Белостоцко-Гродненским, Стефан (Симеон Севба) – епископом Смоленско-Брянским, приехавший из Почаевской Лавры Вениамин (Новицкий) стал епископом Новогрудско-Барановицким, Афанасий (Марто́с) – епископом Витебско-Полоцким. Хиротония епископа Афанасия была совершена 8 марта во время заседания Собора, Стефана (Севбы) – 17 мая 1942 г. Во время Собора митрополит Пантелеимон присвоил Владыкам Венедикту и Филофею титулы архиепископов. Кроме того, Собор постановил открыть в епархиях Духовные семинарии и начать издание церковной периодической печати и литературы¹⁸.

Год спустя после Собора была образована еще одна, седьмая епархия – Гомельско-Мозырская. Архиереем этой епархии в октябре 1943 г. стал бывший настоятель кафедрального собора в Гродно Георгий Борышкевич, который принял имя Григорий¹⁹. После занятия советскими войсками украинских земель и ликвидации Рейхкомиссариата Украина весной 1944 г. вошла в состав Белорусской Православной Церкви. Были включены также епархии Брестская и Полесская.

С фактом образования структуры Белорусской Православной Церкви не мог согласиться митрополит Варшавский Дионисий, который 15 июля 1942 г. направил немецким властям новый меморандум. В этом документе митрополит Дионисий объяснял, что он, как канонический иерарх, имеет право контроля над епархиями, которые в 1939 году принадлежали Варшавской митрополии. Ограничение его юрисдикции границами генерал-губернаторства он считал незаконным, не отвечающим церковным канонам. Меморандум митрополита Дионисия принёс противоположные ожидаемым результаты. Митрополит был вызван губернатором

Фишером, который заставил иерарха написать декларацию о невмешательстве в церковные дела на территории Белоруссии и Украины²⁰.

После возвращения с Архиерейского Собора архиепископ Венедикт сотрудничал не только с митрополитом Пантелеимоном, но и с митрополитом Берлинским (РПЦЗ) Серафимом (Ляде), имя которого архиепископ Белостоцко-Гродненский поминал во время богослужения как предстоятеля местной Церкви. Позиция архиепископа Венедикта была вполне объяснима, ведь территория Белостоцко-Гродненской епархии входила в состав Третьего Рейха. При этом архиепископ Венедикт оставался в составе епископата Белорусской Православной Церкви.

Постановления Архиерейского Собора не смогли прекратить конфликт между митрополитом Пантелеимоном и белорусскими общественными деятелями, которые обвиняли митрополита в недостаточной идентификации с белорусским народом. В их представлении архиепископ Филофей в качестве администратора митрополии лучше бы способствовал распространению национальных идей, приданию Церкви белорусского характера. Белорусские деятели считали необходимым оформить автокефалию Церкви²¹. По мнению немецкой полиции и СД, митрополит Пантелеимон оставался лояльным к Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому) и продолжал следовать его распоряжениям. Оккупационные власти обвиняли митрополита в поддержке священников русской национальности, в том, что он не хотел рассматривать проект автокефалии²².

1 июня 1942 г. митрополит Пантелеимон под нажимом белорусских общественных деятелей и оккупационных властей передал управление митрополией епархии в руки архиепископа Филофея, а сам переехал в местечко Лады, расположенное в 30-ти км от Минска. Митрополит поселился в

предсоборной работе и поручили создать специальные предсоборные комиссии архиепископу Филофею. Последний, однако, не хотел принимать решений, противоречащих каноническому праву, и послал к митрополиту делегатов с просьбой, чтобы тот передал ему полномочия на созыв Всебелорусского Церковного Собора.

Под давлением немецкой администрации митрополит дал своё согласие на созыв Собора. По предложению немецкого Генерального комиссара архиепископ Филофей решил созвать Всебелорусский Церковный Собор в конце августа – начале сентября 1942 г. Делегатами Собора должны были быть представители духовенства и мирян. Главной целью Всебелорусского Церковного Собора должно было стать провозглашение автокефалии Белорусской Православной Церкви и утверждение её Устава. Начальник отдела Генерального Комиссариата – Юрда внёс многочисленные изменения в церковный Устав. В частности, по этим изменениям было запрещено крестить людей еврейского происхождения, создавать при монастырях ремесленные цеха, преподавать Закон Божий в школах и открывать семинарии без согласия немецких властей. Кроме того, Юрда изменил правовые основы церковных венчаний и подверг сомнению необходимость отмечания некоторых православных церковных праздников²⁵.

Собор состоялся в Минске 30 августа – 2 сентября 1942 г. В назначенный срок прибыли лишь делегации епархий Минской и Новогрудско-Барановицкой епархий. В остальных епархиях – Витебско-Полоцкой, Могилёвско-Мстиславской, Гомельско-Мозырской и Смоленско-Брянской – церковные структуры только организовывались, поэтому выборы делегатов на Собор не были проведены. На Соборе не могли быть делегаты от Белостоцко-Гродненской епархии, территория которой входила в состав

Третьего Рейха. Из Минской епархии на Собор прибыли 26 делегатов от духовенства и 42 от мирян. В свою очередь, Новогрудско-Барановицкую епархию представляли 17 духовных лиц и 22 мирянина. Во Всебелорусском Церковном Соборе приняли участие только три архиерея: архиепископ Филофей, епископы Афанасий и Стефан²⁶.

Собор проходил в зданиях бывшего женского Преображенского монастыря. С самого начала заседаний доминировала тема автокефалии и Устава Белорусской Православной Церкви. Во время Собора были прочитаны доклады по каноническим основам автокефалии и по истории Православной Церкви в Белоруссии. В докладах обращалось внимание на многолетнюю организационную независимость Церкви на белорусских землях и на благоприятные современные условия для обретения автокефалии. Участники собора составили послание Константинопольскому Патриарху с рассказом об истории Белорусской Православной Церкви. В послании предлагалось принять Белорусскую Церковь в состав автокефальных Православных Церквей. Послания с подобным содержанием были подготовлены для остальных Патриархов и предстоятелей поместных Церквей. На Соборе возник вопрос – кто же может подписать составленные Собором послания? Согласно каноническому праву, это должен был сделать митрополит, последний, однако, находился за пределами столицы митрополии. Вопреки ожиданиям оккупационных властей, делегаты не провозгласили автокефалии, а лишь утвердили Устав Белорусской Православной Церкви²⁷. Делегаты считали, что вопрос автокефалии следует отложить до более благоприятных, с точки зрения церковных канонов, условий, желательно – до окончания войны. Немецкая администрация и белорусские общественные деятели, выступавшие за

автокефалию, были вынуждены согласиться с решениями Всебелорусского Церковного Собора. Таким образом, Собор закончился без формального провозглашения автокефалии²⁸.

*

К проблеме автокефалии вновь вернулись весной 1943 г. Подписание подготовленных Собором посланий предстоятелям поместных Церквей требовало возвращения митрополита на занимаемую им ранее кафедру. Перед Пасхой 1943 г., по предложению трёх белорусских епископов – Филофея (Нарко), Стефана (Севбы) и Афанасия (Мартоца), оккупационные власти дали свое согласие на возвращение митрополита Пантелеимона в Минск. 16 апреля 1943 года митрополит Пантелеимон созвал Архиерейский Синод, который ещё раз утвердил текст посланий православным Патриархам²⁹. Послания были переданы в Генеральный Комиссариат, однако не были высланы адресатам. Одновременно епископы направили в Генеральный Комиссариат письмо по вопросу признания за каждым приходом 33 га надела бывшей колхозной земли³⁰.

Автономная Белостоцко-Гродненская епархия к 1 июля 1943 года состояла из 15 благочиний, которые насчитывали следующее количество приходов: Белостоцкое – 13, Бельское – 19, Велико-Бростовицкое – 9, Верховитское – 10, Волковыское – 19, Гайнувское – 9, Гродненское – 15, Зельвинское – 17, Каменецкое – 19, Остринское – 4, Пружанское – 13, Росское – 7, Семятичское – 13, Скидельское – 9 и Сокольское благочиние – 8 приходов. В Белостоцко-Гродненской епархии действовали приходские Советы, состоявшие из духовенства и мирян, а при кафедральном соборе в Гродно действовал Епархиальный Совет. При Епархиальном Совете были созданы погребальная касса и касса взаимопомощи бедным духовного звания и их семьям. На территории епархии по-прежнему действовал

женский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы в Гродно с игуменьей Серафимой и 58 насельницами, и монастырь св. Бориса и св. Глеба. По инициативе архиепископа Венедикта возрождались монашеская жизнь в Супрасльском монастыре. Владыка с особенным вниманием относился к приходам Белостоцкого и Сокольского благочиний, часто посещал их³¹.

В 1943 г. был пик развития церковных структур: открывались новые монастыри и приходы, тысячи людей крестились и активно участвовали в религиозной жизни. Трудности в функционировании Белорусской Православной Церкви были из-за отсутствия стабильности в отношении к Церкви оккупационных властей. Часто достаточно напряженными были отношения между церковной иерархией и мирянами, мешали нормальной церковной работе акции польских и советских партизан. В результате проведённых партизанами диверсионных актов в 1942–1943 гг. погибло более десятка представителей духовенства, несколько десятков церковных деятелей³². Множество духовных лиц погибло от рук немцев³³.

Первые крупные поражения на Восточном фронте заставили оккупационные власти изменить свое отношение к белорусским землям. Немецкое управление поддержало предложение епископа Смоленского Стефана хиротонисать в викарного епископа Смоленской епархии архимандрита Павла (Мелетьева). Хиротония архимандрита Павла в епископа Рославского прошла 11 июня 1943 г. в Минске. Новопоставленный викарный епископ вскоре стал самостоятельным архиереем в Брянске³⁴.

В октябре 1943 г. в Минске был создан Белорусский Центральный Совет, президентом которого стал Радослав Островский. При Белорусском Центральном Совете был образован Комитет по делам Церкви, который должен был заниматься вопросами

Фотография архиепископа Назария в «Белорусской Газете»

автокефалии и белорусификации Православной Церкви. Президент Белорусского Центрального Совета попытался влиять на кадровую политику – на назначения на приходы и епископские кафедры. Белорусские общественные деятели хотели лишить митрополита Пантелеимона представительства и заменить его архиепископом Пинским Александром (Иноземцевым). Предлагалось также вместо архиепископа Филофея поставить на Могилёвско-мстиславскую епархию епископа Смоленского Стефана³⁵. Однако оба иерарха отказались от этих перестановок, так как они не соответствовали каноническому праву.

В середине октября 1943 г. архиепископ Венедикт вместе с архимандритом Григорием (Георгием Борышкевичем), кандидатом на Гомельскую кафедру, отправился в Вену на конференцию Русской Православной Церкви Заграницей. 24 октября в Вене митрополитом Венским Анастасием архимандрит Григорий был хиротонисан во епископа Гомельского, а после возвращения на территорию Белоруссии вошел в состав

епископата Белорусской Православной Церкви. Однако из-за стремительного приближения линии фронта новый Владыка не смог занять кафедру в Гомеле.

Существенные изменения в структуре Белорусской Православной Церкви произошли после включения Полесья в состав Рейхскомиссариата Белоруссия. Архиепископ Брестский Иоанн (Лавриненко) попросил принять его в юрисдикцию Белорусской Православной Церкви. В апреле 1944 г. решением Белорусской Православной Церкви Синода Владыка Иоанн был принят в состав белорусского епископата с титулом «архиепископ Полесский и Брестский». Это решение Синода не признал митрополит Александр (Иноземцев), имевший кафедру в Пинске и оставшийся в юрисдикции Украинской Автокефальной Православной Церкви³⁶.

В начале мая 1944 г. Генеральный комиссар Белоруссии потребовал созыва Архиерейского Собора с целью осуждения избрания митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом Московским. Собор открылся 15 мая в Минске. Кроме епископата Белорусской Церкви в его работе в качестве гостя принял участие митрополит Александр (Иноземцев). В работе Архиерейского Собора также участвовали белорусские общественные деятели во главе с президентом Белорусского Центрального Совета Радославом Островским. Под давлением оккупационных властей епископы признали избрание Патриарха неканоническим, проведенным под руководством НКВД. Одновременно Архиерейский Собор выступил против вмешательства Белорусского Центрального Совета во внутренние дела Церкви. Важными решениями Собора было присоединение к Минской митрополии двух епархий – Пинской и Брестской, и утверждение Устава православной Духовной семинарии в Минске. Должность ректора семинарии была возложена на

архиепископа Филофея. Кроме того, Собор дал митрополиту Пантелеимону титул „блаженнейший”, который дается предстоятелям поместных Церквей³⁷.

Архиепископ Филофей в качестве заместителя митрополита участвовал в заседаниях Второго Всебелорусского Конгресса, открытого в Минске 27 июня 1944 г. Заместитель митрополита ознакомил участников Конгресса с современным состоянием Белорусской Православной Церкви, отметил необходимость религиозного воспитания белорусского народа³⁸.

В конце июня 1944 г., в связи с приближением линии фронта, епископы Белорусской Церкви приняли решение об эвакуации в Гродно, а оттуда – в Германию. Белорусские епископы собрались в здании Гродненской консистории и 7 июля 1944 г. отправились в Варшаву, откуда, после краткого пребывания у митрополита Варшавского Дионисия, выехали на запад. В сентябре 1944 г. белорусские епископы доехали до Сосновца, где поселились в доме православного священника Константина Гаврилкова. В начале 1945 г. все они проследовали в Германию, где после окончания войны вошли в состав Русской Православной Церкви Заграницей. Все бывшие белорусские Владыки получили архиерейские кафедры в Германии, Аргентине, Канаде и США³⁹.

*

Сложно оценить деятельность Белорусской Православной Церкви во время Второй мировой войны. С одной стороны, иерархи этой Церкви возродили

уничтоженную большевиками церковную структуру, с другой стороны, это было сделано с нарушением канонического права. Достижением Белорусской Православной Церкви было создание восьми епархий: Минской, Новогрудско-Барановицкой, Витебско-Полоцкой, Могилёвско-Мстиславской, Гомельско-Мозырской, Белостоцко-Гродненской, Брестско-Полесской и Смоленско-Брянской. В 1944 г. в Минске начала функционировать Духовная семинария, которая стала заниматься подготовкой духовенства для приходов Белорусской Православной Церкви. Впоследствии выпускники этой семинарии активно участвовали в религиозной жизни белорусов в эмиграции. В годы немецкой оккупации Церковь получила возможность проведения евангелизации. Было возрождено не только церковное образование, но и преподавание Закона Божиего в школах. В Минске начала издаваться церковная пресса⁴⁰. Белорусификация церковной жизни привела к росту религиозного и национального сознания жителей белорусских земель, что имело особое значение после окончания Второй мировой войны для эмигрантских кругов. Разумеется, часть духовенства была вынуждена сотрудничать с немецкими властями. Коллаборационизм, осужденный советской властью, дал импульсы для возрождения религиозной жизни во время войны и после ее окончания⁴¹. Большинство сторонников идеи автокефалии Белорусской Православной Церкви оказались в эмиграции или погибли в советских лагерях.

Примечания

1 И. Касьяк, *З хисторыі Праваслаўнай Царквы Беларускаяга народу*, с. 76–78; Н. Дораш, *Митрополит Панце ляшман (Ражноўскі) 1867–1950*, „Беларуский Правослаўны Календар”, Минск, 2002, с. 135.

2 И. Касьяк, *З хисторыі Праваслаўнай Царквы Беларускаяга народу*, New York 1956, s. 37–72. Тот же, *Byelorussia. Historical Outline*, London 1989, pp. 164–167; А. Свитич, *Правослаўная Царква в Польшы і ёй автокефалія*, Buenos Aires. 1959,

- с. 191–193; Senex, *Українська Православна Церква в часи другої світової війни 1939–1945*, München. 1946; Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, Buenos-Aires. 1966, с. 257–267. И. Власовский, *Нарис истории украинской Православной Церкви*, т. IV, ч. 2, New York. 1993; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na terenach Generalnego Gubernatorstwa, Białorusi i Ukrainie w latach 1939–1944* [в:] *Pokazanie Cerkwi prawdziwej. Studia nad dziejami i kulturą Kościoła prawosławnego w Rzeczypospolitej*, редакция Р. Chomika, Białystok. 2004, с. 172–179.
- 3 А. Свитич, *Православная Церковь в Польше и её автокефалия*, с. 268; A. Mironowicz, *Powstanie i działalność Białoruskiej Autokefalicznej Cerkwi Prawosławnej w latach 1941–1944*, [в:] *Kościół a państwo na rożnanczu polsko-litewsko-białoruskim*, редакция М. Kietlińskiego, К. Sychowicza і W. Śleszyńskiego, Białystok. 2005, с. 383–394.
 - 4 И. Касьяк, *З хисторыи Прусаўскай Царквы Беларускага народу*, с. 87; М. В. Шкаровский, *Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов*, Москва. 2003, с. 272–273.
 - 5 „Церковный Светач”, № 15; М. В. Шкаровский, *Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов*. Москва. 2003, с. 279.
 - 6 И. Касьяк, *З хисторыи Прусаўскай Царквы Беларускага народу*, с. 37–70; Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 257–267; A. Mironowicz, *Wokół problemów autokefalii Cerkwi prawosławnej na Białorusi* [в:] *Sprawozdanie z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności za 1994 rok*, т. LVIII, Kraków. 1995, с. 88–90; тот же, *About the Problem of Autocephalia of the Orthodox Church in Belorussia*, [в:] *Religie, edukacje, kultura. Księga pamiątkowa dedykowana profesorowi Stanisławowi Litakowi*, редакция, М. Surdackiego, Lublin. 2002, с. 316.
 - 7 Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 272; J. Turonek, *Białorus pod niemiecką okupacją, Warszawa 1989*, с. 120–150; E. Mironowicz, *Historia Białorusi*, Białystok. 2001, с. 253–254.
 - 8 И. Касьяк, *З хисторыи Прусаўскай Царквы Беларускага народу*, с. 84; Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 272; Н. Дораш, *Митрополит Панцеляман (Ражноуски) 1867–1950*, с. 136.
 - 9 М. В. Шкаровский, *Политика Третьего Рейха...*, с. 271.
 - 10 Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 272–273; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny...*, с. 184–185.
 - 11 И. Касьяк, *З хисторыи Прусаўскай Царквы Беларускага народу*, с. 85–87; J. Charkiewicz, *Męszczyzny XX wieku*, Warszawa 2004, с. 142–143.
 - 12 А. А. Корнилов, *Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1942–1944 гг.)*, Нижний Новгород. 2000, с. 23.
 - 13 Рапорт немецкой полиции от 10 августа 1941 г., М. В. Шкаровский, *Политика Третьего Рейха...*, с. 274–275.
 - 14 М. В. Шкаровский, *Политика Третьего Рейха...*, с. 272, 280, 281–282.
 - 15 Н. Дораш, *Митрополит Панцеляман (Ражноуски)*, с. 137.
 - 16 М. W. Szkarowski, *Polityka Trietiego riejcha...*, с. 277.
 - 17 Н. Дорош, *Белостоцко–Гродненская епархия (1942–1944)*, „Православный Вестник”, № 5–8, Гродно 2001, с. 21–22.
 - 18 И. Касьяк, *З хисторыи Прусаўскай Царквы Беларускага народу*, с. 94–96; Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 274–275; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny...*, с. 187–188.
 - 19 Н. Дораш, *Митрополит Панцеляман (Ражноуски)*, с. 137–138.
 - 20 А. Свитич, *Православная Церковь в Польше и её автокефалия*, с. 269.
 - 21 И. Касьяк, *З хисторыи Прусаўскай Царквы Беларускага народу*, с. 96–97.
 - 22 Рапорт СД от 12 января 1942 г. См.: М. В. Шкаровский, *Политика Третьего Рейха...*, с. 278. В другом рапорте от 5 июня 1942 г. доносилось о том, что в Белорусской Православной Церкви доминировало великорусское духовенство. Митрополита Минского обвиняли в связях с русским духовенством в Варшаве, Гродно, Вильнюсе, Пинске и Риге. Там же, с. 285–287.
 - 23 И. Касьяк, *З хисторыи Прусаўскай Царквы Беларускага народу*, с. 99–100; Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 274.
 - 24 И. Касьяк, *З хисторыи Прусаўскай Царквы Беларускага народу*, с. 102–105; Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 276–277; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny...*, с. 190.
 - 25 И. Касьяк, *З хисторыи Прусаўскай Царквы Беларускага народу*, с. 91; Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 277–278; A. Mironowicz, *The*

- Orthodox Church and Byelorussian People*, Białystok 2001, с. 54–55; тот же, *The Problem of Autocephalia of the Orthodox Church in Belorussia*, “Administracja Publiczna. Studia krajowe i międzynarodowe. Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Administracji Publicznej w Białymstoku”, nr. 2, Białystok 2003, с. 284.
- 26 Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 279.
- 27 И. Касьяк, *3 истории Православной Царквы Беларускага народу*, с. 173–188.
- 28 Там же, с. 110–116; Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 279–280.
- 29 И. Касьяк, *3 истории Православной Царквы Беларускага народу*, с. 124–126.
- 30 Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 280–281.
- 31 Н. Дорош, *Белостоцко-Гродненская епархия (1942–1944)*, с. 23.
- 32 И. Касьяк, *3 истории Православной Царквы Беларускага народу*, с. 117–121.
- 33 Там же, с. 122–124; А. Mironowicz, *Kościół prawosławny...*, s. 192–193.
- 34 В июле 1945 г. Владыка Павел в Германии стал католиком восточного обряда. Он умер в монастыре в Бельгии. Ср.: И. Касьяк, *3 истории Православной Царквы Беларускага народу*, с. 127; Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 281.
- 35 Белорусские деятели обвиняли архиепископа Филофея в русификации церковной жизни и в игнорировании интересов белорусского народа. Ср.: Там же, с. 288–290.
- 36 Там же, с. 282–283.
- 37 И. Касьяк, *3 истории Православной Царквы Беларускага народу*, с. 131–134; Арх. Афанасий Мартос, *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*, с. 283–284.
- 38 И. Касьяк, *3 истории Православной Царквы Беларускага народу*, с. 135.
- 39 О судьбах митрополита Пантелеимона и других епископов Белорусской Православной Церкви в эмиграции, ср.: И. Касьяк, *3 истории Православной Царквы Беларускага народу*, с. 140–170; Н. Дораш, *Митрапалит Панце ляман (Ражноўска) 1867–1950*, с. 139–142; А. Mironowicz, *Białoruska Autokefaliczna Cerkiew Prawosławna na emigracji po II wojnie światowej*, [в:] *Autochtoniczne mniejszości na pograniczach a ich stosunki z odseparowanymi etosem macierzystym*, редакция, S. Jackiewicz, Białystok 2009, с. 129–147.
- 40 И. Касьяк, *3 истории Православной Царквы Беларускага народу*, с. 135.
- 41 Е. Мартынюк, *Białoruska Autokefaliczna Cerkiew Prawosławna po II wojnie światowej*, [в:] *Dziedzictwo związków językowych, historycznych i kulturowych polsko-balto-wschodniosłowiańskich. Z badań humanistycznych*, т. VII, редакция, J. Nosowicza i K. Budrowskiej, Białystok 2001, с. 124–133; А. Mironowicz, *Życie religijne prawosławnej emigracji białoruskiej po II wojnie światowej*, „Białoruskie Zeszyty Historyczne”, nr. 33, Białystok 2010, с. 116–134.

Константин Обозный

Профессор Иван Давыдович Гримм

Штрихи к биографии

“Жизнь как испытание – это благородная жизнь.”

Хосе Ортега-и-Гассет. “Восстание масс”

*

Главное богатство любой страны – ее народ, а замечательным цветом нации являются святые, подвижники, яркие самоотверженные личности, благодаря которым и созидалось величие земли. Сегодня далеко не о всех подобных личностях мы можем говорить с уверенностью, чей-то образ почти изгладился из памяти народной, о ком-то стараются не упоминать, а в отношении кого-то советская идеология и ее нынешние преемники приложили максимальные усилия для того, чтобы оклеветать и исказить их жизненный путь, обесценить их заслуги перед страной. К числу таких людей по праву принадлежит герой нашего очерка – профессор Иван Давыдович Гримм. Офицер, ученый, защитник своего земного Отечества, верный сын Православной Церкви. Человек благородный, принадлежащий к элите российского общества, однако не в силу лишь своего дворянского происхождения, но потому, что, по словам Гете: “Жить как хочется – плебейство, благородны долг и верность”. Долг и верность – именно эти два качества были для Ивана Давыдовича спутниками всей его жизни. Именно они всегда сохраняли его как целостную личность.

Ровно 70 лет назад прекратила свое славное служение “Православная Миссия в освобожденных областях России” с центром в городе Пскове. Упоминание об этом событии неслучайно. Профессор Иван Давыдович Гримм имел непосредственное отношение к истории Псковской Миссии, поскольку в период немецкой оккупации служил начальником канцелярии Прибалтийского экзархата, являлся личным секретарем митрополита Сергия (Воскресенского), экзарха Прибалтики, инициатора создания Псковской Православной Миссии. К сожалению, до сих пор большие периоды жизни профессора Гримма остаются неизвестными.

По характеристике, данной профессору Гримму осенью 1944 года офицерами прокуратуры Ленинградского военного округа, Иван Давыдович являлся немецким ставленником, прибывшим с оккупантами из нацистской Германии, агентом СД и гестапо, он якобы ловко манипулировал самим экзархом Сергием (Воскресенским) и в 1941–1944 гг. и в деятельности Прибалтийского экзархата проводил профашистскую линию. Попытаемся проверить этот вывод.

Иван Давыдович Grimm происходит из славного рода, представителей которого по праву можно отнести к российской дворянской элите. Он родился 4 ноября 1891 года в Санкт-Петербурге в семье ректора Санкт-Петербургского университета Давыда Давыдовича Grimma. Его дед Давыд Иванович Grimm был профессором архитектуры, ректором Императорской Академии Художеств, имел множество титулов и наград. Д. Д. Grimm был видным государственным деятелем, в 1907–1917 гг. – членом Государственного Совета. После Октябрьского переворота 1917 года являлся членом подпольного Временного правительства. В 1919 году был арестован органами советской власти, однако в 1920 году ему удалось бежать из советской России в Финляндию. Друзья помогли раздобыть сани и лошадей, и в одну из январских ночей по льду Финского залива Д. Д. Grimm перебрался на финский берег. [4].

Оказавшись в Гельсингфорсе, Д. Д. Grimm вместе с А. В. Карташовым редактировал газету «Русская жизнь», затем неофициально был редактором сменившей ее газеты «Новая русская жизнь». Он входил в ближайшее окружение генерала Н. Н. Юденича, являлся представителем генерала барона П. Н. Врангеля в Гельсингфорсе, председателем Гельсингфорского отдела Всероссийского Национального центра, а также Объединенного совещания всех русских организаций в Финляндии. [23, 17–38].

В 1922 году профессор Д. Д. Grimm и его семья переехали в Прагу. В эмиграции Grimm продолжал заниматься преподаванием и научной деятельностью, однако в 1929 году Русский юридический факультет Карлова (Пражского) университета прекратил учебную деятельность (официально был упразднен в 1933 году), и профессор Grimm-старший принял приглашение возглавить кафедру Римского права Юридического факультета Тартуского университета. В 1934 году профессор Д. Д. Grimm вышел на пенсию.

Иван Давыдович Grimm – выпускник Павловского военного училища. Петербург. Фотография 1916 г.

*

Иван Давыдович Grimm, следуя по стопам отца, в 1913 году окончил с дипломом первой степени Юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Осенью того же года был зачислен на службу в Министерство юстиции и направлен в Судебный департамент Правительствующего Сената. Осенью 1914 года он стал присяжным поверенным Петроградской судебной Палаты. В сентябре 1915 года Grimm в качестве ратника государственного ополчения 2-го разряда был призван к исполнению воинской повинности. 1 февраля 1916 года после окончания Павловского военного училища И. Д. Grimm был произведен в прапорщики с прикомандированием к Запасному батальону лейб-гвардии Павловского полка. В декабре 1916 года был направлен в действующую армию. Позднее в составе лейб-гвардии Павловского полка принимал участие в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны. За воинскую доблесть был представлен к производству в чин штабс-капитана и к награждению орденами Св. Станислава IV степени и Св. Анны III степени с мечами и бантами. [5].

Член Государственного Совета
профессор Давыд Давыдович Гримм.
Петербург. Фотография около 1917 г.

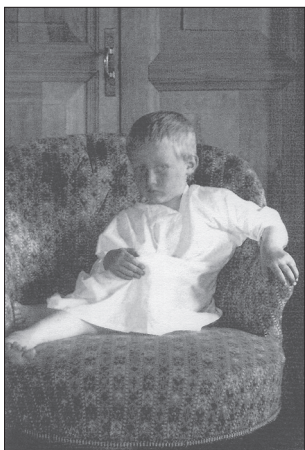
После Октябрьского переворота Иван Гримм поддержал «Белую идею» освобождения родины от большевизма. Известно, что штабс-капитан И. Д. Гримм служил в ВСЮР (Вооруженных силах Юга России), а в марте 1920 года из Одессы уехал в эмиграцию. С этого момента начинается его скитание...

По сведениям С. К. Бернева, который в целом отрицательно оценивает деятельность Псковской Православной Миссии, Иван Давыдович Гримм с декабря 1920 до лета 1922 г. проживал в Гельсингфорсе и принимал активное участие «в подпольной антисоветской работе в Петербурге и Кронштадте, возглавляемой его отцом (дипломатическим представителем армии Врангеля в Финляндии)». [6, 168–169].

Из Финляндии семейство Гриммов переехало в Чехословакию, где отец и сын активно участвовали в работе Карлова университета в Праге. В июне 1922 года, незадолго до отъезда из Финляндии, Иван Давыдович женился на поэтессе М. В. Максимова. В 1927 году Иван Давыдович сдал на

Русском Юридическом факультете Карлова университета магистерские экзамены по государственному праву и был удостоен звания приват-доцента. Вскоре Гриммы переехали в Эстонию, где начали преподавать в Тартуском университете. С 1928 по 1936 г. Иван Давыдович на Юридическом факультете университета читал на немецком языке курс истории философии права и вел практикум. [6, 169]. В Чехословакии и Эстонии И. Д. Гримм принимал активное участие в работе РОВСа (Русского общевоинского Союза), в котором выступал за продолжение борьбы с коммунизмом. Иван Давыдович Гримм не имел эстонского подданства. Он отличался своей военной выправкой, был человеком остроумным, интереснейшим рассказчиком. [17, 56].

Вскоре после приезда Гриммов в Тарту их дом стал центром местной русской интеллигенции. Тамара Павловна Милюткина, активный участник Русского Студенческого Христианского Движения в Эстонии, супруга Ивана Аркадьевича Лаговского, видного деятеля эмиграции и одного из руководителей РСХД, погибшего в 1941 году в сталинских застенках, писала в своих воспоминаниях: «Очень украсил русский Тарту приезд из Праги в 1927 году семьи профессора римского права Давыда Давыдовича Гримма. И он сам, и его сын Иван Давыдович – оба стали читать лекции на Юридическом факультете Тартуского университета. Оба были интереснейшими собеседниками для своих умных гостей. А мы – молодежь – совершенно очаровалась женой Ивана Давыдовича – Марией Владимировной, читавшей нам свои стихи». [17, 53]. Мария Владимировна, натура поэтическая, утонченная в эстонский период жизни Гриммов принимала «деятельное участие в многочисленных акциях по оказанию помощи русским эмигрантам: в благотворительных вечерах, спектаклях, лотереях». [16, 203].

Ваня Гримм. Петербург.
Фотография 1893 г.

Иван Давыдович Гримм – выпускник
Петербургского университета.
Фотография 1913 г.

Неоднократно в Тарту в гости к Гриммам приезжал близкий друг их семьи епископ Пражский Сергей (Королев). [17, 57].

Дом Гриммов был открыт не только для тех, кто искал возможность интеллектуального общения, но и для русских эмигрантов, нуждавшихся в поддержке и совете, в дружеском слове, в понимании, даже просто в возможности вкусно, по-домашнему пообедать в воскресные и праздничные дни. Вадим Макшеев, в то время – ровесник и друг первенца Ивана Давыдовича – Константина Гримма (родился 31 марта 1923 года), писал в своих воспоминаниях: «Помню рождественскую елку в профессорской квартире с высокими потолками, стоявшими вдоль стен книжными стеллажами, помню продолговатое, худощавое лицо Ивана Давыдовича Гримма и сидящего в кресле укрытого клетчатый пледом его старого отца, бывшего члена Государственного Совета России... Остались в памяти терпкие запахи елки, мешающиеся с ароматом тонких духов, исходивших от одетой в темно-фиолетовое платье хозяйки дома с восточными миндалевидными глазами, в которых словно затаилась улыбка леонардовской Моны Лизы. Впрочем, это

сравнение, пришедшее мне в голову сейчас. Тогда же меня главным образом занимали игрушки, которыми мы играли с Костей: оловянные солдатики, заводной автомобильчик...» [16, 203].

В Тарту Мария Владимировна встретила Василия Александровича Карамзина, потомка знаменитого историографа, ротмистра кавалерийского полка, так же, как и она, обреченного на изгнание. Сильное чувство, вспыхнувшее между ними, привело к разрыву Марии Владимировны с Иваном Давыдовичем и разводу, тяжело переживаемому в семье Гриммов. После развода Константин остался жить в доме отца, поскольку материальное положение Марии Владимировны было затруднительным. Это событие не помешало Константину на всю жизнь сохранить горячую любовь к маме.

Дальнейшая судьба Карамзиных была трагической. Сразу же после присоединения Эстонии к СССР летом 1940 года Василий Александрович Карамзин был арестован и в июне расстрелян во внутреннем дворе Таллиннской тюрьмы. Мария Владимировна с двумя сыновьями в июне 1941 года была депортирована в «телячьем» вагоне в Сибирь. 17 мая 1942 года Мария

Наталья Васильевна Гримм с сыном
Алешей. Тарту. Фотография 1936–1937 гг.

Владимировна умерла от истощения в местечке Новый Васюган. [16, 208–209].

Весной 1937 года Гриммы покинули Тарту. Их отъезд в Ригу вызвал искреннее сожаление у всех тех, кто любил и ценил общество этого незаурядного семейства. В доме доктора Клавдии Николаевны Бежаницкой (матери Тамары Павловны Милютиной) в честь Гриммов был дан прощальный ужин. На нем присутствовал весь цвет русской интеллигенции в Тарту, в том числе «маститый профессор Давыд Давыдович Гримм, его сын Иван Давыдович с Натальей Васильевной» [16, 105]. Наталья Васильевна – вторая супруга И. Д. Гримма, которая в эстонский период родила ему двух детей – в 1933 году сына Алексея и в 1936 году дочь Ольгу.

*

К моменту аннексии балтийских государств Советским Союзом летом 1940 года семья Гриммов проживала в Риге. Сведений об этом периоде жизни Гриммов сохранилось крайне мало. Можно сказать, что чудом Гриммы не были репрессированы. В Риге немного оставалось семей русской интеллигенции, которых не затронул советский террор. Как писал известный эмигрантский

журналист Николай Февр, за время своего пребывания в Прибалтике «...большевики умудрились восстановить против себя все слои населения Латвии. Когда они входили в Ригу, жители Московского форштадта, рабочего предместья Риги, устроили им оvation. Когда они уходили из Риги, в них стреляли из окон. В них стреляли из окон и в Московском форштадте». [22, 36]. Семья Гриммов в лице Давыда Давыдовича и Ивана Давыдовича изначально в отношении к советской власти никаких иллюзий не питала, а потому можно предположить, что с облегчением и надеждой приняла начавшуюся войну и стремительное бегство Красной армии из Латвии.

То, что Гриммы, и отец, и сын, не были арестованы в первые дни после установления советской власти летом 1940 года можно объяснить тем, что прошло не так много времени после их переезда из Тарту в столицу Латвии. Для Риги семья Гриммов в тот период была еще малоизвестна и, видимо, это сыграло свою решающую роль. Кроме того, советская власть надеялась остаться в Прибалтике надолго, вернее – навсегда. Судя по всему, очередь Гриммов до июня 1941 года еще не подошла.

В одном любопытном, однако нелишенном субъективности источнике упоминается о том, что в 1937 году профессор Гримм переехал «... в Ригу к своему тестю Василию Маслову, богатому домовладельцу. После установления советской власти Иван Давыдович устраивается на работу младшим конторщиком на керамической фабрике». [20, 25]. Действительно, И. Д. Гримм, устроившись на фабрику, затерялся среди рабочих и служащих. А семья Гриммов нашла кров в большом доме тестя Ивана Давыдовича – Василия Романовича Маслова. Сам Василий Романович начал свою жизнь бедным сиротой, а к закату жизненного пути был довольно состоятельным человеком – домовладельцем, политика его никогда не волновала.

Видимо, поэтому советские репрессивные органы до начала войны им так и не заинтересовались, хотя к арестам в доме Масло-вых-Гриммов были готовы. По воспоминаниям дочери профессора И. Д. Гримма Ольги Ивановны, для нее и брата Алеши предусмотрительно были шиты рюкзачки, в которые на случай ареста и депортации на север СССР положили белье и другие необходимые вещи. [5]

Как известно, после присоединения Прибалтики к СССР все граждане немецкого происхождения, жители некогда независимых балтийских государств, распоряжением рейхсканцлера получили возможность репатриироваться на историческую родину, в Германию. Формально ничего не мешало семейству Гриммов выехать в Германию. Однако, зная их пророссийскую настроенность, вряд ли для них был возможен такой вариант.

Глава семейства – Давыд Давыдович Гримм умер в Риге 29 июля 1941 года, когда территория Латвии, в том числе и ее столицу, уже заняли немецкие войска.

С приходом советской власти в прибалтийских странах начались серьезные изменения во всех отраслях жизни – экономика, политика, культура, образование стали перекраиваться по лекалам, принятым в Советском Союзе. В этом ряду не стала исключением и церковная жизнь. Следует отметить, что после трагической гибели архиепископа Рижского и всея Латвии Иоанна (Поммера), последовательного защитника интересов Православной Церкви и русского меньшинства в Латвийской республике, место первоиерарха занял митрополит Августин (Петерсонс). Эту личность вполне устраивал режим президента Карлиса Улманиса, проповедовавший пролатышскую политику, в том числе в религиозной сфере. Под давлением правительства Латвийская Православная Церковь разорвала канонические отношения с Московской Патриархией и

перешла под омофор Вселенского Патриарха. Кроме того, митрополит попытался провести ряд внутрицерковных реформ, нацеленных на последовательную латышизацию культа. Прежде всего, это касалось перехода церковной и богослужбной жизни на латышский язык и введения нового церковного календаря. Все это не могло не вызвать скрытого, а порой и явного протеста среди православных клириков и мирян. Большинство православных Латвии по своему происхождению не были латышами. Кроме того, в Латгалии (Восточная Латвия) языком межкультурного общения православного населения был русский, большинство священнослужителей не разговаривало на латышском языке, потому и не могли совершать на нем богослужения и проповедовать. Национальная политика правительства Улманиса подготовила к лету 1940 года потенциальных союзников новому советскому режиму. Как вспоминал священник Георгий Бенигсен, «мы хотим и стараемся верить, что Советский Союз уже «не тот», что там почти все эволюционировало к лучшему. К тому же мы, русские в Прибалтике, как меньшинство, несколько ущемлены. ...и в большевиках нам невероятно хочется видеть «своих» – русских». [2, 129].

Вопреки этим ожиданиям, подобно тому, как это было в 1920–1930-е гг. в СССР, с лета 1940 года в Латвии началось наступление на Церковь и верующих. Латвийская Православная Церковь воссоединилась с Московской Патриархией. В начале 1941 года был учрежден Прибалтийский экзархат, в который вошли Православные Церкви Литвы, Латвии и Эстонии. Возглавил это новое церковное образование митрополит Сергей (Воскресенский), прибывший весной 1941 года из Москвы в Ригу по заданию Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского).

Экзарха Сергея в Риге многие встретили настороженно и даже враждебно, считая его

агентом НКВД. Однако вскоре большинство православных клириков Риги рассмотрели в новом архиерее человека хотя и советского, но искренне верующего и церковного. Он был верным учеником Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (Старгородского), ярким представителем так называемой «сергианской партии», главным отличием которой была готовность к компромиссам с советской властью, вплоть до сотрудничества с органами Комиссариата Внутренних дел. В то же самое время экзарх Сергей был человеком пытливого ума, умевшим ценить надежных преданных помощников, оставлял впечатление независимого, властного, не пренебрегающего роскошью епископа. Часто митрополит Сергей использовал свои московские связи для решения тех или иных, казалось, непреодолимых церковных задач. По воспоминаниям местного духовенства, «чувствовалось, что приехал не представитель гонимой большевиками Церкви, а полномочный представитель Москвы, облеченный большой властью». [28, 108].

Однако, репрессии против духовенства и в перспективе – полный разгром Православной Церкви в Прибалтике митрополит Сергей (Воскресенский) остановить не мог. По воспоминаниям протопресвитера Александра Киселева, в предвоенный период служившего в Таллинне, экзарх Сергей ничего не сделал для спасения руководства Русского Студенческого Христианского Движения, арестованного летом 1940 года: «Я обратился с просьбой к митрополиту Сергию защитить недавно арестованного в Эстонии Ивана Аркадьевича Лаговского – церковного деятеля, никакого отношения к политике не имевшего. Чем настойчивее я просил, тем настойчивее отвечал он одной и той же фразой: «Советская власть никого напрасно не арестовывает». [12, 58].

С началом войны был составлен список представителей советской номенклатуры,

подлежащих беспрекословной эвакуации. Среди прочих в этом списке было и имя экзарха Сергия (Воскресенского). Однако в ходе эвакуации митрополит Сергей пропал. Поиски не увенчались успехом. Митрополит Сергей вышел из своего укрытия только в тот день, когда части Вермахта заняли Ригу. С приходом новой власти экзарх Сергей был арестован, однако вскоре был отпущен на свободу, получив от немецких властей разрешение на ведение экзархатом церковной, благотворительной и миссионерской деятельности, выходящей даже за административные границы территории «Ostland» .

Не меняя принадлежности экзархата к Московской Патриархии, митрополит Сергей (Воскресенский) с первых дней немецкой оккупации и до своего смертного часа занимал резкую антисоветскую позицию, беспощадно критикуя политику Кремля в отношении Церкви и верующих. Это способствовало укреплению доверия экзарха не только среди немецких властей, но и определенной части клириков и мирян Православной Церкви Прибалтики, поначалу критически воспринимавших фигуру «советского архиерея». Среди последних, несомненно, был и профессор Иван Давыдович Гримм, никогда не испытывавший симпатий ни к революции, ни к идеям марксизма и его адептам, разрушившим былую Россию. Такая принципиальная позиция Гримма позволяет предположить, что до июля 1941 года он не был лично знаком с митрополитом Сергием (Воскресенским). По воспоминаниям дочери И. Д. Гримма – Ольги Ивановны, он был не просто формально верующим человеком, он активно участвовал в церковной жизни, являлся верным чадом Православной Церкви, регулярно бывал в храме, благоговейно участвовал в таинствах. Так было в Праге, где началась дружба и появилась духовная близость с епископом Сергием (Королевым), так было

и в Тарту. Думается, что рижский период его жизни не был исключением. К сожалению, нет сведений о том, к приходу какого храма относилось семейство Гриммов. Однако совершенно очевидно, что профессор Гримм с большинством рижского духовенства познакомился еще в довоенный период.

В составленном после окончания войны донесении в «Чрезвычайную комиссию по расследованию немецких зверств», содержащим показания архимандрита Филиппа (Морозова), который в период немецкой оккупации находился в Вильно, несколько слов сказано и о профессоре Гримме. Сам архимандрит Филипп был человеком сложным, известным своим неуживчивым характером, потому его показания субъективны и ангажированы, однако в их отмечены интересные детали событий 1941 года. Автор показаний упоминает об аресте экзарха Сергия в июле 1941 года, подчеркивая при этом, что ядро рижского духовенства «...приняло самую прогерманскую линию, а в Риге даже назначен был, без всякого его опроса, своего рода обер-прокурор над Церковью немец Иван Давыдович Гримм». [10, 127–128]. Архимандрит Филипп не уточняет, кто и с какой целью назначил профессора Гримма на это место, подразумевая, видимо, немецкие оккупационные власти. Однако с большей вероятностью можно предположить, что профессор Гримм получил приглашение войти в состав Епархиального Совета от рижского духовенства – от протоиерея Иоанна Янсона, протоиерея Николая Перехвальского или др., т. е. от тех, кто знал Гримма и понимал, что его опыт, знания и верность Православной Церкви будут полезными в условиях немецкой оккупации.

Как бы то ни было, но после освобождения митрополита Сергия (Воскресенского) и возвращения его к управлению Прибалтийским экзархатом профессор Гримм занял пост начальника канцелярии Управления Прибалтийского экзархата. Он стал

Иван Давыдович Гримм с сыном Костей.
Прага. Фотография около 1926 г.

незаменимым помощником экзарха Сергия в трудах по организации церковной жизни в Прибалтике и на Северо-Западе России. Иван Давыдович был блестящим знатоком права, специалистом в области церковных канонов и догматов христианской традиции, он владел основными европейскими языками (точно известно, что он свободно изъяснялся и мог составлять документы на немецком и французском языках), кроме того, И. Д. Гримм был человеком церковным, т. е. вполне ответственным, духовно чутким и преданным, т. е. готовым жертвовать ради Церкви своим личным благополучием. Немаловажным был и тот факт, что профессор Гримм был прекрасным дипломатом, умеющим сосредоточиться на главном, видящим перспективу развития тех или иных событий и четко определяющим нужный порядок действий. Профессор Гримм считал себя патриотом России, не принимал большевизм, советский порядок, разрушивший былую Россию, ее культуру, духовные основы. Наконец, для самих немецких властей играло свою роль и то, что Иван Давыдович имел немецкие корни (его мама Вера Ивановна [Дитятин в девичестве] была по

национальности русской), носил немецкую фамилию, являлся человеком европейской образованности и в годы Гражданской войны был на стороне белых. На основании этого немецкая администрация считала, что с помощью Гримма Управление экзархата будет четко выполнять ее указания.

15 августа 1941 года в помещении канцелярии экзаршего Управления прошло совещание под руководством митрополита Сергия и профессора Гримма, на котором присутствовали все клирики и миряне, отобранные экзархом для работы во Внешней Православной Миссии с центром в Пскове. [18, 117]. Таким образом, уже в это время профессор Гримм был начальником канцелярии Управления Прибалтийского экзархата.

Осенью 1941 года старший сын профессора Гримма – Константин Иванович покинул Ригу и с небольшой группой клириков и мирян Латвийской епархии (священником Владимиром Толстоуховым и священником Георгием Тайловым, псаломщиком Георгием Ивановичем Радецким) отправился в Псков для возрождения церковной жизни на бывшей советской территории. [21, 6]. Константин только что закончил Русскую Ломоносовскую гимназию в Риге. Он и его одноклассник Георгий Радецкий попросили экзарха Сергия благословить их на участие в Псковской Православной Миссии. Гримм-старший не препятствовал сыну.

*

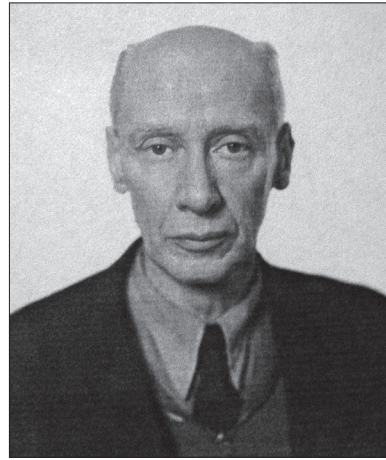
Уже в первые недели немецкой оккупации митрополит Сергий (Воскресенский) должен был открыто продекларировать свою антисоветскую церковную и политическую позицию, чтобы успокоить немецких чиновников не только в Риге, но и в Берлине. Свои взгляды на будущее Православной Церкви в Прибалтике митрополит Сергий (Воскресенский) изложил в специальном меморандуме, адресованном оккупационным властям *Ostland'a*. Несомненно, что в

составлении этого документа принял участие и профессор Гримм. Таким образом, по этому документу можно судить не только о позиции самого экзарха, но и о взглядах Ивана Давыдовича Гримма.

В меморандуме были сформулированы четыре основных принципа жизни Прибалтийского экзархата: принцип единства, принцип канонической законности, принцип автономии и принцип церковного единоначала. Первый принцип определял, что на территории *Ostland* не могли существовать автономные церковные образования (т. е. Белорусская, Литовская, Латвийская, Эстонская Церкви). Так как три последних уже были объединены в рамках Прибалтийского экзархата, то митрополит Сергий высказывал пожелание «... связать экзархат с белорусскими епископствами в более высокую единицу». [1, 134]. По сути, митрополит посягнул на один из программных постулатов нацистской религиозной политики на Востоке – «...препятствовать возникновению единой Церкви» (Из указаний шефа полиции и СД Р. Гейдриха старшим полицай-фюрерам о сфере их деятельности на оккупированной территории СССР от 2 июля 1941 г.). [26, 183]. Этим предложением и подготовкой объединения экзархата и Белорусской Православной Церкви митрополит Сергий строил против себя определенные круги германского руководства, под давлением которых рейхскомиссар Х. Лозе издал указ о переезде экзарха из Риги (центра экзархата и местонахождения Экзаршей канцелярии) на митрополичью кафедру в Вильно. Там митрополит пребывал несколько месяцев (весной 1942 года), следуя запрету оккупационных властей покидать пределы Виленской епархии.

Второй принцип заключался в канонической приверженности Православной Церкви в *Ostland'e* «российской Патриархии».

Третий принцип предусматривал, что Православная Церковь в *Ostland'e* «должна быть автономной, практически независимой ни от какой высшей церковной инстанции...». [1, 134]. Митрополит Сергей понимал, что в будущем возможны попытки оккупационных властей подчинить прибалтийские епархии заграничному епископату (т. е. РПЦЗ). По его мнению, такие действия лишь дискредитируют церковную деятельность на захваченных немцами территориях. Позднее в мае 1943 года в документе, подписанном экзархом Сергием и начальником канцелярии Гриммом и направленном в ведомство рейхскомиссара *Ostland'a*, говорилось о недопустимости возношения имен иерархов РПЦЗ – Берлинского митрополита Серафима (Ляде) и митрополита Анастасия (Грибановского), на территориях, находящихся в ведении Прибалтийского экзарха (в том числе, на территории Ленинградской епархии, где к тому времени активно действовала Псковская Миссия). Эта мысль была подкреплена в меморандуме митрополита Сергия следующим доводом: «...большевистские агенты и их сторонники постоянно пытаются убедить народ, что Миссия является замаскированной немецкой организацией, что немцы вообще намереваются руководить Русской Православной Церковью из Берлина, и ее, недолго думая заклеят «Германской Церковью», исказят православие и этим сломают основной устой русского национального сознания; при этом будут указывать, что Православная Церковь должна искать свое благополучие только под сильной защитой действительно патриотического советского правительства. Подозрительное по отношению к немцам и культурно отсталое население чувствует себя довольно неустойчиво в отношении этой лживой большевистской пропаганды, тем более, что последнюю теперь также распространяют партизаны, которые стараются изобразить

Профессор Иван Давыдович Гримм
в период руководства Экзаршей
канцелярией в Риге в 1941–1944 гг.

себя дружественными по отношению к Церкви патриотами. Если при данных обстоятельствах необходимо будет молиться в церквях за Берлинского митрополита, даже если и в отдельных исключительных случаях, то этим будет прямо-таки губительным образом затруднена борьба с большевистской пропагандой в церковных областях. С этой точки зрения признание канонической юрисдикции Московского Патриаршего престола для занятой русской территории выглядит не только церковно единственно правильным, но и политически целесообразным решением юрисдикционной проблемы». (Меморандум митр. Сергия (Воскресенского) в ведомство рейхскомиссара Остланда о религиозном обслуживании войск Власова. Рига, май 1943 г.). [26, 253]. Таким образом, принцип канонической законности обеспечивается принципом временной автономии, основанной на «...Тихоновском церковном Уложении». [1, 134].

Четвертый принцип – церковного единоначалия – провозглашал, что жизнь Православной Церкви на оккупированных немцами территориях опирается на строго централизованные основания – «право решений должно быть предоставлено отдельным

лицам – священнику в общине, викарному епископу в викариате, правящему епископу в епископстве, экзарху в Остландской церкви». [1, 134]. Строгая централизация церковного управления, с одной стороны, являла собой редукцию тех достижений Московского Поместного Собора 1917–1918 гг., которые давали надежду на восстановление соборности в Православной Российской Церкви. С другой стороны, эта мера была названа экзархом «временной», так как была направлена на укрепление церковной структуры в военное время. Кроме того, централизация церковного управления должна была предохранить Церковь от внутрицерковных настроений, от чуждого идеологического влияния, от попыток превратить церковную деятельность в политическую.

Подпись начальника Экзаршей канцелярии профессора Гримма под вышеназванными документами является не формальным проявлением делопроизводственной рутины. Принципы церковной жизни, изложенные в этих документах, Гримм отстаивал на протяжении всей своей жизни.

Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус), объединивший в период немецкой оккупации часть эстонских приходов в юрисдикции Константинопольского Патриархата и ставший в Прибалтике основным соперником экзарха Сергия, характеризовал профессора Гримма, как человека неудобного, который в 1930-х годах вводил в заблуждение епископа Печерского Иоанна (Булина), «внося тем самым раздор» в жизнь Эстонской Апостольской Православной Церкви, а во время войны продолжил подобные действия, активно поддерживая митрополита Сергия (Воскресенского). [29, 136–137].

Нужно сказать, что наместник Псково-Печорского монастыря, находившегося в межвоенный период на территории независимой Эстонской республики, епископ

Иоанн (Булин) в начале 1930-х гг. являлся практически единственным оппонентом митрополита Александра (Паулуса). В 1923 году, в основном по инициативе последнего, Эстонская Православная Церковь в одностороннем порядке, без согласования с Московской Патриархией, разорвала отношения с Матерью-Церковью и перешла в юрисдикцию Вселенского Патриархата. Эстонская Православная Церковь была поделена на три епархии: Таллиннскую, Нарвскую и Печорскую (с центром в Свято-Успенском монастыре). Причем две последние в большинстве своем состояли из русскоязычного населения Эстонской республики. (Старый Нарвский листок №86 от 6 августа 1932 г.). [11, 115].

В 1929 году епископ Иоанн (Булин) был избран от «русского меньшинства» Печорского края депутатом парламента Эстонии, в котором отстаивал интересы православного населения. В конце 1920-х гг. было принято решение зарегистрировать монастырскую недвижимую собственность на имя Синода Эстонской Церкви. Епископ Иоанн (Булин) пытался достичь мирного решения этого крайне болезненного для монастыря вопроса. В июне 1932 года в Таллинне собрался Собор Эстонской Православной Церкви, решением которого епископ Иоанн был переведен из Печерского монастыря на Нарвскую кафедру. На Соборе по вопросу о Печерском монастыре выступил епископ Иоанн. В своем выступлении он опирался на подготовленное профессорами Тартуского университета И. М. Тютрюмовым и Д. Д. Гриммом «Заключение по вопросу о составлении Устава Печерского Успенского монастыря». Проанализировав этот вопрос с правовой точки зрения, профессора доказали, что «...монастырь не является сословным учреждением, а чисто духовным установлением, куда входят верующие люди, невзирая на их принадлежность к тому или иному сословию,

Архиерейское совещание прибалтийских епископов в Псково-Печерском монастыре 29–30 августа 1943 года. Первый ряд слева направо: 3) епископ Ковенский Даниил (Юзвюк), 4) епископ Нарвский Павел (Дмитровский), 7) Экзарх Сергей (Воскресенский), 9) епископ Рижский Иоанн (Гарклавс), 10) ехиепископ Макарий (Васильев), 12) протоиерей Эллий Верхоустинский, благочинный Печорского района. Во втором ряду за спиной экзарха в светлом костюме стоит профессор Grimm – начальник канцелярии Прибалтийского экзархата. Третий ряд: 3) протоиерей Павел Панфилов – настоятель храма в Качаново, 4) игумен Павел (Горшков) – наместник Псково-Печерского монастыря в 1941–1944 гг., 6) иеросхимонах Симеон (Желнин), 9) священник Михаил Кузменко – инспектор Богословских курсов в Вильно. Четвертый ряд: между о. Павлом Панфиловым и игуменом Павлом (Горшковым) – архимандрит Агафон (Бубец), который после ареста игумена Павла осенью 1944 года в первые годы советской власти исполнял обязанности наместника Псково-Печерского монастыря

и, следовательно, закон 12 ноября 1925 г. по регистрации вероисповедных имуществ не может и не должен касаться монастыря, ибо монастырь не является приходом» [11, 124]. К «Заключению» были приложены две справки, в которых доказывался факт нарушения церковных канонов и Устава Эстонской Православной Церкви в случае административного «перевода» епископа Иоанна из Печерского монастыря на Нарвскую кафедру. Однако ни эти аргументы, ни ходатайство православных жителей Печерского края не смогли убедить митрополита Александра отменить свое решение о переводе епископа Иоанна. Епископ был выдворен из монастыря и за неповиновение митрополиту Александру и решению Таллиннского Собора 1932 года был запрещен

в служении. После присоединения Прибалтики к СССР именно опальный епископ Иоанн (Булин) стал организатором составления прошения православных Печорского края в Московскую Патриархию о присоединении приходов ЭАПЦ к Русской Церкви. Епископ Иоанн прекрасно понимал, что принесет с собой советская власть. Будучи настоятелем монастыря, он в своих проповедях и выступлениях неоднократно обличал сталинский режим, гонения на Церковь в СССР. Несмотря на это, в сентябре 1940 года он призвал восстановить канонический порядок, вернуть ЭАПЦ в лоно Русской Церкви. 18 октября 1940 г. епископ Иоанн был арестован, вывезен в Ленинград, где 30 июля 1941 года расстрелян.

Константин Иванович Гримм в форме военнослужащего Русской Освободительной армии (РОА) (слева). Рига. Весна 1944 г.

Константин Гримм. Выпускной обед в честь окончания учебы на курсах пропагандистов РОА. Рига. Фотография июня 1944 г.

Константин Гримм (крайний справа) среди курсантов школы пропагандистов РОА. Рига. Весна 1944 г.

В годы немецкой оккупации митрополит Александр (Паулуc), запрещенный в служении экзархом Сергием (Воскресенским), неприязненно относился к профессору И. Д. Гримму. К этому времени автор «Заключения» профессор Давид Давыдович Гримм уже окончил свою земную жизнь, однако Гримм-младший поддерживал его позицию, отстаивая единство Церкви в *Ostland* и ее верность Московскому Патриархату.

*

Следует отметить, что круг обязанностей И. Д. Гримма был довольно широк. Практически под всеми официальными документами, отчетами, циркулярами, наряду с подписью экзарха, стояла еще и подпись профессора Гримма. Ему приходилось вникать в самые разные церковные дела. Назовем лишь некоторые из них. Осенью 1941 года в Риге была создана специальная комиссия по организации духовного учебного заведения на канонической территории Прибалтийского экзархата. Возглавлял работу комиссии экзарх Сергей, в ее состав вошли именитые клирики Риги, а также профессор Иван Давыдович Гримм. Он же был внесен в число кандидатов на преподавательские должности нового учебного заведения. И после того, как в последние дни 1942 года в городе Вильно (Вильнюсе) открылись Богословские курсы для подготовки священников-миссионеров, Гримм не перестал заботиться о духовной школе. Именно он составлял и рассылал абитуриентам, которые проживали на территории Ленинградской епархии и должны были пересечь границу с *Ostland*, специальные документы-пропуска. Весной 1943 года Гримм сопровождал экзарха Сергия в поездке в Вильно для проверки Богословских курсов. По результатам этой инспекции профессор Гримм составил рапорт, адресованный епископу Рижскому Иоанну (Гарклавсу). В этом документе

были отмечены трудности и проблемы, с которыми приходилось сталкиваться учащимся и администрации курсов. Позднее Grimm неоднократно обращался к епископу Рижскому по вопросам организации учебного процесса на курсах, призывал помочь духовной школе продуктами, бытовыми предметами, книгами, пособиями. [15, 28].

Одним из наиболее успешных духовно-просветительских начинаний Православной Церкви в Прибалтике явилось издание миссионерского журнала «Православный Христианин». Журнал этот распространялся в основном на территории, которая находилась под духовным руководством «Православной Миссии в освобожденных областях России» и в прифронтовых областях России. Инициаторами издания этого журнала явились митрополит Сергей (Воскресенский) и начальник канцелярии Управления Прибалтийского экзархата И. Д. Grimm. Последний фактически курировал это издание, он «... просматривал все материалы и сам лично подбирал материал для печатания в журнале». [7, 21].

В конце 1942 года редактором журнала «Православный Христианин» являлся протоиерей Николай Трубецкой, под его руководством было издано три номера. Став редактором, о. Николай встретился с профессором Grimmом, который охарактеризовал ему все просчеты предыдущего редактора. Grimm, в частности, подчеркнул то, что журнал должен выходить ежемесячно и готовиться заблаговременно. Он посоветовал о. Николаю активнее привлекать авторов – священников и мирян, из самой территории действия Псковской Миссии. Каждый номер журнала редактор должен был согласовывать с Grimmом. [7, 22].

По свидетельству о. Николая Трубецкого, начальник Экзаршей канцелярии Grimm часто был недоволен тем, что в миссионерском журнале было недостаточно материала

Семейство Grimm в рижской квартире.
Слева направо: Константин, Алеша,
Иван Давыдович, Оля Grimm.
Фотография не позднее июня 1944 г.

идеологического характера. Одной из основных причин снятия о. Николая в 1943 году с редакторского места стало его нежелание публиковать распоряжения немецкого Отдела пропаганды, которые передавались экзархату через профессора Grimmа. Иван Давыдович прекрасно понимал необходимость миссионерского христианского журнала для территорий Псковской Миссии, где шло возрождение не только храмов, но и душ людей, жаждущих просвещения и евангелизации. Ценой разрешения издания такого журнала было размещение на его страницах материалов пропагандистского характера. Следует отметить, что журнал «Православный Христианин» продолжал выходить вплоть до лета 1944 года. И в этом была несомненная заслуга Grimmа, сумевшего отстоять журнал от закрытия немецкими оккупационными властями, которые не были заинтересованы в издании христианской периодической печати. В то же время количество статей в журнале, содержащих благодарность «освободителям от безбожного большевизма»,

было крайне незначительным, причем эти агитационно-пропагандистские статьи были лишены нацистских и антисемитских штампов.

Весной 1943 года состоялась встреча митрополита Сергия (Воскресенского) с генералом Власовым, который после Риги предпринял поездку по Северо-Западу России. В этой встрече принял участие и начальник Экзаршей канцелярии И. Д. Grimm. Познакомившись с Власовым, с его планами возрождения России, он стал его идейным союзником. Известно, что экзарх Сергей тепло принял Власова и поддержал его идею создания вооруженных сил для борьбы с большевизмом. [27, 152]. Позднее в «Воззвании к пастве» от 5 апреля 1944 года митрополит Сергей призвал вступать в ряды Русской Освободительной Армии, назвав ее «...зародышем ... будущей России». («Воззвание Архиерейского совещания в Риге под председательством митрополита Сергия (Воскресенского) от 5 апреля 1944 г.» // Русский вестник. Рига. №42 (66), 8 апреля 1944 г.). [18, 570].

Высшим органом церковного управления Прибалтийского экзархата являлось Архиерейское совещание, в котором участвовали епископы экзархата во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским), а также белое духовенство, монашествующие и миряне. Секретарем таких совещаний неизменно был И. Д. Grimm, при его непосредственном участии составлялись все итоговые документы, обращения и воззвания этих совещаний.

*

После трагической гибели митрополита Сергия (Воскресенского) 29 апреля 1944 года Прибалтийский экзархат не остался без руководства. На Архиерейском совещании, проходившем в Псково-Печерском монастыре 29–30 августа 1943 года, было принято решение об обеспечении преемства

в управлении экзархата, подтвержденное Духовным завещанием экзарха Сергия (Воскресенского) от 29 октября 1943 года. В завещании митрополит Сергей указал трех местоблюстителей Экзаршего престола: епископа Ковенского Даниила (Юзвьяюка), епископа Рижского Иоанна (Гарклавса) и архиепископа Нарвского Павла (Дмитровского). В случае освобождения по тем или иным причинам Экзаршего престола, он не мог быть занят каким-либо лицом до восстановления связи с высшими церковными органами Московского Патриархата. До этого момента временное управление делами экзархата переходило к местоблюстителю Экзаршего престола, при этом первый, названный экзархом в завещании, и должен был вступить в права местоблюстителя. Если по каким-либо причинам это было невозможно, тогда в права местоблюстителя вступала вторая кандидатура, и так далее. Таким образом, сразу же после гибели экзарха Сергия 29 апреля 1944 года в должность местоблюстителя Экзаршего престола по завещанию экзарха вступил архиепископ Ковенский Даниил. [24, 135].

Начальником Экзаршей канцелярии при местоблюстителе Экзаршего престола по-прежнему оставался И. Д. Grimm, чья роль в церковной жизни в Прибалтике стала еще более значимой. Иван Давыдович в эти последние месяцы немецкой оккупации фактически стал гарантом соблюдения основных канонических принципов существования Прибалтийского экзархата, сформулированных в Меморандуме 1941 года. Во многом благодаря усилиям начальника Экзаршей канцелярии удалось после кончины экзарха Сергия убедить немецкие власти в необходимости сохранения экзархата и признания архиепископа Даниила в качестве местоблюстителя Экзаршего престола. [26, 239].

В своем докладе от 11 июня 1944 года администратии *Ostland* И. Д. Grimm вновь

поднял вопрос о создании крупной церковной организации путем объединения Прибалтийского экзархата и Украинской Автономной Церкви. По замыслу Гримма, такое церковное образование позволило бы обеспечить духовное окормление Русской Освободительной армии, русских беженцев и восточных рабочих, размещенных в большинстве областей и европейских стран, занятых немецкими войсками. Чиновники Восточного министерства готовы были пойти на некоторые уступки, однако создание единой православной Церкви для РМО (Восточное министерство) было по-прежнему невозможным. Гримм настаивал на необходимости образования руководящего центра объединенной православной Церкви. По его мнению, руководство экзархата должно было быть избрано на совместном Соборе архиереев Прибалтики и Украины, а не назначено чиновниками Восточного министерства. В своем обращении к администрации *Ostlanda* И. Д. Гримм подверг критике непоследовательную церковную политику немецких властей: «Кампания 1941 года не в последнюю очередь потерпела неудачу потому, что русский народ с самого начала имел подозрение о ведении войны в меньшей степени против большевизма, чем против России. Это недоверие не только возбуждалось советским правительством, но и было очевидно для всякого вследствие направленной на раздробление (церкви) германской церковной политики. Эта ошибка не должна снова повториться. Поэтому при втором вступлении в Россию необходима организация православной церкви полностью свободной в своих внутренних делах, крепко соединенной внешне...». [25, 370]. Другими словами, Гримм попытался доказать выгоду для Германии не только существование единой Православной Церкви, но и необходимость законодательного закрепления свободы вероисповедания на территориях, оккупиро-

ванных Вермахтом. Однако линия фронта стремительно приближалась к территории Прибалтийского экзархата, потому вскоре все церковные споры и проекты потеряли свою актуальность, так как в сентябре 1944 года значительная часть духовенства и епископата Прибалтийского экзархата была эвакуирована в Германию и закончилась история Прибалтийского экзархата.

В декабре 1943 года скончалась Наталья Васильевна Гримм, супруга Ивана Давыдовича, долго страдавшая от туберкулеза. Вдовец остался с двумя маленькими детьми – Алексеем и Ольгой. Первенец Константин к этому времени служил в германской армии переводчиком. Летом 1944 года Константин Гримм проходил обучение на курсах пропагандистов РОА в Риге. Руководил курсами старший офицер отдела пропаганды при штабе группы армий «Север» полковник В. В. Поздняков. Позднее, осенью 1944 года Константин Гримм вступил в ряды РОА, так как всей душой ненавидел коммунизм и скорбел о своей маме – Марии Владимировне Карамзиной, сосланной в спецпоселение для «врагов народа» в СССР в далекий Васюганский район. [3].

В ходе эвакуации из Прибалтики летом 1944 года Гримм, имея связи в немецкой администрации, так как фактически являлся юрисконсультom Православной Церкви в Риге, помогал русским семьям получить выездные пропуска на Запад. Среди этих русских была Анастасия Яковлевна Шаховская – дочь князя Якова Михайловича Шаховского, псковского дворянина, общественного деятеля, который в советский период был арестован и выслан в Казахстан, где в 1942 году умер от голода. Его сын – член Псковской Православной Миссии протоиерей Константин Шаховской в 1944 году служил в Печорах в приходском храме Святых Сорока мучеников Севастийских, а после освобождения Красной армией

Печорского района был репрессирован и осужден на 10 лет ИТЛ. Grimm помог оформить пропуска для Анастасии Яковлевны Шаховской, ее мамы Ольги Федоровны и двухлетнего сироты Павлика, которого ее брат, священник Константин Шаховской, нашел умирающим от голода в Пскове. Документы были оформлены с условием, что Шаховские возьмут с собой младших детей Ивана Давыдовича – Лешу и Олю. Шаховские отправились на юг Германии – в Фрайбург, где и должны были дожидаться старших Гриммов – Ивана Давыдовича и Константина. По воспоминаниям Ольги Ивановны Бенцлер (урожд. Grimm), Анастасия Яковлевна осталась верна своему слову: «Несмотря на хаос на железнодорожных станциях, и несмотря на редкие, битком набитые поезда она сумела довести всех нас до Фрайбурга, но прокормить нас всех в голодающей Германии она не была в состоянии». Анастасия Яковлевна устроилась на работу в Caritas – благотворительную католическую организацию. Монахини, заведовавшие Caritas, добились для нее аудиенции у епископа Фрайбурга, который помог устроить детей профессора Гримма в католический пансионат. [3].

Сам профессор Grimm до последнего оставался в Риге, к которой стремительно и неумолимо приближалась линия фронта. В последний день июня 1944 года Иван Давыдович в пустой квартире своего знакомого в Риге написал письмо-завещание своим детям. Письмо он передал Константину, который в тот же вечер уехал на фронт. [9]. Вскоре И. Д. Гримму с большим трудом удалось с последним эшелонem покинуть Ригу, взяв с собой старую няню.

Его прощальное письмо свидетельствует не только о большой любви к детям, но и о жизненных ценностях самого Ивана Давыдовича. Этот документ был написан не для печати, не для немецких властей или единомышленников. Он был полностью

откровенен, полагая, что, возможно, больше никогда не встретит своих детей. Grimm подчеркивал, что всю свою жизнь он посвятил России и Церкви. И эту любовь он завещал своим детям:

«Дорогие мои,

Благословляю и обнимаю вас. Всегда любите друг друга, старайтесь вырасти добрыми и честными людьми. Не ленитесь молиться Богу, подчиняйтесь сердцем Его воле и за все Его благодарите. Ничего не страшитесь, над вами Покров Пресвятой Богородицы. Заботьтесь о тех, с кем вместе живете, помогайте им во всем, в чем можете, и будьте благодарны за всякое оказанное вам добро. Не стыдитесь просить прощения, когда провинились. Молитесь за отца и мать, за Костю, за всех, за кого мы вместе с вами молились. Любите Россию, не отрекайтесь от нее, и постарайтесь, когда станете взрослыми, послужить ей. Она очень несчастна. Будьте верны Церкви Православной, в другую веру не переходите. Не унывайте и надейтесь на лучшее, как бы плохо вам ни приходилось. Мама и я всегда за вас молимся. Прощайте друг другу всякую обиду. Я надеюсь с вами увидеться, а если не увижусь, то и за гробом буду вас любить и за вас молиться. Передайте мою благодарность Анне Андреевне и Анастасии Яковлевне. Любите их, и Павлика, и Ольгу Федоровну, и Анастасию Андреевну, и всех наших друзей.

Крещу вас и целую.

Отец». [8].

Как вспоминает дочь профессора Гримма Ольга Ивановна, о судьбе папы в период между его отъездом из Риги и приездом в Фрайбург известно крайне мало. По некоторым данным профессор это время находился в Берлине, в самой гуще событий, связанных с формированием первых боевых частей РОА и активной деятельностью

Комитета освобождения народов России (КОНР). Комитет был основан осенью 1944 года и фактически выполнял функцию правительства, объединяя все анти-советские силы из числа эмигрантов первой волны и выходцев из СССР, мечтавших о свободной России. 14 ноября 1944 года в Праге генерал Власов огласил манифест Комитета освобождения народов России, в котором были поставлены главные цели освободительного движения: «свержение сталинского режима...», «заключение почетного мира с Германией», «утверждение национально-трудового строя», «ликвидация принудительного труда», «ликвидация колхозов», «предоставление интеллигенции права свободно творить», установление подлинной свободы слова и религиозных убеждений. [14, 55]. И. Д. Grimm в этот период занимал пост начальника Юридического отдела Гражданского Управления КОНРа, поскольку еще в Риге познакомился с генералом А. А. Власовым и всегда был горячим сторонником идеи освобождения России от сталинской диктатуры. Известно, что Grimm принимал активное участие в дискуссиях по вопросу будущего политического устройства свободной России. [13, 162].

В последние дни войны Константин Grimm оказался в Курляндском котле, откуда попал в плен к англичанам. По условиям Ялтинского договора союзники выдавали советской стороне всех граждан СССР (а заодно и эмигрантов первой волны). Такая участь постигла и К.Гrimma – он был репатрирован, однако по пути следования на восток чудом сумел бежать и пешком двинулся на юг Германии. По пути его остановил добродушный черный американец. Он не расспрашивал беглеца «о том кто он, накормил его, и так как сам ехал на юг, взял его с собой на своем мотоцикле почти до самого Фрайбурга, где он и нашел на условленной улице Анастасию Яковлевну». [3].

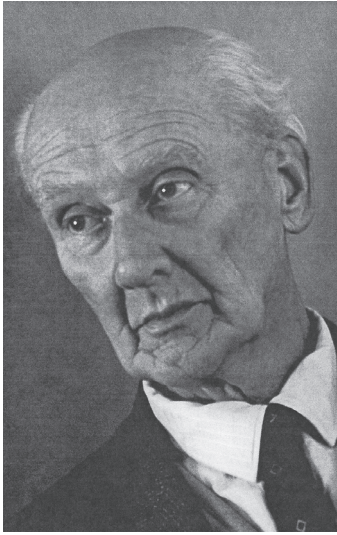

Профессор Иван Давыдович Гримм в период служения в *International Refugee Organisation*. Фрайбург, Германия. Фотография около 1949 г.

Константин Иванович Гримм с первенцем. Фрайбург, Германия. Фотография 1949 года.

Фрайбург находился во французской зоне оккупации. Поскольку Иван Давыдович хорошо знал французский язык, то он быстро получил работу, сначала – в U.N.R.R.A. [*United Nations Relief and Rehabilitation Administration* – Организация помощи беженцам при ООН], позднее – в I.R.O. [*International Refugee Organization* – Международная организация помощи беженцам]. Он сумел найти небольшую двухкомнатную квартиру, забрал Алексея из пансионата. С ними жила и вела хозяйство старая няня. Константин поступил в Фрайбургский

Профессор Иван Давыдович Гримм в Австралии. Фотография 1967 года

университет, где изучал философию, древнеславянский язык и церковное право. Закончить обучение не удалось. Он женился и вскоре родился сын Михаил. Тяжелое материальное положение требовало постоянной работы. Единственным выходом из этой трудной ситуации был переезд за океан. Поскольку Константин Гримм воевал на стороне Германии, ни США, ни Канада, по законам этих стран, принять семейство Гриммов не могли. Поэтому было подано прошение на эмиграцию в Австралию. Эта страна остро нуждалась в рабочей силе, поэтому принимала всех эмигрантов, правда, главным образом, молодых. Визы на въезд в Австралию получили все, кроме самого И.Д. Гримма. Уже после отъезда детей Иван Давыдович окончил свою службу в I.R.O., так как эта организация сворачивала свою деятельность в Германии. Другой работы Гримм найти не смог и вскоре переехал в США. В Америке Иван Давыдович жил недалеко от Нью-Йорка в Qscawana, работал уборщиком в госпитале. Ни в Америке, ни затем в Австралии профессор Гримм не получил преподавательской работы или же работы на юридическом поприще.

Через два года жизни в Австралии Константин сумел оформить документы Ивану Давыдовичу и семья Гриммов воссоединилась. До пенсии профессор Гримм трудился в госпитале в городе Перт, без ропота принимая крест изгнания, невостребованности его знаний и многолетнего опыта в области юриспруденции. Следует отметить, что Иван Давыдович оставался до конца жизни патриотом России и убежденным христианином. Он следил за жизнью в СССР и в русском зарубежье, был всегда очень прямолинейным человеком. Так, например, профессор Гримм критически принял канонизацию Собором РПЦЗ императора Николая II, усмотрев в этом нарушение церковных канонов. [4].

Как вспоминает дочь профессора Гримма О.И. Бенцлер, «он очень любил Россию, и очень болезненно переживал развитие событий в России и невозможность вернуться на родину». [3]. Иван Давыдович не успел написать воспоминания. Да и сделать это было непросто – горечь разлуки с Россией, боль воспоминаний о скитании и мытарствах по пылающей в огне войны Европе не позволяли ему сесть за мемуары. Кроме того, семейный архив, документы, личная переписка, а также незаконченная многолетняя научная работа по вопросам римского права остались в Риге.

Иван Давыдович Гримм умер в 1970 году в Перте от разрыва сердца. Его старший сын Константин первые 12 лет жизни в Австралии работал в железнодорожном парке, так как другой работы найти было невозможно. Позднее он получил место библиотекаря в Пертовском Техническом институте, а через некоторое время стал заведующим всеми библиотеками этого института. Наряду с этим он преподавал немецкий и русский языки. Константин Иванович Гримм принимал активное участие в жизни православного прихода города Перта. В феврале 1988 года, за два месяца до выхода

на пенсию, К. И. Grimm скончался после тяжелой мучительной болезни. [3].

*

Завершить рассказ о жизни и служении профессора Ивана Давыдовича Гримма хочется словами известного европейского мыслителя Хосе Отреги-И-Гассета: «Вопреки ходячему мнению служение – удел избранных, а не массы. Жизнь тяготит их, если не служат чему-то высшему. Поэтому служение для них не гнет. И когда его нет, они томятся и находят новые высоты, еще не доступней и строже, чтобы ввериться им». [19, 60]. Эта цитата может быть достаточно точным выражением жизненного кредо И. Д. Гримма – он служил Отечеству; в годы Великой войны служил императору; служил

Церкви и своему народу в эмиграции в период деятельности Прибалтийского экзархата; заботился о бедных скитальцах из Советской России, не пожелавшим после 1945 года вернуться в СССР. Последние годы своей жизни Grimm служил больным и умирающим в госпитале Перта. В конечном итоге, все сводилось к единственному, высшему служению – служению Богу и Церкви. Этот путь И. Д. Grimm заповедовал своим детям, свято хранящим память о своем отце.

В заключение автор хотел бы искренне поблагодарить всех тех, кто помог подготовить данный материал: Алексея Гримма и Ольгу Бенцлер (Австралия); Владимира Юрьевича Черняева и Кирилла Михайловича Александрова (Россия, Санкт-Петербург); Олега Ивановича Бейду (Россия, Москва).

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 14.
2. Бенигсен Георгий, прот. Христос Победитель // Вестник РХД. 1993. № 168.
3. Бенцлер Ольга Ивановна (урожденная Grimm). Письмо автору от 11.06.2006 г.
4. Бенцлер Ольга Ивановна (урожденная Grimm). Письмо автору от 20.08.2006 г.
5. Бенцлер Ольга Ивановна (урожденная Grimm). Письмо автору от 18.09.2013 г.
6. Бернев С. К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941–1944 гг.: цели, основные направления, крах. СПб. 2008. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
7. Бывший архив КГБ Латвийской ССР. Д. 42707 (Следственное дело в отношении члена Псковской Православной Миссии Николая Никаноровича Трубецкого).
8. Grimm Иван Давыдович. Письмо детям от 31.06.1944 г. Копия.
9. Grimm Константин Иванович. Письмо брату Алексею Ивановичу Гримму от 29.10.1987 г. Копия.
10. Заявление архимандрита Филиппа (Морозова) по делу об убийстве экзарха Литвы, Латвии и Эстонии, митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского) в Чрезвычайную комиссию по расследованию немецких зверств. 8 августа 1944 г. // РПЦ в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Составители Васильева О. Ю., Кудрявцев И. И., Лыкова Л. А. М. 2009. С. 127–136.
11. Зотова-Печерская Т. П. Когда увозят в вечность. Жизнеописание епископа Печерского Иоанна (Булина). М. 2006.
12. Киселев Александр, прот. Воспоминания // ЖМП. 2001. №9.
13. Киселев Александр, прот. Облик генерала А. А. Власова (записки военного священника). Второе дополненное издание. New-York. Без даты издания.
14. Коммунистический режим и народное сопротивление в России 1917–1991. Изд. 3-е, М., «Посев». 2002.
15. ЛГИА (Латвийский государственный исторический архив). Ф. 7469. Оп. 1. Д. 197.
16. Макшеев В. «И землю русскую целую...» Последнее перепутье // Москва. 2002. №1. С. 198–210.

17. Милютина Т. П. Люди моей жизни. Тарту, 1997.
18. Обозный К.П. История Псковской Православной Миссии 1941–1944. М. 2008.
19. Ортега-И-Гассет Хосе. Восстание масс. М.: АСТ. 2008. 347 с.
20. Петров В. И. Идеологический аспект деятельности Псковской Православной Миссии. СПбГУ. 2012. Дипломная работа.
21. Тайлов Георгий, прот. Воспоминания о Георгия Тайлова о его работе в Псковской православной миссии 1941–1944 г. // Православная Жизнь (Приложение к “Православной Руси”). Нью-Йорк. 2001. № 1(612).
22. Февр Николай. Солнце восходит на Западе. Изд. Газеты “Новое Слово”. Буэнос-Айрес. 1950.
23. Черняев Ю. В. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 17–38.
24. Шкаровский М. В. Митрополит Сергей (Воскресенский) и его служение в Прибалтике и на Северо-Западе России в 1941–1944 // Санкт-Петербургские Епархиальные Ведомости. Вып. 26–27. 2002.
25. Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М. 2002.
26. Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1954 годов. (Сборник документов). М. 2003.
27. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. М. 2006. № 4. С. 150–175.
28. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. 1999.
29. *The Autonomus Orthodox Church of Estonia. L'eglise autonome orthodoxe d'Estonia / Approche historique etnomocunonoquel. Thessalonoquen: editions pektajis. D. ParaГНomas et R.P. Matthias. H. Palli. Bibliothque Nomocanonique.* P. 136–137. Цитируется по: Петров В. И. Идеологический аспект деятельности Псковской Православной Миссии. СПбГУ. 2012. Дипломная работа. с. 25.

Регина Лаукайтите (Литва)

Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского)

Спустя сто лет со времени учреждения, в середине XX века Литовская православная епархия оставалась одной из самых маленьких в составе Московской Патриархии. В 1940 г. в окормлении митрополита Литовского и Виленского (Вильнюсского) было всего 45 приходов, 88 священников и монахов, около 45 тысяч православных.¹ В отличие от Православных Церквей соседних стран, Литовская епархия была этнически однородно-русской и никогда не стремилась выйти из-под юрисдикции Московской Патриархии.

События Второй мировой войны вполне могли обойти стороной немногочисленную Литовскую православную епархию, если бы не судьба митрополита Сергия (Воскресенского). Будучи одним из четырех уцелевших на тот момент высокопоставленных архиереев Московской Патриархии, он прибыл в Вильнюс в начале января 1941 г. на похороны митрополита Елевферия (Богоявленского, управлял Литовской епархией в 1917–1940 гг.), и остался здесь в качестве его наследника. Вскоре был возведен в сан митрополита, а 24 февраля 1941 г. назначен экзархом Латвии и Эстонии (т. е. всей

Прибалтики). Такая новая должность в Патриархии была вызвана необходимостью после синхронной оккупации балтийских республик летом 1940 г. осуществить такую же синхронную реорганизацию Православных Церквей Латвии и Эстонии, которые уже как епархии были возвращены в лоно Московской Патриархии.

Однако пребывание в Прибалтике обернулось для экзарха Сергия трудными испытаниями в годы немецкой оккупации и скоростной гибелью 29 апреля 1944 г. Обстоятельства последней – одно из самых загадочных, до сих пор до конца не исследованных страниц истории. Занимавшиеся ее изучением исследователи и в советское, и в постсоветское время, в принципе, соглашались во мнении, что митрополит Сергий был убит немцами², хотя встречаются и другие точки зрения³. Цель данной статьи – представить собственные исследования и доводы коллеги Римантаса Зизаса, основанные на документах архивов Литвы⁴, и, прежде всего, проанализировать, какую роль в 1941–1944 гг. занимала в антисоветской пропаганде Литовская православная епархия.

Литовская епархия в годы немецкой оккупации

Конфессиональная политика немецких властей в оккупированной Литве была довольно умеренной, за исключением еврейской общины. Церкви стали восстанавливать прежнюю структуру и возвращаться к социальной деятельности, которую были вынуждены свернуть при советском режиме в 1940–1941 гг. Национал-социалистическая идеология отмежевалась от христианства из-за его еврейских корней, а высшее руководство нацистов трудно находило общий язык по поводу церковной политики на занятых территориях СССР. Однако спонтанно ожившая на них религиозная жизнь не преследовалась. Немецким властям было известно, что в канун войны в СССР было значительно сокращено количество действующих церквей и епархий, а священнослужение в этом государстве стало одним из самых опасных родов занятия*. В итоге терпимостью и поддержкой Церквей в оккупированных регионах, пропагандистскими клише о миссии национал-социализма «освободить народы от безбожного большевизма» нацисты весьма успешно спланировали «церковный фронт» против СССР.

Под прицелом пропагандистской войны в 1941–1944 гг. оказались прежде всего православные жители. Официальная периодическая печать во всех оккупированных регионах на разных языках (даже в Литве на литовском⁵) печатала множество антисоветских заявлений православных архиереев Прибалтики, Белоруссии, Украины и России. Почти одновременно летом 1942 г. в Москве и в Берлине были изданы книги о положении религии в СССР⁶, авторы которых (священнослужители) совершенно противоположно представляли действительность. Разумеется, в оккупированной Литве положение Церкви в СССР было

известно не только по пропагандистским текстам.

Как в годы войны управлялась Литовская и Вильнюсская епархия, охватившая всю генеральную область Литвы? Вместе с Латвийской и Эстонской епархиями она вошла в митрополичью область, подчиненную Московской Патриархии, центр которой (канцелярия) находился в Риге. Экзарх-митрополит Сергей в Литве бывал довольно редко, много разъезжал по территории экзархата и по приходам Северо-Западной России, в которых действовала Псковская Миссия. В Литовской епархии его замещал епископ Даниил (Юзьвюк), которого в апреле 1942 г. в Риге митрополит возвел в сан Ковенского (Каунасского) викарного епископа. После гибели митрополита Сергея он перенял управление экзархатом⁷.

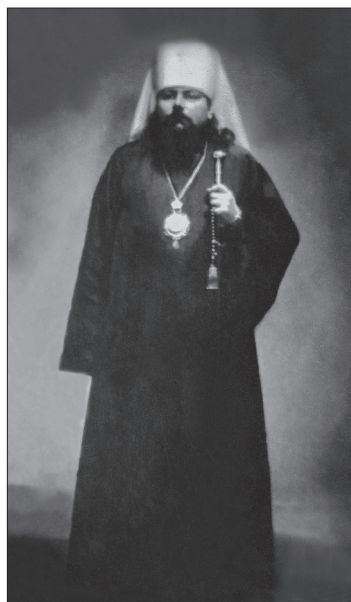
Во время войны правление Литовской епархии, по сути, не изменилось. По договору с Каунасским Генеральным комиссаром функционировал Епархиальный совет, назначенный митрополитом Сергием в составе четырех лиц⁸. Оккупационные власти не выделяли религиозным общинам никаких субсидий. Православный Епархиальный совет содержался за счет обязательных взносов, наложенных на благочиния (в Литовской епархии было всего 4 благочиния, а благочинные, в свою очередь, собирали взносы с приходов)⁹.

Основная деятельность Прибалтийского экзархата в 1941–1944 гг. была связана с возрождением церковной жизни на оккупированных северо-западных российских землях, т.е. с деятельностью Псковской Миссии*. По сравнению с Латвийской и Эстонской епархиями, вклад Литовской епархии в это дело был незначительным. На открытые вновь Миссией храмы не выехал ни один священник епархии. Несмотря на многочисленные призывы епархиальной власти, литовские приходы не стремились

делиться с российскими храмами церковной утварью¹⁰. Это было обусловлено прежде всего тем, что церкви на территории Литвы не обладали избыточной утварью и в епархии не было свободных священников.

В январе 1943 г. в Вильнюсе были открыты Духовные курсы подготовки священников для Псковской Миссии (в Свято-Духовом монастыре, ими руководил бывший профессор Московской Духовной академии протоиерей Василий Виноградов, на них обучалось ок. 40 слушателей¹¹). Следует заметить, что никто из местных православных на курсы не поступил, несмотря на то, что подготовка новых священнослужителей была одной из самых актуальных проблем Литовской епархии*, а настоятели приходов уже с мая 1942 г. получили информацию о будущих курсах и запросы на списки возможных курсантов¹². Все курсанты приехали из Латвии, Эстонии и оккупированных северо-западных областей России.

Тем не менее возможность участия Литовской епархии в обеспечении Псковской Миссии благоприятно повлияло на ее положение в глазах высших чинов Остланда. Например, осенью 1941 г. Генеральный комиссар Литвы по просьбе митрополита Сергея распорядился освободить православных священников и других служителей Церкви от арендной платы, которую должны были платить священнослужители всех вероисповеданий за национализированную советскими властями церковную недвижимость, и приказал вернуть Церкви часть церковных зданий, переселив их жителей в другие помещения¹³. Не без согласия новых властей священники призывались епархиальной властью активизировать свою деятельность в приходах: возобновить преподавание во всех школах Закона Божиего, развернуть благотворительную и миссионерскую деятельность и пр.¹⁴, позднее – заниматься также окормлением российских беженцев.

Митрополит Сергей (Воскресенский).
Фотография из Национального музея Литвы

Духовная жизнь православных на территории Литвы не встречала преград. Отношение Генерального комиссара Адриана фон Рентельна к митрополиту Сергию иллюстрирует хотя бы такой пример: по просьбе Сергея комиссар продлил комендантский час во время православной Пасхи 1942 г. до окончания богослужений и проинформировал об этом комиссаров и полицию уездов¹⁵. Немцы не позволили католикам занять некоторые пустующие православные храмы (св. Троицкую в Вильнюсе, церкви в Скуодас, Алитус), в 1942 г. была освящена церковь в Колайняй, строительство которой приостановили советские власти¹⁶. По-прежнему соблюдался юлианский календарь.

Благоприятную политику оккупационных властей обусловил чисто практический расчет: митрополит и священники принимали участие в пропагандистских акциях нацистов, в организации и проведении различных сборов (теплых вещей, металлов и др.¹⁷). Митрополит Сергей положительно

оценивал изменения в положении Православной Церкви с падением советского режима и призывал свою паству стойко и смиренно переносить военные лишения, не слушать коммунистическую пропаганду, всяческих слухов¹⁸. В богослужениях появились политические интонации: во всех храмах экзархата и Литовской епархии были введены торжественные службы в годовщину «освобождения из-под большевистского ига», в дни рождения Адольфа Гитлера, в которые благочинные получали указания совершать молебны «о даровании Господом сил и крепости германской армии и ее Вождю для окончательной победы над большевизмом»¹⁹. Когда фронт совсем приблизился к границам Литвы, архиепископ Даниил (Юзвюк) призвал русских юношей не уклоняться от выполнения распоряжений властей – крепить силы для отражения врага, с вторжением которого население окажется «в жестокой неволе, отнимающей нашу жизнь и имущество»²⁰.

После крупных поражений на Восточном фронте немцы попытались обеспечить себе лояльность русского населения, стали более активно привлекать его к сотрудничеству. По инициативе оккупационных властей весной 1943 г. на территории Литвы, Латвии и Эстонии начали работать Бюро поверенных по делам русского населения. Приказом Генерального комиссара А. фон Рентельна учрежденным 6 марта 1943 года в Каунасе Бюро поверенного по делам русского населения Литовской Генеральной области руководил Алексей Ставровский*. Бюро должны были контролировать настроения среди местных русских, направлять их настроения в нужное режиму русло, обеспечить призыв русской молодежи на полицейскую и военную службу. Церковные приходы стали одними из главных звеньев в деятельности Бюро и, тем самым, политики оккупационных властей среди русского населения.

На территории Литвы Бюро старалось изменить образ русских, как сторонников большевизма, защитить их от самочинных действий полиции и литовских самоуправлений. Создание Бюро по делам русского населения, безусловно, было одним из самых удачных административных и пропагандистских проектов оккупационных властей, включивших в политическую агитацию православных священников и староверческих наставников. В храмах распространялись различные административные распоряжения, призывы к молодым людям добровольно вступать в военные и полицейские формирования и пр. Наиболее активно Бюро действовало в последние месяцы войны на литовской территории, заботясь о пропитании и выделении жилья десяткам тысяч российским беженцев²¹.

Судьба митрополита Сергия

Как известно, в канун оккупации Риги экзарх Сергей преднамеренно не эвакуировался в глубь СССР. Немецкие власти вряд ли были слишком удивлены его решением предложить свои услуги в борьбе против пагубного для Церкви режима, так как ожидали, что духовенство будет самой оппозиционной к большевикам группой советского общества. Тем более, что это произошло в первые недели стремительного наступления германской армии, когда победитель казался так очевиден.

Непродолжительная деятельность экзарха-митрополита Сергия в оккупированной Прибалтике и обстоятельства его смерти уже несколько десятилетий вызывают вопросы исследователей. В российской историографии даже допускается предположение, что он мог быть специально оставлен НКВД в Риге, однако позднее потерял связь с советским подпольем²². Высокое положение молодого митрополита в Московской

Патриархии и впрямь заставляет думать, что он мог быть связан со структурами безопасности, которые манипулировали назначениями архиереев Русской Православной Церкви. Однако война началась неожиданно и таким поражением советских войск, что экзарх мог осмелиться воспользоваться возможностью, чтобы порвать навязанные ему связи с НКВД. Масштаб уничтожения религии и верующих в Советском Союзе для православного человека, тем более для архиерея, вполне мог стать отправной точкой для решения принять участие в исторических событиях – в изменении участи Церкви.

С быстрым приближением линии фронта, под влиянием нацистской пропаганды, под впечатлением от победного шествия немцев, которых местные жители встречали как освободителей от ненавистного режима большевиков, экзарх Сергей – священнослужитель самого высокого ранга Московской Патриархии по эту сторону линии фронта – разумеется, хотел обеспечить каноническое управление Церковью. Этим объясняются его просьбы к руководству Остланда в начале 1942 г. передать под его управление все европейские приходы²³. Однако германское руководство этой идеи не поддержало, более доверяя митрополиту Берлинскому Серафиму (Ляде), немцу по национальности, который управлял приходами РПЦЗ на территории III Рейха.

Власти Рейха оставили митрополита Сергия управляющим Прибалтийским экзархатом, подвластного Московской Патриархии, отклонив просьбы митрополитов Эстонии и Латвии восстановить в этих странах юрисдикцию Патриарха Константинопольского. Митрополит Сергей сумел убедить немецкие власти в том, что им не принесет пользы связь этих Церквей с западно-европейским экзархом Константинопольского Патриарха, который, к тому же, проживал в Великобритании и был тесно связан с пра-

вительством этой страны, а, самое главное, что именно он, митрополит Сергей, имеет моральное право призвать русский народ восстать против безбожного большевистского режима²⁴. Высокое положение экзарха-митрополита в иерархии Русской Православной Церкви, очевидно, побудило немцев включить эту фигуру в планы послевоенного администрирования России. Этим они достигли крайне важную цель: вовлекли православное духовенство региона в антисоветскую пропаганду.

Оставаясь в юрисдикции Московского Патриархата, митрополит Сергей оказался между двух огней. О двусмысленности ситуации свидетельствует хотя бы обязанность православных священников во время службы упоминать иерархию (т. е. Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского), беспрекословно поддерживавшего борьбу Красной армии с оккупантами) и власть, т. н. нацистский режим.

Связи с руководством Церкви, которое было эвакуировано в Ульяновск, у митрополита Сергия (Воскресенского) не было. Он считал себя экзархом, юридически подвластным и канонически ответственным Местоблюстителю Патриаршего престола Русской Православной Церкви, действующим автономно, пока не будет возобновлена связь с Местоблюстителем или его наследником²⁵. В то же самое время Московская Патриархия осудила архиереев, сотрудничавших с немцами. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) в сентябре 1942 г. опубликовал в советской и зарубежной прессе архипастырское послание православным Литвы, Латвии и Эстонии, осуждающее деятельность их архиереев²⁶.

Немецкие власти, в свою очередь, требовали, чтобы экзарх Сергей отмежевался от Местоблюстителя Патриаршего престола, осудил поддержку последним большевистского режима. С их ведома периодически

созывались собрания священников и архиереев экзархата, оглашались резолюции, в которых просоветская позиция Московской Патриархии трактовалась как навязанная ей силой. После избрания в начале сентября 1943 г. митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом немцы принуждали экзарха Сергия немедленно созвать в Риге конференцию духовенства, объявить эти выборы незаконными, принять резолюцию о преследовании Церкви в СССР и предать анафеме советское правительство²⁷. Однако экзарх не сомневался в каноничности выборов, и требуемая нацистами резолюция принята не была. Заявления митрополита, осуждающего политику советского руководства, немцы не дождалась и в марте–апреле 1944 г.²⁸ В историографии преобладает мнение, что это предрешило судьбу Сергия. Экзархом заинтересовалось рижское гестапо, а 29 апреля 1944 г. на дороге Вильнюс–Каунас его автомобиль остановили мужчины, одетые в германскую форму, и расстреляли митрополита Сергия и его попутчиков.

Последние месяцы господства в Прибалтике не помешали германским властям организовать торжественные похороны митрополита-экзарха. Останки митрополита Сергия были перевезены в Ригу, где после панихиды в Христорождественском кафедральном соборе при участии высших должностных лиц Остланда, состоялись похороны Сергия на православном кладбище Покрова Пресвятой Богородицы.

Как уже отмечалось, это преступление историография (и советских времен, и новейшая) склонна приписывать гестапо. Чаще всего историки ссылаются на данные советского историка Зигмунда Балевица, которые он опубликовал еще в 1967 г. Его работа предназначалась для атеистической пропаганды – «разоблачала» сотрудничество Православной Церкви Латвии с нацистами, однако автор ссылался на документы

Латвийского Государственного Исторического архива, которые доказывали, что с осени 1943 г. германские власти усилили нажим на экзарха, требуя отойти от Московской Патриархии, и, следовательно, они его и убили²⁹. Казалось, неоспоримые доказательства этой версии убийства экзарха вызывают некоторые сомнения. В первую очередь, потому, что они опирались на показания арестованных лиц. Аргументы З. Балевица и современной российской историографии опираются на показания, данные подследственными органам НКГБ, игнорируя очевидную их тенденциозность. Окружение экзарха было жизненно заинтересовано сделать его жертвой нацистов. Притом совершенно серьезно принимается во внимание письмо журналиста, присланное в Нью-Йорк из советской Латвии, в котором утверждалось, что из обстрелянного автомобиля экзарха сумела спастись гимназистка, которая спряталась в канаве, а самое главное, – она не только опознала одного из нападающих, как сотрудника Каунасской Службы безопасности, но и запомнила номер их машины (она тоже принадлежала этой Службе)³⁰! Между тем, в действительности неподалеку было обнаружено тело застреленной случайной свидетельницы – восьмилетней Марии Дубосайте³¹.

В цепи доказательств З. Балевица главными являются показания высшего руководителя СС и полиции в Остланде и на Севере России Фридриха Еккельна, данные им Военному трибуналу Прибалтийского военного округа в Риге в 1945–1946 гг. Он свидетельствовал, что указание ликвидировать экзарха было дано Главным управлением полиции безопасности, его подписал Эрнст Кальтенбруннер, а убийство преднамеренно было приписано коммунистам и партизанам³². На другой вопрос прокурора, где еще осуществлялись подобные провокации, Ф. Еккельн ответил, что по приказу Гитлера была взорвана Киево-Печерская

лавра, чтобы в этом преступлении также можно было обвинить «советских патриотов»³³. Из новейшей историографии известно, что церковь Успения Пресвятой Богородицы, находящаяся в этой лавре, в ноябре 1941 г. взорвала специально оставленная в немецком тылу советская диверсионная команда (в этот день ее посетил руководитель Словацкого государства Йозеф Тиссо и рейхскомиссар Эрих Кох, успевшие уехать до взрыва)³⁴.

Факт убийства митрополита Сергия сразу же подхватила как германская, так и советская пропаганда. Одни объявили погибших жертвами НКВД, другие – гестапо³⁵. Кто же весной 1944 г. был заинтересован в убийстве митрополита? Начиная с 1941 г. часть немецких должностных лиц не скрывало своего недоверия Сергию, однако их удовлетворял политический результат взаимоотношений с экзархом – антисоветские заявления митрополита. Немцы не искали ему замены. Им нечем было заменить экзарха после его убийства и, тем самым, изменить политическую линию (если именно она, как утверждают историки, побудила немцев «убрать» экзарха). Его наследник, архиепископ Даниил (Юзьвюк) сразу же декларировал свою верность Московской Патриархии³⁶, и только через некоторое время ответственные лица в Берлине стали подыскивать другие кандидатуры. Не следует переоценивать и независимость поведения экзарха: с 23 июля 1942 г. имя Местоблюстителя Патриаршего престола упоминалось лишь в архиерейской Литургии³⁷. С 19 ноября 1943 г. имя Патриарха в богослужениях вообще не упоминалось под предлогом того, что недостаточно сведений, подтверждающих каноничность его избрания³⁸. Трудно поверить, что германские власти спланировали и совершили убийство, стремясь добиться пропагандистского эффекта. ведь вряд ли им было выгодно продемонстрировать то, что на главной

магистрали Литвы – шоссе Вильнюс–Каунас хозяйничают красные партизаны.

Церковная политика немцев была довольно гибкой. Положение, сложившееся в Прибалтийском экзархате, было и в других оккупированных областях. Немцы заставляли руководителей Церквей Белоруссии и Украины выйти из подчинения Московской Патриархии, осудить ее помощь большевистскому режиму, создать автокефальные национальные Церкви. Там разогревались антирусские настроения – выдвигались требования перевести богослужения на национальные языки и пр. Всюду немцы находили архиереев, которые, как и экзарх Сергей, не колеблясь осуждали большевизм, одновременно декларируя свою верность Московской Патриархии. Немцам не удалось отколоть от нее Белорусскую Церковь, а на Украине во время войны даже была создана автономная Церковь, подчиненная этой Патриархии³⁹. Тем не менее независимая позиция архиереев Белоруссии и Украины не побудила нацистов к их физическим расправам.

Открытые архивы гестапо и до сих пор закрытые фонды архива КГБ в России в будущем непременно раскроют запутанную историю убийства экзарха Сергия. Возможно, что с приближением фронта его скомпрометировала в глазах немцев советская агентура или же он сам предпринял какие-то неосторожные, поспешные действия, предвидя, что скоро опять станет подданным Сталина. В результате поисков в архивах Бонна, Берлина и Мюнхена историк М. Шкаровский не нашел новых доказательств следования «германскому следу» и точка зрения о том, что это преступление совершило гестапо по-прежнему подтверждается источниками, уже известными в историографии⁴⁰.

В убийстве митрополита Сергия, без сомнения, мог быть заинтересован советский режим. Митрополит дискредитировал этот

режим, призывая людей не верить новой церковной политике Сталина. «На большевистских уступках построить церковную свободу невозможно»⁴¹, – уверял он. Его деятельность заставляла НКВД предпринимать контрмеры, поэтому логично предположить, что акция 29 апреля была инспирирована в Москве. В результате ее был ликвидирован не только влиятельный, высокого ранга коллаборационист, но и уничтожена целая группа «предателей родины». Погибли водитель автомобиля Петр Кулаков и солист оперы Иннокентий Редикюльцев с женой. В глазах НКВД все они были предателями и перебежчиками: Кулаков – офицер авиации, в начале войны перелетевший на сторону немцев; солист Московского Большого театра Редикюльцев, видимо, случайно очутился на занятой врагом территории, однако он выступал с концертами перед власовцами в Германии, Литве⁴².

Правда, для открытой пропаганды факт убийства экзарха не подходил, ведь он испортил бы в глазах немцев атмосферу доверия, воцарившуюся после встречи Сталина с руководителями Патриархии в сентябре 1943 г.* Весть о смерти экзарха Сергия Патриархия, видимо, могла встретить с облегчением, так как он был единственным из «своих», т. е. незарубежных, митрополитов, который компрометировал ее в глазах советских властей, поэтому возвращение его на прежнюю должность в Москве было исключено.

Если прямых доказательств версии, что митрополит Сергей был убит по приказу НКВД, до сих пор нет (правда, в историографии зафиксировано свидетельство рижского священника, отбывавшего наказание из-за своей деятельности в Псковской Миссии, который утверждал, что в лагере встретил бывшего партизана, принимавшего участие в операции по убийству экзарха, проведенной по заказу советской разведки⁴³), то косвенные доказательства, тем не менее, заслуживают внимания.

Немцы все же предприняли попытки расследовать обстоятельства убийства. Была создана специальная комиссия, криминальная полиция обследовала место происшествия,⁴⁴ была проведена экспертиза найденных на месте гильз⁴⁵. Во всех литовских, польских и русских газетах Литвы появились объявления с обещанием 10 тысяч рейхсмарок за ценную информацию о том убийстве и описания примет четырех мужчин, несколько дней тому назад угнавших автомобиль от одной из заправочных станций Вильнюса⁴⁶. Руководитель полиции безопасности и СС в Литве немедля подал главе немецкой жандармерии подробный отчет об итогах расследования этого преступления. В нем были показания свидетелей и данные о том, что преступники ехали на автомобиле с номерами полиции, а экспертиза гильз показала, что стреляли из советских и германских автоматов⁴⁷.

После убийства экзарха немцы разработали строгие инструкции по усилению безопасности на дорогах. По этим инструкциям передвигающиеся по дорогам должны были быть вооружены и готовы отразить нападение. Специалист по истории Второй мировой войны Р. Зизас заметил, что действовавшие на территории Литвы советские партизаны заинтересовались фактом убийства экзарха и сообщили в центр о своей непричастности к этому событию. В то же время руководитель оперативной группы НКВД Ионас Вильджунас, в обязанности которого входили сообщения о всех происшествиях, особенно в Вильнюсе и Каунасе, на убийство экзарха и поднятую немцами антисоветскую шумиху совсем не отреагировал. Москва также не запрашивала у него сведения по этому делу⁴⁸.

Документы полиции безопасности, в свою очередь, свидетельствуют, что она не располагала достоверной информацией о взглядах экзарха. В октябре 1943 г. из Пскова в Вильнюсский Св.-Духов монастырь

полиция безопасности направила своего информатора – известного священника – самозванца Ивана Амосова, и его прибытия дожидалась до конца апреля 1944 г.⁴⁹ То, что митрополит пользовался доверием властей, косвенно доказывает тот факт, что в начале 1944 г. ему доверили назначение на приходы «советских» священнослужителей, прибывших в Литву с российскими беженцами⁵⁰.

НКВД/КГБ сразу же занялся манипуляцией фактов, создавая желаемый образ деятельности и гибели экзарха Сергия. В секретном отчете НКГБ Литовской ССР «О злодеяниях немецких оккупантов над католическим и православным духовенством и военнопленными на территории Литовской ССР» убийство экзарха фигурировало, как одно из главных преступлений оккупантов. Представленные в этом отчете факты не соответствовали действительности. В нем утверждалось, что немцы не стали расследовать убийство экзарха, что они не решились открыто хоронить популярного экзарха, который не выполнил их требования молиться в церквах «за победу немецкого оружия», не упоминать на богослужении имени Московского Патриарха, – говорил в проповеди о «непобедимом русском народе» и пр.⁵¹ Глава Епархиального совета протоиерей Л. Голод, составивший в самом начале советского режима отчет о злодеяниях немецких оккупантов против Православной Церкви, написал о церквах, поврежденных в ходе военных действий, обличил митрополита Сергия (Воскресенского) в единовластии, но даже не упомянул факта его убийства⁵². Ответ на вопрос о виновниках этого убийства не вызывал сомнений у руководства Старообрядческой Церкви Литвы, представитель которой заявил на допросе следователю НКГБ, что экзарх был убит советскими партизанами⁵³.

О явной тенденциозности подхода НКВД/КГБ к вопросу о происходившем

Похороны митрополита Сергия 4 мая 1944 г.
Фотография из Особого архива Литвы

в Литве в 1941–1944 гг. свидетельствует селекция других фактов. В упомянутом отчете НКГБ ЛССР утверждалось, что за симпатию к советской власти нацисты в 1941 г. вместе с евреями расстреляли православного священника Виктораса Мажейку⁵⁴. Он, действительно, был расстрелян, однако как бывший священник и при совсем иных обстоятельствах. В 1940 г. В. Мажейка отрекся от сана и стал комиссаром. После оккупации территории Литвы нацистами он снова надел рясу, но в церкви не служил, а заведовал складом. Его с женой расстреляли скуодские стрелки, обнаружившие составленные и подписанные Мажейка списки «неблагонадежных лиц», репрессированных советским режимом⁵⁵. Достоверно можно сказать, что от рук оккупационных властей пострадали два священнослужителя Литовской епархии: в январе 1943 г. на принудительные работы в Правенишкский концлагерь был выслан настоятель Вильнюсского Пречистенского собора, благочинный Вильнюсского округа и член Епархиального совета И. Ярмюлюк (спустя полгода он умер в лагере); в ноябре 1943 г. был арестован архимандрит Св.-Духова монастыря Сергей Воценко, который до июля 1944 г. содержался в концлагерях Правенишкес и Шалтупяй⁵⁶. Неизвестно, за что

именно пострадали эти два священника, так как нацисты заключили их в лагерь без суда и следствия, а в советское время данные по этим священникам не были востребованы.

Выводы

Взгляд на позицию экзарха и обстоятельства его убийства в доступных документах НКВД/КГБ (включая упомянутое письмо из Латвийской ССР) наводит на мысль об откровенной тенденциозности их авторов. Деятельность Прибалтийского экзархата советским режимом была оценена однозначно негативно, следствием чего были аресты и осуждение всех, причастных к деятельности Псковской Миссии лиц, однако приписанное немцам убийство сохранило

«лицо» экзарха Патриархии. Новая роль, которая отводилась в советском государстве Русской Православной Церкви и Московской Патриархии с сентября 1943 г., требовала соответствующих идеологических стандартов, в свете которых, видимо, и появилась интерпретация событий 29 апреля 1944 г.

В годы Второй мировой войны духовенство Литовской православной епархии было втянуто в нацистскую пропаганду, выполняло политический заказ. Подобную же роль нацисты отвели руководителям других христианских Церквей – Католической и Старообрядческой. Недавний опыт советской оккупации только усилил их антикоммунистический настрой, а нацистская политика поддержки Церквей побудила их поддержать сильнейшего.

Примечания

- 1 «Вероисповедания, получающие субсидии государства» (недатированный документ в фонде Министерства просвещения Литвы, ноябрь–декабрь 1939 г.), Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ), ф. 391, оп. 4, д. 1847, л. 33. После включения в состав Литовской Генеральной области округов Ошмяны, Ейшишек и Свирь число русских жителей временно выросло до 95 тысяч.
- 2 З. Балевиц, Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944), Рига: Зинатне, 1967; Д. Поспеловский, Русская православная церковь в XX веке, Москва: Республика, 1995; М. Шкаровский, Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике, Нестор (Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы, Санкт-Петербург–Кишинев), 2000, № 1, с. 373–402 – позже автор несколько раз упоминал эту работу в своих книгах и статьях, одна из последних: И. Соловьев, М. Шкаровский, Кто совершил злодеяние на пустынной дороге? К вопросу об убийстве митрополита Сергия (Воскресенского), Церковь и время, 2010, № 53, интерактивный ресурс: <http://www.mospat.ru/church-and-time/613> (см. 17.12.2013); О. Васильева, Русская Православная Церковь в политике
- 3 советского государства в 1943–1948 гг., Москва: Российская Академия наук, Институт Российской истории, 2001; Л. Соколова, Влияние западничества на изучение истории Псковской Православной миссии (1941–1944), интерактивный ресурс: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/22/vliyanie_zapadnichestva_na_izuchenie_istorii_pskovskoj_pravoslavnoj_missii_19411944/#_ftn40 (см. 17.12.2013).
- 4 В. Сидоренко, Русская Церковь под германским правлением во время Второй мировой войны, Православный собеседник (Казанская духовная семинария), 2002, № 2 (3), интерактивный ресурс: <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/three/articlethree/> (см. 16.12.2013); И. Петров, Убийство экзарха Сергия (Воскресенского): факты и домыслы, Белое дело, 04.08.2013, интерактивный ресурс: <http://beloedelo.ru/researches/article/?145> (см. 17.12.2013).
- 5 R. Laukaitytė, Stačiatikių Bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje [Православная Церковь в Литве в XX веке], Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2003, с. 98–106; R. Laukaitytė, Lietuvos Bažnyčios vokiečių okupacijos metais (1941–1944) [Церкви Литвы в период немецкой оккупации (1941–1944)], Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2010,

- с. 211–221; R. Zizas, *Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.: represiniai (teroristiniai) veiklos aspektai* [Советские партизаны в Литве в 1941–1944 гг.: репрессивные (террористические) аспекты деятельности], *Genocidas ir rezistencija*, 2010, № 1 (27), с. 7–30.
- * По данным М. Шкаровского, только в 1937 г. в СССР было уничтожено около 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев, арестовано около 150 тысяч священников, 80 тысяч из них расстреляны; закрыто около 8 тысяч церквей (М. Шкаровский, *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве*, Москва: Крутицкое подворье, 2000, с. 92–93).
- 5 Ukrainos Vyskupų raštas Führeriui [Письмо Епископов Украины Фюреру], *Naujoji Lietuva*, 1941, № 66, с. 1; *Ukrainiečių tauta amžinai bus dėkinga Fiureriui už išlaisvinimą. Archimandrito Polikarpo pareiškimas* [Народ Украины вечно будет благодарным Фюреру за освобождение. Заявление архимандрита Поликарпа], там же, 1942.03.06, № 55, с. 4; *Arkivyskupas Filofejus kviečia gudus į darbą* [Архиепископ Филофей призывает белоруссов на работу], там же, 1942, № 284, с. 1; *Pergalė – bet kokia kaina!* [Победа – любой ценой!], там же, 1943.03.16, с. 1; *Bolševizmas – religijos priešas* [Большевизм – враг религии], *Ateitis*, 1943 09 23, № 221, с. 2; *Lietuvos metropolitas dėl bažnyčios padėties Sovietų Sąjungoje* [Литовский митрополит о положении церкви в Советском Союзе], там же, 1943.09.27, № 224, с. 4; *Demaskuotas Stalino suktas manevras su „patriarchu“ Sergijum* [Разоблачен хитрый маневр с «патриархом» Сергием], там же, 1943.10.30, № 253, с. 1; *Metropolitas Aleksandras prieš Sovietų Sąjungos „išvadavimo“ planus* [Митрополит Александр против «освобождения» Советским Союзом], там же, 1943.11.27, № 276, с. 6 и др.
- 6 Правда о религии в России, Москва, 1942; *Die Kirchenpolitik des Bolschewismus*, Berlin, 1942.
- 7 Архипастырское послание Архиепископа Даниила (1944.05.26, Рига), Вестник Бюро поверенного по делам русского населения Литовской генеральной области (Вестник Бюро...), 1944 .06.15, с. 2. Процедура преемственности власти была намечена на проходившем 29–30 августа 1943 г. собрании епископов экзархата. В итоге в завещании митрополита Сергия, составленном 29 октября 1943 г., первым был записан епископ Даниил. Епископ Даниил – Николай Юзвюк (1882–1966) в 1905 г. окончил Вильнюсскую Духовную семинарию, до 1913 г. в ней преподавал. Позже работал земским чиновником, в 1924–1940 гг. – в библиотеке Вильнюсской семинарии. В 1940 г. был еще мирянином (избран в Совет Вильнюсского благочиния). В архиереи посвящен в 1942 г. После гибели митрополита Сергия стал архиепископом, временным экзархом Прибалтики. Летом 1944 г. выехал на Запад, очутился в Чехословакии, однако в декабре 1945 г. вернулся в СССР. В «Журнал Московской Патриархии» написал о своей лояльности советской власти (см.: Первые впечатления о Родине, ЖМП, 1946, № 9, с. 63–64) и на время сохранил свободу. В 1946–1950 гг. управлял Полесской епархией, в 1950–1954 гг. находился в заключении, позднее до самой кончины проживал в Одесской епархии.
- 8 Копия письма митрополита Сергия Каунасскому генеральному комиссару «Заявка касательно Литовской Православной Епархии» от 11 сентября 1942 г., Отдел рукописей Национальной библиотеки Литвы (НБЛ), ф. 192, д. 43, л. 7. Членами Совета в июне были назначены протоиерей, служившие в церквях Вильнюса: Лука Голлод («товарищ председателя» – митрополита), Иосиф Дзичковский, Нил Кульчицкий, Игнатий Ярмолюк (до ареста в январе 1943 г.).
- 9 Циркуляр Каунасского благочинного Михаила Павловича от 3 июня 1942 г., там же, л. 56.
- * «Православная миссия в освобожденных областях России» начала работу в августе 1941 г., ее центр располагался в Пскове. В оккупированных немцами Псковской, Новгородской, Ленинградской областях начали действовать сотни церквей, издавались религиозные бюллетени, в школах возобновилось преподавание закона Божиего, организовывались курсы катехизации для взрослых, из Пскова транслировались религиозные радиопередачи. В марте 1944 г., с отступлением немцев на Запад, Миссия эвакуировалась в Шяуляй, где некоторое время занималась духовным окормлением российских беженцев.
- 10 Письмо Каунасского благочинного настоятелю Меркине от 5 декабря 1942 г., НБЛ, ф. 192, д. 43, л. 12.
- 11 Литовская Православная Епархия, Вестник Бюро..., 1943, апрель, с. 3; К. П. Обозный, *Богословские курсы в Вильно в 1942–1944 годах*, Вестник церковной истории, 2008, № 1(9), с. 169–178.
- * Последние пастырские курсы действовали в Каунасе в 1931–1933 гг. и подготовили всего 7 будущих иереев.
- 12 Циркуляры Каунасского благочинного от 30 мая, 3 июня 1942 г., НБЛ, ф. 192, д. 43, л. 60, 57.
- 13 Циркуляр генерального комиссара Литвы комиссарам городов и округов Вильнюса и Каунаса, округов Шяуляй и Паневежис от 5 ноября 1941 г., ЦГАЛ, ф. 614, оп. 1, д. 209, л. 133.

- 14 Циркуляр Каунасского благочинного М. Павловича от 23 апреля 1942 г., НБА, ф. 192, д. 43, л. 74.
- 15 Циркуляр Каунасского благочинного от 30 марта 1942 г., там же, л. 81.
- 16 R. Laukaitytė, Lietuvos Vajūnūčių vokiečių okupacijos metais (1941–1944), с. 214.
- 17 Срочный циркуляр председателя Епархиального совета протоиерея Евстафия Калисского от 5 марта 1942 г., НБА, ф. 192, д. 43, л. 89; Dievo vardu, Naujoji Lietuva, 1942.03.26, № 72, с. 4. «Мы обязаны активно помогать немецкой администрации, и потому я прошу вас всеми силами присоединиться к настоящему сбору металлов. Никогда не забывайте, что каждая маленькая дань ведет к освобождению наших братьев, русского народа», – писал в обращении митрополит.
- 18 Dievo vardu, Naujoji Lietuva, 1942.03.26, № 72, с. 4; Пастырское письмо, апрель 1942 г., НБА, ф. 192, д. 29, л. 65.
- 19 Циркуляр Каунасского благочинного от 15 июня 1942 г., НБА, ф. 192, д. 43, л. 51; Молебствия в день рождения Гитлера, Вестник Бюро..., 1944.05.15, с. 4.
- 20 Обращение к православному населению Литвы, Вестник Бюро..., 1944.06.15, с. 1.
- * Алексей Ставровский (1905–1972) был связан с церковными кругами Литовской епархии. Примерно в 1931 г. он приехал в Каунас из Парижа, где оказался нежелательным после богословского спора по поводу работ философа Сергея Булгакова. Он стал псаломщиком Каунасского собора и работал переводчиком (данные историографии о том, что он являлся членом Епархиального совета, секретарем митрополита Елевферия, входил в редакцию епархиальной газеты не соответствуют действительности). С началом немецкой оккупации работал переводчиком в Каунасском отделе гестапо, был назначен поверенным Бюро по делам русских в Генеральной области Литвы. В начале советской оккупации был включен в список разыскиваемых лиц, летом 1944 г. с женой выехал в Германию. Позже проживал в Аргентине, принял католичество восточного обряда. С 1961 г. жил в Мадриде, занимаясь издательством книг, писал богословские труды (Обзорная справка от 29 января 1962 г., Особый архив Литвы (ОАА), ф. К 1, оп. 58, д. 43312/3, л. 232–233 и пр.).
- 21 R. Laukaitytė, Rusai Lietuvoje vokiečių okupacijos metais (1941–1944) [Русские в Литве в годы немецкой оккупации (1941–1944)], Lietuvos istorijos metraštis. 2010 metai, 1, Vilnius, 2011, с. 57–69.
- 22 М. Шкаровский, Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике, Нестор, 2000, № 1, с. 374–375; О. Васильева, Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг., с. 86.
- 23 М. Шкаровский, Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, с. 162.
- 24 Д. Поспеловский, Русская православная церковь в XX веке, с. 206.
- 25 Письмо митрополита Сергия Каунасскому генерал-комиссару от 11 09 1942 г., НБА, ф. 192, д. 43, л. 7.
- 26 М. Одинцов, Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Москва, 1995, с. 61–66. По данным М. Шкаровского, это осуждение инспирировал НКВД, размноживший принятые Патриархией документы и распространивший их в Прибалтике (М. Шкаровский, Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике, Нестор, 2000, № 1, с. 388).
- 27 З. Балевиц, Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига, 1967, с. 78.
- 28 Там же, с. 81.
- 29 З. Балевиц, Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944), с. 76–87.
- 30 М. Шкаровский, Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, с. 165; Д. Поспеловский, Русская православная церковь в XX веке, с. 209.
- 31 R. Zizas, Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.: represiniai (teroristiniai) veiklos aspektai, Genocidas ir rezistencija, 2010, № 1 (27), с. 23.
- 32 Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, Рига, 1946, с. 62.
- 33 Там же.
- 34 М. Шкаровский, Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, с. 146–147.
- 35 См.: Письмо секретаря пропаганды ЦК КПЛ (б) Казиса Грейкшаса заместителю председателя правления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Федосееву от 12 мая 1944 г., ОАА, ф. 1771, оп. 7, д. 269, л. 5. В нем предлагается в радиопередачах на Литву и в литовской печати распространить заметку о том, что «митрополита Сергия убили агенты гестапо в провокационных целях», стремясь «запутать «красным террором» католическое духовенство и удержать патриотическую часть католиков от активной борьбы против оккупантов». Германское МИД, в свою очередь, 11 мая разослало представителям за рубежом пасхальное пастырское послание митрополита Сергия, с просьбой как можно шире его распространить. Это должно было показать митрополита как первую жертву «богобоязненного

- Сталина» (М. Шкаровский, Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике, Нестор, 2000, № 1, с. 396).
- 36 Архипастырское послание Архиепископа Даниила [1944 05 26, Рига], Вестник Бюро..., 1944 06 15, с. 2.
- 37 М. Шкаровский, Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, с. 160.
- 38 З. Балевци, Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944), с. 79–80.
- 39 В. Сидоренко, Русская Церковь под германским правлением во время Второй мировой войны, Православный собеседник, 2002, № 2 (3), интерактивный ресурс: <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/three/articlethree/continue/> (см. 16.12.2013).
- 40 М. Шкаровский, Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике, Нестор, 2000, № 1, с. 395.
- 41 Митрополит Сергей о «свободе церкви» в Советском Союзе, Вестник Бюро..., 1943.10.10.
- 42 Жертвы НКВД, Вестник Бюро..., 1944.05.15, с. 3 и пр. Редикюльцевы похоронены в Каунасе, П. Кулаков в Риге.
- * Эта встреча начала новую эру взаимоотношений Патриархии и советского государства – последовало восстановление церковной структуры, однако и вовлечение Русской Православной Церкви в сферу советской зарубежной политики и пропаганды.
- 43 Д. Поспеловский, Русская православная церковь в XX веке, с. 210.
- 44 R. Zizas, Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.: represiniai (terroristiniai) veiklos aspektai, Genocidas ir rezistencija, 2010, № 1 (27), с. 22.
- 45 Микрофотограммы патронов, ЦГАЛ, ф. Р 1399, оп. 1, д. 108, л. 1, 2.
- 46 См.: Naujoji Lietuva, 1944, № 104, с. 2; Ateitis, 1944, № 103, с. 1; Goniec Codzienny, 1944, № 852, с. 1 и пр.
- 47 R. Zizas, Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.: represiniai (terroristiniai) veiklos aspektai, Genocidas ir rezistencija, 2010, № 1 (27), с. 23.
- 48 Там же.
- 49 Тайная переписка между руководителями полиции безопасности и СД Остланда и Литвы, офицерами полиции безопасности и СД Пскова и Вильнюса от 15 октября, 6 ноября 1943 г., 8, 26 апреля 1944 г., ЦГАЛ, ф. Р 1399, оп. 1, д. 24, л. 114, 1, 112–113. Немцам было известно, что И. Амосов являлся лжесвященником, однако они охотно пользовались его услугами; см.: Б. Ковалев, Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944, Москва, 2004, с. 448 и пр.
- 50 R. Zizas, Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.: represiniai (terroristiniai) veiklos aspektai, Genocidas ir rezistencija, 2010, № 1 (27), с. 23.
- 51 Совершенно секретное письмо народного комиссара НКГБ Лит. ССР Александра Гузьявичюса начальнику 2 отдела НКГБ СССР Федотову «О злодеяниях немецких оккупантов над католическим и православным духовенством и военнопленными на территории Литовской ССР», сентябрь 1944 г. (день не указан, далее – Совершенно секретное письмо «О злодеяниях немецких оккупантов...»), ОАЛ, ф. К 1, оп. 3, д. 150, л. 170–175.
- 52 Письмо протоиерея Л. Голода «В Чрезвычайную Комиссию по исследованию немецких злодеяний», 6 сентября 1944 г., Отдел рукописей Библиотеки Академии наук Литвы, ф. 159, д. 8, л. 1–4.
- 53 Допрос следователем НКГБ бывшего секретаря Высшего совета Старообрядческой Церкви Литвы Ивана Романова от 26 января 1950 г., ОАЛ, ф. К 1, оп. 58, д. Р 13864, л. 56.
- 54 Совершенно секретное письмо «О злодеяниях немецких оккупантов...», ОАЛ, ф. К 1, оп. 3, д. 150, л. 175.
- 55 Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита о. Алексея (Чернай), Сан Франциско, 1981, с. 143.
- 56 Совершенно секретное письмо «О злодеяниях немецких оккупантов...», ОАЛ, ф. К 1, оп. 3, д. 150, л. 175.

Сергей Мянник (Эстония)

АРХИЕПИСКОП ИОАНН (Алексеев)

Жатвы много, а делателей мало;
и так молитесь Господина жатвы,
чтобы выслал делателей
на жатву Свою.

(Мф. 9: 37, 38)

Архиепископ Иоанн (в миру Георгий Михайлович Алексеев) родился 20 января 1892 года в Гатчине, в семье служащего Гатчинского дворца. Отец будущего святителя, Михаил Афанасьевич Алексеев, в 1891 году вышел в отставку в звании матроса Гвардейского экипажа российского флота, мать – Любовь Николаевна – всё своё время посвящала воспитанию пятерых детей: Георгия, Павла, Василия, Бориса и Клавдии.

Начальное образование Георгий получил в городском училище, а среднее – в Гатчинском реальном училище имени Императора Александра III, по окончании которого, в 1910 году, поступил в Петербургский Технологический институт.

«По условиям того времени мой отец, получавший весьма скромное жалование, не мог дать своим детям образование выше начального, – отмечал в своей автобиографии владыка Иоанн. По этой причине мне с 15 лет пришлось зарабатывать частными уроками не только на продолжение образования, но и на помощь отцу в содержании семьи».

Во время обучения в институте Георгий Михайлович начал самостоятельно изучать

предметы богословско-философского характера, серьёзно задумываясь над получением духовного образования. «Меня пугали трудности перехода из светской школы в школу духовную с её строгими требованиями по предметам богословского характера», – писал он в 1948 году в своей автобиографии¹.

Непреодолимое желание стать священником и служить Церкви всё-таки заставило Георгия Михайловича в 1914 году оставить институт и, сдав экзамены за семинарский курс экстерном, поступить на I курс Петроградской Духовной Академии, которую он успешно окончил весной 1918 года со степенью кандидата богословия и правом соискания степени магистра без дополнительных испытаний.

11 (24) ноября 1918 года в Павловском соборе Георгий Михайлович обвенчался с Лидией Николаевной, дочерью Николая Платоновича Померанцева – свободного художника и пианиста. Молодожёны поселились в квартире родителей Лидии Николаевны на Александровской улице, недалеко от Гатчинского собора. Разруха, голод, а главное – военные действия заставили

Георгия Михайловича и его молодую супругу Лидию Николаевну переехать из Гатчины в Ямбург, как они думали, ненадолго, поэтому с собой взяли только самые необходимые вещи. Но вернуться домой не удалось, пришлось отступить с войсками Северо-Западной армии генерала Юденича. Молодая семья к концу ноября 1919 года оказалась в Нарве, где у них в декабре родилась дочь Любовь. События сложились таким образом, что Алексеевы были вынуждены остаться в Эстонии.

Оказавшись без средств и крова, Георгий Михайлович начал изучать эстонский язык и давать в Нарве частные уроки по самым различным учебным предметам.

Положение Северо-Западной армии и русских беженцев было катастрофическим: потоки раненых и больных захлестнули Нарву, станция и прилегающие к ней пути были забиты эшелонами, всеобщая неразбериха усиливали хаос. Недостаток медицинского персонала и медикаментов усложнились эпидемией тифа. Выезд из Нарвы был закрыт, однако в середине января 1920 года Алексеевым удалось перебраться в Таллинн.

Из-за нехватки средств было решено поселиться в пригороде столицы Эстонии – Нымме, где цены на квартиры были гораздо ниже, чем в городе, а главное, здесь уже проживали многие русские эмигранты. Место приходского священника сразу получить не удалось, и Георгий Михайлович занялся преподавательской деятельностью. Педагогическая работа продолжалась до 1944 года в различных учебных заведениях Таллинна: в русских гимназиях, в Педагогикуме, в Мужской торговой школе и Коммерческой гимназии, где он преподавал русский язык, логику, психологию и Закон Божий. Неоднократно приходилось работать в качестве лектора на курсах по повышению квалификации русских и эстонских учителей. В конце 30-х годов Георгий Алексеев

и Леонид Махони издали учебник русского языка для эстонских школ «Живая речь» – одно из лучших учебных пособий, изданных в Эстонии перед Второй мировой войной.

Георгий Михайлович принимал активное участие в церковной жизни. В 1920–1921 годах он состоял сверхштатным псаломщиком Таллиннского Александро-Невского собора. В 1922 году вместе с доктором Александром Труза, Николаем Соколовым, Георгием Бобровским, Василием Крупеней и другими принимал участие в работе инициативной группы по строительству православного храма в Нымме.

Приход во имя Св. Иоанна Крестителя в Нымме был открыт решением Синода Эстонской Православной Церкви 20 июля 1922 года. Проект церкви выполнил архитектор Александр Владовский², однако строительные работы велись руководствуясь упрощенным проектом инженера Голубкова, который, по сравнению с оригиналом Владовского, предусматривал уменьшение расходов на 30 тысяч марок. Храм сооружался за счет пожертвований частных лиц, проведения благотворительных вечеров и лотерей. Предполагалось, что это будет временный храм, а впоследствии удастся построить новый – каменный. Но воплотить этот проект в жизнь не удалось.

Церковь в Нымме стоит уже более 90 лет. Храм был освящен митрополитом Таллинским и всея Эстонии Александром (Паулусом)³ 21 октября 1923 года. С открытием прихода и до 1928 года Георгий Алексеев служил в нем регентом-псаломщиком, в 1928–1930 годах – председателем Приходского совета.

28 марта 1931 года митрополит Таллинский и всея Эстонии Александр (Паулус) рукоположил Георгия Михайловича во пресвитера. Свою пастырскую деятельность о. Георгий начал в Александро-Невском кафедральном соборе Таллинна.

Георгий Алексеев. Учащийся
Гатчинского реального училища

В 1936 году под давлением властей русский приход Александро-Невского собора был переведён в храм Свв. Симеона и Анны. 16 декабря 1937 года о. Георгий был возведён в сан протоиерея и назначен членом Нарвского Епархиального совета⁴.

В тяжёлые годы Второй мировой войны о. Георгий, как и многие жители Таллинна, старался, чем только мог, помогать людям, оказавшимся в трудных условиях: продуктами, вещами, деньгами. Прежде всего это касалось советских военнопленных. Горожане, которые жили по маршруту движения военнопленных, иногда даже готовили для них горячую пищу, не задумываясь о том, что нарушение распоряжений, установленных оккупационными властями, могло повлечь за собой жестокое наказание.

18 января 1943 года, в канун праздника Крещения Господня, трое русских военнопленных – Крупников, Попов и Синельников из лагеря Ревель-Юг – работали в Морском порту на складах, находившихся недалеко от церкви свв. Симеона и Анны, которая и поныне располагается на улице Ахтри. Зная, что на следующий день большой праздник, они зашли в храм и, обратившись к священнику Михаилу Ридигеру⁵, выразили желание исповедаться и причаститься.

Отец Михаил, по поручению настоятеля храма протоиерея Иоанна Богоявленского⁶, отвёл военнопленных на исповедь к протоиерею Георгию Алексееву, как более опытному священнику. А прихожане храма, не задумываясь об опасности, тем временем быстро собрали для русских военнопленных немного рыбы, хлеба, сухарей и денег.

30 марта 1943 года немецкими оккупационными властями были арестованы протоиереи Иоанн Богоявленский и Георгий Алексеев, а также Валентина Русанова, София Серко, Александра Часкина, Александра Rogozkina, Лидия Тоомсалу, Пелагея Прохорова, Евдокия Егорова, Зинаида и Татьяна Соловьевы. Все они были обвинены в том, что 18 и 19 января 1943 года в Ревеле (Таллинне) преднамеренно нарушили правила общения с военнопленными, утверждёнными 11 марта 1940 года. Арестованные содержались в Ревельском рабочеисправительном лагере. Во время допросов и священники, и миряне отмечали, что они помогали людям и не обращали внимания, кто перед ними – пленные или нуждающиеся. 14 апреля прокуратура предъявила им обвинение.

Судебное заседание состоялось утром 19 июня 1943 года, на втором этаже Вышгородского замка. На вопрос судьбы о причинах своей незаконной деятельности о. Георгий Алексеев ответил так: «Во время богослужения о. Иоанн просил меня принять исповедь военнопленных, что я и сделал. В этот момент я и не задумывался, насколько это законно или нет. Мы так воспитаны, и мой долг священника всегда принимать исповедь и причащать желающих. Теперь мы живём в такое исключительное время, когда наши священнические обязанности разошлись с гражданским законом. Как священник я должен был это сделать»⁷. На вопрос председателя суда обвиняемым: «Знаете ли вы, что помогать и общаться с военнопленными запрещено?» – все

ответили «да». Тем не менее, люди помогли страждущим, так как сила христианского сострадания была сильнее, чем страх наказания.

В своём последнем слове на этом судебном заседании протоиерей Иоанн Богоявленский заявил: «В России большевизм... И вот к нам в храм пришли коммунисты (т. е. военнопленные – С. М.). Для нас это было великой радостью. Я видел, как многие плакали... и я спросил их, почему они плакали, вспомнили они своих родных, арестованных – нет, они были рады, что люди пришли к Богу. В Евангелии сказано, что возвращение заблудшего сына было для отца великой радостью, и отец сказал: будем есть, пить и веселиться. Мы в церкви не могли есть, но радость была великая. Я думаю, что я исполнил свой долг священника, а в остальном я полагаюсь на справедливость германского суда»⁸.

В своём приговоре суд отметил, что неизвестно по каким причинам пленные пришли в церковь. Прихожане же оказали им помощь, зная, что имеют дело с пленными, из милосердия, по своим религиозным чувствам. С учётом всех обстоятельств этого дела Лидия Тоомсалу, как организатор сбора помощи пленным, была приговорена к четырём месяцам тюремного заключения. К двум месяцам заключения была приговорена Зинаида Соловьёва, остальные прихожане были приговорены к денежным штрафам. Протоиереи Иоанн Богоявленский и Георгий Алексеев судом были оправданы.

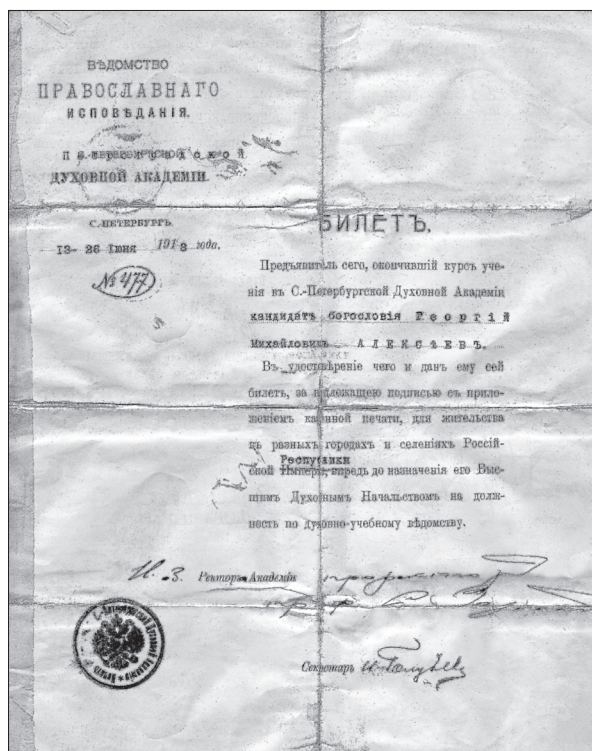
Во время войны, по благословиению архиепископа Нарвского Павла (Дмитровского),⁹ Церковное Управление направляло в лагерь беженцев и перемещённых лиц для их духовного окормления таллиннских священников и церковнослужителей. Во временных помещениях священники Михаил Ридигер, Ростислав Лозинский¹⁰, Пётр Рахманин¹¹, Георгий Алексеев и другие совершали Литургии и молебны, крестили взрослых

Священник Георгий Алексеев. Таллиннский
Александро-Невский собор. 1932 г.

и детей. Со священниками, в качестве псаломщика, в лагерь часто приезжал нынешний митрополит Таллиннский и всея Эстонии Корнилий¹². Для нуждающихся, а их было большинство, привозили одежду и продукты. По призыву протоиерея Георгия Алексеева жители города Таллинна взяли в семьи около 200 детей-сирот. В результате в семье батюшки к его двум родным дочерям добавился сын Пётр.

После окончания войны протоиерей Георгий Алексеев был вынужден оставить преподавательскую деятельность: в Советском Союзе священник не мог быть учителем в школе. О. Георгий был назначен настоятелем Никольской церкви на улице Вене в Таллинне, а позднее (указом митрополита Григория (Чукова)¹³, управлявшего тогда Эстонской епархией) – настоятелем Александро-Невского кафедрального собора и городским благочинным.

Свидетельство об окончании Георгием Алексеевым Духовной Академии.
26 июня 1918 г.

В 1952 году о. Георгий овдовел. В 1955 году протоиерей Георгий Алексеев был призван священноначалием к архиерейскому служению. Так как епископ Таллиннский и Эстонский Роман (Танг)¹⁴ был назначен епископом Лужским, в помощь часто болевшему митрополиту Ленинградскому и Ладожскому Елевферию (Воронцову), Таллиннская кафедра стала вдовствующей¹⁵.

17 декабря в Сергиевском трапезном храме Св. Троице-Сергиевой лавры заместником архимандритом Пименом¹⁶ протоиерей Георгий был пострижен в монашество под именем Иоанн, в честь особо чтимого им Св. Иоанна Крестителя.

Решением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского)¹⁷ и Священного Синода от 20 декабря 1955 года о. Георгий, по пострижении в

монашество и возведении в сан архимандрита, был назначен епископом Таллинским и Эстонским. 25 декабря 1955 года в Богоявленском Патриаршем соборе состоялась епископская хиротония архимандрита Иоанна, которую совершили Святейший Патриарх Алексий (Симанский), митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич)¹⁸, архиепископ Алеутский и Северо-Американский Борис (Вик)¹⁹ и епископ Лужский Роман (Танг).

Четверть века Владыка Иоанн совершал пастырское служение в Таллинне, был в течение многих лет председателем Епархиального совета Эстонской епархии, знал жизнь, нужды и проблемы духовенства, был лично знаком с каждым клириком епархии. С большой ревностью епископ Иоанн принял от своих предшественников архипастырское

попечение о православии в Эстонии. Ещё будучи священником он уделял самое пристальное внимание качеству богослужения, совершая его с особой истовостью, подавая пример усердной молитвы и сослужившим с ним священнослужителям, и всем присутствующим в храме. Восприняв благодать епископа, Владыка продолжил традицию торжественного совершения богослужений в Александро-Невском кафедральном соборе.

Обладая даром проповедника, Владыка Иоанн стремился при каждом богослужении обращаться к молящимся, укрепляя в людях основы христианской веры и благочестия, раскрывая великое духовное богатство Святого Православия.

Епископ Иоанн, часто совершая поездки по приходам епархии, проводил богослужения не только в храмах Нарвы, Тарту, Йыхви и в Пюхтицком Успенском женском монастыре, но и в маленьких приходах – в Лелле, Сууре-Яани, Васкнарва, Марьямаа. Бывал на островах Сааремаа и Хийумаа. При этом, где было необходимо, совершал богослужения и проповедывал на эстонском языке.

Как вспоминал известный деятель культуры Эстонии Ю. Д. Шумаков²⁰, в 30-е годы одна русская красавица из Таллина вышла замуж за французского дипломата. Вначале венчали эту чету в католическом костеле на улице Вене, а затем в Александро-Невском соборе по православному обряду. Протоиерей о. Георгий Алексеев, к удивлению многих, произнёс проповедь на французском языке (он также владел эстонским и немецким языками).

После кончины в 1958 году архиепископа Филарета (Лебедева),²¹ епископ Иоанн был назначен управляющим Рижской епархией. Он неоднократно и с большим удовольствием приезжал в Ригу, отдыхал в Дубулты (Юрмала), совершал богослужения во многих храмах Латвийской епархии.

Священник Михаил Ридигер, протоиерей Иоанн Богоявленский и протоиерей Георгий Алексеев. Таллинн. 1945 г.

Время епископского служения владыки Иоанна в Эстонии пришлось на начало хрущевских гонений на Церковь. Сигналом к началу атаки на религию было секретное постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 года «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В соответствии с этим документом были приняты первые антицерковные постановления – «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». В мае 1959 года епископ Таллиннский и Эстонский Иоанн получил предписание советских властей: под предлогом необходимости проложить улицу Гонсиори закрыть подворье Пюхтицкого монастыря в Таллинне. В ноябре были прекращены богослужения, а в январе 1960 года по распоряжению Таллиннского горисполкома прекрасный храм был снесён с лица земли. Так советская власть готовилась отметить XX годовщину образования Эстонской ССР.

Угроза закрытия нависла и над Пюхтицким Успенским женским монастырём. Он едва не стал «домом отдыха для работников сланцевого бассейна». Была отобрана гостиница у входа в обитель, в которой открыли медицинский пункт, а впоследствии разместили больницу. В Министерстве

Епископ Таллиннский и Эстонский Иоанн.
Фотография 1956 г.

здравоохранения монастырь уже числился «домом отдыха», даже было просчитано и спланировано, в каком квартале года этот дом откроется: советские комиссии неоднократно осматривали кухню, трапезную, кельи монастыря, определяя, сколько дом отдыха сможет принять людей, накормить и т. д.

Для выполнения задуманного требовалась замена правящего архиерея, ибо Владыка Иоанн решительно противостоял как сносу монастырского подворья в Таллинне, так и любому отторжению от монастыря принадлежавших ему строений. Он несколько раз ездил в Москву, и было ясно, что закрыть монастырь без шума не получится. Власти в то время не желали огласки подобных действий, поскольку хотели выглядеть прилично в глазах мировой общественности, утверждая, что в Советском Союзе процветает свобода вероисповедания. Уничтожать Церковь старались по возможности «деликатно», «тихо», чтобы верующие не могли говорить о гонениях. Закрытие храмов готовили заранее.

Владыка Иоанн при наречении во епископа Таллиннского и Эстонского, словно предвидя трудности, с которыми ему предстояло столкнуться, сказал: «Устрашает меня, недостойного во иереях, возводимого ныне на степень архиерейства, мысль о том, что жизнь пастыря, а наипаче архипастыря, испытывается тысячами глаз и языков»²². И вот, во исполнение этих слов, на Владыку была написана жалоба, под которой, к сожалению, подписались и многие представители духовенства Таллиннской епархии. Такие жалобы часто составлялись «по подсказке» – чтобы удалить неугодных священников и архиереев.

Трудно, да и нужно ли теперь разбирать «справедливость» кляузы. Ясно одно: власти были заинтересованы в закрытии Пюхтицкого монастыря и Александро-Невского кафедрального собора, а справедливость их не интересовала. Руководство Совета по делам Русской Православной Церкви потребовало от Святейшего Патриарха Алексия (Симанского) удалить несговорчивого епископа и назначить нового, с которым будет легче справиться, пока он не освоился на новом месте.

Развязка наступила в 1961 году. Под давлением властей епископ Иоанн, известный всем и любимый своей паствой, постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода Русской Православной Церкви от 14 августа был освобожден от управления Таллиннской и Рижской епархиями и в сане архиепископа переведен на Горьковскую (ныне Нижегородскую) кафедру.

3 сентября Владыка принял участие в хиротонии своего преемника на Таллиннской кафедре епископа Алексия (Ридигера),²³ который, несмотря на все усилия уполномоченного по делам религии Яана Кантера, сумел отстоять от закрытия как Александро-Невский кафедральный собор в Таллинне, так и Пюхтицкий Успенский женский монастырь.

Архиепископ Иоанн в Свято-Духовском монастыре.
Вильнюс. 1959 г.

По инициативе лидера государства Н. С. Хрущёва и возглавляемого им партийного аппарата была развязана новая масштабная атеистическая пропагандистская кампания. 13 января 1960 года было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». Годом позже, 16 января 1961 года, Совет Министров СССР принял специальное постановление «Об усилении контроля за деятельностью Церкви». Оно отменило все законодательные акты, принятые в годы войны и в первое послевоенное десятилетие. В стране готовилось массовое насильственное закрытие монастырей, духовных учебных заведений и храмов. После выступления Святейшего Патриарха Алексия 16 февраля 1960 года на Конференции советской общественности за разоружение, в котором он открыто сказал о гонениях: «Церковь Христова, полагающая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания»²⁴, был отправлен в отставку Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов²⁵, а вместо его был назначен партийный функционер В. А. Куроедов²⁶.

Неслучайно именно в этот период в Горьковской области произошла смена уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви: А. М. Богданов, проработавший на этом посту более пятнадцати лет и «слишком благодушно» настроенный по отношению к местному духовенству, был заменён на чиновника новой формации – С. И. Массалкова, непримиримого гонителя Церкви, не за страх, а за совесть проводившего в жизнь антицерковную политику партии. В первых же письменных инструкциях из Москвы новому уполномоченному было указано: «Надо продумать мероприятия, ослабляющие активность церковников»²⁷.

«Мероприятия», придуманные партийными идеологами, немедленно осуществлялись на местах. Государство наносило сокрушительные удары по Церкви по всем направлениям, в том числе по её экономике. Были приняты «драконовские» постановления о начислении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей, об отчислении Церковью государству в добровольно-принудительном порядке огромных денежных сумм. Другим деянием государства против Церкви в экономической области

Архиерейское богослужение в
Таллинском Александро-Невском
кафедральном соборе. 1956 г.

было дополнительное обложение подходящим налогом духовенства.

Был введен жёсткий контроль за расходованием приходами финансовых средств. Это означало, что на строительство, реставрацию и даже самый мелкий ремонт храма приход обязан был испрашивать разрешение исполкома, который зорко следил за тем, чтобы в проведении ремонта церковных зданий «не допускались ненужные излишества» (излишества, конечно, на взгляд исполнительной власти).

Город Горький, как военно-промышленный центр, был закрыт для иностранных делегаций. И если в других областных городах

архиереям удавалось добиться разрешения на капитальный ремонт храмов, которые могли быть показаны зарубежным гостям как местные достопримечательности, то для горьковского архиерея такой аргумент был невозможен.

Однако и этого властям было мало. В 1960-е годы по всей стране началось насильственное закрытие действующих православных храмов. Опасаясь открытого массового сопротивления со стороны верующих, государство поставило перед органами власти на местах задачу «провести разъяснительную работу» среди населения, усилить научно-атеистическую пропаганду, ослабить деятельность и влияние церковных общин. Перед уполномоченными была поставлена, в сущности, непосильная задача: уничтожить Церковь «деликатно», чтобы духовенство не имело повода «распространять вздорные слухи о якобы гонении на Церковь». На деле же были использованы привычные меры борьбы: насилие, ложь, клевета, угрозы, психологическое давление.

В Горьковской епархии ни один из православных приходов нельзя было даже с натяжкой отнести к так называемым «затухающим». Поэтому до 1963 года ни один храм в епархии властям не удалось закрыть,

Архиепископ Иоанн в Нарве.
21 июля 1957 г.

Архиепископ Иоанн в Св. Троицкой соборной церкви.
Горький. 1961 г.

хотя, судя по документам архива уполномоченного, планов было предостаточно. Правящий архиерей – архиепископ Иоанн, назначенный на кафедру в разгар гонений, оказал сопротивление этим планам, проводя мудрую, тонкую политику. Вот как сам уполномоченный по делам Русской Православной Церкви описывал свою «борьбу за храмы» с Владыкой Иоанном: «Стараясь укрепить епархию, архиепископ прежде всего решил во что бы то ни стало укомплектовать священниками слабые затухающие церкви. Таких церквей, где нет служителей культа, в области четыре».

Как правило, уполномоченный под разными предлогами не давал регистрации священникам на приход, намеченный для закрытия. Благодаря этому службы в церкви прекращались, иногда даже на срок до полутора лет, а затем без лишнего шума с регистрации снимали и общину, как якобы распавшуюся. Этой-то тактике, успешно

действовавшей в других епархиях, и попытался противостоять архиепископ Иоанн.

«В течение трёх месяцев, – писал уполномоченный о Владыке Иоанне, – архиепископ шесть раз ставил вопрос о комплектовании церкви священниками. Вначале он предложил укомплектовать их священниками, находящимися за штатом. Затем архиепископ настойчиво стал рекомендовать на вакантные места служителей культа из других епархий... После неудачной попытки использовать духовенство из других епархий он поставил вопрос о посвящении в сан священников диаконов Архангельской и Румянцевской церквей. Но это предложение тоже было отклонено по причине явной малограмотности кандидатов в священники. Наконец, архиепископ стал вызывать к себе священников, ушедших с работы по личному желанию (ввиду старости), и упрашивать их вернуться на службу»²⁸.

Архиепископ Иоанн
в Рижском кафедральном
Христорождественском соборе

Так Владыка Иоанн всеми силами пытался спасти храмы епархии от закрытия. Его усилия не были напрасны. Народ, видя нависшую над храмами угрозу, стоял стеной и противился всем попыткам советской власти ослабить приходы и тем самым подготовить их закрытие.

В 1963 году уполномоченный с досадой написал своему начальству: «Активность архиепископа в истекшем году была направлена главным образом на укомплектование духовенством 15-ти фактически не действующих церквей. В этих целях он буквально осаждал уполномоченного Совета, посещая его 2–3 раза в месяц, с этой же целью он дважды в течение года выезжал в Московскую Патриархию. Благодаря такой активности, ему удалось в 1963 году укомплектовать священниками 5 церквей: за счёт двух священников, присланных Патриархией, и трёх, взятых из заштата»²⁹.

Лишь 2 ноября 1963 года решением областного исполкома, утверждённым Советом по делам Русской Православной Церкви, была

закрыта первая в епархии церковь – в селе Егорьевском Лысковского района. Уполномоченный предложил Совету список «слабых, затухающих церквей, в отношении которых можно поставить задачу перед местными партийными и советскими организациями о проведении работы по закрытию их в ближайшие один–два года». В этом списке значилось 12 храмов, но к чести горьковской паствы, возглавляемой Преосвященным Иоанном, 8 из этих 12-ти церквей удалось сохранить.

Таким образом, за период хрущёвских гонений и, соответственно, того времени, когда епархию возглавлял архиепископ Иоанн, в Горьковской области было закрыто всего 4 храма из 50-ти. Правящий архиерей предпринял максимум усилий, чтобы приходы, вопреки стараниям уполномоченного и местных властей, не остались без священников, что послужило бы поводом к их закрытию. Милостью Божией Горьковская епархия в этот сложный период обошлась малыми потерями, хотя все советские годы в ней был острый недостаток храмов, а по числу ходатайств об открытии церквей епархия занимала одно из первых мест в стране.

За годы управления епархией Преосвященным Иоанном укрепилась и проповедническая деятельность местного духовенства, что было также небезопасно и вело к преследованиям со стороны действующей власти. О каждом шаге Владыки на поприще его служения и проповедничества подробно докладывалось уполномоченным: «Более активно, систематически и целенаправленнее выступает с проповедями духовенство городских церквей. В городе Горьком в кафедральном соборе часто с проповедями выступает архиепископ Иоанн. Формально он не руководит проповеднической деятельностью, но личным примером он, несомненно, побуждает духовенство к проповедничеству. Лейтмотивом всех

выступлений архиепископа является призыв к верующим – «молитесь и верить». Он часто говорит: «Нет безнадежной молитвы и слез. Тучи рассеются, и вновь над землей засияет солнце. Блаженны верующие. Он говорит: «Мир надо разделить на мир внутренний и мир внешний. Все мы должны стремиться прежде всего к установлению внутреннего мира – мира в себе, мира в семье и мира с Господом Богом. Наряду с этим мы должны молиться за установление внешнего мира, мира между народами и странами...»³⁰.

Высокопреосвященный Иоанн был ревностным совершителем богослужений. Каждое воскресенье и во все церковные праздники он совершал богослужения в соборной церкви, а также часто посещал приходы епархии. Службы Владыки отличались особым воодушевлением, благодаря чему и у священнослужителей, и у всех присутствовавших в храме возгревался дух молитвы. Богослужения практически всегда сопровождались проникновенными и назидательными проповедями. Помимо природного ораторского дарования, Владыка Иоанн совмещал в себе многие добрые душевные качества. Будучи настойчивым и твердым в деле защиты интересов верующих перед властями, он был тактичным, благородным и великодушным архипастырем, снискав к себе любовь и уважение вверенной ему паствы.

11 мая 1963 года Указом Патриарха Алексия (Симанского) в ознаменование 50-летия служения Святейшего в епископском сане и «в память нашего совместного церковного служения»³¹ архиепископ Горьковский и Арзамасский Иоанн был награжден правом ношения креста на клобуке.

Перевод в город Горький из Таллинна, где Владыка провёл почти всю свою жизнь, тяжело отразился на здоровье архипастыря, недолго судил Господь руководить ему

Архиепископ Иоанн в Св. Троицкой соборной церкви. Горький. 1961 г.

паствой. Летом 1963 года архиепископ Иоанн принял участие в отпевании архиепископа Виленского и Литовского Романа (Танг) в Вильнюсе, с которым был знаком по совместной службе в Эстонской епархии, и после этого последний раз приехал в Таллинн. Владыка много гулял по городу, посещал храмы и своих многочисленных знакомых. Казалось, болезнь и немощи отступили, но по возвращению в Горький здоровье архиепископа Иоанна резко пошатнулось, и в 1965 году, к большому прискорбию верующих, болезнь заставила Владыку уйти на покой.

Архиепископ Иоанн скончался 16 июля 1966 года в Горьком. Чин отпевания совершил епископ Ивановский и Кинешемский Поликарп (Приймак)³² в Троицкой кафедральной соборной церкви. После отпевания гроб с телом почившего архиепископа при траурном перезвоне колоколов и пении ирмосов «Помощник и покровитель» был обнесён вокруг храма. Согласно завещанию усопшего архипастыря, его прах был перевезён в Таллинн и предан земле на Александро-Невском кладбище рядом с супругой.

Да упокоит всемилостивый Господь душу блаженно почившего архипастыря в Своих Небесных Селениях!

Примечания

- 1 Автобиография протоиерея Георгия Михайловича Алексеева 2.08.1948. Архив автора.
- 2 Александр Игнатьевич Владовский (1876–1950), архитектор. Окончил Императорскую Академию Художеств. Автор проектов нескольких особняков в Петербурге. После революции жил и работал в Эстонии. Автор каменной часовни Корсунской Божией Матери у стен Изборской крепости, храма св. Николая Чудотворца в Копли, Таллинн (1935), для которой спроектировал иконостас и написал несколько икон; часовни на братском кладбище русской Северо-Западной армии в Копли (1936, снесена в 1946).
- 3 Александр (Паулус 1872–1953), митрополит. Рукоположен во пресвитера в 1901 г., в сентябре 1920 г. избран архиепископом Таллиннским и всея Эстонии. Хиротония совершена 5 декабря 1920 г., в 1923 г. перешёл под омофор Константинопольского Патриарха. В 1940–1941 гг. после покаяния – в Московском Патриархате. В 1944 г. эмигрировал в Швецию.
- 4 После вхождения Эстонской Православной Церкви в состав Константинопольского Патриархата в 1923 г. Нарвское викариатство Санкт-Петербургской епархии было преобразовано в Нарвскую епархию. Первым правящим архиереем стал архиепископ Евсевий (Гроздов), бывший Псковский и Порховский. После его кончины в 1929–1937 гг. епархией управлял митрополит Александр (Паулус). В 1937–1944 гг. управляющим епархией был епископ Нарвский Павел (Дмитровский).
- 5 Ридигер Михаил Александрович (1902–1962). Рукоположен во священника в 1941 г., клирик храма Свв. Симеона и Анны в Таллинне, в 1945–1946 гг. ключарь Александро-Невского собора. С 1946 г. настоятель храма Рождества Богородицы (Казанская церковь). В 1958 г. возведён в сан протоиерея. Отец Святейшего Патриарха Алексия II.
- 6 Исидор (Богоявленский Иоанн Яковлевич, 1879–1949), епископ. В 1904 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, кандидат богословия. В 1905 г. рукоположен во священника, с 1912 г. настоятель Павловского собора Гатчины. С 1915 г. магистр богословия. С 1919 г. в Эстонии, служил в Таллинне в Александро-Невском соборе и в храме во имя Свв. Симеона и Анны. 1946–1947 гг. ректор Ленинградской Духовной Академии и семинарии. В 1947 г. рукоположен во епископа Таллиннского и Эстонского.
- 7 Запись заседания суда по делу помощи военнопленным 19 июня 1943 г. Архив автора.
- 8 Запись заседания суда по делу помощи военнопленным 19 июня 1943 года. Архив автора.
- 9 Павел (Дмитровский, 1872–1946), архиепископ. Рукоположен во пресвитера 6.05.1896. В 1915–1918 гг. судовой священник. С 1918 г. в Эстонии, священник Нарвского Преображенского собора. 3.10.1937 хиротонисан во епископа Нарвского и Изборского. 21.12.1942 возведён в сан архиепископа. 10.04.1945 назначен архиепископом Таллиннским и Эстонским.
- 10 Лозинский Ростислав Романович (1912–1994). Рукоположен во пресвитера в 1934 г. В 1944–1957 гг. настоятель Успенского собора в Тарту. С 1957 г. клирик Ивановской епархии. 1969–1974 гг. настоятель храма Двенадцати Апостолов города Тулы. Доктор богословия, почётный гражданин города Тулы.
- 11 Рахманин Пётр Александрович (1892–1975), протоиерей. Рукоположен во иерея в 1937 г. Клирик Александро-Невского собора в Таллинне в 1954–1962 гг. Настоятель Казанской церкви Таллинна в 1962–1970 гг., Никольского храма на ул. Вене в 1973–1975 гг.
- 12 Корнилий (Якобс Вячеслав Васильевич, род. в 1929 г.), митрополит Таллиннский и всея Эстонии. Рукоположен во пресвитера в 1948 г., настоятель храма Марии Магдалины в Хаапсалу. В 1951–1957 гг. в Вологодской епархии. В 1957–1960 гг. в заключении в Мордовских лагерях. С ноября 1960 г. настоятель храма во имя Иоанна Предтечи в Таллинне. В 1966 г. возведён в сан протоиерея. В 1974 г. овдовел. 15.09.1990 хиротонисан во епископа Таллиннского. В 1995 году возведён в сан архиепископа, в 2000 г. в сан митрополита.
- 13 Григорий (Николай Кириллович Чуков, 1870–1955), митрополит. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию в 1895 г. со степенью кандидата богословия. В 1924–1935 гг. настоятель Николо-Богоявленского собора в Ленинграде. С 1927 г. магистр богословия. 14.10.1942 хиротонисан во епископа Саратовского, в 1944–1945 гг. архиепископ Псковский и Порховский. С 7.09.1945 и до кончины – митрополит Ленинградский и Новгородский. В 1946–1947 гг. и в 1949–1950 гг. управлял Эстонской епархией.
- 14 Роман (Роман Йоханнович Танг, 1893–1963), архиепископ. 8.03.1931 рукоположен во священника. 16.04.1950 хиротонисан во епископа Таллиннского. С 20.12.1955 епископ Лужский. В 1956–1958 гг. –

- епископ Ивановский и Кинешемский, в 1958–1959 гг. – Курский и Белгородский. 21.05.1959 назначен архиепископом Виленским и Литовским.
- 15 Елевферий (Вениамин Александрович Воронцов, 1892–1959), митрополит. Рукоположен во иерея в 1915 году. священник Марфо-Мариинской обители в Москве. В 1929–1934 гг. в заключении. В 1938 г. овдовел. В 1943 г. хиротонисан во епископа Ростовского и Таганрогского. В 1951 г. избран митрополитом Пражским и всея Чехословакии. С 1955 г. – митрополит Ленинградский и Ладожский.
 - 16 Алексей (Симанский Сергей Владимирович, 1877–1970), Патриарх Московский и всея Руси в 1945–1970 гг. Рукоположен во епископа Тихвинского 28.04.1913. В 1933–1945 гг. – митрополит Ленинградский и Новгородский.
 - 17 Пимен (Извеков Сергей Михайлович, 1910–1990), Патриарх Московский и всея Руси в 1971–1990 гг. Наместник Псково-Печерского монастыря в 1949–1954 гг., Троице-Сергиевой Лавры в 1954–1957 гг. В 1957 г. хиротонисан во епископа Балтского, викария Одесской епархии. В 1961–1963 гг. – митрополит Ленинградский и Ладожский, в 1963–1971 гг. – Крутицкий и Коломенский.
 - 18 Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич, 1891–1961), митрополит. В 1919–1922 гг. наместник Александро-Невской Лавры. 25.03.1922 хиротонисан во епископа Петергофского. В 1935 году возведён в сан архиепископа, в 1941 г. в сан митрополита. В 1947–1960 гг. – митрополит Крутицкий и Коломенский. С 19.09.1960 на покое.
 - 19 Борис (Вик Борис Иванович, 1906–1965), митрополит. 2.04.1944 хиротонисан во епископа Нежинского. в 1950–1954 гг. – архиепископ Берлинский и Германский, в 1954–1956 гг. – архиепископ Алеутский и Северо-Американский, с 1956 г. – митрополит Херсонский и Одесский.
 - 20 Шумаков Юрий Димитриевич (1914–1997). Поэт, переводчик с эстонского языка, литературовед. Член Союза писателей. В 1937 г. окончил Юридический факультет Юрьевского (Тартуского) университета. В 1944 г. и восемь лет работал на лесоповале в Архангельской области. В конце 50-х годов вернулся в Эстонию. Преподавал в Тартуском университете.
 - 21 Филарет (Лебедев Александр Михайлович, 1887–1958), архиепископ. Рукоположен во пресвитера в 1914. в 1930–1941 гг. неоднократно в заключении. 9.05.1948 хиротонисан во епископа Рязанского и Касимовского. В 1951 г. назначен архиепископом Рижским и Латвийским.
 - 22 Речь архимандрита Иоанна (Алексеева) при наречении во епископа Таллиннского и Эстонского 23 декабря 1955 г. ЖМП 1956, №1, с. 24–26.
 - 23 Алексей (Ридигер Алексей Михайлович, 1929–2008), Патриарх Московский и всея Руси. Рукоположен во священника в 1950 г. Хиротонисан во епископа Таллиннского и Эстонского 3.09.1961. В 1964 г. возведен в сан архиепископа, в 1968 в сан митрополита. В 1986–1990 гг. – митрополит Ленинградский и Новгородский, управляющий Эстонской епархией. 7.06.1990 избран на Московский Патриарший Престол.
 - 24 ЖМП 1960. №3. С. 34–35.
 - 25 Карпов Георгий Григорьевич (1898–1967), генерал-майор КГБ. 1943–1960 гг. Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.
 - 26 Куроедов Владимир Андреевич (1906–1994), в 1960–1965 гг. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, в 1965–1984 гг. председатель Совета по делам религий СССР.
 - 27 ГАНУ, ф. 5899, оп. 1, д. 10.
 - 28 Там же.
 - 29 Там же, оп. 3, д. 28.
 - 30 Там же, оп. 1, д. 179.
 - 31 Указ Преосвященному Архиепископу Горьковскому Иоанну. Архив автора.
 - 32 Поликарп (Георгий Кондратьевич Приймак, 1912–1989), епископ. В 1936 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. Заведующий Корейской Духовной Миссией. В 1941 г. возведён в сан архимандрита. 1951–1955 гг. начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 19.07.1957 хиротонисан во епископа Кировского и Слободского. В 1962–1966 гг. – епископ Архангельский и Холмогорский, в 1966–1968 гг. – епископ Ивановский и Кинешемский. С 1969 г. на покое.

Литература

- Алексий II Патриарх Московский и всея Руси. «Православие в Эстонии». Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М., 1999.
- Васильева О.Ю. «Русская Православная Церковь и II Ватиканский собор. Факты. События. Документы». М. 2004.
- Винк Христофор, прот., сост. «Летопись Иоанно-Предтеченского прихода в Таллин-Нымме. 1922–1960». Балашов Николай, прот.; Кравец С. А., сост. «Православие в Эстонии. Исследования и документы». Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М. 2010.
- Государственный Архив Нижегородской Области (ГАО), ф. 5899, оп. 1.
- Государственный Архив Нижегородской Области, ф. 5899, оп. 3, д. 28.
- Журнал Московской Патриархии 1956, №1. С. 24–26.
- Журнал Московской Патриархии 1960, №3. С. 34–35.
- Журнал Московской Патриархии 1966, №9. С. 9–21.
- Илляшевич В. Н., Мянник С. Г., сост. «Архипастыри земли Эстонской. X–XXI столетия». Таллин. 2013.
- Илляшевич В. Н., сост. «Православие в Эстонии X–XXI столетия. Имена личные и храмы». Энциклопедический справочник. Таллин. 2014.
- Киреев Александр, прот. «Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2002 годах». Москва, 2002.
- Корнилий, митрополит Таллиннский и всея Эстонии. «О моем пути». Таллин. 2011.
- «Святители земли Нижегородской». Нижний Новгород. 2003.
- Никитин В. А. «Патриарх Алесий II. Жизнь и деяния». М. 2009.
- Поспеловский Д. В. «Русская Православная Церковь в XX веке». М. 1995.
- Прекуп И., свящ. Православие в Эстонии. (Краткий исторический очерк). Таллин. 1998.
- Тоомас Швак. «Церковь Иоанна Крестителя в Нымме. 90» Таллин 2013.
- Шкаровский М. В. «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве». М. 2000.

Мемуары

Воспоминания архитектора В. М. Шервинского

В номерах 7 и 8 сборника статей «Православие в Латвии», а также в №10(1) и №2(11) журнала «Православие в Балтии» были опубликованы четыре части воспоминаний талантливой латвийского архитектора Владимира Максимовича Шервинского (1894–1975), который спроектировал и построил десятки зданий гражданской и сакральной архитектуры. Автор воспоминаний обладал феноменальной памятью, был широко эрудированным человеком, всегда сверял свои заметки с документами и фотографиями, хранившимися в личном архиве архитектора. Несмотря на арест и тюремное заключение «по политической статье», В. М. Шервинский не боялся критиковать существовавшее тогда государственное устройство, государственный аппарат, социалистические методы строительства, снабжения и производства, сохраняя

всю проектную документацию и все, проведенные им работы, запечатлевал на фотопленке. Важно отметить, что воспоминания писались «по горячим следам», т. е. автор описывал события совсем недавнего прошлого.

Разумеется, воспоминания В. М. Шервинского, как любая мемуарная литература, носят субъективный характер, однако это не мешает им быть ценнейшим историческим источником.

Публикуемый фрагмент воспоминаний проиллюстрирован уникальными фотографиями В. М. Шервинского, подписанными самим автором.

Как и первые четыре части воспоминаний, так и данную, пятую часть, подготовил к публикации внук В. М. Шервинского архитектор Эйженс Упманис.

Лето 1942 года

Только под самый конец лета удалось переехать в Огер (1), и после воскресенья 23 августа Таня (2) с мамой (3) остались в Огере. Выезжали мы в Огер начиная с мая каждое воскресенье для работ в огороде, но каждый понедельник опять возвращались в город. Как нарочно, погода ко дню переезда поправилась и только теперь наступило настоящее лето, даже некоторые ночи были теплые. Мама с Таней ходили на толоку к Кампе и Бабулю (4) (новое знакомство), и Таня с большим удовольствием

рассказывала об интересной работе по уборке хлеба и о том, как хорошо кормили (ведь мы теперь всегда чувствуем нехватку чего то в желудке). Пишу на службе, так как работы никакой нет, а без дела сидеть слишком трудно. Мало только тем для писания, и временами ничего нельзя придумать, чем занять время, читать же газету или книгу неудобно, начальство не любит.

Когда стала поспевать ягода, и в газетах было объявлено разрешение для собственной надобности собирать и перевозить

ягоды, женский отдел «Tautas palīdzība» (5) организовал курсы консервирования ягод и овощей. Таня с тетей Верочкой (6) ходили на курсы, набрались мудрости, получили специальные картонные пробки, целлофан, лигнин и сургуч. Дома учење принесло пользу и было законсервировано много бутылок ягод, сока и овощей.

Великие спекулянты

Как мы в это время снабжались продуктами, как ходили по крестьянским домам подробно описано в Танином дневнике (7), и как одна крестьянка про нас сказала: “Agrāk nabagi staigāja pa mājām, bet tagad bagātņieki staigā un ubago” («Раньше бедные ходили по домам, а сейчас богатые ходят и нищенствуют»).

Первые карточки были введены 28 августа 1941 года. Давали: хлеба..., масла 250 граммов в неделю, мяса 350 гр. в неделю.

Первое сокращение норм было в ноябре 1941 года. Давали: хлеба 2450 гр. в неделю, муки 300 гр. или хлеба 500 гр. в неделю, масла 200 гр. в неделю, мяса 350 гр. в неделю, сахара 1200 гр. в неделю, конфет 200 гр. в месяц, крупы 300 гр. в месяц. Второе сокращение норм было в феврале 1942 г.

В декабре 1942 г. прекратили выдачу масла, и вместо масла выдавали свинину в том же количестве. На Рождество выдали масло сливочное и растительное, и еще мармелад. С ноября стали выдавать по ½ бутылки водки и на Рождество тоже ½ бутылки. В начале января вдруг неожиданно выдали мармелад 250 гр. и растительное масло вместо сливочного. Потом опять давали сливочное, иногда растительное, а в апреле вдруг маргарин вместо масла.

Запасаться продуктами на зиму 1942 года нормальным образом совершенно нельзя было, так как все выдавалось по карточкам, а покупка и продажа вне карточек

была строго запрещена. Выхода другого не было, и, несмотря на запрещение, нужно было использовать все возможности, чтобы пополнить запасы в «свободной продаже», как в это время прозвали такого рода покупки, т.е. покупка без очередей и без ограничений.

Спекулятивные цены на продукты летом и осенью 1942 года:

масло – 35–40 RM за кг или 140 каждое
или 1 ½ бутылки водки

сало свиное – 40–50 RM

свинина – 25 RM

мед – 40 RM

хлеб – 5–8 RM за кг или 20 папирос

яйца – 1–2 RM за штуку

молоко – 0,3–0,5 – RM за литр

мука – 40 папирос или до 15 RM за кг

черника – 4 RM за кг

водка – 30 RM за бутылку

табак – 15 RM за осьмушку

папиросы – 5–6–8 RM за 20 штук

Осенью:

картофель – 50 RM за пурю

лук – до 7 RM за кг

морковь – 1 RM за кг

капуста – 1,5 RM за кг

помидоры – 3–5 RM за кг

Зимой:

сало – 50 RM за кг

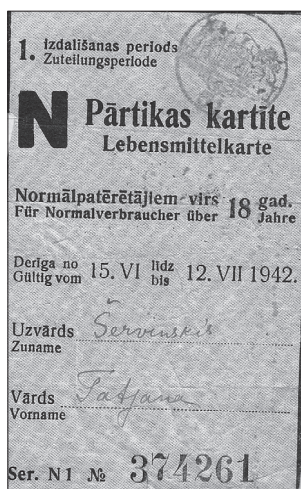
масло – 70 RM за кг

мука пшеничная размолотая – 8 RM за кг

водка – 45–50 RM за бутылку

сахар – 60 RM за кг

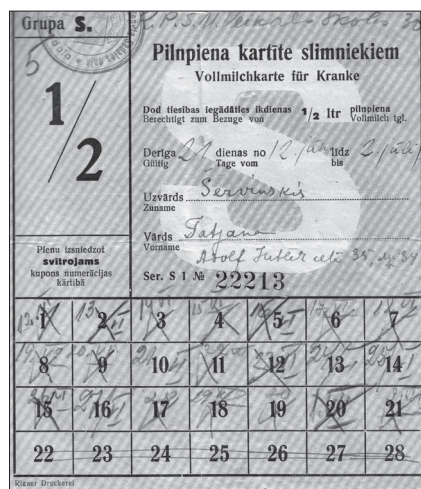
Вторую половину лета, когда мама с Таней жили в Огере, получение продуктов было немного легче, так как в Огере свободно можно было получить молоко у крестьян и даже в лавке. Сначала давали по 1,2 литра на человека в день, потом по 1,4 литра. Я с Верочкой и Лешей (8) выезжали каждую субботу вечером и в общей семье

Продовольственная карточка. 1942.г.

проводили воскресенья, работая все время в огороде, чтобы и этим путем пополнить запасы пропитания для грядущей зимы.

Еще в апреле у нас закончились запасы картофеля и, чтобы хоть как-нибудь питаться, пришлось выпрашивать картофель то тут, то там. В лавке получили по 3 кг, при содействии одного из моих сослуживцев с центрального склада получили одну пуру, от Лассмана Ивана Георгиевича (9) – 16 кг, и кое-как перебивались. В Огере получить картофель почти нельзя было, новый еще не уродился, старого же ни у кого не хватало, так как зима была очень суровая и у большинства крестьян картофель в ямах заморз. Расспрашивали всех соседей, не знают ли, где получить. Кто-то посоветовал сходить в сторону Икскюля (10) и назвали имя одного крестьянина. Мама с Таней направились на розыски. От дома к дому добрались до цели, но нигде картофеля не получили, хоть и были приняты очень любезно. Под конец попали в усадьбу N (11). Молодые хозяин и хозяйка устроились по-городскому с совсем модной обстановкой, тоже ничего не могли дать, но посоветовали идти на другую половину дома, к старикам. На просьбу «izpalīdzēt» («помочь»), старушка отсыпала

Дополнительная молочная карточка на больного

несколько кг картофеля и не пожелала брать плату за столь малоценный товар. Тронутые такой внимательностью и окрыленные удачей вернулись наши домой, и в воскресенье все были сыты. Постепенно с овощами становилось легче, поспел молодой картофель, поспели капуста и морковь, и каждое воскресенье у нас был к обеду молочный суп со свежими овощами. Просто замечательно.

Стали ходить и по грибы. Первый раз очень удачно, вернулись с полными корзинами, хотя и пришлось идти довольно далеко, до самой Юглы. Вблизи Огера было слишком много сборщиков, специально с этой целью приезжавших из Риги и дочиста обиравших ближайшие окрестности. Главные работы в огороде к этому времени были окончены, картофель окучен (для посадки картофель нам совершенно неожиданно выслал из Кокенгузена (12) Иван Георгиевич. Прислал он нам громадный мешок в 2 пуры (13): одну пуру посадили, а вторую с удовольствием и благодарностью скушали). Все посеяно и посажено, поливки потребовалось мало, так как временами шел дождь. С мелкими огородными работами мы справлялись, по субботам вечером и по воскресеньям неудержимо тянуло в лес,

дивный огрский лес, бродить в нем без дорог и тропинок, совершенно не считаясь со временем, и возвращаться домой только тогда, когда чувствовалась уже сильная усталость. Бывало, что выходили из дома в 10 часов утра, а возвращались в 6–7 вечера. Грибов, несмотря на грибное время, становилось все меньше и в конце концов нам удавалось найти только по несколько грибов. Но тут начались ягоды, и хоть ягоды собирать гораздо менее приятно, стали приносить бруснику и чернику. В будние дни мама с Таней кое-когда посещали новых знакомых крестьян и всегда возвращались то с творогом, свежим и вкусным, то с яичками, то со сметаной (абсолютно запрещенный продукт), то с разными овощами.

Одна крестьянка как-то спросила: нельзя ли ей принести глиняный кувшин, она за него дала бы продуктов. В Риге же у нас имелся хороший знакомый в посудном магазине, и кувшин удалось получить. Неопытные еще в товарообмене, мы не знали, что просить и в конце концов получили за кувшин три литра молока, оценив и то и другое по казенным ценам. Дружба с крестьянкой увеличилась, молоку мы были рады, а значит и обмену тоже. Крестьянка, очевидно, тоже была довольна, так как попросила еще глиняную миску в обмен.

Несколько раз ходил к крестьянам и я. Хотелось мне очень купить пшеницу, пшеничная каша, вошедшая в последнее время в моду, мне очень понравилась и я во всех дворах спрашивал, нельзя ли купить пшеницы, но везде ссылались на то, что всё зерно надо сдавать, и никто не продавал. Последний крестьянин, к которому мы в тот день зашли, тоже отнекивался и вдруг говорит: «Да ведь с одного пуда (14) вам ничего нет, а много дать я не могу». Я удивленно взглянул на него и говорю, что о пуде и не думал, что я был бы рад и 10 килограммам. «Ну, это, ответил он, можно вам дать». Отсыпал он нам даже 12 кг. Долго он думал,

не зная, что за пшеницу взять. Пока, наконец, не назвал сумму в 20 марок, что мы ему охотно заплатили, и радостные пошли домой.

Миска для первой крестьянки тоже была получена, и вот мы опять в дороге по крестьянам. Не зная, что нам предложить в обмен, она стояла в раздумьи, а муж ей говорит: «Давай овсяную муку». Принесла она в горсти муку показать, мама попробовала и говорит, что горьковата, крестьянка подтвердила, что да, как будто горьковата, я же попробовал и горечи не заметил, я вообще не особенно чувствителен на горечь, но все же муку брать не решились, тем более, что крестьянка за миску предложила только два килограмма, и мы пошли дальше. Полная неудача нас постигла в другой знакомой усадьбе, только за несколько конфеток, которыми угостили крестьянку сейчас же, в ответ на это мы получили два яйца. С пустыми руками мы возвращались домой и по дороге стали рассуждать, за какое количество овсяной муки все же стоило бы отдать миску и решили, что за 4 кг, и если крестьянка согласится – отдать. Нашему возвращению крестьянка, видимо, обрадовалась и поспешила насыпать нам муку. Мешочек был наполнен, взвешен и оказалось 5 ¼ кг., но для нее это было все равно, очевидно муку эту она мало ценила, а я еще сказал, что очень хотелось бы и немного пшеницы, насыпала она нам 2 кг. Вернулись мы домой удовлетворенные и решили привезти ей еще одну миску.

В связи с вновь полученной работой от УТАГ'а (15) мы летом 1944 г. всей семьей выезжали в разные места для осмотра намеченных к оценке зданий. Выезжали мы по понедельникам, мною был взят отпуск по понедельникам на все лето, а воскресенья мы проводили в Огре. Хороши были эти поездки, они внесли большое разнообразие в скучное прозябание на службе. Начали мы наши поездки с Дубуаты, потом Майори. Вторая поездка была в Кемери, Слоку и

пешком в Валтери. Третья поездка – в Придаине, Дзинтари и опять Дубулты. Четвертая поездка должна была быть в Буллоумуйжу, но вышло изменение и мы поехали в Меллужи, а оттуда в Бабите, потом Засулаукс и домой. И только пятая поездка была в Буллоумуйжу, куда мы выехали на пароходике, что было, конечно, очень и очень приятно. Потом Больдераа и Усть-Двинск. Шестая поездка была в Старый Мюльграбен, оттуда пешком в Вецаки. Седьмой осмотр – на Балластную дамбу, Межапарк, Земитани и пр. И восьмая поездка на Юглу, и, наконец, девятая поездка в Бишумуйжу и Катлакалнс, и все это подробно описано в Танином дневнике.

Еще одна прогулка: ходили осматривать прибывшую для Пскова и временно помещенную в Иоанновской церкви мозаичную икону «Троица» по оригиналу Рублева и по рисунку Евгения Евгеньевича Климова (16). Икона предназначена для ворот Кремля во Пскове.

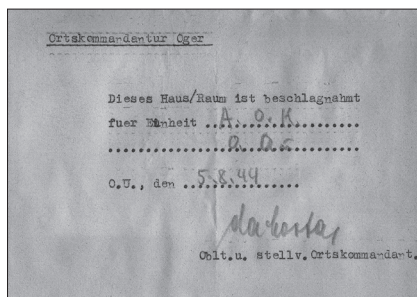
Не помню точно когда, но, кажется, летом 1943 г. приехали опять тетя Наташа с дядей Колей (17), на этот раз не в гости, а как беженцы. Немцы выселяли всех из Витебской области и всех гнали на Запад. В Риге разрешено было временно остановиться, а в январе 1944 г. вслед за ними приехала Анна Дмитриевна, сестра дяди Коли, с сыном. И, значит, население в нашей квартире увеличилось на четыре человека. Бабушки (18) в это время с нами уже не было, она умерла в августе 1942 г. Страшный для нее был удар, когда ей пришлось сказать, что увезена семья дяди Миши (19). Сильно она тосковала и в конце концов сердце не выдержало.

Вели мы хозяйство сообща, каждый делал, что мог и что умел, каждый старался и все, казалось бы, идет хорошо.

Ранней весной 1944 г. к нам на квартиру явился немецкий офицер в сопровождении сестры милосердия, и сказал, что они

Эту фотографию сделали и подарили нам наши насильственные квартиранты

Извещение о занятии нашей дачи немцами

вынуждены занять нашу дачу и дачу Кривошапкиных, просят на то нашего согласия и передачи ключей и в день их въезда просят быть в Огере, чтобы, так сказать, официально передать им дачи для пользования. Все это делалось так деликатно и в такой вежливой форме, что мы, конечно, не сочли возможным возражать, только выговорили себе право оставить за нами кухню и девичью комнату, а в Кривошапкинском доме – трамвайный вагон для Панкратовых (20). Выяснив по плану, что кухня имеет особый вход, и убедившись в том, что мы им мешать никак не будем, немцы дали свое согласие и назначили день передачи. Немцы поселились, мы продолжали ездить, и хоть жить

Трамвайный вагон - дача Панкратовых
на участке Кривошапкиных

Это внутри вагона – правда, хорошо
и теперь с трудом верится, что
это действительно было так

нам пришлось тесно, мы были довольны тем, что немцы были симпатичны и бережно относились к нашей любимой даче.

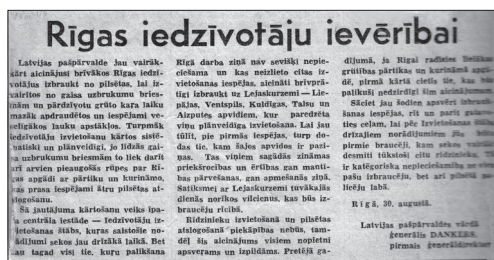
Заселение немцами нашей дачи, безусловно, имело связь с общим положением на фронте. Немцы были биты, отступали хоть и с боем, но неуклонно, и все яснее становилось, что скоро им придется оставить Ригу. Медицинский отряд, поселившийся в наших дачах, пришел из Пскова, значит, Псков уже начали очищать. В конце июля внезапно, на этот раз не сказав ни слова, наши немцы исчезли и мы застали наши

дома пустыми, а через несколько дней в них поместились телеграфисты, уже не спрашивая разрешения. Были они, правда, тоже любезны, но отношение к домам было более фронтовое: для пропуска проводов они бурили стены, срезали в столовой у двери верхний уголок, но на то, что мы будем жить в кухне, тоже согласились, и опять по субботам мы приезжали, а Панкратовы продолжали жить в трамвае. Дачи наши немецким командирам очень понравились, они их обмерили, зарисовали детали. Сделали фотографические снимки. Как-то в одну из суббот нас пригласили в дачу Кривошапкиных, к высшему командиру, пригласили в гости. Добрые отношения с немцами нам приходилось поддерживать, и потому отказать от приглашения нельзя было и мы втроем пошли. Нас попросили сесть и тут рассказали, что дома наши им очень понравились и что они мечтают построить такие у себя на родине и подарили нам три фотографии Кривошапкинской дачи. После этого было дано распоряжение принести вина. Вина у немцев всегда были в запасе и при том самые лучшие. Первым делом вскрыли бутылку шампанского в знак того, что мы не возражаем, если они построят себе дом по нашему образцу. Потом откупорили бутылку темного вина, действительно, прекрасного и надо сказать, мы пили его с явным удовольствием. Немцы говорили без умолка, рассказывая про свою домашнюю жизнь, но совершенно избегали говорить про войну. Война приняла для них нехорошее направление, они на что-то еще надеялись, так как *Führer* все обещал какое-то замечательное изобретение, которое их спасет. Но вместе с тем они все отступали и отступали, и думать о своем печальном конце им не хотелось. Вино было крепкое и от новых бутылок мы категорически отказались и поспешили окончить визит. Было уже темно, когда мы возвращались на нашу дачу. Как вдруг нас осветил яркий свет на западной

стороне неба. Мы обернулись и были поражены, на небе горели огни, как свечи на елке. Нам уже раньше приходилось слышать о елках, т.е. об огнях, которые на парашютах сбрасывают с самолетов или освещают цель нападения, и под прикрытием огней самолеты становятся совершенно невидимыми и спокойно могут летать и сбрасывать свои разрушительные бомбы. На этот раз елки горели над Елгавой. Мы остановились и залюбовались замечательной картиной, остановились около нас и несколько солдат из нашего дома. Но только успели погаснуть огни, как послышался рокот возвращающихся советских самолетов и один из немцев, по акценту австриец, говорит: «Знаете, мы люди военные, нам рисковать жизнью не привыкать, а вы лучше идите в погреб, возвращающиеся самолеты часто разгружаются и сбрасывают в лесу оставшиеся у них бомбы. Уходите, чтобы чего-нибудь не случилось». Но не успели мы дойти до погреба, как рокот самолетов стал затихать и нам прятаться уже было нечего.

Положение становилось все более и более тревожным, фронт приближался, и первым делом немцы решили избавиться от беженцев и издали приказ всем явиться на Дерптскую улицу¹, в заезжий двор между Гертрудинской и Лачплеша, на сборный пункт для отправки на пароход. Ослушаться, не пойти наши беженцы не решались и потому, собрав свои небольшие узлы, к назначенному времени направились на Дерптскую улицу. Мы их провожали. Всех зарегистрировали

¹ Здесь и далее Шервинский использует русские названия рижских улиц: Дерптская – Тербатес, Гертрудинская – Гертрудес, Сарайная – Шкюню, Известковая – Калькю, Яковлевская – Екаба, Стрелковая – Стреланиекю, Мирная – Мира, Церковная – Базницас, Грешная – Грещиниеку, Мельничная – Дзирнаву, Кузнечная – Калесю, Столбовая – Стабу, Булленская – Буллю, Матвеевская – Матиса. Колодезная – Акас, Маринская – Марияс и др.

Различные объявления и запугивания, принуждения к отъезду в Германию

Объявления и запугивания, принуждения к отъезду в Германию

и после недолгого ожидания колонной человек в 200 направились в Экспортную гавань. На площади напротив Царского сада (21) наша колонна оказалась не одна, со всех сторон стекались такие же колонны и против ворот в Экспортную гавань стояла сплошная толпа. Порядка не было никакого, все ходили и галдели, некоторые хотели ехать и торопились пройти через ворота к пароходам, другие, как и наши, ехать не хотели, в нерешительности топтались, уйти не решалось и не знали, что делать. Тетя Наташа,

Iesaista darbā

Rīgā, 6. okt. (LD)

Sodien Rīgā policijas organi veica plaša mēroga darba apliecību pārbaudi. Pie tam konstatēja, ka daudzi darba apliecību ipašnieki, kas nodarbināti dzīvei svarīgos uzņēmumos jau kopš dienām savās darba vietās neestrādā. Tos tagad iesaistīs kaņam svarīgā darbā Vācijā. Visi darba apliecību ipašnieki tiek uzaicināti atkal atgriezties savās darba vietās, jo pretējā gadījumā tos aizturēs. Šodien darbā iesaistīto mantas viņu piederīgie var nodot vēlākais līdz rītdienai, sestdienai, plkst. 14, ar skaidri uzrakstītu uzvārdu un vārdu Rīgas pili. Ieteicams bez siltām drēbēm, segām, mazgāšanās, bārda skūšanas, ēdlienu piederumiem dot līdz arī rezerves apavus.

Šo sevišķam darbam nozīmēto piederīgie var no Rīgas aizceļot kopā. Dzīvēt kopā Vācijā šīnī sevišķā gadījumā pagaidām tomēr nebūs iespējams. Piederīgiem ar savām mantām jāierodas rīt sākot no pl. 6 no rīta V. f. Pletenberga gatves un Eksporta ielas stūrī. Policijas postenis tur sniegs tuvākus norādījumus.

Tāpat tiek uzaicināti visi, kam ir kuģa kartes, un visi, kas grib izmantot šo izdevīgo aizbraukšanas iespēju rīt, sestdien, no pl. 6 rītā ar savām mantām sapulcēties V. f. Pletenberga gatves un Eksporta ielas stūrī. Tur izsniegs ceļojuma kartes. Bez personas apliecības citi braukšanas dokumenti nav vajadzīgi. Policijas iecirkņi palīdzēs nogādāt mantas no dzīvokļa uz aizbraukšanas vietu.

Объявления и запугивания, принуждения к отъезду в Германию

самая бойкая из всех, взялась пойти разуз- нать и была, как делегат пропущена через ворота, Два раза она возвращалась все с тем же ответом: «Никакого порядка, нельзя добиться толка». Но вот она пропала и не возвращается. Долго мы топтались и ждали, как вдруг бежит тетя Наташа, машет нам руками и говорит: «Собирайте вещи, нам разрешили не ехать». Было это действительно так или она набралась храбрости и

решила бежать, но во всяком случае мы все опять были дома. Мы были рады, очень уж мы сжились друг с другом в это тяжелое время и расставаться не хотелось.

Через несколько дней новое запугивание, предложение ехать в Курляндию с указанием «уезжайте добровольно, чтобы не быть направленными насильно». Наше решение остаться было твердо и никакие запугивания на нас подействовать не могли, даже указание на то, что за неисполнение распоряжения о временном переселении грозит тюремное заключение или штраф до 1000 RM. Распоряжения эти создавали нервную обстановку, но все же изменить наше решение не могли.

На работе тоже предложили эвакуироваться вместе с немцами. Некоторые на это согласились и стали готовиться, я же упорно молчал и когда, наконец, меня спросили – почему я не готовлюсь к отъезду, я сказал, что не могу решиться покинуть родину. «Родина» – это было слово, которое немцы хорошо понимали, они любили свою родину и сразу меня поняли. Только тяжелый вздох и слово «Да» было мне ответом и меня больше не трогали.

Все дела было предложено уложить в ящики, все, кроме материалов. В укладке я был им помощником, мне очень хотелось, чтобы они скорей убрались, чтобы скорее прокатилась опять неизбежная война и чтобы можно было опять начать плодотворную работу. Укладывал я в ящики дело за делом, а коробки с карандашами, бумагу, краски и прочее относил домой, я ведь готовился к жизни и считал, что это все пригодится. Заикнулся я немцам, что неплохо было бы получить сколько-нибудь водки. Оказалось, что эту драгоценность успели уже уложить, но все же нам посочувствовали, какой-то ящик опять распаковали и выдали нам несколько бутылок «Aqua vitae» (вода жизни), это лучшая их водка и потом она нам очень и очень пригодилась. Бланкенбург (22),

с которым я был очень дружен, спросил меня «Вы едете или нет?» и мой твердый ответ «нет» его озадачил: «А я думаю ехать», ответил он мне. Я же ничего не сказал, думая, что ведь каждый должен поступить так, как ему подсказывает его чувство. Оказывается, он направился на пароход, но в последнюю минуту передумал и вернулся домой.

Наконец, в понедельник 2-го октября, после долгих хлопот, мне на работе выплатили жалование и с первого числа я считался уволенным. Удостоверение служебное удалось сохранить, оно было выдано сроком по 10 октября и до этого времени я мог быть спокоен, никто меня не сможет тронуть, был приказ с работы никуда не брать.

Снова через газеты начали запугивать. Было объявлено, что открыто бюро записи, что запись ведется быстро и что, получив разрешение, надо сейчас же направляться на поезд, потому что потом, при большом наплыве желающих, будет трудно с багажом, а езда по морю, ввиду осеннего времени, может быть неприятна. «И потому отправляйтесь сейчас же!», – заканчивалось объявление. Я больше всего боялся, что немцы уходя будут жечь весь город, и потому внимательно изучил все возможности бегства на открытое безопасное место. Фронт все приближался, оставили немцы и наши дачи. Несмотря на то, что все время хвастались, говоря, что все будет хорошо, что они никуда не уйдут.

Все эти события сильно действовали на нервы и 3-го октября утром мы решили сходить к Крампам (23) на Сарайную улицу. Мамочка с Таней пошли в гимназию. Хотелось получить свидетельство для Володечки (24) и к 12 часам мы хотели встретиться у Крампов. Я шел прямо по Бривибас, мимо памятника, и уже издали заметил, что вся Известковая улица вдоль бульвара была перерожена цепью немецких моряков. Встревоженный этим, полагая, что меня могут не

SVĒTDIEN, 1944. G. 8. OKTOBRI

Ērta aizceļošanas iespēja svētdien

Rīgā, 7. oktobrī (L.D).

Svētdien, 8. oktobrī rīdziniekiem iespējams ērti aizceļot uz Vāciju. Vietas braucienam un telpa līdzņemamām mantām ir bagātīgi rezervētas. Visi rīdzinieki, kuri vēlētos izmantot šo braukšanas iespēju, tiek uzaicināti ierasties rīt, svētdien, sākot no plkst. 6 no rīta, pie KdF nama, Daugavmalas un Grēcinieku ielas stūrī, līdzņemot aizvedamās mantas. Tur tiks izsniegtas arī kartes ceļojumam. Vēlreiz tiek atgādināt, ka, atskaitot personas apliecību, nekādi citi dokumenti braukšanai uz Vāciju nav vajadzīgi.

Paziņojums

amatniekiem izceļošanai uz Vāciju

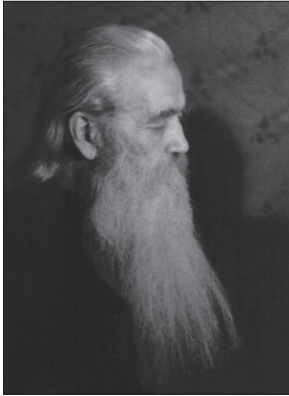
Visiem amata meistariem, zēļiem un mācekļiem, kuri vēlas izceļot uz Vāciju un turpināt strādāt savā arodā, tūlīt jāpiesakās Ādolfa Hitlera alejā 10, ist. 419. izceļošanas atļauju, braukšanas karšu un attiecīgo apliecību saņemšanai.

Rīgā, 1944. g. 7. oktobrī.

Austrumzemes reichskomisārs.

Объявления и запугивания, принуждения к отъезду в Германию

пропустить, я продолжал идти дальше. Подъехал человек не велосипеде, но его остановили и вернули, подошли две женщины, что-то сказали и были пропущены, а я все шел вперед. Приблизился я к цепи и хотел объяснить, что мне необходимо встретиться со своими, что меня ждут и мне надо пройти. Но матросы передо мною расступились и со словами «Bitte, bitte», пропустили меня. Я прошел и почувствовал, что дрожь пробегает по моему телу, что я попался в ловушку и что больше мне не выбраться. Но возвращаться было уже поздно и я только ускорил шаг.

О. Иоанн Крампис

В гимназии мама с Таней ничего не добились. Не было классной дамы, а без нее директор справки не давал и, немного посидев, мы решили еще раз пойти в гимназию на Стрелковую улицу. По Яковлевской улице мы вышли к театру, повернули направо по Вальдемаровской и на углу Бастионного бульвара увидели большое скопление грузовых машин, направлявшихся к Двине. Много машин, много людей, жандармы проверяют документы, все волнуются, хотят скорее проехать, громко говорят и о чем-то спорят и мы, воспользовавшись этой суматохой, проскочили мимо и перешли мост через канал. Уже издали мы увидели, что налево по бульвару Калпака никого не пускают, значит тут в гимназию не попасть, может быть по Елизаветинской, и мы, перейдя бульвар, хотели идти дальше по Вальдемара, но двое солдат нас остановили, говоря, что мужчины направо, а женщины прямо. Мы что-то начали им объяснять, но они только повторяли, что женщины могут идти прямо, а мужчины – направо. По косой дорожке к Коммерческому училищу мы свернули направо. Я ничего особенного не подозревал, мне только было досадно, что в гимназию нас не пускают, но мамочка инстинктивно почувствовала опасность и когда мы проходили дорожку к памятнику Розенталя,

дернула нас налево и мы скорым шагом направились к музею. Но тут нас заметил другой солдат, что-то нам крикнул, направился к нам, чтобы нас вернуть, мы же ускорили шаг еще больше, я рукой махнул в сторону Елизаветинской улицы и чтобы нас догнать солдату надо было бы бежать, а это ему не хотелось. Он остановился и только что-то продолжал кричать. К счастью, и на Елизаветинской улице было опять большое скопление людей и мы опять проскочили. Вдоль Военного министерства и Красного креста мы пробежали до Церковной и, слава Богу, благополучно вернулись домой. Только вечером мы узнали, какая опасность нам грозила. Миша Крамп (25) нам по телефону сообщил, что после службы зайдет к нам. Около 5 часов – телефон, Валя (26) взволнованным голосом спрашивает, не знаем ли мы где Миша, я сказал, что скоро должен быть. И, действительно, скоро Миша пришел. Оказывается, на улицах ловили мужчин, собирали в группы и куда-то отвозили. Мишу отпустили только потому, что у него была справка о том, что должен оставаться в Риге до последней минуты и будет эвакуирован по особому распоряжению. Только Миша с Валею ушли, как опять звонок: Верочка сообщает, что Лешу поймали, вынуждают ехать. А ее вынуждают ехать с учреждением и они уезжают. Так стало тяжело, грустно на душе, что я еле в состоянии был ответить по телефону, что слышу, что желаю им удачи. Ясно я чувствовал, что расстанемся мы надолго, а может быть и навсегда.

Среда 4 октября. Панкратовы уехали. Ловля на улицах продолжалась и, чтобы нас не разлучили, мы решили сидеть дома, никуда больше не выходить. Только тетя Маня (27) и тетя Наташа были разведчиками, ходили и к Крампам и к дяде Пете (28), а также делали закупки, беря все, что только можно было получить. И тут новый удар. Миша утром пошел на службу, а Валя, как-будто

что-то предчувствуя, пошла его провожать. Недалеко они успели отойти от дома, как их окружили жандармы, никакие Мишины справки не могли помочь, и их отвели в замок. Валя умоляла отпустить ее домой, чтобы взять детей, и это ей в конце концов разрешили. Участь Крампов была решена, была дана только маленькая отсрочка. Вечером телефон, мой сослуживец Витол спрашивает, выгоняют ли нас также из квартиры, у них на Архитектурной улице приказано всем в 6 часов утра явиться с вещами на Грешную улицу 34 для отправки на пароход. Тревога наша все возрастала. Утром 5 октября в 7 часов утра звонок, Мамочка подошла к двери, а мы замерли, ожидая, что будет. Но нет, ничего необычного, это был другой мой сослуживец. Им тоже сообщили, что они должны быть готовы к отправке, а они, поднимаясь к нам, видели нашу дворничиху. Она обходила квартиры и сообщала приказ немцев: «Через два часа будут лошади за вещами и все должны быть готовы». Через несколько минут дворничихин звонок и к нам. Вещи у нас все время уже были готовы, но мы все же еще раз проверили и через два часа были готовы, но на этот раз дворничиха пришла с известием, что ехать должны только те, кто раньше уже записались, да и только те, кто хочет. Мы же определенно не хотели и потому не трогались. К 8 часам я сошел к воротам, но никаких лошадей не было. Такие тревоги продолжались, и каждый раз, хотя мы и твердо решили держаться до последней возможности, все же сильно волновались, боялись, что потащат насильно и казалось: «Нет, нам все же не удержаться и все же, наверно, придется уехать».

Газеты продолжали объявлять, что дается еще одна возможность уехать с удобствами и с багажом и в субботу объявление: «Дается еще одна возможность уехать в воскресенье и чтобы потом люди сами на себя пеняли, если им придется итти из города

Семейство протоиерея Иоанна Крампа (Крамписа). В верхнем ряду слева: дочь Нина Крампис, матушка Крампис Лидия Дмитриевна с внуком Игорем на руках, сын Михаил, невестка Валлия; в переднем ряду В. М. Шервинский и внучка прот. Иоанна Лариса. 1941 г.

пешком». Опять волнение и тут еще слухи, что жандармы ходят по домам и выгоняют, а по погребам ищут людей с собаками. И вдруг возвращается тетя Наташа и говорит: «Два жандарма сидят у нас во дворе». Взвесив все возможности, мы решили: «Пешком так пешком, а добровольно мы не поедем».

На всякий случай у нас с помощью дяди Леши и Лукашева (29) была приготовлена тележка – ящик с велосипедными колесами и, если действительно придется идти пешком, то самое необходимое мы сможем увезти, ведь на себе много не унесешь. Я видел, как несчастные евреи в 1941 г. уходили из домов с огромными тюками на плечах, но скоро уже тюки бросали и оставались ни с чем. Воспользоваться тележкой, к счастью, не пришлось и впоследствии ящик мы приспособили в кухне для сохранения пищи в горячем виде.

Страшно только было, а вдруг начнут жечь всю Ригу, как мы видели в кино, как немцы с гордостью показывали, что в Ростове-на-Дону они зажигали огнеметами и взрывали прекрасные здания, показывая и

момент взрыва. Каждый день нас посещали разные знакомые, волновавшиеся также, как и мы, и жаждущие совета. В понедельник, 9 октября звонки раздавались все время. Всем знакомым было сказано, чтобы звонили три раза, тогда мы будем знать, что свои и не надо будет волноваться, думая, что, может быть, жандармы. Но жандармы ходить по квартирам не решались. Были случаи, что с ними расправлялись.

Первой в этот день была M-mme Vera (30) с первого этажа. Она всегда приходила с сенсациями. Был мой сослуживец Булле, пришел обедать о. Иоанн Крамп (31), он остался в Риге, пришли и Николай Николаевич Дресвин (32), Ольга, Оля Мянигсон (33), г-жа Эрглис с дочкой и, наконец, вечером г-жа Якимович (34) с первого этажа. В другие дни приходили еще Яковлевы (35) втроем и другие. Слух о том, что немцы могут взорвать водопровод, заставлял нас к этому подготовиться. Наполнили мы водой все ведра, котлы и кастрюли, а в кладовой поставили банки с водой и литровые бутылки, до краев наполнили ванну. Все последнее время водопровод действовал уже только некоторые часы утром и вечером, так что небольшой запас воды у нас был всегда. Но тут мы вооружились полностью и не напрасно. 10-го вечером вода прекратилась совсем, ясно было, что водопровод взорван, что район Белого озера – Заķшмуйжа уже в руках Красной армии. В среду, 11-го вечером начались пожары, двор наш был освещен ярким красным светом. Зная, что зарево всегда кажется ближе, чем оно есть, я решил, что горит где-нибудь на Югле, но когда стали говорить, что горит дом на углу Бривибас и Мирной, не хотелось этому верить, но я все же с тревогой часто подходил к окну, приподнимая затемнение, и смотрел на ярко освещенный двор. Знал, что воды для тушения нет, знал, что пламя легко может перекинуться с дома на дом и с нетерпением ждал момента, когда зарево уменьшится. Электричество в этот

день тоже работало неаккуратно. Несколько часов мы сидели без света. Потом свет то загорался, то опять гас. Много говорилось, что Ригу сдадут без боя, что все здания, кроме мостов, разминированы, и так хотелось этому верить, что к капризам электричества я относился недостаточно серьезно. Магазины все были уже закрыты и питаться надо было только тем, что было накоплено. Но запасов было, слава Богу, достаточно и это нас не беспокоило. На все окна я приспособил резинки и это, может быть, спасло наши стекла в последующие дни, когда снаружи совсем близко рвались снаряды и от давления воздуха распахивались окна, но мягко, благодаря буферкам.

В четверг, 12-го с самого утра начались сильные взрывы и из окна кабинета можно было видеть, как густые клубы дыма поднимались к небу. Это рвали здания в гавани. Немного позже пошел густой дым и со стороны вокзала, как потом оказалось, это взрывали и жгли склады «Tuģiba» на Мельничной улице, почту, железнодорожное управление, Римскую гостиницу и рядом лежащий прекрасный дом Морберга в стиле Флорентинского ренессанса, кафе Шварца и Юргенсона и пр. К вечеру начался сильный обстрел города. Слышен был свист снарядов и после свиста – взрыв. Оставаться наверху в квартире больше нельзя было. Сидеть же внизу в лестничной клетке, где мы отсиживались при сигналах тревоги и до отбоя, мы теперь боялись, боялись, что могут придти жандармы и нас погнать. Бросить вещи на произвол судьбы было жаль, а таскать вниз и вверх – не хватало сил и мы чемоданы оставляли то у M-mme Vera, то у Якимовичей на первом этаже. Наконец, ночь на 13 октября. Мы вещи снесли к Якимовичам. Уселись все кое-как у них в передней. Сначала с тревогой прислушивались к свисту снарядов и к разрывам, потом стали привыкать и дремали понемногу. Электричество в этот вечер совсем уж не горело.

Все время по городу носились какие-то военные легковые машины и всегда после их проезда раздавались взрывы и начинались пожары. Когда уже совсем стемнело, раздался стук в дверь и сообщили, что напротив, около дома №40 остановилась машина, из нее вынесли на тротуар какой-то ящик и машина уехала. Конечно мина, было общее решение. Через некоторое время, однако, новый стук и сообщение, что это только походный телефон, и все с облегчением вздохнули. Опять стук и М-мме Vera сообщила, что попал снаряд в наши ворота, правда, последний взрыв был особенно сильный. На улице уже почти никакого движения не было, только изредка еще проедит легковая машина и видны были фигуры немцев, в одиночку. Все предыдущие дни обозы тянулись сплошными вереницами – и военные, и беженцы. Артиллерия шла три дня подряд, шла и пехота, и ясно было, что главные силы немецкие уже ушли. Но скоро ли они нас совсем покинут и не погонят ли все же нас из города пешком, как было обещано? Вечером хозяйка нашего дома остановила у ворот немецкого офицера и спросила его, будут ли жечь весь город, как жгли другие города, или нет. Немец, хоть и не сразу, но все же сказал: «Нет, весь город жечь не будут», сделав ударение на «весь». Это нас, конечно, сильно успокоило. Вечером тетя Маня остановила военного и спросила его: «Долго ли это все будет продолжаться?» Из-под немецкой шинели проглядывала латвийская форма. Военный остановился, немного задумался и ответил: «До 4-х часов утра». И, действительно, около 4-х часов раздался стук в дверь и, сильно взволнованная, вошла дочь Грунта и сообщила, что по улицам идут русские войска. Приятно было сознавать, что ужасы окончились. Больше город жечь не будут, но мы знали, что немцы еще сидят за Двиной и могут нас обстрелять. Около 6 часов, когда начало светать, мы все

С полной нагрузкой на нижний этаж

вышли к воротам посмотреть, что делается на улице. Группами и в одиночку шли солдаты – грязные, неприглядные, тянулись и лошаденки с крестьянскими телегами. Над нашими воротами была выбоина от снаряда. А над Старым городом поднимался густой дым – горел «Otto Schwartz», горел квартал с квартирой Панкратовых, горел квартал между улицами Ридзенес и Кузнечной, горели дома на набережной. Ворота кое-как сколотили и, по общему решению, установили во дворе дежурства. Нервная ночь прошла спокойно, стрельба слышалась, но уже за Двиной, немцы отступали по Булленской улице через мост в Буллене и через все взморье. Мое дежурство было от 4-х до 6 часов утра и к 6 часам я вышел на улицу посмотреть, и только я там показался, как ко мне с противоположной стороны улицы направился солдат, монгольского типа, и спрашивает меня: «Вы здешний?». Я ответил: «Да, здешний». «Командант вас просит зайти к нему». А командант поместился в доме Анспах, в №40. Я крайне удивился, но солдат был с автоматом, надо было подчиниться и следовать за солдатом. В одной из комнат на втором этаже сидел военный, очень любезно стал

С полной нагрузкой на нижний этаж

меня расспрашивать – кто я и хорошо ли знаю Ригу, и попросил меня сопровождать солдата и показать ему крупные мельницы, скотобойню и консервные фабрики. Я попросил разрешения сбегать домой сказать, что мне надо ехать и чтобы не волновались, и вернулся в комендатуру. Быстро мы покатали на маленьком Виллисе по Столбовой, Ганзейской к Выгонной дамбе. Водочная фабрика Вольфшмита еще дымилась. Рядом с ней были корпуса мельницы, два из них совершенно разрушенные, а один целый. Сержант, которого я сопровождал, вошел вовнутрь, я же остался стоять около дверей. Не прошло и нескольких минут, как со двора послышались шаги и в дверях показались трое штатских, один из них с автоматом, и резко спросили, что я тут делаю. Я объяснил, что сопровождаю сержанта из комендатуры и что мы посланы осмотреть, нет ли на мельницах запасов муки. Скоро появился и мой сержант и подтвердил мои слова. Человек с винтовкой сказал, что он только что приехал из Москвы, что он директор мучного комбината, что в точности знает, где какие запасы имеются и если мы отвезем его к коменданту, то он даст там все необходимые сведения. Сказал он также, что скотобойня разрушена, что там никаких запасов нет и что ехать туда бесполезно.

Вернулись мы на Бривибас и только наш директор начал давать свои пояснения, как вошел вестовой с сообщением, что прибыл генерал Еременко (36) и желает говорить с комендантом. И тут же вошел и сам генерал – высокого роста, широкоплечий, с густой, хоть и не длинной, черной бородой. Вид у него был внушительный. Нам предложили выйти из комнаты и подождать. Разговор с генералом затянулся, и через некоторое время меня отпустили, сказав, чтобы я пришел в два часа, может быть еще что-нибудь от меня потребуется. Когда я пришел в два часа, я там встретил Деглава (37). Деглав обрадовался, увидев меня, приветливо со мной поздоровался и сказал: «Ну что, будем опять работать?». «Да», ответил я, «я сильно соскучился по настоящей работе». Комендант же сказал, чтобы я шел отдыхать.

Вечером нас ждала неожиданность. Когда стало темнеть, наши приезжие во главе с тетей Маней, предполагая, что немцы все же когда-нибудь начнут бомбить Ригу, собрались вниз к Якимовичам. Мы же решили не ходить. Тетя Маня сошла первая, Анна Дмитриевна (38) с дядей Колсей и тетей Наташей задержались, так как сразу не могли снести все вещи и часть вещей оставили на площадке 2-го этажа. Когда они дошли до низу с первыми вещами и вернулись за оставшимися, их на площадке встретили два солдата, один из них с автоматом, и заявили, что опасности от немцев никакой не грозит и потребовали, чтобы они шли назад в квартиру. Велико было наше волнение, когда мы услышали на лестнице мужские голоса и голос Анны Дмитриевны: «Вот здесь наша квартира». Вошли два пьяных солдата с автоматом на перевес: «Нам надо осмотреть квартиру», сказал один из них, «нет ли здесь посторонних», и пошли по комнатам, взяв у нас со стола свечи. Из комнаты в комнату шли они, держа перед собой свечи. После осмотра кабинета мамочка

шепнула Тане спрятаться там. Последней была наша спальня. Там около кровати были приготовлены все наши четыре чемодана, на всякий случай, если бы раздался вой сигнальных сирен и пришлось бы бежать вниз. Скользнул взгляд солдата по чемодану, остановился в нерешительности, несколько мгновений внимательно разглядывал чемоданы, потом отвел глаза и, покачиваясь, вернулся в столовую. Короткий разговор в столовой и облегченно мы вздохнули, когда наши посетители ушли и дверь на лестницу за ними захлопнулась. Таня вышла в столовую, но тут опять раздался стук и солдаты вернулись. Опять сказали, что нужно осмотреть квартиру и опять со свечками в руках первым делом отправились в нашу спальню. Я как-будто предчувствовал их повторное появление и, как только солдаты первый раз ушли, схватил чемоданы и быстро сунул их под кровати. Велико было изумление нашего пьяного контролера, когда он моргал глазами и никак не мог понять в чем дело, думая, очевидно, что столь соблазнительные вещи ему, наверно, спяну почудились, не решаясь, однако, чтобы себя не оконфузить, что-нибудь спросить. Вышел опять в столовую и остановился у стола. Мы все собрались вокруг него и, чтобы отвлечь его внимание, стали расспрашивать: откуда он родом и т. д., все время думая, как бы избавиться от неприятных посетителей. Помощь пришла еще неожиданнее, чем беда. В дверях вдруг показалась фигура офицера в зеленой фуражке. Быстрым шагом он приблизился к солдату с автоматом и строгим голосом спросил: «Что вы тут делаете?», а потом обратился к нам с вопросом: «Что они делали?». Я ответил, что они сказали, что пришли проверить нет ли посторонних. Со словами: «Только панику наводите на мирных жителей», он резким движением выхватил у солдата автомат и передал его одному из сопровождавших его солдат и тут только я заметил, что сопровождавших было много и мы все

были окружены сплошным кольцом. Еще минута и все удалились, извиняясь за беспокойство. Мы поняли, что теперь можем спать спокойно, что у нас есть надежная охрана, что есть, конечно, мерзавцы, но есть на них и управа. Но кто же были наши спасители и откуда они взялись? Оказывается, добрая и сочувствовавшая нам соседка как увидела, что к нам ворвались вооруженные солдаты, сейчас же побежала вниз и так как на наше счастье напротив разместилась комендатура, она там сообщила о нападении, и помощь явилась незамедлительно. Да, на наше счастье комендатура была тут же, а в других районах, как нам рассказывали, были и грабежи и насилия.

В тот же день, 14 октября, как только я освободился от коменданта, я направился в дом на углу нашей улицы и Гертрудинской, туда, где помещалась наша проектная контора, мне как можно скорее хотелось начать работать. Внизу стоял швейцар. Но он сказал, что все руководители ушли за Двину, считая, что дни войны надежнее провести там. «А, впрочем», – сказал он, – «наверху спит один приезжий на столе. Он сказал, что прислан в Ригу организовать работу». Приезжим оказался некто Чадарайнис (39) и приехал он организовать Строительный трест. Моему приходу он очень обрадовался, сказал, что я могу считать себя принятым на работу с 16 октября и чтобы шестнадцатого я пришел в 9 часов. Я был доволен, а на то, что это не проектный, а строительный трест, я не обратил внимания. 15 числа во второй половине дня пришел к нам Бланкенбург. Настроение у него было мрачное, а у меня хорошее и я старался его подбодрить: «Вот, завтра начинаем работать, приходите в 9 часов. Вас безусловно примут и мы опять будем вместе». Посидел он у нас, попил чаю, угостили мы его, чем могли, и он обещал на завтра придти, но не пришел. Мы все его вспоминали, думали о нем и через несколько дней решили наведать, узнать в чем дело.

Квартира оказалась запертой, на стук никто не отвечал, мы пошли к дворничихе. Дворничиха не сразу нам ответила, стала спрашивать, кто мы, да почему мы интересуемся, наконец, сказала, что его уже нет, что он покончил с собой. Собирался он уехать в Германию, но не хотелось и остался, а, оставшись, нервы не выдержали, страшно было, и кончилась жизнь хорошего друга.

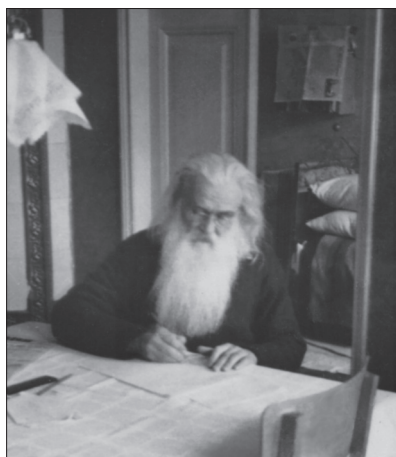
На третий день после прихода Красной армии загорелся дом на углу нашей Бривибас и Гертрудинской. Пожар начался в подвале, где хранились фильмы кинематографа «Старс», и по каким-то шахтам перекинулся на чердак, так что дом горел внизу и наверху, а средние этажи стояли пока целыми. Постепенно огонь стал переходить и на них и, когда провалилась крыша и перекрытие верхнего этажа, посыпался сноп искр и какие-то куски горячей бумаги. Все это ветер понес в нашу сторону и, так как кровля нашего дома и соседнего №33 были толевые, то появилось предположение, что огонь может перекинуться и на нас. За крышей надо было следить и я побежал наверх на чердак, со мной побежал и Володя Дернаков (40) Через слуховые окна мы наблюдали за падавшими то в одну сторону, то в другую искрами. На 33 доме на крыше тоже дежурили и на крыше углового 31 дома. Дождь искр то ослабевал, то усиливался, но искры, падая на толь, мгновенно гасли, когда одна из искр не захотела гаснуть и стал подниматься дымок. Я схватил рогожное помело (были на чердаке и лопаты, и ящик с песком, и бочка с водой и помело). С помелом я высунулся из слухового окна, но толевую крышу не так легко зажечь, и место падения искры больше не дымилось. Вдруг сноп искр усилился и в двух местах задымилась крыша Гертрудинской церкви. Но оказывается и там были бдительные руки и сейчас же в опасных местах посыпался разбитый снизу шифер, высунулись по пояс люди и дыма

как не бывало. А мы с Володией все бегали с одной стороны чердака на другую, но все было благополучно. Часа два мы там дежурили и только когда стало ясно, что опасность миновала, спустились вниз. Дымился еще сгоревший дом и кое-где виднелось ослабевшее уже пламя. Все было кончено. Причины пожара объясняли по-разному: кто говорил, что проходивший солдат бросил окурочек в разбитое окно подвала, а кто говорил, что там была заложена мина замедленного действия, и я склонен думать, что причиной именно была мина, так как в тот же день, почти одновременно, загорелось и сгорело здание Ремесленного общества, ведь не может же быть, что и там виною был окурочек.

На работе нам выдали аванс по 50 рублей, так как у людей русских денег почти не было, а на немецкие в лавках ничего не давали. Да и вообще немецкие деньги за деньги не признавались и не обменивались никак, а я думал, что хоть сколько-нибудь за них можно будет получить и все мои три тысячи марок, заработанные в УТАГ'е и последняя зарплата на работе пропали. Обмен, конечно, можно было произвести в Государственном банке, там работал Спруде (41) и он обмен нам произвел бы, но так как мы были напуганы ловлей людей на улицах и так много дней никуда не выходили, то и деньги у нас остались на руках. Но что же, где наше не пропадало, жизнь ведь нам была дороже денег, сколько-то рублей у нас было, которые мы обменяли у тети Лиды (42), когда выяснилось, что они уезжают, до аванса как-нибудь проживем. На Матвеевском базаре у мамочки была старая знакомая и с ее помощью мы сделали еще дополнительно кое-какие деньги. Отнесли ей несколько коробок карандашей и она распродала по штукам, а дети выдумали, принимая во внимание, что приближалось Рождество, а в продаже ничего рождественского нет, делать елочные украшения и тоже кое-что заработали.

Рождество 1944 г. Непроданные на базаре украшения украсили нашу елку

О. Иоанн Крампис на квартире у Кривошапкиных

Первой работой на службе было поручение разобрать на Эспланаде военные гаражи, так как надо было очистить место для большого митинга по случаю освобождения Риги. Несколько человек рабочих у нас было уже нанято, а в помощь нам дали солдат, нам же только надо было направлять работу, следить, чтобы разборка производилась и скоро, и аккуратно, ведь материал можно будет использовать на строительстве небольшой трибуны против Собора (этим строительством руководил Антонов (43), специально для этого приглашенный), да следить за тем, чтобы в спешке не произошло несчастье. В награду каждому из нас был выдан кружок колбасы. Вот была радость, когда я пришел домой с колбасой. Гаражей было много, но разобрали их скоро и когда вся площадь была освобождена от материалов, явились саперы с собаками и сеточками на палках. Они шаг за шагом прочесали всю Эспланаду. Говорят, что две мины были обнаружены.

Большой нашей семейной заботой были вещи Кривошапкиных, а к ним прибавились еще вещи Крампов. Когда мы первый раз пришли на квартиру, мы пришли в ужас, был полный разгром. В световом дворике, через который освещались Борина (44) комната и кухня, была труба противоположного дома и в эту трубу попал снаряд.

О. Иоанн Крампис с внучкой Ларочкой

Осколками, кусками кирпича и давлением воздуха совершенно были разбиты летние переплеты окон, зимние были открыты и пострадали частично. С помощью Лукашева зимние переплеты кое-как починили, получил я в Строительном тресте несколько стекол, но недостаточно и нехваток заменили фанерой, прибрали мусор и стали думать.

О. Иоанн продолжал там жить, он причинил нам много заботы, так как от всего пережитого стал не совсем нормальным, а на беду еще стал пить. Откуда он раздобывал водку – не совсем понятно, можно было предполагать, что солдаты, издеваясь над

ним, подпавали и пускали пьяного, грязного, растрепанного на улице и в таком страшном виде он вечером явился к нам на квартиру, требуя, чтобы его впустили ночевать, так как на Сарайной холодно. Я буквально его испугался и не пустил, заявив, что пьяным его пустить не могу. Он долго стучал, шумел и на шум открыла дверь из противоположной квартиры Надя Грасман (45). Увидев открытую дверь, он с безумными глазами ворвался в эту квартиру и стал но-ситься по комнатам. Надя в испуге постучалась к нам и стала просить помощи. Но что я мог сделать, я вышел на лестницу и прикрыл за собой дверь. В это время о. Иоанн выбежал из Надиной квартиры, сбежал по лестнице и пропал. На следующий день мы его впустили, устроили ночлег в кабинете, выставив туда диван из столовой. О. Иоанн притих, мало выходил, только в Собор, откуда он приносил огарки, да и в столовую к столу. Вел он себя уже тихо, но тяжело было смотреть на его безумные глаза и страшно было, как бы ночью он чего не натворил. Умер он 10 февраля 1945 года, когда Вера (46) уже была в Риге, и это было для нас большим избавлением, но жаль было и больно. Человек, которого я уважал и искренне полюбил, так омрачил свои последние дни.

Наши запасы воды, конечно, уменьшались, ведь нас было много, да и в еду брать старую воду не хотелось, и каждый день мы стали ходить к артезианскому колодцу на Колодезную улицу. Был артезианский колодезь и около Гертрудинской церкви, но он там действовал плохо. Длинные очереди людей с ведрами, но что же делать, терпеливо приходилось стоять и, накачав два ведра воды с тяжелой ношей подниматься на пятый этаж. Но, откровенно говоря, в то тяжелое время ничего не казалось тяжелым и трудным, все делалось бодро и сказал бы даже весело, но настоящего веселья из-за всего пережитого не было и быть не могло. Через три недели в водопроводе появилась

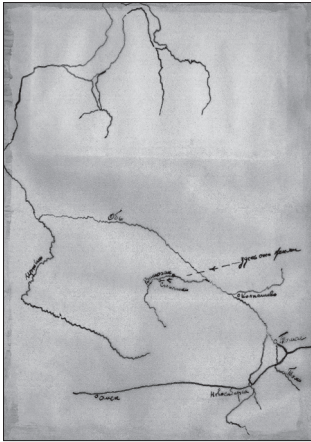
вода, но только до первого этажа, но и это было хорошо, не надо было ходить с ведрами по улицам. На первом этаже, около выхода во двор была комнатка-кухня, никем не занятая, и туда мы стали ходить за водой, только уж очень медленно текла вода и много надо было терпенья, чтобы стоять в темноте и ждать, пока набежит вода, но все же это был уже шаг вперед. Газ появился 5 ноября, газовый завод взорван не был, и тут уж нам, верхним квартирам, было преимущество, газа наверху всегда было больше, чем внизу. Дрова у нас были и плитку мы могли топить постоянно, но все же газ это большое облегчение, когда что-нибудь нужно скоро. Так было с газом и водой, но раз вода была только до первого этажа, то, значит, отопление не могло действовать и с этим приходилось считаться. На кухне была плита, в столовой мы проббили дырку в кухонную трубу и поставили конторскую чугунку. Это было уже очень хорошо, но, к сожалению, чугунка дает тепло только пока топишь, а как перестанешь топить, она сразу же остывает. И тут мне помогла моя работа. Быть начальником Строительной конторы Чадарайнису было мало и он стал организовывать трест. Возглавить Строительную контору он предложил Стаховскому (47) и заместителем должен был стать я. Я не хотел, какой же я начальник, но людей не было, и мне пришлось согласиться. И вот заместитель начальника мерзнет, а в конторе к тому времени были уже всякие мастера, были и печники, и делали переносные печи в железных каркасах. Я попросил себе одну и отказа, конечно, не было. Через несколько дней печка была сделана, длина жестяных труб измерена, и вечером, когда я пришел домой, в спальне стояла красавица-печка, присоединенная к трубе в углу, и какая же была радость, когда мы ее затопили и через полчаса приятное тепло распространилось по всей комнате. Было тепло в спальне, было тепло в столовой, открыли двери в кабинет

и бабушкину комнату и вся квартира стала более жилой. Но только через два года, когда нормально стало работать центральное отопление, мы заметили какая развилась сырость в кабинете, вещи пахли плесенью, плесенью были покрыты книги. Но что же делать, спастись ведь надо было. Через год только мне был представлен счет за печку, но тогда уже не было так трудно, мы успели уже немного разжиться.

Это вода, газ и тепло, но ведь света у нас тоже не было, а свечи выгорели очень скоро. На рынке продавали плоски – это плоские, круглые, картонные чашечки, заполненные парафином или каким-нибудь другим твердым жиром, а посередине через фаянсовый кубик были вставлены фитили. При горении фитиля парафин разогревался и таял, и такая плоска могла гореть несколько часов. Ничтожные запасы керосина очень скоро выгорели в маленькой 10 линейной лампочке и в нескольких коптилках из стеклянных баночек. Что при плосках и коптилках можно было делать? Решительно ничего, только возиться по хозяйству. А зимние вечера длинные и все мы начинали нервничать от безделия. Надя Грасман предложила нам свою 25 линейную лампу. Но что в нее налить, керосин получить нельзя было нигде. Я еще со времен Первой мировой войны знал, что в лампах можно жечь бензин, примешав к нему соли. Как то мы шли по улице Блаумана, около тротуара стоял грузовик и в кабине сидело два моряка. Санечка, как самая храбрая, сейчас же подошла к ним: «Нельзя ли получить бензина, у нас есть водка». «Почему же нет», был ответ и короткий разговор кончился тем, что мы сказали им адрес и ушли. Придут моряки или только пошутили? Но лишь начало смеркаться, как раздался стук в дверь, моряки уже тут и с ними две канистры по 20 литров, до краев наполненные бензином. Такое счастье. Вынесли им водку «Acqua vite», а они такой никогда и не видели и не слышали и долго вертели,

не зная – брать или не брать. Мы им разъясняли, что это высший сорт водки, но они все не верили и в конце концов решили попробовать. Да, водка оказалась действительно хорошая, морячки развеселились, расселись и начали болтать. «А нельзя ли привезти дров?». Мы знали, что военные возят дрова из леса, потому и спросили. Старший из них указал на своего помощника и сказал: «Да, это он может». «Ну а, может быть, сахара?». «Да, это я могу». Вот, думали мы, попались нам хорошие ребята. Мы разохотились, спрашивали и то и другое и на все был утвердительный ответ: «Да, это он может» и «Да, это я могу». Наконец, они ушли и больше не показывались, да и мы поняли, что они только шутили. 40 литров бензина, это ведь не шутка, а приближалось как раз Рождество. Наполнили мы обе лампы и светло, как уж давно не было, осветилась наша комната и осветилось наше скромное торжество.

Но ведь купаться тоже надо, а в ванной холодно и я осмелел до того, что налил бензин в фитильную керосинку «Грец», она давала немного тепла. Стало в ванной немного теплее и я разделся, ступил в ванну. Намылится и спокойно начал мыться. Вдруг яркий свет озарил всю ванную, вспыхнула вся керосинка сплошным пламенем. В ужасе я выскочил из ванны, я прекрасно понимал, что может произойти взрыв и со всей силы стал дуть в трубу керосинки. Пламя загасало и опять вспыхивало, я дул изо всей силы, но все то же самое. Холодный пот выступил на всем моем теле. Что делать, ничего крупного, чтобы накрыть керосинку, у меня под рукой не было, бежать за чем – нибудь было поздно и я, набрав полные легкие воздуха, дунул в трубу подряд два раза. Пламя как и в предыдущие разы загасло, а от вторичного дутья погасло совсем. Облегченно я вздохнул и при свете коптилки продолжал мыть. Но долго еще от пережитого волнения чувствовалась слабость во всем теле. Строго

Копия от руки с плана Томской области, на которой В. М. отметил место поселения высланной семьи Кривошапкиных

я всем наказал в «Грец» бензина не наливать, остался наш «Грец» без употребления и куда-то пропал.

Возглас удивления и радости вырвался у меня, когда я (кажется в декабре), открыв на стук дверь, увидел Веру и Александра Максимовича (48). Мы так много потеряли – Кривошапкиных, Панкратовых, Бабушку, что появление Веры было, действительно, для нас большим праздником. Они приехали на военной машине и солдат-шофер был с ними. В кабинете было холодно, но они не были избалованы и поместились там на широком пружинном матрасе, который мы вынесли им из столовой. Шофера Александр Максимович уложил в передней на полу. Шофер был счастлив, так как думал, что его на ночь оставят во дворе в машине. Несколько дней Вера с Александром Максимовичем прожили у нас, а потом, не помню куда, переехали. Приезд Веры кроме радости был и большим для нас облегчением. Она взяла на себя уход за о. Иоанном, ведь она была его любимой дочкой, а когда в феврале о. Иоанн умер, она тоже всю заботу о похоронах взяла на себя.

Наша забота о Кривошапкинских вещах принимала все более острый характер, поговаривали о конфискации имущества всех уехавших в Германию, а ведь Крампы жили в Кривошапкинской квартире. Все мелкие вещи, даже посуду, мы постепенно перенесли к нам, бегая каждый вечер туда и обратно, ну а что же делать с мебелью, ведь не бросать же. И тут мамочка обратилась к Вере за помощью, ведь дядя Миша так много для нее сделал и теперь она должна помочь. Она к этому времени получила квартиру напротив нас в доме №40, там, где была в первые дни комендантура, и мамочка уговорила ее взять к себе всю мебель как Кривошапкиных, так и Крампов. Вера на это пошла. Александр Максимович в это время уже успел устроиться администратором в Русской Дrame, он как администратор оформлял бесплатные билеты солдатам и офицерам и за это мог от военных просить себе услуги. На помощь ему были даны два грузовика и целая орава солдат. Весело пошла работа и за короткое время все было перевезено. А на следующий день был опубликован запрет перевозить вещи уехавших в Германию. Все было спасено, все до самой мелочи. А мелочи нас беспокоили не меньше крупных вещей. Мы тогда еще не знали печальной участи семьи Кривошапкиных, надеялись на их возвращение, а тогда ведь всякая вещь была бы дорога и по ценности, и по воспоминаниям. Ведь Натуся уехала ребенком, мы прекрасно понимали, как ребенку дорога каждая его вещица и потому Таня взяла на себя особую заботу о Натусиных вещах, которые тетя Маня все стремилась выбросить как ненужный хлам. Очень, очень мы были рады, что забота о вещах, наконец, свалилась с наших плеч.

Уже в последних числах октября появилось объявление о первом киносеансе. Мы по живости характера должны были фильм посмотреть, тем более, что директором *Splendid Palace* был Балин (49), усадил он нас

в ложу. Во дворе кинематографа был поставлен движок, электричества ведь в городе не было. Движок старался, сильно шумел, но света давал мало, так что картина «Два бойца» и так уж ночная картина, так как действие происходит на фронте в окопах, казалась совершенно ночной и временами изображение почти пропадало. Но все же мы были довольны, ведь это был первый сеанс и мы его не пропустили.

Забавное происшествие было с нами 19 ноября, в «День артиллерии». Теперь я его называю забавным, а в тот момент оно было серьезно и очень даже. Было объявлено о салюте двадцатью артиллерийскими залпами и разноцветными ракетами. Мы вышли на Эспланаду посмотреть и послушать. В стороне музея и Коммерческого училища были поставлены орудия, и только мы подошли, как раздался первый залп. В центре города, однако. Хотя и на большой площади орудия ставить нельзя было и от сильного сотрясения посыпались стекла в окружающих Эспланаду домах и в соборе тоже, но возбуждение было настолько велико, что на это никто не хотел обращать внимание. Было красиво – раздавались залпы, со всех сторон взвивались разноцветные ракеты и после каждого залпа слышался звон разбивавшихся стекол. Но прозвучал последний залп и мы медленно, по левой стороне Бривибас, возвращались домой. Солдаты, пускавшие ракеты с крыш, не сразу могли успокоиться, и выстрел за выстрелом продолжали еще прорезать воздух. Стреляли трассирующими пулями, оставлявшими в воздухе красочный след. Не доходя Мельничной улицы с нами поравнялся какой-то офицер и только он поравнялся с Таней, как Таня схватилась за голову с возгласом «Ой, он меня ударил! Что же это такое?». Офицер очень спешил, но все же остановился и изумленно взглянул на Таню: «Что Вы, девушка, как Вы могли подобное подумать?». Между пальцами у Тани показалась кровь.

Офицер это заметил и говорит: «Да ведь это же, наверное, осколок, кроме ракет солдаты балуются и стреляют боевыми трассирующими снарядами». Осколком у Тани была пробита фетровая шляпка и рассечена кожа на голове. Быстро мы побежали домой. Часть волос надо было выстричь, рану промыли, перевязали и часто потом вспоминали, как это война кончилась и в мирной уже обстановке, да при торжественном салюте, когда казалось бы никакой опасности и быть не может, Танечка была ранена боевым снарядом. И пропала охота ходить на салюты, да и, правду сказать, все одно и то же порядочно уже надоело.

Понемногу Рига стала приводиться в порядок, при помощи военнопленных очищались завалы выгоревших домов. Отсортировывали целые кирпичи, а мусор трамвайными платформами вывозили в открытое место около Мильгрависа и сбрасывали под откос. Пьяных в городе было много, и когда мы тронулись в обратный путь, в вагон на ходу вскочил пьяный военный и набросился на вагоновожатого со словами: «Ух, зар-р-р-аза латышская». С трудом только удалось его оттащить и высадить из вагона, а он долго еще вслед нам кричал и ругался. Но только мы подъехали к мосту через Красную Двину, поперек трамвайного пути лежит на спине, растопырив руки и ноги, пьяный офицер и сладко спит. Пришлось трамвай остановить, шевелить пьяного, и он, действительно, очнулся, вскочил на ноги, сбежал с пути и вагоновожатый сейчас же тронул вагон и погнал его поскорее, опасаясь новой агрессии со стороны пьяного. Но как пьян тот не был, он описал дугу вокруг трамвая и успел вскочить на подножку. К счастью, однако, этот был спокоен и беспрепятственно мы снова достигли города и начали трудиться.

Пленным было объявлено, что их домой не отпускают, пока они не приведут в порядок все, что разрушили, и, надо сказать, немцы

работали усердно, очищали квартал за кварталом и, по какому-то соглашению, пленных довольно скоро отпустили.

Но вот новое задание. Позвал меня к себе Чадарайнис и говорит: «Через два дня должно открыться трамвайное движение по улице Бривибас, а на углу Бривибас и Мирной стоят стены выгоревшего пятиэтажного дома. Вот вам адрес стоянки саперной подрывной команды и пусть завтра же взорвут стены. За исполнение распоряжения вы отвечаете головой». Работа есть работа, рвать так рвать, и я сейчас же направился к саперам. Те начали отнекиваться: «Да как это сделать, да взрывчатки у нас мало». Я им разъяснил, что это постановление горисполкома, что выполнение постановления очень важно, что иначе нельзя возобновить движение по городу и, наконец, лед был сломан, согласие было дано, а, значит, и голова моя была спасена. Опыта у меня в таких делах не было, а саперы – люди знающие, и я доверил им все, сам же вертелся около них и смотрел, что и как делается. К столбам здания между витринами были привязаны пакеты взрывчатки. Протянули провода, поставили вокруг дома охрану и приказали всем удалиться. «И вам здесь делать нечего» – сказано было мне, – «нам дело поручено и никто здесь быть не должен». Это распоряжение, как потом оказалось, было для меня очень благоприятно. Далеко я отошел, до угла Красноармейской, и там остановился. Квартиранты всех вокруг стоящих домов были предупреждены, чтобы в назначенный час дома никого не было, но чисто по-фронтальному, когда ничего не жаль, жильцам забыли сказать, чтобы открыли окна и окна все стояли закрытыми. Всякое движение по окрестным улицам было прекращено. Никого не пропускали, охрана была снята и когда время приблизилось к назначенному часу, раздалась команда, включен был ток, раздался оглушительные взрывы. Пронесся вихрь воздушного давления, взорванный дом окутался

облаком дыма и сначала медленно, а потом мгновенно рухнуло все здание и поднялось огромное облако пыли. Но что это сыпется с неба, неужели так далеко взметнуло осколки? Нет, с крыш сыпалась черепица, взрывная волна была так велика, что черепицу подняло в воздух и бросило на мостовую и тротуары. Да, не напрасно я отошел так далеко, сам взрыв был не опасен, но вот падавшая черепица, действительно, могла ранить и очень серьезно. Задание было выполнено, саперы расходились и я пошел полюбопытствовать, посмотреть на результаты работы. Дом лежал грудой мусора и даже на трамвайные рельсы мало что попало. Но что это творится вокруг, все дома стоят без окон, не только без стекол, но очень многие и без оконных рам, а дома, крытые черепицей, стояли без крыш, только отдельные зацепившиеся черепицы висели тут и там. Ужасен был вид, война пощадила дома, а тут при мирных обстоятельствах все разорили. Оказывается, во многих квартирах сорванные с петель рамы были брошены в противоположную стену, разбиты были шкафы и мебель. Но не я же это сделал, и я спокойно пошел докладывать Чадарайнису, что приказ выполнен. Чадарайнис был доволен, но через день раздался вопль возмущения. Квартиранты пошли с жалобой в Горисполком, Горисполком – Чадарайнису, Чадарайнис на меня: «Что вы там натворили, какое безобразие и т. д.». Но я не волновался, я сказал, что согласно распоряжению поручил произвести взрывы саперам, хотел на месте следить за тем, что и как делается, но меня удалили, сказав, что мне там делать нечего. Виновных, конечно, не оказалось и только срочно послали мастеров все опять привести в порядок.

Все внимание Строительного треста было обращено на ликвидацию повреждений фронтальных дней: расчищали, стеклили, чинили крыши, восстанавливали сообщения, и все время нас беспокоили запресами

цифровых данных произведенной работы. И когда я говорил, что точных данных у меня нет, что надо запросить прорабов и сделать сводку, Чадарайнис мне отвечал: «Ответ нужен сейчас, садитесь за стол, посмотрите на потолок и пишите, а если вам одного потолка мало, идите в соседнюю комнату и там посмотрите на потолок». Так я и делал, усердно списывал цифры с потолка. Цифры все росли и росли, начальство было довольно, да ведь нужны были только цифры, а действительность была вещь второстепенной.

С 11 мая была отменена светомаскировка и жизнь стала входить в нормальную колею. Еще большая радость после войны, сильно облегчившая нам жизнь: в день моего рождения, 23 мая, нам включили электричество. Опять зажглись лампы (50), а когда зажгли свет в ванной и уборной, то были поражены количеству паутины и пыли на потолке и на электрической лампе, а в уборной угол, в котором была устроена полочка для коптилки, был густо черный. Звонок тоже звонил и каждого, кто к нам приходил, мы встречали возгласом: «Почему не звоните? Вот так некультурность!». Но экономить ток надо было сильно, так как дали нам только на июнь и июль по 2 kw/час. в месяц, август и май по 3, сентябрь и апрель по 4, октябрь и март по 5, ноябрь и февраль по 6, декабрь и январь по 7 kw/час. в месяц, так что всюду ввинтили лампочки 15 w, а в столовой две лампочки 15 w и 40 w, чтобы для работы можно было включить более сильную.

Мы всячески стали разыскивать Кривошапкиных и посылали и посылали запросы в разные стороны, а в январе получили первую открытку от Бори и Натуси (51). Радостно и грустно, грустно было это письмо, радостно потому, что Боря и Натуся нашлись и грустно, что в нем было сообщение, что тетя Нина и Володичка умерли, а о дяде Мише ничего неизвестно, что их с

дядей Мишей разлучили сейчас же, еще в Риге (открытка была вклеена, но пропала). (52)

Редкий случай знакомства

Перед Пасхой 1945 г., каждый раз когда мы бывали в Соборе, рядом с мамочкой становилась элегантно одетая дама с двумя маленькими девочками. Дама по виду имела совсем русский вид, но по виду девочек можно было понять, что они приезжие, да и лицо у дамы было совсем чужое, рижан ведь мы всех знали, хоть по виду. В Страстной четверг дама заговорила с мамочкой и спросила, что это за книжечка в мамочкиных руках и сказала, что она службу совершенно не знает и ничего не понимает. Мамочка стала ей все объяснять: «А Евангелие и молитвенник вы можете купить у свечного ящика». В пятницу вечером мы с новыми знакомыми вместе вышли из Собора и так как домой нам было по пути, то мы шли и разговаривали. Выяснилось, что дама – жена генерал-лейтенанта Короткова (53), войска которого участвовали во взятии Риги 13 октября 1944 г.

Пасхальная служба, из-за запрещения ходить ночью по улицам, и в этом году могла состояться только утром. Народу было не слишком много и опять после многих лет мы могли вместе с крестным ходом обойти вокруг Собора и вернуться без особой толкотни. Нашей новой знакомой не было, и это нас удивило, но уже к середине службы она запыхавшись, и вместе с девочками протолкалась к нам, она знала, где мы всегда стоим, и сказала, что будильник не разбудил и она проспала. В руках у нее был узелок с пасхой и яйцами, она хотела их освятить, но не знала как и что. Мамочка проводила ее к левому алтарю, там всегда после обедни происходило освящение. Когда о. Иоанн Янсон (54) вышел с чашей и объявил, чтобы

Дочери генерала Короткова с Александрой Дмитриевной Шервинской и Таней на квартире у Шервинских после крестин

причастники шли к правому алтарю, Тамара Михайловна встрепенулась и сказала, что тоже хотела бы причаститься, но мамочка ей объяснила, что так нельзя, что сначала надо исповедаться и что вообще в Пасхальную ночь не принято причащаться и что это только неаккуратность некоторых людей. «А исповедаться и причаститься вы сможете завтра утром». Тут выяснилось, что младшая девочка Катенька даже не крещена и что Тамара Михайловна хотела бы ее окрестить.

Когда окончилась служба, окончилось и освящение пасх, мамочка повела Тамару Михайловну к отцу Василию (55) и условились завтра в 9 часов утра окрестить Катеньку.

Пасхальная служба прошла очень чинно и торжественно, погода выдалась солнечная и особенно хорошая, новое наше знакомство, и все это вместе на нас подействовало и мы в повышенном настроении возвращались домой. Не захочет ли Тамара Михайловна, чтобы мы были крестными? Этот вопрос нас занимал и мы решили к 9 часам тоже быть в Соборе. Я еще должен был с утра заявиться на службу и мамочка пошла одна. В Соборе никого не было и мамочка остановилась у свечного ящика. Вдруг из

крестильни выбегает взволнованная Тамара Михайловна и, увидев мамочку, обрадованная бросается к ней со словами: «Как хорошо, что вы пришли, я так волновалась, ведь я вам ничего не сказала и теперь только подумала, а вдруг вы не придете». Они в Собор пришли уже раньше и о. Василий пригласил ее в крестильню сделать запись. Крестным записали денщика Феодора Егоровича Любимова. «А как же крестная?», спросил о. Василий, «придется записать старшую сестричку Женечку (8 лет)». Но Тамара Михайловна возразила. «Нет», – сказала она, «я хотела бы ту даму, которая вчера мне помогла говорить с Вами», и была поражена, когда батюшка, не задумываясь, стал записывать мамочкины имя, отчество и фамилию. «Как, вы ее знаете?», – о. Василий только улыбнулся и продолжал писать. Минут 20 после девяти поспел в Собор и я, приоткрыл дверь в крестильню, увидел, что уже крестят, значит, крестный есть и моя помощь не нужна. К концу службы я опять был в Соборе, поздравил всех с новокрещенной и с принятием св. Тайн.

Кончилась служба, прошел крестный ход и Тамара Михайловна пригласила нас всех к себе на дом посидеть часок и поближе познакомиться. Феодор Егорович (Фреинка?, как его называли дети) встретил нас с накрытым столом. Очень он оказался симпатичным, а для генеральской семьи был человеком совершенно необходимым, он делал все, вел хозяйство, смотрел за детьми и был совсем как свой, домашний. Квартира оказалась полна упакованной мебели. Оказывается, они уже месяц как должны были уехать из Риги в Киев, но из-за разных формальностей задержались и целый месяц буквально сидели на ящиках. Уютно мы провели время и не хотелось уходить, но на службу возвращаться все же надо было. В последующие дни мамочка с Таней несколько раз заходили к ним. Девочки прибегали в Собор, были и у нас. Из прощальной

встречи, к сожалению, ничего не вышло, так как Тамара Михайловна заболела ангиной и, не вполне выздоровев, уехала 15 мая. Обещала из Киева писать, но так и не написала.

Привыкли мы всегда принимать горячее участие во всех общественных начинаниях, все новое нас очень интересовало, и когда появилось объявление о концертах знаменитого красноармейского ансамбля песни и пляски Александрова, мы, конечно, приняли все меры, чтобы получить билеты, но... удалось получить только стоячие места в партере. С настроением и с большим подъемом мы, чтобы занять лучшие места, минут за 15 до начала были уже в театре. Занавес взвился и мы увидели большую группу солдат, человек 150, выстроившихся амфитеатром во всю ширину широкой сцены. Солдаты стояли в фуражках и это мне очень не понравилось, зачем в помещении в фуражках и вспомнил мне сразу замечательный хор Донских казаков Жарова в их красивой черной форме, но, конечно, без фуражек. Началось пение и мы с большим вниманием вслушивались в каждую исполнявшуюся песню. Мы были хорошо и благожелательно настроены к хору, но настроение наше постепенно падало, все песни выполнялись очень громко и многие из них чрезвычайно быстро, и чем дальше, тем громче и быстрее. Скоро мы начали уставать и рады были, когда настал перерыв и можно было выйти в коридор отдохнуть. Мы молчаливо гуляли, не знали еще, что сказать по поводу концерта и все в душе надеялись, что второе отделение может быть будет более музыкально. Но нет, началось второе отделение и продолжался тот же крик и та же быстрота. К половине второго отделения мамочке стало дурно и мы ее вывели в коридор. Как это случилось, не помню, но рядом с нами оказалась Вера, она сейчас же вызвала оперного врача, дали мамочке сердечных успокаивающих ка-

пель и мамочке стало лучше. Я один вернулся в зал, я все надеялся увидеть и услышать то, чем люди так восторгались, но и у меня вдруг помутнело в глазах и я поспешил опять выйти под шикание публики и недовольные восклицания: «Нечего тут гулять» и т. д. Больше мы в зал, конечно, не возвращались, с нас было довольно. С этим ужасным принципом «чем громче, тем лучше» и «чем скорее, тем лучше» впоследствии пришлось встречаться не раз, но тот раз это было впервые и вызвало отвращение раз и навсегда.

В Огер мы выезжали мало, так как в наших дачах поместились военные, строители моста через Огер. В нашей даче устроили столовую, в Кривошапкинской – прачечную. Сердце у нас болело, когда мы видели, как люди грубо обращаются с чужим имуществом. На кухонном крыльце они поставили какую-то печь и для ее установки выпилили перила, а при пользовании прожгли пол, на бетонных ступенях кололи дрова, сожгли скамейки в саду и поломали бетонные ножки, а в Кривошапкинской даче для стока воды пробили пол и спустили воду прямо в подполье. Все было закопчено и загажено, но попробуй что-нибудь сказать – в ответ одни только грубости. Нам поместиться на ночь было негде и потому мы и выезжали редко, только посмотреть – живет ли еще кто-нибудь.

21 ноября 1945 года был великий и радостный для меня день – наша серебряная свадьба. Да, скромно мы отпраздновали этот день, конечно, не так, как я себе представлял празднование этого дня до 1940 года. Не только не было у нас продуктов, чтобы что-нибудь сделать, но что самое главное, это то, что с нами не было наших горячо нами любимых родных. Танечка сделала все, что могла, чтобы торжество наше было обставлено хорошо, и чтобы хоть что-нибудь было серебряное, сделала из оловянной бумаги цветы и двух маленьких лебедей, доставивших нам огромную радость. Молебн в Соборе

Наша серебряная свадьба 21 ноября 1945 г.

Таня со своим «серебряным» подарком

служил нам о. Сергей Виноградов (56) и диакон о. Михаил Трубецкой (57), пели псаломщик Ершов Константин (58), протодиакон о. Василий Мельников и о. Владимир Янсон. Когда протодиакон провозгласил многолетие, все, бывшие в Соборе, сбежались посмотреть. Вечером были у нас тетя Лида и Нина (59) – принесли пирог, Миша, Валя, Ларочка (60) – принесли торт из картофеля, тетя Наташа – хризантему, тетя Маня – подстаканник и ложечку, Анна Дмитриевна и Володя – подносик, пришла

и Ира Грассман (61). На следующий день пришла Вера и принесла хризантему. И отпраздновали мы этот день очень мило.

Крампы к этому времени успели вернуться из Германии. Я как-то шел утром на работу и на бульваре смотрю и не верю своим глазам – мне навстречу идет Валя. Они только что приехали и находились в вагоне на Товарной станции, а Валя пошла посмотреть, что в городе делается и где кого можно найти. Я сейчас же повернул назад и отвел Валю к нам домой, а также и к Вере на квартиру, Пересечь было нетрудно, так как почти все свои вещи они потеряли в Польше.

Я находил время и для некоторых новых и еще незаконченных частных работ, а самой крупной из них была перестройка театра Русской драмы. Александр Максимович, работавший в театре администратором, познакомил меня с директором театра Долиным (62), который поручил мне составить проект полной перестройки здания: надстройка сцены и полное использование всего нижнего магазинного этажа. Одновременно в пользование театра было дано небольшое здание по другую сторону улицы Калею, где предполагали разместить театральные мастерские – пошивочную и парикмахерскую. Я подробно ознакомился со всеми зданиями и предложил строительные работы провести в гораздо более обширном масштабе, а именно, увеличить сцену не только в высоту, но и в глубину, перекинув через улицу Калею мост и получив таким образом непосредственную внутреннюю связь со вторым зданием, надстроить над ним еще один этаж и перенести в него все артистические уборные, а освободившееся место уборных использовать как карман сцены для декораций. Мысль мою Долин высоко оценил, посоветовался со своим коллективом и своим высшим начальством и предложил мне проектировать все, как я найду нужным. Работа была очень интересная и я с обычным жаром

за нее взялся, не забывая, конечно, и плановой моей работы. Вход в театр я переместил ближе к углу, благодаря чему получил обширный тамбур, кассовый вестибюль и хороший вестибюль гардеробный. На втором этаже переделки были незначительны. А на третьем этаже были созданы помещения двух фойе, один большой для общей публики зал и два меньших при ложах – главная большая ложа в конце зала против сцены и три малых ложи сбоку с лестницами и переходами через световой дворик.

Эти работы, скрытые для глаз публики, но главное сердце театра – это ведь сцена и там произошли, конечно, главные работы. Сцену подняли высоко вверх, по всем правилам театрального искусства, с мостиками, переходами, колосниками и пожарным люком на крыше, а также все работы, связанные с мостом в соседнее здание и устройством мастерских и уборных в нем. Проект рассматривался комиссией, причем ряд очень ценных замечаний сделал Штальберг (63). Проект был утвержден, но меня заставили его провести через проектную контору Министерства Коммунального хозяйства на Вальдемаря 38, удивляясь моей смелости взяться за такую работу одному. Но я ведь за все 18 лет работы в нашей конторе привык работать и мне ничего не было страшно. Но через контору, так через контору. Пришлось мне познакомиться и с таким учреждением. Инженерно-конструкторскую часть я просил сделать инженера Якимовича, с которым я познакомился еще по работе во время войны и у которого мы скрывались на первом этаже нашего дома в последнюю ночь войны. Он скоро и аккуратно разработал все конструкции надстройки и расширения сцены. А остальное, что было нужно, кажется, сделали работники конторы. С проектом меня торопили, и как только он был готов, к работам приступило Строительно-монтажное управление №1 под начальством очень боевой жен-

щины инженера Сутте, приехавшей из Союза, и потому хорошо знакомой с советскими условиями работ, и когда у нее работа не ладилась, она очень ловко во всем обвиняла меня, говоря, что проект недостаточно разработан. Я же с такими уловками не был знаком и вначале часто сильно на нее обижался, но потом понял и больше не стал на нее обращать внимания. Работа шла вперед, но недостаточно быстро, и тогда Министерство строительства командировало на постройку своего инженера Ниедра, очень энергичного и чрезвычайно уравновешенного и симпатичного человека. Своей расторопностью он помог подрядчику, а как инженер – во многих отношениях мне, особенно в тех случаях, когда выявлялись какие-либо неожиданности, и я ему за это был очень и очень благодарен. Таня на постройку ходила как практикантка и это мне тоже было очень приятно, так как она попала на живое и разнообразное строительство.

Главный десятник постройки Мотте был слишком смелым, я его не раз останавливал, предупреждал и просил быть осторожнее, но он был неисправим. Когда пробивали проем, соединяющий сцену с мостом, проем в свету что-то 7 или 8 метров, он должен был, как это всегда делается, прорубить штрабу с одной стороны, заложив в нее железную балку, потом рубить с другой стороны, заложить балку с той стороны и тогда только вырубить весь проем. Мотте же решил сделать проще и прорубил стены сразу насквозь. Пока подтаскивали балки, в середине проема появилась трещина. Мотте испугался, заволновался, стал ставить подпорки, потом наскоро подвел балки и его счастье, что стена не рухнула. Слишком добротная она была построена и выдержала такое тяжелое испытание. Я пришел в тот момент, когда положение было уже спасено, а Мотте, несмотря на очень холодную погоду, вытирал со лба пот и тяжело дышал. Да,

такие случаи на постройках тоже бывают, но не всегда они кончаются так благополучно. Когда мы жили на Мариинской улице №31(64) напротив нас строилось здание школы Олава. Были возведены все этажи, была поставлена крыша и целый день таскали на чердак кирпич для стен брандмауэров, лестничной клетки и труб. По кирпичу, по кирпичу складывали на чердаке, не думая, что в общей массе это огромная тяжесть. Ночью, к счастью, именно ночью, я проснулся от сильного грохота, а утром выяснилось, что кирпичи продавили потолок на чердаке и, пробивая все потолки, упали вниз. А случись это днем?

В очень торжественной обстановке 1 января 1946 года состоялось открытие театра пьесой Островского «Без вины виноватые». Я получил приглашение на троих и все мы сидели в почетной боковой ложе. Я был счастлив и чувствовал себя именинником. Я поздравил директора с благополучным окончанием, директор меня, и казалось мне, что вся публика обращает на меня внимание. С этого дня двери Русского театра для меня всегда были открыты, но пользовались мы этой льготой только кое-когда.

К 1 января 1946 года были закончены только внутренние работы в театре, снаружи же здание стали отделывать только в 1949–1950 гг. Та часть здания, где находится сцена, по неизвестной причине когда-то дала осадку и по всему фасаду сверху донизу пробежала змейка трещины. Чтобы достичь более равномерной нагрузки, при надстройке сцены мы с Ниедрой решили по верхнему краю сцены, перекрыв трещину, уложить железные балки и последующие наблюдения показали, что трещина не увеличивалась. Когда же дело дошло до наружной отделки здания и окраски, я распорядился поперек трещины, между окнами по этажам, прорубить штрабы и уложить железные балки, чтобы

раз и навсегда предотвратить появление трещины. А саму трещину я распорядился основательно прорубить и заделать. Вырубленные штрабы и прочищенная трещина производили страшное впечатление (я в то время работал уже в проектной конторе Горисполкома) и из ЦК поступил тревожный запрос: «Что творится с театром Русской драмы, куда смотрел Шервинский, что допустил возможность появления такой угрожающей трещины и не грозит ли зданию полное разрушение?». Главный инженер нашей конторы Томас Станислав Иванович вызвал меня к себе и тоже взволнованно сообщил о бедствии и тревогах ЦК. Что я мог на это ответить? Я улыбнулся и сказал: «Эта трещина – моя гордость, трещина старая и теперь только расчищена. Я вполне сознательно возводил надстройку на трещину, она укреплена вполне надежно и никогда больше не появится. Да, да, я говорю, что это моя гордость потому, что, попади этот проект в руки конструкторов, которые всего боятся, у нас Русской драмы не было бы. Они не разрешили бы возводить надстройку на большой трещине». Трещина была заделана и теперь, через 15 лет, не видно ни малейшего ее следа.

После моего несчастья и путешествия на север связь с театром у меня прекратилась, но вдруг, неожиданно для меня, вызывает меня к себе мой начальник Кинель: «Сходите в Русскую Драмму, они там что-то строят, им нужен совет, а вы там все хорошо знаете». Я был рад такому поручению, ведь Русская Драмма – мое детище и помочь театру мне всегда приятно. Познакомился я с новым директором Хлебновым (65) и замдиректора Ансоном (66), слезили мы на чердак, показали мне, что хотят выдвинуть сцену в зал и для этого нужно укрепить проем зеркала сцены на новом месте и переместить осветительский мостик. Я все замерил и вернулся в контору, доложил начальству, начальник поручил конструктору Россихину

(67) и приговор был вынесен: «Переместить зеркало сцены невозможно, существующие балки дополнительную нагрузку не выдерживают.» Я понял, что провести это дело через контору не удастся, а работу произвести надо, сам снова поднялся на чердак, на этот раз с мастерами, посоветовался с ними и дал указание, где какие болты поставить и что и как укрепить, и работа была выполнена. Связь с театром у меня восстановилась и я опять чувствовал себя именинником. Заместитель директора Ансон мне сказал, что в любое время места в ложе для меня обеспечены. Я сердечно поблагодарил и сказал: «Но я не один, нас трое». «Значит три места для вас обеспечены», был ответ. Но на этот раз воспользоваться любезностью почти не удалось, еще меньше чем в первый раз. Герхард (68) вечерами учится и занят, а без него ведь мы не пойдем.

Работы было много, заработки были различные, и это дало мне возможность помогать Боре и Натусе, буквально тысячами мы им отправляли. Летом мы получили сообщение от Бори и Натуси, что они благополучно покинули Васюган и на лодке плывут к Томску. Новое сообщение было о том, что река замерзла и они застряли в Колпашеве, где оказалась рижанка Ханёва Ольга Ивановна. И опять сообщение, что Боря, оставив Натусю у Ольги Ивановны, пешком, вместе с обозом, направился в Томск, а из Томска поездом в Новосибирск, где поступил в Политехнический институт.

То, что у нас была большая квартира, не давало покоя нашим соседям – Министерству МГБ и неоднократно в устной форме предлагалось квартиру освободить. Я отказывался, зная, что выселить меня никто не имеет права, что можно только меня уплотнить и ссылался на соответствующий закон.

На угрозы, что если я добровольно не уйду, меня выселят куда-нибудь далеко на

окраину, я опять-таки отвечал законом, что если меня выселяют, то должны предоставить другую равноценную квартиру и в том же районе.

Видя, что ни уговорами, ни угрозами на меня подействовать нельзя, МГБ взялись за дело серьезнее и, пользуясь тем, что наш дом №35 и соседний №33 переданы были на их баланс, прислали извещения с предложением квартиру до 1 мая 1946 г освободить. Подобные извещения были посланы еще 6 квартирам (старым жильцам), в том числе и М-мме Вере. Все мы обратились в Жилищное управление за разъяснением:

Rīgas pilsētas Dzīvokļu pārvaldei

Šervinska Vladimira Maksa d.,
dzīv. Rīgā, Brīvības ielā 35 dz 34
iesniegums.

Valsts drošības komisariāts man paziņoja, ka nams Brīvības ielā 35 nodots viņa rīcībā un īrniekiem dzīvokļus jāatbrīvo uz komisariāta pieprasījumu.

Sakarā ar augšminēto lūdzu man paskaidrot, vai man kā Brīvības ielas №35 dz. 34 īrniekam Valsts drošības Komisariāta prasība būtu saistoša.

16. 03. 46.

И получен был ответ:

Latvijas PSR Rīgas pilsētas Izpildu komiteja Pilsētas Dzīvokļu Pārvalde

Pilsonim Vladimiram Šervinskim
18 03. 1946.

Ar Valsts drošības tautas komisariātu 1946 g. 8. februārī noslēgts nomas līgums par māju Brīvības ielā 35, bet šis līgums nedod tiesības izlikt no dzīvokļa līguma noslēgšanas dienā tur pierakstītos īrniekus.

Ed. Amoliņš
Neapdz. telpu fonda priekšnieks

МГБ, конечно, понимали, что мы находимся в безвыходном положении и задумали воздействовать на Жилищное управление судом, будучи уверенны, что суд такому учреждению не откажет, и в скором времени мы все 7 квартир получили извещение от суда, что наше дело назначено на такое то число. Неприятно было бороться с МГБ, но что же делать? И по моему предложению был взят общий адвокат, мне хорошо знакомый Павлов Павел Александрович (69). Он подготовил все дело, со всеми побеседовал, а в доказательство, что мы старые квартиранты, послужили квитанции от первой в 1937 г. и до последней от Пролетарского района за ноябрь – декабрь-январь 1946 г. и от МГБ за февраль 1946г.

Суд детально рассмотрел дело одной квартиры, не помню которая это была. Остальные квартиры – по аналогии. Адвокат министерства на суд не пришел, ему, очевидно, было неудобно защищать такое дело. Больше суду делать было нечего и он удался на совещание. Хоть дело и было ясным, но мы волновались, ведь такое учреждение было нашим противником и не испугается ли судья. Томительно было ожидание, но, к счастью, оно продолжалось недолго: «Встать. Суд идет», – известил секретарь и судья прочитал приговор: «Просьбу истца оставить без последствий». Легко мы вздохнули, но дело то ведь не кончено. Оно может быть обжаловано в высшую инстанцию. С благодарностью мы все пожимали руку Павлову и все благодарили меня, что я посоветовал такого хорошего адвоката.

Еще 14 дней мы жили в неизвестности и сердце все было беспокойно. Но прошел этот срок и обжалование не последовало. Казалось бы делу конец, но нет, МГБ не такое учреждение, чтобы оставить людей жить спокойно, и начались паломничества с желанием к нам кого-нибудь вселить. Пришел управдом Моин, долго сидел и старался

Натуся приехала

нас уговорить, но мы отказались, говоря: «Напишите. Дайте законный срок и мы сами уплотнимся». Но не в этом, конечно, был их интерес, они хотели вселить своего человека, а не того, которого мы вселим. И через некоторое время явился Моин в сопровождении какого-то военного и сказал: «Этот человек будет у вас жить». Но мы его и в квартиру не пустили. А через некоторое время опять явился Моин: «Я вам дам очень хорошую квартирантку. Я вижу – вы мужчину не хотите, а это хорошая, скромная девушка и дома она будет редко, она часто в командировках». Я был до того измучен этими приставаниями, что начал сдаваться. Но как только Моин ушел, я пришел в себя: «Нет, ни в коем случае», и мы с мамочкой сейчас же побежали к Моину, он жил в 33 номере и заявили, что передумали и ни в коем случае согласия не дадим. Это была последняя попытка и больше к нам не приставали, а через некоторое время дом опять вернулся в ведение Горжилуправления и мы окончательно могли успокоиться.

10 июля 1946 года приехала Натуся, ее прислали в Ригу как сироту и поместили в детский дом на улице Кулдигас. Как только мы узнали, что Натуся в Риге, мы сразу начали хлопотать о выдаче ее нам, это надо было сделать через Министерство образования. Мне надо было подать заявление и

под расписку было дано разрешение взять ее на воспитание. Очень мы волновались и с бьющимися сердцами 14 июля поехали Натусю получать. Нас оставили в приемной и послали Натусю разыскать и привести к нам. Как она выглядит, наверно, выросла, возмужала, может быть, мы ее и не узнаем? Такие мысли пробегали через голову. Но вот в конце коридора показалась Натуся. Нет, она не изменилась, конечно, стала больше, но все же это была та же самая Натуся. Крепко мы расцеловались и застыли, разглядывая друг друга, ведь прошло 6 лет, а в этом возрасте это чувствительно. Нагляделись мы и очнулись, надо ведь идти. Натуся то ведь уже совсем наша. Но Натуся что-то задумала, суровая жизнь последних лет ее многому научила, она скинула туфельки и сказав «я сейчас», убежала босиком. Минут 20 мы ее ждали, пока она опять появилась сияющая и в новых ботинках. Оказывается, она побежала к директору детдома. Расплакалась у него и сказала: «За мной пришли, а я босиком, что мне делать?». Понял ли директор в чем дело или не понял, но новые ботинки распорядился выдать и, забрав скудные Натусины вещички, мы через несколько минут уже сидели в трамвае №8. Мы были в столь приподнятом настроении, что выйдя из детдома совершенно не заметили, что надвинулась черная-пречерная туча, и не успели мы доехать до Калнциемской улицы, как разразился страшный ливень с очень сильным ветром. Крупные капли дождя так сильно стучали в окна трамвая, что казалось не выдержать им и сейчас поток воды обрушится на нас, а ветер сметет с рельсов и весь вагон. Такую бурю мы, однако, приняли за хорошее предзнаменование и весело смотрели на старания природы. Переехали мы понтонный мост, ливень начал затихать, а у остановки около Гертрудинской и совсем прошел. Прятаться нам от дождя не пришлось и сухими мы пришли домой. Сейчас

Святейший Патриарх Московский
и всея Руси Алексий

же и Боре и Ольге Ивановне были посланы телеграммы. Натусю поместили в бабушкиной комнате, началась новая глава нашей жизни и счастливы мы были, что один из членов растерявшейся нашей большой семьи опять вернулся в наше гостеприимное гнездышко.

Большим событием для всех православных Советского Союза было избрание 2 февраля 1945 г. Патриарха Московского и всея Руси Алексия (70), митрополита Ленинградского и бывшего с мая 1944 г. Местоблюстителем патриаршим, по завещанию умершего Патриарха Сергия (71). Православная Церковь за время войны в столь значительной степени помогла русским людям сохранить бодрость и проявить в полной степени патриотическое чувство, что во время войны был закрыт журнал «Безбожник» и резко, к лучшему переменилось отношение правительства к Православной Церкви. Для избрания Патриарха было разрешено собрать Собор с участием православного духовенства всего мира, а сам митрополит Алексий был награжден медалью

«За оборону Ленинграда». При очень торжественной обстановке открылся Собор 31 января 1945 г. в Воскресенском храме в Сокольниках и единогласно Собор избрал Патриархом Московским и всея Руси митрополита Алексия. Был снят фильм и показывался он в кинематографах в Риге и с большим интересом мы его смотрели.

Скоро после выборов Патриарха управляющим нашей Епархией был временно назначен Корнилий, Архиепископ Виленский и Литовский. (72) Это было для нас большим событием, так как после митрополита Сергия (73) и уехавшего епископа Иоанна (Гарклава) (74) наша епархия никем не управлялась и дела шли только самотеком, а тут появился хозяин. Кроме общих дел он вмешался и в жизнь Собора. После отъезда в Германию протодиакона Василия Мельникова собор остался без протодиакона, а в Ригу приехал из разоренного войной Двинска протодиакон епископа Александра – о. Симеон Варфоломеев (75) и он был взят в собор. Тем временем среди возвращавшихся из-за границы оказался о. Василий и в соборе стало два протодиакона. Владыко Корнилий недолго думая предложил о. Симеону посвятиться в священники, а я к тому времени был уже соборным старостой.

Мне быть старостой очень не хотелось, я не чувствовал в себе способностей администратора, в этом мне особенно ярко пришлось убедиться во время работы в Строительном тресте, и я упорно отказывался. О. Иоанн Янсон, настоятель собора, очень меня уговаривал. Я указал на Голубкина (76), но и Голубкин отказывался. О. Иоанн снова и снова говорил со мной, но я также снова и снова отказывался, и тогда о. Иоанн перешел в решительное наступление, пришел к нам домой вместе с о. Симеоном и сказал, что Голубкин согласен быть заместителем, если я буду старостой. Я не выдержал и с болью в сердце дал роковое согласие. Да,

Корнилий (Попов), в 1945–1948 гг.
архиепископ Виленский и Литовский

именно роковое, ведь я в то время не мог подумать, что эта работа будет следствием конца моей жизни.

Так вот решение архиепископа Корнилия о посвящении о. Симеона в священники нас, соборян очень огорчило, мы о. Симеона очень любили, боялись, что он будет назначен куда-нибудь в приход и даже просили Владыку отменить свое решение. Но архиепископ был тверд в своем решении, только обещал нам, что никуда о. Симеона не назначит, что о. Симеон останется у нас в соборе. О. Симеон был посвящен и оказался таким ревностным, хорошим и милым священником, что мы и по сей день не можем нарадоваться на него и часто поражались, до чего хорошо Владыко понял характер о. Симеона, ведь он мог предложить посвятиться и Мельникову.

Владыко Корнилий был энергичным и хорошим хозяином и когда Елгавский приход обратился к нему с просьбой помочь отстроить сгоревший Елгавский собор, сейчас же откликнулся и помог во всех отношениях и словом и делом. Мне было поручено

**Регистрационная анкета
на члена церковного Совета и члена Ревизионной комиссии**

1.	Назв. церкви	Рижский Христо-Рождественский Кафед. Собор Рига, Бривибас бульв.		
2.	Фамилия	Шервинский Владимир Максимович		
3.	Год рождения	1894 г. 5 июля		
4.	Национальность	русский		
5.	Социальное происход.	служащий		
6.	Образование	Александровская гимназия в Риге с 1902–1912 г. Рижский Политехнич. институт – Латвийский Унив. с 1912–1923 г. Архитектор		
7.	Основн. профессия	Архитектор		
8.	Какую работу выполнял в церкви	Член церковного Совета – староста		
9.	Общий стаж на церковн. раб.	С 15 сент. 1924 г. Епархиальный архитектор		
10.	Продолжит. военной службы	Не служил		
11.	Лишался ли избир. прав	Избират. прав не лишался. Судим не был		
12.	Какие правит. награды	Медаль За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–45 г.		
13.	Выполняемая работа с начала трудовой деятельности			
	Годы		Должность	Наименов. предприятия
	поступлен.	уход		название
				местонахождение
	1902	1912	Ученик	Александр. гимн. в Риге
	1912	1915	Студент	Риж. Полит. инст. "
	1915	1918	Техник	Отдел. Зем. Улуч. на фронте
	1918	1920	Производит. работ	Госуд. Элеватор в Аткарске Саратовск. обл.
	1920	1923	Студент	Латв. Университ. в Риге
	1920	1922	Чертежник	Объедин. проек-тир. мастерская в Риге
	1923	1941	Архитектор	Частная архитек-турная практика в Латвии
	1924	1941	Делопроизводитель	Светопечатня в Риге, Сарайная ул. 9
	1924	по сие время	Архитектор Епарх.	Епарх. совет
	1941 февр.	1941 июль	Архитектор	Гор. проект. трест в Риге Бривибас 31
	1941 июль	1941 окт.	С приходом немцев уволен и проби-вался случайными работами	
	1941	1944	Чертежник	Строит. группа при интенданстве в Риге
	1944 г. 16 X	1946	Нач. План.отдела	Гор. Стр. трест в Риге
	1946	по настоящ. время	Консультант по строительству	Рижск. Фармза-вод №г. 3 Рига, Гертрудинск. ул. 19/21
14.	Домашний адрес	Рига Бривибас ул. 35 кв. 34		

Митавский (Елгавский) собор до войны

Так выглядел Митавский собор после войны, когда я его в первый раз увидел

И так он начал восстанавливаться

Митавский собор.
Иконостас деревянный с выжженным орнаментом. Работа ревностных прихожан

Члены строительной комиссии:
я, Несадомов, староста, о. Леонид Костко, настоятель, о. Петр Берзинь

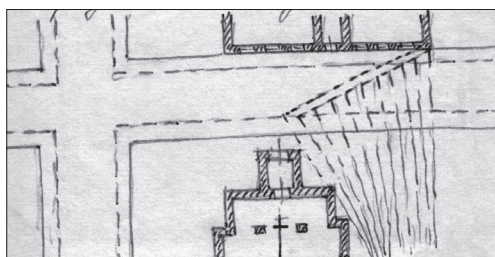
составить проект и одновременно я назначался в строительную комиссию. Председателем комиссии был назначен о. Петр Берзинь (77).

И так выглядел собор после войны, когда я его в первый раз увидел! Жгли немцы его немилосердно, но благодаря тому, что перекрыты помещения кирпичными сводами, огонь во внутрь проникнуть не мог. Немцы, однако, таким результатом не удовлетворились и, очевидно, разлили внутри бензин и жгли внутри отдельно.

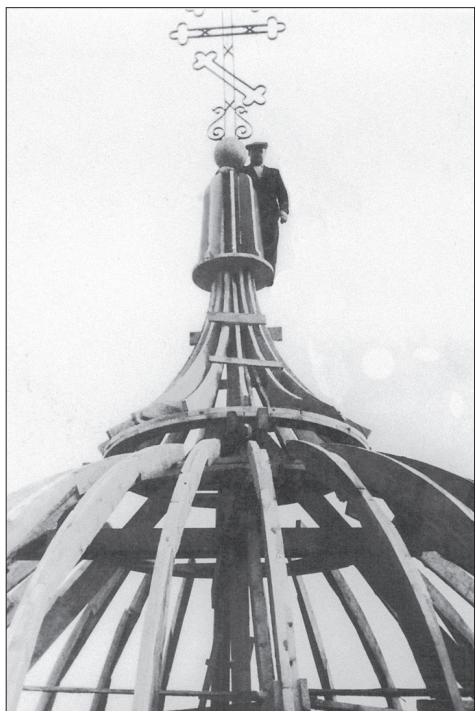
С чрезвычайной энергией взялся о. Леонид (78) за работу. Он находил и материалы и рабочих, сам все время был на стройке, сам всем на месте руководил, сам брал инструмент в руки и помогал, и я уверен в том, что только благодаря ему работа так успешно продвигалась вперед.

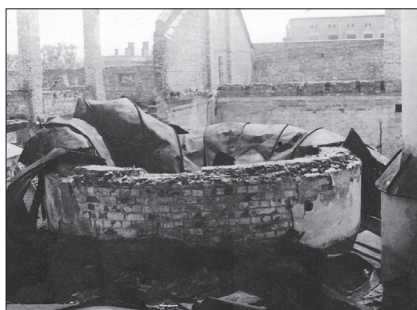
Костел с алтарной стороны

Так стена взорванного дома
легла рядом с костелом

Бесстрашно о. Леонид лазал везде,
и даже там, где небезопасно

Так выглядела церковь

Невесело было ходить по выгоревшему чердаку

С о. Петром я выезжал туда периодически для общих указаний, для приема отдельных работ и для проверки отчетности в израсходованных суммах. Члены строительной комиссии тоже усердно и каждый чем мог помогали работе – кто советом, а кто и личным трудом.

Мы восстанавливали, а вокруг нас стояли развалины. В центральной части города не было буквально ни одного невыгоревшего дома и стены, часто очень даже крепкие, разрушали люди. Да, люди не жалевшие ничего и не любящие своего прекрасного старинного города. На верхнем снимке костел, недалеко от нашего собора. Костел тоже восстанавливался и, можно сказать, мы с ним духовно соревновались. Мы интересовались, как там протекают работы, а ксендз живо интересовался нашими работами. Напротив костела по другую сторону неширокой улицы стояли стены пятиэтажного выгоревшего дома. Стены были

в сильных трещинах и разборку этого дома можно было оправдать. Но как это делалось? Стены решили взорвать и подложили взрывчатку так, чтобы дом, падая, упал на костел. Расчет злых людей был сделан правильно, но... Бог судил иначе. Дом, падая, свернул в сторону и вся стена легла рядом с костелом, ни один кирпич не упал на костел. Досада подрывателей была велика, а сердца прихожан ликовали и пожертвования на восстановление храма удесятились.

Дружно работали католики и во всю старался о. Леонид и скоро работы продвинулись уже настолько, что начали мечтать о освящении и начале служб. Главный купол, малые купола и вся крыша были вполне готовы, материал для шпиля колокольни был заготовлен, лежал внутри и прирезался согласно проекту. Внутри для начала был установлен иконостас придела, была сделана уборка и ждали только момента, когда материал для колокольни будет вынесен. Два года строили, затратили около 200 000 руб., но, конечно, нужны были и еще средства. Архиепископ Корнилий деньги все время охотно давал. Но тут внезапно произошли большие перемены. 19 февраля 1948 г. Рижская епархия встречала своего нового архипастыря – митрополита Вениамина. (79) Митрополит прибыл воздушным путем из Америки через Финляндию в Ленинград, а оттуда приехал поездом. Много народа встречало Владыку на вокзале, всем хотелось посмотреть на нашего нового духовного хозяина.

25 февраля в соборе состоялось торжественное Богослужение и я, как староста, встретил Владыку хлебом-солью. Митрополит Вениамин оказался очень симпатичным человеком, но, живя оторвано от Родины 31 год и не зная Советского строя, никак не мог понять того, что здесь происходит и за слишком откровенные высказывания был сначала переведен из Риги в Ростов-на-Дону, потом в Саратов и, наконец, ему предложили идти на

Вениамин (Федченков), митрополит Алеутский и Северо-Американский

покой и поселиться в Печорском монастыре, где он находится и сейчас.

Не знаю почему, но Вениамин наших стараний в Елгаве не оценил и решил больше денег не давать, а приход сам продолжать работу не был в состоянии. И это было бы еще полбеда, настроение Владыки ведь могло еще измениться, но когда враги Церкви обратились к Владыке с просьбой временно отдать храм под военный склад, Владыка, не посоветовавшись, согласился и все наши труды пропали даром. Были растасканы заготовленные материалы и, несмотря на то, что склада там больше нет, работы по восстановлению продолжить теперь уже не разрешают, хотя прихожане за тысячу подписей обращались даже в Москву.

А, в общем, митрополит был очень милым и душевным человеком, со всеми бывал ласков и очень любил ходить в гости запросто. Был он и у нас скоро после своего приезда, а когда исполнилось 25 лет моей церковно-строительной деятельности, вторично нас посетил и благославил меня старинной иконой св. Николая Чудотворца. Очень любил Владыко произносить проповеди, все его слушали со вниманием, но не всегда содержание проповедей нам нравилось.

25 сентября 1948 г. приехал Боря, еще один член нашей большой семьи вернулся к нам, это была большая радость и Борин приезд мы в Огре отпраздновали особенно торжественно, одновременно отметив и 20-летие нашего огерского жития. Сделали и развесили 78 фонариков и смотреть иллюминацию собралось много соседей (приезжих). Они с большим интересом любовались красивой картиной, ведь они никогда еще ничего подобного не видели. Таня с Натусей испекли два торта и приготовили картофельный салат.

А 15 декабря 1948 г. произошло очень неприятное событие: была объявлена денежная реформа, по которой ценность рубля снижалась в 10 раз. Остаток моих хороших заработков в размере около 3000 рублей пропал. Я сильно просчитался. Я не доверял сберегательной кассе, так как в 1941 г., когда лат переводился на рубли, суммы, находившиеся в сберегательной кассе, обменены не были, и я боялся, что тут может произойти то же самое. Но было наоборот, как раз деньги, находившиеся в сберегательной кассе, обменивались рубль за рубль, а деньги, находившиеся на руках, только 10 копеек за рубль. Я был уверен, что хоть некоторое количество рублей не пропадет, хоть сколько-нибудь будут обменивать рубль за рубль, но пропало все и было очень обидно. Правда, одновременно были отменены

Огре. Иллюминация фонариками по случаю возвращения Бори

карточки и в магазинах можно было свободно покупать все, что там было, но главных продуктов, как масло и сахар, как раз то и не было, а когда они появлялись, надо было долго стоять в очередях.

Не нужны были больше ежемесячные справки от Союза архитекторов, дававшие льготу на дополнительные продукты. Архитекторам давались большие льготы – дополнительные продукты давались независимо от места и рода работ. А дополнительная жилплощадь давалась в размере 25 кв. метров и это спасало от заселения квартиры чужими лицами.

Лимит на электроэнергию был значительно увеличен и для этого надо было заключить договор и, при экономном расходовании, затруднений больше не было.

29 января 1949 г. меня на «Фармации» сократили, но к этому времени я хорошо познакомился с начальником Проектной конторы Горисполкома Лобовым Николаем Николаевичем (80) и переход на работу к нему уже не представлял затруднений. Меня охотно приняли и с 1 февраля 1949 г. начался новый период моей работы

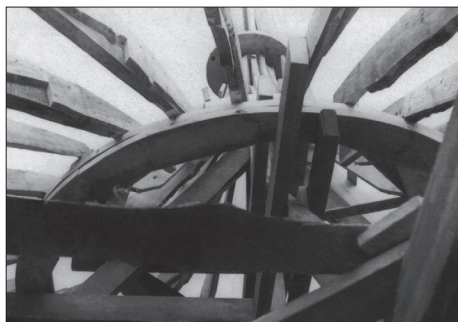
Одной из первых работ в проектной конторе была перепланировка Садовниковской богадельни под VI поликлинику Московского района. VI поликлиника помещалась на Московской ул. и мне сначала было поручено перепланировать это здание, использовав и магазинный этаж. Я проект составил, но лишь только он был готов, как вышло постановление Горисполкома отдать под поликлинику Садовниковскую богадельню. Да, это здание, конечно, очень подходящее, не сравнить с жилым домом на Московской улице, и проектом этим я занялся с большой любовью. Неоднократно встречался с главврачом Карпом, устраивались консультации с другими врачами поликлиники и проект вышел хороший. Позже, когда меня в Риге не было, завхоз Линдеман добился от Стаховского перестройки

Мы восстанавливали, а вокруг нас стояли развалины

Большой купол

Малые купола

„Academia Petrina“

портала, на что я своего согласия не давал, я не хотел портить стиль очень хорошего здания.

Дела в Садовниковской богадельне у меня бывали и раньше, ведь капиталы, положенные в банк, с процентов с которого должна была существовать богадельня, после первой войны и революции потеряли ценность и содержание богадельни принял на себя город. При передаче недвижимости нужна была стоимость ее и произвести оценку поручил мне присяжный поверенный Бочагов. Были и какие-то строительные дела, был вопрос о церкви, одним словом, здание мне было знакомо, было какое-то близкое чувство по отношению к нему и мне хотелось его перестроить и устроить как можно лучше. Когда во время моего отсутствия с фасада сбросили фигуры св. Петра и Павла, в соборе стало об этом известно и фигуры со свалки удалось спасти и вывезти. В настоящее время они стоят в соборе в крестильном зале под алтарем и являются хорошим украшением зала.

Большой работой был и проект сельскохозяйственного техникума на ул. 13 января. Мне и эта работа понравилась и при тщательной проработке получилось, по моему мнению, хорошо и уютно. Но этой работе не суждено было осуществиться. Проект поступил на рассмотрение в экспертную комиссию и решено было дом не восстанавливать, а разобрать. Своей своеобразной архитектурой дом обращал на себя внимание, особенно он был замечен из окон поезда, при проезде на взморье и со взморья: посередине верхнего этажа, между окнами, виселись большие фигуры русских витязей, очень хорошо изваянных и, конечно, известным скульптором Фольцем (81). Над фигурами в средней части возвышался купол в виде древнерусского шлема. Было оригинально и, несмотря на некоторую пестроту архитектуры, все же красиво.

РИГА. У кассы Туккумского вокзала
RIGA. An der Kasse des Tuckumer Bahnhofs

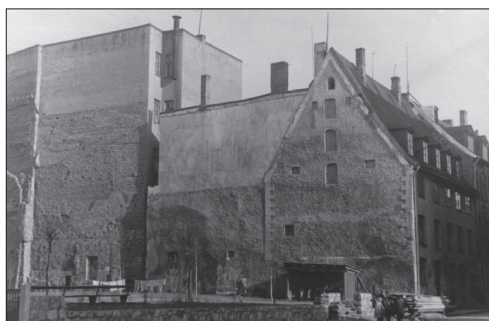
Дом с куполом в виде шлема и есть тот дом, который перепланировывался под техникум

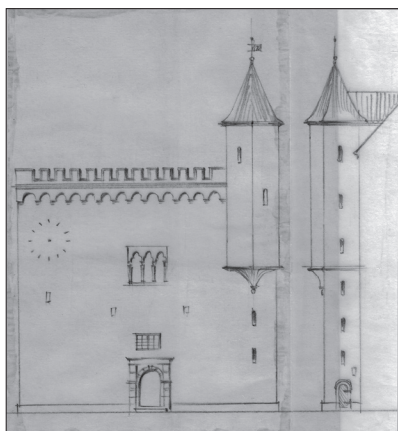
Так выглядело здание, предназначенное под техникум

Я целиком отдался работе в проектной конторе, потекла мирная спокойная жизнь, которую, казалось бы, ничем нарушить нельзя. Вечерами мы всей семьей и с Борей и Натусей собирались в столовой за нашим восьмигранным столом, я читал вслух, мамочка и Таня занимались рукоделием или Таня рисованием, а Боря и Натуся занимались своими делами и временами казалось, что они и слушать не могут, но, очевидно, слушали, так как все одинаково, с нетерпением ждали этого вечернего часа и даже часто спрашивали: «Ну, скоро ли сядем слушать?».

Оформлением магазинов занимался Ги-проторг, но наш аркт Замараев (82) был Ги-проторгом недоволен и как-то спросил меня, не хотел ли бы я сделать проект оформления Консервного магазина на Бривибас бульваре, рядом с аэрофлотом. Почему же нет, задача интересная, и я за нее взялся, тщательно разработал, Таня мне построила

Оформление брандмауэра по ул. Пелду 23

Как вариант для средней части, между кино «Айна» и АТ, я разработал средневековый домик с башней

перспективу, Степанов (83) ее раскрасил и я работу сдал. Но работники Гипроторга почувствовали конкуренцию, испугались как бы заказы не перешли в нашу контору и начали интриговать. Настроили заказчика (Замарасв ведь был не один) и, не вызывая меня для защиты проекта, жестоко его раскритиковали. Результатом было то, что Гипроторг получил заказ на новый проект. Было, конечно, немного обидно, но я за все долгие годы своей работы привык к тому, что далеко не всё осуществляется, что проектируешь, и скоро примирился со случившимся.

Дана мне была интересная работа по оформлению брандмауэрных стен на углу бульв. Театрального, ул. Известковой и

Вальню, а также на новой площади против Русской Драмы. Сделал я снимки, тщательно изучил фасады и пришел к заключению, что в этом случае имеется возможность создать уголок Старой Риги, поставить нечто напоминающее разрушенный «Дом Черноголовых», сделал эскизы вариантов и получил одобрение как главного архитектора, так и главного инженера Горжилуправления. Проект поступил на утверждение в Горисполком. Деглав, председатель Горисполкома, меня понял и готов был поддерживать мою затею, но на заседании Горисполкома поднялись люди, ничего не понимающие в красоте и что еще хуже, не желающие понимать: «Как», сказали они «думать о старом, восстанавливать старое, в наш век, когда мы создаем новое, ни в коем случае». И проект мой был бесславно провален. А я, рассматривая проект, даже теперь, после стольких лет, испытываю чувство удовольствия. Я был прав, мой подход к делу был правильный и не моя вина, что люди этого не понимают.

В таком же духе и с таким же настроением я приступил к проекту оформления брандмауэра на ул. Пелду 23. Дом старый и я живо себе представил, как он мог бы выглядеть в средние века. Дом на скромном месте, осуществление моего проекта не требовало больших затрат и на сей раз работа была выполнена.

Наряду с разными работами как-то: двухэтажный жилой дом для служащих Дорожно-мостового треста, общежитие для Ремстройконторы Сталинского р-на, столовой для «Металлурга» в Булдури и пр., была еще одна работа, которой я занимался с особым удовольствием. Это детский сад в здании ресторана «Малый Верманский парк». Очень уютное здание в прекрасном тенистом саду давало все возможности создания настоящего детского уголка. Проект тщательно просматривался и обсуждался во всех согласовывающих инстанциях и был

осуществлен. Но недолго суждено ему было просуществовать, в 1951 г. устроенный, уже в 1956 г. дом был снесен и сад вырублен. Место очистили для расширения здания Совета Министров.

В 1948 г. о. Николай Лапикен (84), строитель Шкельбанской церкви, был назначен настоятелем Лиепновского прихода, но церковь там во время войны сгорела и временно пришлось служить в доме. Осмотревшись на новом месте, о. Николай нашел недалеко, в имении, церковь без прихода и обратился с просьбой разрешить перенести храм в Лиепну. Разрешение было получено и работы успешно продвигались и уже 1 февраля 1948 г. в пригожий зимний день должно было состояться освящение храма. Отец Александр Лисман (85) и протоиерей о. Василий Мельников были командированы Епархиальным Советом для сослужения, а я был приглашен как гость, архитектурного участия я в строительстве не принимал, так как храм ведь был готовый, только разобрать, перевезти и собрать.

Скромная бревенчатая, обшитая досками Лиепновская церковь

Крестный ход вокруг храма

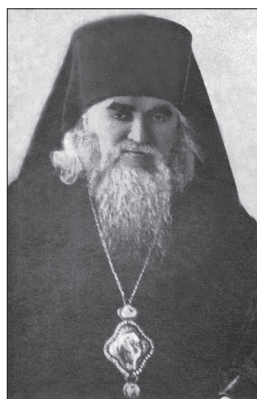

О. Николай Лапикен, о. Александр Лисман, о. Василий Мельников, посередине с меховым воротником – матушка о. Николая

Ночным поездом мы благополучно доехали до станции Купрово, а там уже нас ожидали лошади. 15 километров мы проехали быстро и легко, погода была совершенно тихая и мороз был совсем маленький и даже не чувствовался. Торжественно прошла служба, народа было очень много и стояли сплошной массой, так что со сбором пройти было очень и очень трудно. Сначала Всенощная. Потом нас уложили спать, а утром встали рано приготовиться к обедне и освящению. На крестный ход вышли почти все, потом вернулись и спокойно стояли всю длинную службу. Настроение было приподнятое и усталости никто не чувствовал. В тарелочном сборе, я как почетный гость, принял участие и шел первым. Опыт был большой, ведь в соборе на Пасху протиснуться нелегко, но там было особенно трудно и совсем потный я закончил обход. Сбор для деревенского прихода был очень хороший. Но вот служба закончилась, все подошли ко кресту и церковь стала пустеть, хотя молящиеся никак не могли разойтись, очень уж было хорошо после стольких лет скитания по разным домам стоять в настоящем храме. Обед был многолюдный и обильный, много было речей, много было сказано теплых слов, у всех были оживленные и сияющие лица.

Погода не менялась и также легко мы опять проехали 15 километров до станции и вечером были уже в Риге.

Осенью 1950 г. митрополит Вениамин внезапно был отозван из нашей Епархии и переведен в епархию Ростовскую-на-Дону. Митрополит Вениамин был человек очень симпатичный, очень добрый и хороший, но он большую часть своей деятельности провел в эмиграции в Северной Америке, уже с 1917 года, он наших условий жизни не знал и никак не мог их понять. Это привело к тому, что он в Москве слишком откровенно разговорился, многое стал критиковать и для управления прибалтийской епархией

Филарет (Лебедев), архиепископ Рижский и Латвийский

Владыко в любимой его Благовещенской церкви

На заседании Епархиального Совета: Владыко Филарет, о. Николай Харитонов, о. Николай Смирнов, о. Петр Берзинь, о. Симеон Варфоломеев

Владыко, тогда – о. Александр Лебедев,
в 1912 г. после посвящения

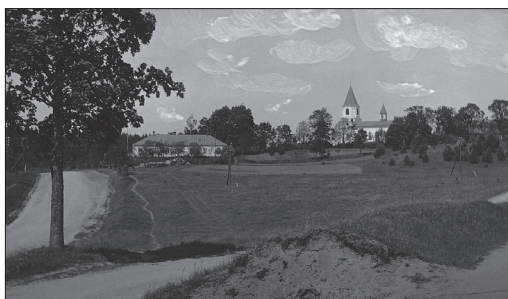
был признан неподходящим. За его недолгое пребывание у нас мы его успели полюбить, нам было жаль с ним расставаться и потому мы очень сердечно его проводили. О. Иоанн Янсон, о. Симеон и я, как староста, выехали на аэродром, с полчаса просидели в уютном салоне и о чем-то беседовали и, наконец, поцеловались и все вышли на летную площадку. Бодрым шагом митрополит направился к самолету, поднялся по лесенке, махнул нам рукой и скрылся, войдя во внутрь серебряной птицы. Мы продолжали стоять, предполагая, что Владыка на нас смотрит. Но тут взвился сигнальный флажок, заработал мотор, самолет повернулся и сначала медленно, а потом все ускоряя бег стал от нас удаляться, убежал далеко, до конца громадной площадки, сделал поворот налево, опять повернулся к нам, мотор заревел полным голосом и самолет стал подниматься и пролетел над нами, а мы стояли, махали руками и думалось: "Митрополит улетел, мы остались без главы, кого-то к нам назначат и когда?"

Прошло несколько месяцев и пронесся слух, что новый Владыка назначен к нам из Рязани. Кто? Какой он? Добрый ли? Строгий или сердитый?

И вдруг говорят, что некоторым рижанам Владыко знаком, что он раньше, еще до революции, был в Риге и был учителем в Благовещенской приходской школе. Много при этом всплыло в памяти, и Благовещенская церковь, и школа и вообще Тургеневская улица. А когда стало известно, что фамилия Владыки Лебедев, то уж не могло быть никакого сомнения, что это мамочкин сослуживец по школе и мамочка была с ним очень дружна.

2-го февраля мы все были на станции и с нетерпением ждали прихода поезда. Очень сердечна была наша встреча с Владыкой Филаретом (с Александром Михайловичем – как мамочка его называла по старой памяти) (86). Но Владыка скоро повернулся и скорым шагом направился к зданию вокзала. Нас это очень удивило и мы объяснили это тем, что Владыке неудобно было беседовать с нами, когда официальные люди (и уполномоченный) ждут. Но впоследствии Владыко объяснил свое, немного странное поведение. Увидев мамочку, на него нахлынуло сразу так много воспоминаний и он так сильно расстроился, что почувствовал, что еще один момент и он разрыдается, и потому он поспешил отвернуться и уйти.

Очень энергичный и деятельный Владыко сразу же навел порядок в нашей епархии и в особенности в Риге. Много хромало после доброго и мягкосердечного митрополита Вениамина. Владыко сам много разъезжал и часто без предварительного сообщения, он все хотел знать, во всем хотел убедиться и потому и меня стал посылать по епархии для установления состояния церквей и выяснения необходимых ремонтов. И вот 10–12 мая 1951 г. пришлось совершить большую поездку по Лифляндии для обследования наиболее пострадавшего от войны района. Сунтажская церковь – пострадала только от осколков и пуль, с полсотни дырок было в жестяной кровле.

Эргли перед войной

И это все, что осталось от Эргли после войны

Осмотр занял немного времени и с полчаса мы провели у священника о. Абеле (87). Нравится мне очень латышская деревенская еда – жареное свиное сало с яйцом. Все очень жирно и солоно, яйцо сильно пережарено, но очень вкусно и с большим удовольствием я принял это угощение.

На выигрышном месте, на горе стоял перед войной храм Эргли, а теперь только жалкие развалины. Безжалостно и без всякой надобности немцы уничтожали всё на своем пути отступления и целый ряд церквей стал жертвой этого безумия.

Постарался о. Бангерский (88) и устроил церковь в причтовом доме, но недолго ему разрешили там служить, местный Исполком занял дом и распоряжением уполномоченного пришлось оттуда уйти.

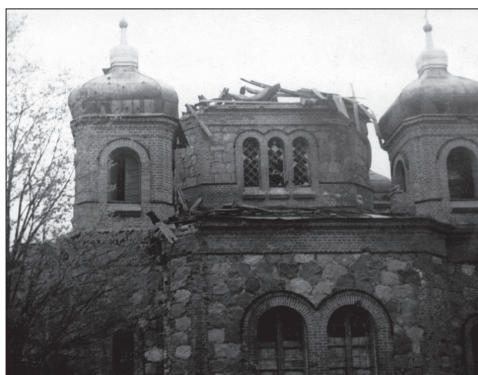
Сильно пострадала Вестиенская церковь. На высокой горе на берегу красивейшего Каķишю озера, недалеко от Гайзинькална величественно выглядит красивый по форме храм, только разрушения производят уж очень неприятное впечатление.

Вец-Пиебалга, Карздаба, Мадона – Лаздона были в удовлетворительном состоянии,

Вестиенская церковь

Церковь в Берзауне

Церковь в Сауснея

только обычные повреждения крыш от осколков.

Церковь Берзауне стояла в плачевном состоянии с провалившимся главным куполом и имела снаружи жалкий вид, но еще хуже внутри.

1949 г. был для латвийской деревни тяжелый год, массаи и целыми семьями увозились хуторяне, по дороге встречалось много пустых домов и настоятель о. Стурис (89) жил в постоянном страхе, боясь что и его, может быть, увезут. Когда мы на машине въехали к нему во двор и он это увидел через окно, он так испугался, что вместе с матушкой забился в дальний угол дома, думая, что его может быть не заметят. О. Петр вошел в дом – пусто, стал ходить по комнатам – ни души, тогда он стал окликать: «о. Петр, о. Петр», и испуганные лица батюшки и матушки вдруг показались. Как они были обрадованы и уж не знали, как нам угодить и у них мы остались ночевать.

Церковь Сауснея (*Sausneja*) была совершенно разрушена и на ее восстановление не могло быть, конечно, никакой надежды. Службы изредка совершались в частном доме.

Зато церковь в Марциене имела только разрушенную крышу. Ее можно было восстановить легко, средств требовалось не так много. Церковь имеет алтарь имени св. Алексия, а так как Патриарх носит имя

Церковь в Марциене

Церковь в Лаздоне

этого святителя, то о состоянии церкви было сообщено Патриарху и он прислал деньги.

Благочинному о. Энию (90) было поручено руководить работой, но он отнесся к ней без должного интереса, только как к неприятной обязанности. Работа была выполнена плохо, и в настоящее время храм, наверно, находится в таком же плачевном состоянии, как и до ремонта.

В Лаздоне проводились крупные восстановительные работы. Но священник, душа этих работ, внезапно скончался. После него работы пошли вяло и без умения, и жаль было столь хорошего начала и большого заложенного труда.

В Кокнесе и Лиелварде не в порядке были крыши, ремонты требовались срочно, но они были сравнительно небольшие.

И вдруг пришло сообщение, что в колокольню церкви Карздабы ударила молния, упал крест, началась пожар, но усилиями прихожан и пожарных огонь удалось погасить. Надо было выехать сделать оценку убытков для получения страховой премии и за одно еще раз объехать церкви и посмотреть, что успели сделать.

На этот раз 19 июля мы объезда начали с противоположного конца, с Кокнесе. Там ничего не было сделано. Жалко было смотреть на церковь в Ляудери (?). Назначенный новый священник устроил временную церковь в сарае, не имея никакой энергии продолжать строительство, начатое его предшественником, и недостроенная церковь производила очень тяжелое впечатление.

В Марциене кое-какие работы были сделаны, но плохо, крыша была покрыта щепой кое-как. Надо было дать распоряжение покрытие исправить. И как потом выяснилось, сделано ничего не было.

В Карздабе я облазил колокольню, все обмерил и сделал оценку убытков. Но страховое управление под разными предлогами денег не выплатило, хотя оценку и признала правильной.

В Эргли нас никто не встретил, а в Сунтажи прием был, как и прошлый раз, очень мил. Правда, осмотренный нами район один из наиболее пострадавших от военных действий и только впоследствии, объехав еще другие районы, я убедился в том, что это был, действительно, худший район, но, осматривая церкви, в тот раз думалось: «Неужели всюду так плохо?». На подробный доклад Владыке о результатах поездок Владыка ничего не ответил, что он при этом думал – не знаю, знаю только, что планы его были большие и что многое еще он сумел бы сделать.

Пожар в старой, деревянной Иоанновской церкви

Только дружное вмешательство пожарной дружины спасло церковь от полного уничтожения. Здесь, как и во многих других случаях пожар начался от чугунной печечки в алтаре, хотя официально говорилось, что от короткого замыкания в электрических проводах. Пострадал алтарь, сильно обгорел прекрасный старинный иконостас и по среднему куполу перед иконостасом огонь перекинулся на крышу. В алтаре требовался ремонт пола и стен. Восстановить иконостас при обстоятельствах того времени не было возможности. А в куполе стены только обуглились. Требовался ремонт потолка купола, конструкции крыши и возобновление одной из малых маковок. Я составил смету на восстановление: одну – официальную для получения страховой премии и вторую для работы, а энергичный настоятель о. Иоанн Дубакин (91) быстро принялся за осуществление намеченных работ и за 1 ½ месяца все было сделано.

Как раз в это время осуществлялось по моему проекту переоборудование Садовниковской богадельни под поликлинику. На II этаже, в центре здания, Садовниковым

была устроена уютная, двухэтажной высоты церковь. Церковь должна была быть ликвидирована и освобожден хороший резной иконостас, конечно, по качеству сильно уступавший сгоревшему, но все же хороший иконостас, и его о. Иоанн получил для своей церкви.

На фасаде Садовниковской богадельни в двух нишах стояли фигуры апостолов Петра и Павла, прекрасно сделанные. Они были уже во время моего отсутствия сброшены вниз и попали на свалку. Когда это стало известно, фигуры из свалки были извлечены и установлены в соборе в крестильной под главным алтарем и служат прекрасным украшением помещения.

По поручению архиепископа Филарета мною была выполнена еще одна работа для Епархиального Совета. В одной из церквей, подвергшейся бомбардировке во время военных действий, из-за сотрясений и повреждений свалилось паникадило. Было ли при этом несчастье с людьми, не знаю, но Патриарх этим случаем был встревожен и разослал циркуляр по всем епархиям, где прошла война, с предписанием проверить прочность подвески паникадил. У нас в Риге от военных действий церкви не пострадали, но все же Владыко просил меня эту проверку произвести и я облазил все

Иоанновская церковь до пожара

чердаки. В соборе пришлось для проверки среднего паникадила взобраться на купол по наружной железной лестнице. Но ведь я когда-то хотел быть трубочистом и такое лазание было для меня только удовольствием. В Александро-Невской церкви место подвески паникадила вообще недоступно и общим советом решили, что нет причины к опасениям, так как никаких к тому признаков незаметно. В Вознесенской церкви с чердака надо было подняться на крышу, по железной лестнице залезть на верхнюю крышу и через люк спуститься на чердак.

Внутренний вид храма до пожара (прекрасный старинный иконостас)

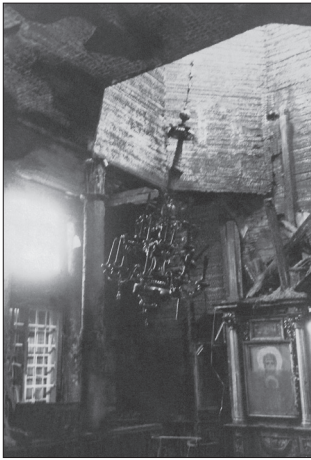
Церковь после пожара. По внешнему виду мало, что заметно – только одна маковка и развороченная крыша

Я открыл люк, прыгнул вниз, осмотрел, замерил и зарисовал систему укрепления паникадила, а назад забраться на крышу не могу, люк слишком высоко, а подняться на мускулах не могу, а кругом нет ничего, что можно было бы подставить. Меня даже в жар бросило, ведь я был совершенно один и когда кто-нибудь догадается придти мне на помощь. В отчаянии я стал обшаривать весь чердак и к моему счастью нашел два кирпича. Подставил я кирпичи, напряг все мои мускулы, подпрыгнул и... выбрался наверх. Сел я на крышу и стал обтирать пот со лба и рад был, что приключение хорошо окончилось.

В Покровской церкви как раз в это время производилась покраска купола. Железная лестница и люк на купол находятся на восточной стороне и добраться к ним надо по карнизу с крыши колокольни. Маляры как кошки бегали по карнизу туда и обратно, но я этого не мог и я попросил подставить лестницу до крыши алтаря, но дальше крыша полукруглая и сразу круто, почти вертикально поднимается наверх и сверху мне спустили веревку. Ухватившись за веревку и упираясь ногами в кирпичные зубцы в стене, я довольно легко поднялся наверх, а по железной лестнице к люку забраться было уже пустяки.

А внутри церковь имела ужасный вид

А внутри церковь имела ужасный вид

Во Всехсвятской церкви тоже люк с задней стороны, но там путь проще – из колокольни по коньку крыши, через два зубца и лестница уже достигнута.

В Иоанновской церкви паникадило подвешено на четырех крюках внутри храма и прочность была совершенно очевидна.

В Троице-Задвинской церкви подход к чердаку такой же, как в Вознесенской церкви, но чердак там ниже и я в него не прыгнул, пока не убедился в том, что вылезть будет нетрудно.

В Благовещенской церкви с колокольни, по коньку крыши и в люк средней части забраться было нетрудно.

В Михаило-Архангельской церкви, Нерукотворного Спаса, в монастыре и в Преображенской церкви никаких трудностей не было и работа была закончена. Я написал докладные записки по каждому осмотру и сдал всё Епархиальному Совету.

И тут как гром из ясного неба. В проектной конторе мы работали сдельно, работали энергично, не покладая рук, и зарабатывали тысячи полторы и даже больше, и вдруг нас перевели на ставку в 950 руб. в месяц. Как жить, как обойтись этими деньгами? Составили мы жесткую смету, сколько и чего в неделю и день мы могли тратить, всё время строго следили за выполнением выработанной сметы и только мамочкина необыкновенная способность вести хозяйство помогла нам не голодать, да небольшие сбережения у меня тоже были, из которых, в крайнем случае, можно было немного взять, что я, однако, делал очень неохотно, всегда думая о том, что может же произойти какое-нибудь несчастье и тогда деньги могут понадобиться еще больше. Но, к счастью, такое положение продолжалось только два или три месяца и нас снова перевели на сдельную работу, но с потолком 1500 руб., а не 3000, как было раньше. Как легко мы все вздохнули и казалось, что так хорошо еще никогда и не было.

Кроме упомянутых работ и разной мелочи пришлось сделать еще несколько интересных работ, в частности, перепланировка пищеблока для санатория Балтэзерс. Встретили меня там очень любезно и, что теперь почти никогда не бывает, первым делом угостили завтраком. После завтрака главврач санатория Манэ – француз по национальности и по виду, рассказал и показал мне всё, что они хотели сделать и, пока я делал зарисовки и обмеры, подоспел обед. Я хоть и не был еще голоден, но всё же с большим удовольствием покушал, вернулся в Ригу и потом часто вспоминал милого французца. Впоследствии д-р Манэ перешел на работу

санитарного инспектора и мне пришлось с ним встречаться в связи с согласованием проектов и всегда он был любезен и симпатичен как и при первом нашем знакомстве.

Дорожно-мостовой трест облюбывал себе трехэтажный выгоревший, при отступлении немцев, жилой дом, надо было его восстановить и оборудовать под общежитие.

Полностью надо было переоборудовать Ремстройконтору Сталинского р-на, разместившуюся на Выгонной дамбе на участке бетонного завода Неверман. Спроектировал я им контору, разные мастерские, склады, гаражи и клубное помещение.

Для Русской Драмы тоже были разные небольшие работы, и хоть директора уже не было (он умер скоро после нашей большой перестройки), по старой памяти продолжали ко мне обращаться и я был рад им помогать, я театр считал как бы своим.

И Художественный театр во главе со старым латышским стрелком Галкавниексом (92) и режиссером Смильгисом (93) меня не забыли и когда им присудили во дворе двухэтажное здание, я им составил проект перепланировки этого здания под театральные мастерские и склады декораций и бутафории.

И в первый раз я познакомился с устройством детских садов. Старинное двухэтажное здание с полуподвалом надо было приспособить под детский сад, а двор, увеличенный за счет католического кладбища, разбить под игровые площадки. Очень мне понравилось детское хозяйство, я тщательно изучил все их особенности и детский сад получился хороший и, несмотря на то, что старинное здание трудно поддавалось перепланировке, всё же все современные требования были удовлетворены. Детский сад там существует еще и теперь и недавно им присудили еще двухэтажное здание школы, непосредственно примыкающее к

их зданию, и надо было им помочь осуществить это присоединение и сделать переходы из одного здания в другое, так как уровни полов совершенно различные.

Этот проект дал мне возможность с успехом осуществить планировку детского сада в здании ресторана малого Верманского парка, а также игровых площадок для некоторых других детских садов.

Большим курьезом было данное мне поручение спроектировать вытрезвитель и все надо мною смеялись, а я увлекся и этой работой. Прием, хранение одежды, мытье, выкачивание желудка и отдельные номера для отдыха и протрезвления.

Это было по гражданской линии, а по церковной я мог уже праздновать мою двадцать пятую построенную и устроенную или проектированную церковь.

Началось строительство со:

- 1) Тюршино, потом
- 2) достройка Иоанновской цер. в Риге, потом
- 3) Гришино-Горская,
- 4) Шкельбанская,
- 5) Муравейская,
- 6) Яунаатгальская и
- 7) Яунаатгальская кладбищенская Зуевка,
- 8) Слободзинская,
- 9) Буртниекс,
- 10) Кудепе,
- 11) Болдерая,
- 12) Лиелвардская,
- 13) Илукстская монастырская,
- 14) Квитану,
- 15) Роговка,
- 16) Индра,
- 17) Хрщевская
- 18) Успенская церковь в Двинске,
- 19) Двинская Старофорштадская,
- 20) Шишковская,
- 21) Ливаны,
- 22) Зилупе,

- 23) Икшкеле,
- 24) Вайнодес,
- 25) Малиновская,
- 26) Даличенская,
- 27) Лиепна.

Потом добавились еще:

- 1) Дундагская, и в конце концов еще
- 2) Митавский собор,
- 3) Лиепновская цер.,
- 4) Ново-Слободская, восстановленная

после пожара

и небольшие работы

- 5) Боровская,
- 6) Пильтенская,
- 7) Югла.

Величайшее несчастье моей жизни двигалось постепенно. В октябре 1951 г. меня повесткой вызвали в МГБ для допроса по делу протоиерея о. Василия. Держали меня долго, часов до 2-х ночи, и тут я первый раз почувствовал, как гнетуще действует на психическое состояние чекистский допрос. Спрашивали про о. Василия: какой он человек, что он говорит и что думает, что делал во время оккупации и между прочим, как бы случайно, интересовались и мной. Показали несколько старых журналов «Вера и Жизнь», издававшихся при архиепископе Иоанне. Я должен был совершенно искренне сказать, что показываемых мне номеров журнала я никогда не видел. Мне не верили, у меня не было возможности доказать, что я этих журналов не знаю, меня это очень мучило и я совершенно обессилел. Увидав, что я себя плохо чувствую, допрашивавший вдруг проявил заботу обо мне, посмотрел на часы и говорит: «Да уж очень поздно, наверно. дома у вас волнуются, идите домой». Как много лицемерия в этой заботе, я тогда еще не понимал. Облегченно я вздохнул, оказавшись на улице, но тяжелый осадок от пережитых часов остался и не покидал меня. Хоть никаких непосредственных признаков грозившей мне опасности

не было, но в меня вселилась тревога и подсознательное чувство сверлило мои нервы.

В первых числах декабря снова повестка, снова вечер и часть ночи в мучительном допросе. Этот раз интересовались только мной, спрашивали, что я делал в Экзаршем Совете и какие вопросы разбирались там на тех заседаниях, на которых я присутствовал. Я на эти вопросы не мог ответить, меня интересовали только вопросы строительства и всё остальное исчезло из моей памяти.

С тяжелым чувством, гораздо более тяжелым, чем первый раз, я вернулся домой. На вопрос мамочки, что там было, я ответил: «Опять то же самое». Тут уж тревога меня больше не покидала. Жизнь же наша текла по-прежнему мирно, уютно и, действительно, хорошо. 24 декабря мы, как всегда вечером, сидели за чтением. Все собрались за большим столом в столовой. Я читал «Порт-Артур» Степанова, мамочка что-то шила, Танечка рисовала, Боря составлял свои графики, Натуся вязала. Было мирно, уютно и семейственно.

В двенадцатом часу я закрыл книгу со словами: «Ну, пора спать, уже поздно». Мамочка с Танечкой замешкались и я лег раньше их. Танечка подошла ко мне сказать «Спокойной ночи», села на край кровати, положила мне голову на грудь и сказала: «Папочка, как у нас хорошо», у меня же было чувство: «Не последнюю ли ночь я ночую дома?».

25-го декабря пришел дядя Юра (94). Мы опять вечером сидели за столом, за чаем и мирно беседовали. Вдруг один звонок. На один звонок я не ходил открывать, мамочка ходила сама. Слышу чужие мужские голоса и заявление, что хотят осмотреть квартиру. Досадное чувство содрогнуло меня всего: «Опять квартира». Ведь нас много раз беспокоили насчет квартиры, соседи всё хотели нас выселить. Но последнее время, когда дом перешел опять в ведение Горжилуправления, нас оставили в покое, а тут

опять «квартира». Трое каких-то мужчин прошли по комнатам, посмотрели и вдруг один обращается ко мне с вопросом «Вы тут хозяин?» и тут мне кольнуло сердце «Нет, это не по поводу квартиры». «Нам с Вами надо поговорить», сказал мне тот же и вывел меня в кабинет. «Мы у Вас должны произвести обыск», продолжил он. Я понял все, всю роковую неизбежность моего положения, но все же я спросил: «А ордер у Вас есть?». Оказалось, что есть, медленно я его читал и все глаза мои возвращались на слова – ордер выдан для обыска и ареста. Я сел на стул в кабинете, совершенно равнодушный к тому, что делалось. Все мое внимание было обращено на мамочку, но, слава Богу, по крайней мере внешне мамочка была спокойна, хотя лицо выражало глубокую скорбь. Мы взяли друг друга за руки и замерли. Долго продолжался обыск, перерыли все полки, столы и пакеты Бориных книг, под моим рабочим столом. Целую гору книг, газетных вырезок и записок отложили в сторону и, посмотрев на эту гору, сами удивились и начали сортировать отложенное. Много было явно нелепого в их работе, но этих грубых мужчин это несколько не смущало и они продолжали копать. В конце концов отложенного оказалось немного: была только кучка газетных вырезок об искусстве и архитектуре; был полный комплект журналов «Перезвоны» (95), я гордился тем, что этого замечательного художественного журнала, где каждый номер был посвящен какому-либо художнику, мне удалось по букинистам собрать полный комплект; юмористическая книжка конца прошлого столетия; «Наши за границей» Лейкина и из Бориных книг – одна книга писательницы Крыжановской-Родчерс и все.

Было объявлено, что обыск закончен и чтобы я собирался идти. Пошел я в спальню переодеться, так как был в домашнем костюме, вынул из карманов все, что у меня

было и это было хорошо, так как все пропало бы, и тут настал момент прощания. Я не знал, конечно, что с мамочкой прощаюсь навсегда, но что я мог сделать и, понунив голову, я в сопровождении троих вышел на лестницу. Один, другой раз повернулся еще и побегал вниз. Несколько шагов мы прошли по улице и вошли в угловую дверь. Там мои сопровождающие показали какие-то документы и через минуту я стоял уже перед лицом чекистов, занимавшихся приемом добычи. Мне дали расписаться в том, что я явился во «Внутреннюю тюрьму МГБ», выдали алюминиевую миску, нет, кажется, ошибаюсь, только деревянную ложку и повели на III этаж. В комнате, в которую мы вошли, стоял письменный стол и несколько стульев, а в противоположном конце комнаты – небольшой столик, стул перед ним и у стены еще несколько стульев. Два чекиста в штатском осмотрели меня испытующим взглядом, задали несколько ничего не значущих вопросов, записали вкратце мою биографию, а потом посадили меня за отдельный столик, на котором лежали книги, изъятые у меня при обыске и указали, чтобы на каждой книге и на каждой газетной вырезке я написал: «Изъято у меня 25 дек. 1951 года» и подпись. Медленно я стал писать, времени ведь у меня было достаточно, а спать не хотелось, слишком напряжены были нервы. Сначала я сделал надписи на книгах, потом на журналах «Перезвоны» и, наконец, взялся за вырезки, а их было много. Один чекист тем временем ушел, а второму, очевидно, стало скучно. Он подошел ко мне и сказал: «Пиши только фамилию, а то это будет слишком долго». Но и это ему показалось слишком медленно: «Да не пиши на каждом листке, перелистывай несколько листов сразу». Стал я некоторые листки пропускать и дело пошло, конечно, скорее и через некоторое время я расписался на последней вырезке. Чекист облегченно вздохнул, вызвал конвой-

ного, мы спустились опять на I этаж и я очутился в небольшой камере, разделенной на две части. В первой половине стоял чекист с длинным ножом, во вторую половину загнали меня, отобрав у меня мешочек, который дала мне с собой Санечка и где были, по указанию моих конвойных, полотенце, наволочка, простыня, запасная пара белья, зубная щетка и порошок. В стене между обоими отделениями было прорезано окно, через которое я мог видеть небольшой стол, на котором лежал мой узелок, и рядом чекиста, который многозначительно точил свой длинный нож. Когда нож оказался достаточно острым, началось потрошение моего узелка и тщательно срезались все пуговицы. Но и с этим было покончено и раздался грубый окрик: «Раздевайся, подавай через окно свои вещи и читай объявление, вывешенное на стене, о распорядке поведения». Штука за штукой я подал все вещи, пуговицы со звоном летели в какой-то ящик. Одновременно я читал объявление, но мысли мои были заняты не тем и я совершенно не помню распорядка. Все я подал и опять окрик: «Давай крест». Пришлось подать и крест, и казалось, что теперь уж окончательно всё, но новый окрик: «Чего же кольцо не снимаешь?». А это оказалось нелегко. Больно мне было лишаться кольца и дрожащими руками я стал крутить его на пальце. Но палец распух и кольцо не слезает. «Вот мыла бы, тогда кольцо слезет», сказал я. Но новый окрик заставил меня напрячь силы: «Какое тебе мыло, так снимай или пилить его будем». Нет, пилить кольцо – это уж слишком, я с ожесточением стал кольцо крутить и, наконец, снял его.

Вещи мои опять штука за штукой передавались мне и я одевался, но как же одеться, когда нет ни одной пуговицы, кальсоны соскальзывают, брюки за ними, а уж новый окрик: «Иди, живо!». В одну руку я взял узелок, другой рукой держу брюки и пошел по длинному коридору, потом по лестнице

вниз, в подвал, опять по коридору, поворот направо, налево, опять направо, лязг замка и железной двери и я в камере №19. Камера оказалась карантинной, там всех выдерживали 3 дня и тогда только распределяли по большим камерам и начинали допросы.

В камере было светло, стояло штук шесть коек металлических с натянутыми на раму крест накрест матерчатыми лентами. На койках лежало три человека, на одну из свободных указали мне и сказали: «Спи тут», и опять звякнул замок. Голова моя была, как в тумане, я плохо соображал, что происходит, но что же делать, надо ложиться. Постелил я пальто, лег, конечно, не раздеваясь и, несмотря на крайне неудобное ложе на перекрещивающихся лентах ячейками сантиметров 15, и забылся в каком-то кошмарном полусне. На ноги меня поднял резкий стук в дверь и грубый окрик: «Подъем». Все четверо мы разом вскочили. Друзья мои по несчастью были такие же неопытные в тюремных делах, как и я, но только с однодневным уже стажем. Я поднялся с койки, подтянул кальсоны и брюки и задумался: «Что мне делать, как мне скрепить брюки?». Мое замешательство заметил молодой человек в военной форме, только без погон и, конечно, пуговиц. Он не задумываясь вынул из кармана носовой платок, оторвал кромку и подал мне: «Завяжите вот этим, приходится как –нибудь обходиться». Молодой человек был еврейского типа, как потом оказалось, двинчанин Кайцер (96), сын владельца магазина готового платья. Ленточка, которую он мне дал, этот скромный знак сочувствия, меня глубоко тронул. Грубые чекисты без сердца и этот молодой человек с сочувствующим, не очерствевшим сердцем, этот контраст был первым моим впечатлением в тюремной жизни и Кайцер показался мне близким человеком. Вся вина его состояла в том, что он, вывезенный вместе с родителями 16 июня 1941 г. в далекую Сибирь, в 1950 году каким-то образом получил паспорт и

вернулся в Латвию. Его взяли и ему грозила обратная высылка. Второй наш товарищ по несчастью был человек среднего возраста, обросший густой бородой, по фамилии Vārdiņš (97). Сходство его фамилии с его видом были причиной того, что я его запомнил. Он был партизаном, при аресте оказал вооруженное сопротивление и потому очень боялся, что его расстреляют. Третий молодой человек был лесничим какого-то района в Латвии. Я его видел только три дня и ни его фамилия, ни его дело мне не запомнились.

Все мы сидели на койках хмурые, задумчивые, каждый был занят своими тяжелыми мыслями и только изредка обменивались несколькими словами. Голые стены камеры, шесть коек, оконная шахта с решеткой и толстым стеклом на уровне тротуара со стороны Столбовой ул., железная дверь, около двери маленькая полочка для хлеба и три чужих человека, это всё что в течении трех дней я видел и мысли, мысли без конца.

Железная дверь на высоте роста человека имела дырку – «глазок», заделанную с наружной стороны толстым стеклом и закрывающуюся снаружи же крышкой. Ниже глазка-люк, открывающийся наружу в виде полочки, это «кормушка». С грохотом эта кормушка открывалась три раза в день, когда подавалась еда. Но в карантинной камере кушали плохо, слишком сильно действовало пережитое. И не ели бы ничего, да сознание того, что ведь жить еще хочется, что ведь надо стараться еще вернуться к семье заставляло через силу жевать и пить. И все же количество хлеба на полочке все увеличивалось, а миски с супом возвращались через кормушку с недоеденным обедом и завтраком. Что за эти три дня передумалось, как я эти дни провел без всякого занятия, не знаю, это не поддается никакому учету. Прошло три дня, открылась кормушка и раздался голос: «Приготовиться, с щещ-

ми!». И, как всегда, с прибавлением «быстро». Звякнул замок, загремела железная дверь, Кайцера и меня определили в камеру №9, остальных двоих не знаю куда.

Робко мы вошли в камеру, там было человек шестнадцать. Мы вошли и остановились, не зная, что делать, но бывшие в камере и уже освоившиеся с тюремной жизнью нас встретили радушно, указали нам на свободные койки, а коек всего было 20. Сел я на приглянувшуюся мне койку и опять замер. Кругом начались разговоры, стали нас расспрашивать – кто, откуда, зачем и за что попал. Но что я мог сказать, я ведь сам ничего не знал. В знакомстве с новой обстановкой прошел вечер, когда в 10 часов раздался стук ключом в железную дверь и окрик из коридора «Отбой». Это означало, что быстро надо было ложиться, так как глазок то и дело открывался и мы уже знали «ложись скорее, а то может быть неприятность». Тяжелый был сон, но здесь, где было больше людей, всё же немного легче. Времени для сна как-будто и было достаточно, но когда раздался в дверь новый стук и окрик «Подъем», голова была тяжелой и вставать не хотелось. Но опять-таки надо было действовать быстро, так как скоро уже с лязгом открывалась дверь и всех выводили в умывальную. Толпились мы в маленьком помещении, кое-как умывались в бетонном корыте, по очереди выливали и полоскали большое железное ведро «парашу» и, немного освежившиеся, возвращались в свою камеру. Сколько нас было в этом мрачном подвале – не знаю, но говорили, что около 200. Только мы успели позавтракать, а утром давали кашу и чай – хлеб выдавался нарезанным по норме на весь день, – как открылась кормушка и голос возвестил «на прогулку». Это для меня было ново, так как из карантинной камеры не выводили никуда. Оделись мы во все теплое, что у нас было, и гуськом нас провели по коридору, по лестнице наверх,

открылась дверь в световой дворик и по лесенке с забежными ступенями мы все спустились вниз. Страж наш прогулочный по виду был похож на запорожского казака, расположился на лесенке, как на капитанском мостике, одну ногу поставил на две ступеньки выше другой, в руках – связка ключей и все на нас покрикивал. Стоять нам не полагалось, надо было ходить и по возможности всем в ногу. И вспомнился мне ритмический стук, который мы так часто слышали из окна нашей спальни и не могли понять, что это за стук. А теперь, когда я сам зашагал, стало ясно, что это за стук. Взглянул я наверх, туда, где были окна нашей спальни и столовой, видно их, конечно, не было, высоки были защитные стены, да еще с козырьком вовнутрь. Больно ждалось сердце от мысли, что ведь там наверху мои милые, мои самые мне дорогие, так близко, но не только не достать, но и не увидеть. Привел меня в себя грозный окрик нашего стража: «Чего смотришь наверх, ходи!». И я опять зашагал, опустив голову.

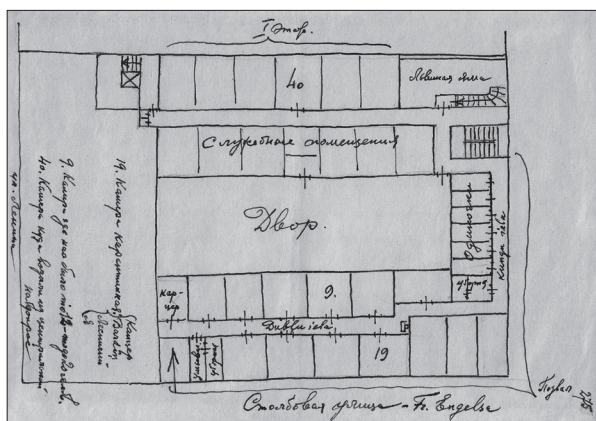
Говорить во время прогулки тоже не полагалось, но мои друзья всё же меня посвятили в тайны этого дворика. Во-первых, прозван он был «львиной ямой», а кроме того в коротких стенах двора на высоте метра три от асфальта с каждой стороны торчали кольца не то 4, не то 6. Во время оккупации епископ Гринберг (98) посетил эту тюрьму и в знак того, что это больше не тюрьма и символизируя то, что тюрьмой эти помещения больше не будут, приказал замуровать ключи от камер в стены, оставив только торчащими кольца.

Прогулка длилась 20 минут, но время проходило так быстро, что не верилось, что 20 минут уже прошло и мы были твердо уверены в том, что нас обманывают и разрешают быть на прогулке гораздо меньше. Воздух в львином колодце по сравнению с воздухом в камере казался таким приятным, немного подвигаться было крайне

необходимо и очень уже не хотелось уходить. Но что же делать, ведь мы были люди подневольные, а малейшее ослушание грозило попасть в карцер от 3 до 12 дней, в холодном помещении под проездом, где с потолка капало и куда загоняли в нижнем белье, кушать давали только хлеб и воду, а горячий суп только на третий день.

Да, двигаться в «львиной яме» только эти несколько минут было, конечно, мало и один за другим мы по очереди начинали шагать в камере – 7 шагов туда, 7 шагов обратно до одурения. И тут я понял, что происходит в зверинцах, когда в небольших клетках звери мечутся из угла в угол. Им также как и нам необходимо было движение. Мы уподобились зверям в клетках. Некоторые из друзей сидели без движения и думали, а некоторые без конца играли в шахматы или домино. Эти два занятия (две игры) – это единственное, что разрешалось делать в камере и для некоторых это было спасением, время проходило скорее. Мне же эти игры никогда не нравились и я или ходил, или же беседовал. Был среди нас небольшого роста интеллигентный человек, он служил радистом на пароходах, а в последнее время до войны работал в фотолаборатории Буцлера (99) на Елизаветинской ул. Будучи моряком он объездил весь свет и очень интересно рассказывал про свои путешествия и красочно передавал свои воспоминания. Хорошим рассказчиком был и Кайцер, и эти два человека в значительной степени помогли мне коротать время в камере №19.

В час дня кормушка с грохотом открывалась и подавался обед. Обед состоял из супа и каши. Сначала показывались миски с супом и если ухитриться суп скоро съесть, можно было рассчитывать на добавку. Потом миски подавались обратно и подавались с кашей. Здесь кушать уж хотелось основательно и не оставалась недоеденной, еле хватало и хлеба. В шесть часов вечера подавался ужин – опять каша и чай.

План подвала внутренней тюрьмы МГБ на Столбовой ул. с расположением камер. Нарисован по памяти после возвращения из лагеря в 60-е годы

На второй день пребывания в 19 камере меня вызвали. Открылась кормушка, показалась голова и тихим голосом проговорила: «На букву Ш.». Надо было назвать фамилию и тогда раздавался окрик: «Давай, быстро!». Если же, скажем, вызывали на букву «К» и называлась фамилия Калинин, а надо было другого, то произносилась другая фамилия на «К» и, если это было правильно, то опять окрик: «Да, давай, быстро!». Фамилии конвойными громко не произносились, это была тайна, в соседних камерах не должны были знать, кто еще находится в тюрьме и вообще должна была быть тишина, для чего в коридорах были постланы дорожки и не попробуй в камере громко говорить, а тем более петь. А петь почему-то всем очень хотелось и иногда в полголоса и только на несколько минут затягивали какую-нибудь песню. Но часто это делать нельзя было.

В 10 часов вечера «Отбой» и тяжелая голова впиалась в подушку.

Так вот вызвали меня на букву «Ш», и опытные в нашей камере сейчас же сказали: «Это на прописку». И так оно в действительности и было. Повели меня по длин-

ному коридору, по лестнице наверх, по коридору налево и впихнули в какое-то помещение, а там меня уже ожидал чекист с фотоаппаратом. «Садись!», было сказано односложно и, как всегда, грубо и чекист показал на табуретку. Взял он деревянную дощечку, написал на ней мелом мою фамилию и повесил дощечку мне на грудь. Два раза щелкал аппарат, сделано было два снимка – спереди и в профиль. Это была первая половина процедуры. Потом чекист своей грязной рукой схватил меня за правую руку, подвел к столу, по очереди тыкал мои пальцы в подушку с краской и сделал отпечатки всех пальцев, а потом и всей руки. То же самое он проделал и с левой рукой, чем прописка была закончена и меня повели обратно. Ввиду такого особенного случая мне вне очереди разрешили пройти в умывальную и разрешили помыть руки. Вернулся я в камеру и за расспросами и рассказами прошел весь вечер.

Взяли меня 25-го, три дня в карантинной, на второй день в камере прописка и незаметно надвинулся канун Нового года. В этот день, принимая во внимание, что завтра праздник, нам выдали хлеб сразу на два дня. Полочка около двери была маленькая и хлеб взгромоздился целой кучей, каждый знал, где лежит его кусок и споров у нас никогда не было. Канун Нового года, разговоры как-то затихли, все сидели задумчивые, мысли всех унеслись домой, к родным и близким. У всех невольно головы опустились, но долго так сидеть было трудно и я стал оглядываться по сторонам, перевел взгляд на железную дверь и вдруг взглянул на полочку с хлебом. Что это? От единственной лампочки посреди камеры падал свет на хлеб, а от хлеба тень на белой стене. Профиль лица, зачесанные вверх волосы, густые брови, глаз, горбатый нос, большие усы, рот, подбородок. Никакого не было сомнения – это был характерный профиль Сталина. «Смотрите», воскликнул я «нас

посетил Сталин». Все головы мгновенно повернулись к полочке. Профиль был настолько хорош, что все мгновенно признали правильность моего восклицания. На мгновение восстановилась тишина после всеобщих восклицаний. Один из друзей, куривший трубку, вскочил и всунул трубку Сталину в рот, отчего сходство еще усилилось. Но тут поднялся неопределенный гомон и кто-то не выдержав подошел к полочке и разобрал куски. Сталин исчез, стали гадать, для чего он появился, нам может быть, к добру и всякие разговоры заняли опять весь вечер. Кто-то опять подошел к полочке, стал складывать куски хлеба, но ничего подобного больше не получалось.

Прошли праздники и как-то вечером открылась кормушка и раздался голос: «на букву "Ш.». Я назвал свою фамилию и ответом было обычное грубое: «Давай, быстро». Вышел я в коридор, мне указали налево, но я остановился, думая что конвойный пойдет вперед. «Иди, что стоишь!», был новый окрик и я пошел вперед, но сейчас же раздался новый окрик: «Руки назад!». Я ведь вышел первый раз, правил не знал. Руки я закинул назад и смешно мне стало, я сразу себе представил некоторых людей «на воле», любящих ходить, закинув назад руки, и подумал: «Эти люди, наверно, побывали в тюрьме и по тюремной привычке так ходят». Прошли мы по нашей «Dubļu iela» (Грязевой улице), так ее называли, так как в обоих концах были уборные и умывалки. Потом свернули налево на «Kungu ielu» (Господская улица), там были одиночные камеры, в которых сразу после войны сидели немцы, по лестнице мы поднялись на I этаж и пошли по «Debesbraukšanas iela» (Вознесенская улица). Эта улица вела к лифту, в доме в сторону ул. Бривибас и называлась она «Debesbraukšanas» потому, что лифт поднимал нас на VI этаж к небесам, там были кабинеты следователей и производился допрос.

Конвойный ввел меня в кабинет, где за двумя письменными столами, стоявшими один против другого, сидели два чекиста в форме. Против каждого письменного стола в отдалении шагов на пять стояло по стулу, на один из которых мне указали. Следователь взглянул на меня, сказал: «Руки на колени», и углубился в чтение каких-то бумаг. Через некоторое время он от бумаг оторвался и обратился ко мне со словами: «Я следователь Солдатов, мне поручено вести следствие по твоему делу, понятно?». Но состояние мое было такое подавленное, что я хоть и слышал, что со мной говорят, ничего не понял и должен был сказать, что ничего не понял. Следователь повторил сказанное и теперь я расслышал все и мог сказать, что понял. Обращение в этот первый день допроса было вежливое, но только обращение все время на «ты» резало ухо и было оскорбительно. Но это, конечно, было смешно, я ведь не знал, каким оскорблениям и унижениям я еще буду подвергаться. Опять первым делом была записана моя биография, было прочитано обвинение, текста его я теперь вспомнить не могу, я уверял следователя, что все это неправда, что никогда я о таких преступлениях и не думал и требовал, чтобы все так и было записано. Такое мое требование следователю не понравилось, он позвонил кому-то по телефону, я мог понять, что он спрашивает совет, как поступить и, в конце концов, получил разрешение писать так, как я того требовал. Потом оказалось, что это была только хитрость, это было сделано, чтобы усыпить мою бдительность и этот допрос оказался совсем не допросом, а только что-то такое предварительное. А я торжествовал, я был так наивен, что думал, что одержал победу. Короткий протокол, вполне меня удовлетворивший, был мною подписан и конвойный доставил меня в подвал, где среди друзей я чувствовал возможность отдохнуть от допроса. Следующий допрос был уже совсем другим

и разговор был грубее, старались из меня выжать то, чего никогда не было, и я как-то не выдержал и сказал, что «первый раз писалось ведь совсем не то», и прибавил: «вы со мной играете, как кошка с мышью, но вы, конечно, гораздо ловчее меня». Такие слова не понравились второму чекисту и чтобы меня напугать он, не поднимая головы, буркнул: «Ты что, оскорбляешь следователя?». «Оскорблять я не думаю», ответил я, «но это всё же так».

Разбиралось дело о постройке бараков для советских военнопленных. Следователь спросил: «Ты что там делал, кем был?». И на мой ответ, что я составил проект и что мне был поручен технадзор за строительством, заметил: «Ах, так ты заставлял пленных работать и мучал их», мне пришлось разъяснить, что технадзор в нашем понятии – это только надзор за подрядчиком, чтобы работа выполнялась по проекту и правильно. И на дальнейшие попытки выпытать у меня признания, что я все же заставлял пленных работать через силу, я высказал свои сокровенные мысли, что «не может быть и речи о том, что я способен был бы мучить людей, я всеми силами подгонял подрядчика и старался, чтобы бараки были построены как можно скорее, и что я в душе всегда гордился тем, что строительством этих бараков я спас несколько тысяч несчастных людей от смерти, так как люди в очень уже холодное осеннее время жили и спали на земле, не имея возможности нигде согреться, и что из-за таких обстоятельств ежедневно по нескольку грузовиков трупов вывозилось с лагеря». На эту мою горячую речь следователь только усмехнулся и спросил меня: «А для чего ты их спасал?». «Как для чего? Из чувства человеколюбия, ведь это были живые люди, как же я мог равнодушно смотреть на их мучения». И опять циничное замечание: «Хитришь, не для того ты их спасал, а для того, чтобы они потом могли помогать немцам?», и лукаво

посмотрел на меня. Что я мог ответить на такую ерунду? Я только тяжело выдохнул из себя воздух, развел руками и должен был сказать: «Ну, до такой вещи я, правда, додуматься не мог».

Медленно тянулись допросы, и все ночью. Следователь что-нибудь спросит, я отвечу и перерыв. Он сидит, что-то пишет или читает, а я сижу на стуле и дремлю. Ночные допросы сильно выматывали, ведь они были за счет сна, а днем спать в камере строжайше воспрещалось. В глазок все время за нами следили и раздавались окрики: «Чего спишь?». Кайцер недостаточно серьезно отнесся к этому порядку, как-то заснул самым откровенным образом и на окрик «Чего спишь?» ответил: «А я спать хочу». И через полчаса был вызван из камеры и направлен в карцер. Через три дня он вернулся и стал вести себя очень и очень осторожно. Он долго нам рассказывал о кошмаре, который он пережил, и все мы от ужаса содрогнулись. Но что же делать, нет сил держаться, глаза закрываются и валишься с сидения. Другие, чтобы прогнать сон, усердно играли в шахматы и домино. Я как-то сидел и смотрел, как играют, и пришла мне мысль в голову – сесть к двери спиной, облокотиться обо что-нибудь, положить голову на ладонь, сделать вид, что внимательно следишь за игрой, и вздремнуть немного. Фокус этот удался и я его стал практиковать всегда, когда сон уж слишком одолевал и терпеть становилось невмоготу. Вздрагивал я от окриков «Чего спишь!», поднимал тревожно голову, но окрик относился не ко мне и я опять начинал дремать.

Радостно мне было получить первую передачу, а потом и следующие. Очень было приятно немного подкрепиться и разнообразить однородную нашу пищу, но еще приятнее было ощущать заботу о себе, ощущать, как сильно меня любят, как нежно обо мне заботятся. Были у нас тумбочки, куда можно было сложить продукты и

постепенно ими пользоваться. Но несколько раз были осмотры – санитарные, когда в сопровождении конвойных, чтобы мы не напали, приходила так называемая «врач», прозванная «baltā nāve» (белая смерть). Войдет она, не поздоровается, только спросить, и всегда одно и то же: «Вшей, клопов не набрали?». Но откуда нам было их взять и мы отвечали, что нет. Тогда начинался осмотр тумбочек, где лежали наши драгоценности, и грязными своими руками она начинала выворачивать продукты и нюхать их своим крючковатым носом. Всё оказывалось в порядке и, хлопнув дверью, она уходила. Были и осмотры чекистские: тогда нас всех выгоняли в умывалку, оставался только один, в качестве свидетеля. В этом случае выворачивалось уже всё, переворачивались матрацы, осматривались все щели. И когда мы возвращались в камеру, помещения нельзя было узнать и долго мы возились, наводя опять порядок. У меня были с собой зубная щетка и зубной порошок (обо всем позаботилась мамочка отправляя меня в столь необычный путь). А порошок был насыпан в Танечкину пластмассовую круглую зеленую коробочку с завинчивающейся крышкой. Туалетные принадлежности мы все клали на подоконник высокого окна под двором. Осмотрели чекисты всё и, наконец, добрались до подоконника, увидели зеленую коробочку и решили, что там есть что-то особенное. Свидетель нам рассказывал, что обнаружив такой для них необычный предмет, они все столпились у окна и старались коробочку открыть, но она не поддавалась. Догадаться, что она завинчена, эти тупые головы никак не могли. Если не открывается, начали ломать. Наконец, край был отломан, коробочка выскользнула из рук и все кругом, и самих чекистов тоже, засыпало порошком. Осмотр входил в обязанности конвойных, но ломать и портить не полагалось, а тут они сломали вещь и я имел право жаловаться. Тут надо было

видеть смущенные и растерянные лица этих грубых людей. Что-то пробормотав, они поспешили уйти, а нам пришлось возиться и прибираться.

Но часто «baltā nāve» только открывала кормушку, показывалась ее голова, раздавались обычные слова – «Вшей, клопов не набрали?», и тут же голова исчезала и кормушка захлопывалась.

В первые же дни пребывания в камере №9 у меня начались мои обычные кровотечения из носа и раз так сильно, что заметили это мои друзья. Среди них были уже сидящие долго и знавшие подвальные порядки, и один из них застучал в дверь и сказал, что одному стало плохо и чтобы вызвали доктора. Кормушка захлопнулась и настала тишина ожидания. Со стуком опять открылась кормушка и меня спросили, могу ли я идти. «Да», ответил я, держа у носа окровавленный платок. «Baltā nāve» меня ждала, предложила мне сесть, стала пробовать пульс и т. д. Но я ее успокоил, я сказал, что это часто со мною бывает и чтобы остановить кровь, мне необходим вазелин, он мне помогает и я дома всегда так делаю. Вазелин мне был выдан в виде мазка на бумажке и меня опять проводили в камеру. Теперь порядки я уже знал и как только вазелин кончался, стучал в дверь и требовал врача. Раза три меня водили туда, а после того стали приносить мне мазок в камеру, ведь там народ всё страшно ленивый и водить не хотелось, да и знать нельзя было не надумал ли я чего-нибудь особенного.

Вызывали на допрос все время ночью и ночью, а это было так тяжело, я чувствовал, что эти допросы меня совсем измотали и как-то я сказал Солдатову: «Хоть раз днем вызвали бы, чтоб хоть взглянуть на свет дневной». Следовательно, чтобы усыпить мою бдительность, действительно, вызвал меня днем. С жадностью я смотрел в сторону окна, но мало было видно, ведь мы былина

б этаже, только крыши и крыши, но и то было приятно после месяца темноты. Особенно любезным стал следователь, спрашивает: «Как ты себя чувствуешь?». «Ничего, сносно», ответил я «только без работы трудно». На это следователь только ухмыльнулся и буркнул: «Ничего, еще поработаешь».

Когда первый раз следователь предложил мне подписать протокол следствия, я сказал, что подписать не могу, так как без очков не вижу, а очки у меня взяты. И что же, при следующем допросе мои очки оказались в столе у следователя. Он очки мне каждый раз выдавал, а к концу допроса опять прятал в стол.

Как я уже сказал, пребывание наше в подвале обставлялось большой таинственностью. В коридорах была полная тишина, шаги не были слышны, так как были разостланы мягкие дорожки. Фамилии громко не произносились, говорили только «на букву Ш.». А идешь, бывало, по коридору и слышатся, хотя и слабо, приближающиеся встречные шаги, сейчас же конвойный командует: «Стой, лицом к стене». Поворачиваешься, слышишь как кто-нибудь проходит. И тогда возглас «Иди», и путь наш продолжается. Чтобы только заключенные разных камер друг друга не увидели. А если случится подойти к лифту, а лифт занят, меня загоняли в специально установленный шкаф. Опять-таки чтобы только не встретились.

Еще одно особое мучение было придумано, чтобы выматывать, это другой шкаф, куда иногда сажали перед допросом. Маленький шкаф со скамеечкой, а над скамеечкой – потолок скошенный так, что сидеть надо согнувшись. Вперед тоже не подашься, так как лоб упирается в захлопнутую дверь. Колени тоже упираются в дверь, а локти – в боковые стенки. И вот сидишь, согнувшись, как в стоячем гробу и начинает ныть спина. Через некоторое время боль становится нестерпимой, но кричать

бесполезно, нужно высидеть время, заранее назначенное. Наконец, впадаешь в какое-то полусознательное состояние и когда открывается дверь, не знаешь больше радоваться этому или нет. На окрик: «Выходи!» с трудом выползаешь из гроба и еле бредешь по *Debesbraukšanas iela* к лифту, чтобы подняться на 6 этаж на новое мучение, на нудный допрос, когда хотят признания в том, чего никогда не было. И вдруг несколько дней меня не вызывают, я себя чувствую счастливым. Милый подвал, хоть бы подольше не вызывали, дали хоть немного отдохнуть. Что случайно удавалось наверху подслушать, сейчас же, для сведения, передавалось всем, и я узнал, что Солдатов уехал в командировку. Но вот меня опять вызвали. Первым делом «гроб», потом допрос чуть не всю ночь и я снова совершенно измотался и спасался только дреманьем, «наблюдая» за шахматной игрой. Ежедневные прогулки – это была еще большая радость, чем сидение в камере. Конвойного прогулочного прозвали «Дядя Сам», почему – не знаю, может быть, за его важный вид. Видно было, что этому ничтожному существу было очень лестно, что он мог командовать. Опять он шествует перед нами со связкой ключей. Мы проходим во дворик, а он становится на лесенку, на свой командный мостик и покрикивает. Возвращаемся назад и он садится на свой коридорный пост, в углу коридора, за маленький столик, на котором у него лежало расписание прогулок, ведь из каждой камеры выводили на прогулку отдельно и также из одиночек, гулял человек совершенно один. Рядом с расписанием лежали карманные часы, почему-то очень большого размера. И тут то, из-за того, что он такой важный, над ним подшутили. В одной из камер сидел цирковой артист, он вышел на прогулку первым и шел непосредственно за дядей Самом. Проходя мимо дежурного столика, он стащил Дяди Сама часы и незаметно запустил их Дяде

Саму в сапог за голенище, он раньше обратил внимание на то, что голенища у Дяди Сама были очень широкие. Вернулись все с прогулки и Дядя Сам обнаружил пропажу. В большой тревоге сейчас же побежал к начальству доложить и начался повальный обыск. Конечно, ничего не было найдено, а по окончании дежурства Дядя Сам обнаружил часы в сапоге. Он разозлился и стал еще важней. Этот случай всех развеселил и циркач вздумал Дядю Сама проучить еще серьезнее. Он размял мякишь черного хлеба и спелил револьвер. Как-то, когда Дядя Сам был дежурным по коридору, циркач постучал в дверь. Стуком можно было вызвать дежурного, если что-нибудь нужно было. Дядя Сам открыл кормушку, чтобы узнать, в чем дело и вдруг увидел направленный на него револьвер. В страшной панике он захлопнул кормушку и с криком, что его хотят убить, побежал к начальству. И через несколько минут явилась целая банда для обыска, а револьвер давно уже лежал в параше. И смеялись же все над Дядей Самом и говорили, что у него галлюцинация.

Раз в 10 дней всех по очереди выводили к парикмахеру. Парикмахером оказалась недурная собой молодая женщина, из парикмахерской в нашем доме. Машинкой она стригла волосы, и машинкой же и бороды. Бритвы допускать в тюрьму было слишком страшно, а вдруг кто-нибудь, что-нибудь... Эта милостивая женщина оказалась мерзавкой первого сорта, ей доставляло удовольствие мучить нас всех и она вела машинку быстрее, чем машинка могла резать. Пытка была чисто инквизиторской, но что же мы несчастные могли делать, за всё нам угрожали ужасным карцером, а туда никому не хотелось. После парикмахера полагалась баня. Это было очень приятно. Баня была душевая, лить воды можно было сколько угодно, но опять это сверлящее мозги слово «Быстро». Задерживаться не давали. Быстро надо было раздеться, быстро

помыться, быстро одеться и быть готовым к обратному пути в полутемную камеру. Я по своей неопытности взял с собой постирать рубашку и за это получил замечание, задерживаться с такими делами не полагалось и, как выяснилось, совершенно и ненужно было. После бани в камеру давалась иголка и нитки: белая и черная. Надо было на белье вышить метки: № камеры и инициалы. Иголка и нитка оказались в моих руках, шить для меня не было фокусом, но очков у меня не было. Кое-как я, сощуривая глаза, метки вышил и иголка перешла в другие руки. И так из рук в руки иголка путешествовала, а когда нитка кончалась, надо было стучать в дверь и через кормушку передавался новый кусок. Назначенный для шитья час кончился, кто вышил метки, а кто и починил что-нибудь, и иголка вернулась в коридор. Через некоторое время в кормушку забрасывался мешок и все назначенное для стирки клалось туда и через раскрывшуюся дверь мешок выволакивался наружу. Раза два мы должны были снимать верхнюю одежду и опять-таки в мешках всё направлялось в дезокамеру и теплое возвращалось назад.

Но что это, я как-то сидел задумавшись, а когда поднял глаза, смотрю – у сидящего передо мною брюки полосатые, как бывает бархатная материя полосатая. «Как странно», подумал я «как это я не заметил, что у него такие брюки?». Но тут я посмотрел в сторону и оказывается на других тоже у кого черная одежда, всё полосатое. Понял я, что это от долгого сидения в полумраке, ведь лампочка посреди потолка была слабая, может быть даже 15-ватная. А через несколько дней полосатость сменилась разноцветными мелкими как песок точками, по большей части красные, синие и зеленые. Что-то будет с моими глазами, мне стало страшно. Я глаза закрывал и мелькание пропадало, но сидеть с закрытыми глазами нельзя, сон начинал одолевать, а спать ведь нельзя.

За два месяца следователь должен был закончить следствие, тогда он за свой «благородный труд» получал премию, и следователь всё больше и больше стал на меня наседать. Раз за разом ночные вызовы, сидение в «гробу» и т. д. И вдруг он заявляет, что следствие закончено. «Читай все дело, подпиши и не вздумай что-нибудь отрицать, а то опять попадешь в мои руки. Ты ведь знаешь, вход к нам широк», и он развел руки, «а выход маленький», и он в кружок сложил большой и указательный пальцы, «через него ты всё равно не выберешься». Измучив физически, он хотел подавить и мою психику и к тому еще глаза становились хуже: я когда смотрел на какие-нибудь перпендикулярно скрещивающиеся линии, то в углу этих линий стали мерещиться паутины очень аккуратно сплетенные. А я ведь обещал мамочке беречь себя и так я хотел вернуться в наш домашний уют здоровым, что я совершенно растерялся. Стал я читать мое толстое дело, были там и допросы мамочки с идиотскими вопросами вроде: «Что вы знаете о противогосударственной деятельности вашего мужа?», и так ярко мне представилось, что бедная мамочка должна была переживать и слезы наворачивались мне на глаза. Но грубый окрик – «Что так долго читаешь?», заставил меня вернуться к действительности. Читал я, читал и все яснее чувствовал, что не могу я подписать той лжи, которая там была наворочена. Следователь это заметил, отнял у меня книгу и заставил сидеть часов до пяти и когда я попал в камеру и свалился на свою кровать, раздался стук в дверь и окрик «Подъем». Долго я в умывалке полоскал голову, чтобы как-нибудь освежиться. А вечером только раздалась команда «Отбой», и я моментально заснул тяжелым сном, как меня разбудили. На букву «Ш» в камере я был один, но я не слышал этого шипения и соседям пришлось меня растолкать. Четыре ночи подряд меня вызывали наверх, заставляли

сидеть, а когда следователю надоедало, он переводил меня в другую комнату и передавал под надзор другому чекисту. Потом появлялся опять, вел меня в свою комнату, садился за стол и что-то писал и как-будто не обращал на меня никакого внимания, но на самом деле строго следил. Четвертую ночь под утро он мне опять всунул мое дело в руки, а так как я от усталости не мог книгу удерживать, он посадил меня к столу, положил книгу на стол: «Ну, дочитывай и подпиши». Я читал, но уже не в состоянии был вникать в то, что там написано, и был буквально в невменяемом состоянии и всё же я хотел еще бороться и не подписать. Тут следователь применил последний психологический нажим, он вызвал конвойного и говорит: «Вот он подпишет, ты отведешь его вниз спать и утром ему не мешать, пусть спит». И конвойный стоит над моей душой и все твердит: «Пиши же, пиши и идем, а то я уйду и некому будет вести тебя вниз». Подход был правильный, наверно, не раз уже испытанный, и я был окончательно сломлен, мне стало всё все равно, я забыл всё и свершила одна только мысль: «Спать, спать, отдохнуть». Как в угаре я взял ручку, подписал, и еле передвигая ноги, пошел за конвойным. Свершилось. Я хоть и раньше уже понимал, что и мысли об оправдании, о выходе на свободу не может быть, но тут крышка захлопнулась и безысходность положения уже не отступала от меня. Мои друзья поняли, что со мной случилось, и хоть большинство из них были простые люди, крестьяне и рабочие, но они были настолько интеллигентны, что никто не стал меня расспрашивать, только сочувственно смотрели на меня и старались отвлечь посторонними разговорами.

Три дня полагалось отдыха, а потом в Центральную тюрьму. Некоторые из друзей там уже побывали и говорили, что там очень хорошо по сравнению с подвалом Чеки.

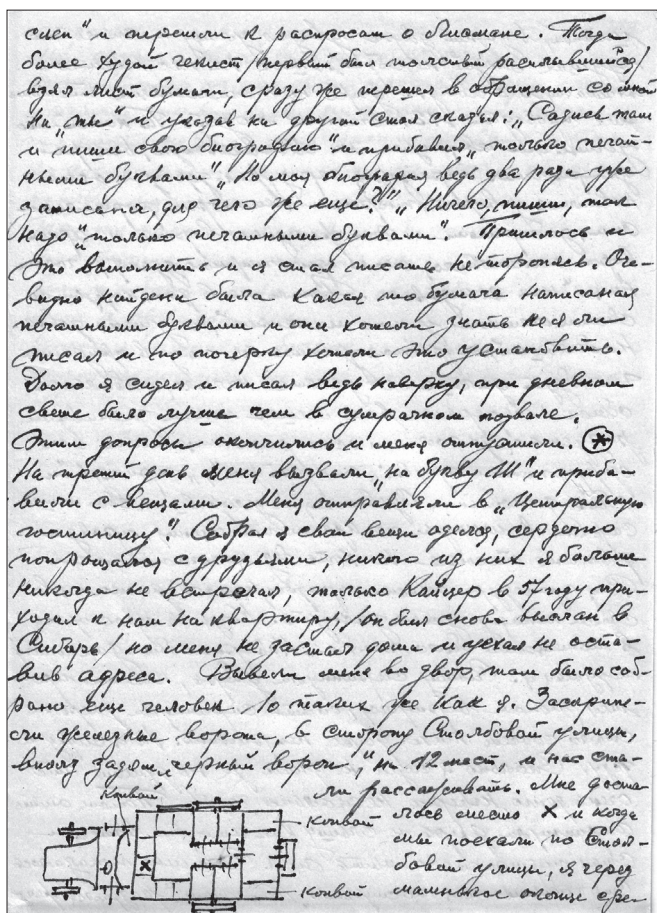
Спать мне, правда, больше не мешали, я немного отдохнул и окреп, но как-то ушел в себя. Меня сверлила и мучила мысль «что я сделал? Что теперь будет?», и трудно мне было смотреть на моих друзей. Дальше трех дней после окончания следствия держать в подвале не полагалось и эти три дня чекисты вздумали использовать, чтобы извлечь из меня новые имена, приготовить себе новые жертвы. Меня вызвал не Солдатов, а те чекисты, которые меня допрашивали два раза до моего ареста. Началось с того, что один из них объявил: «Вы за всё время следствия вели себя очень плохо, если бы вели себя лучше, всё могло быть иначе» (опять маневр давления на психику). «Надеюсь, что вы теперь будете вести себя лучше», – заключил он свое предисловие. «Кто из ваших знакомых живет на Пернавской ул. и кто на ул. Даугавпилс?». На Даугавпилс когда-то жил Гончаров (100), но он ведь давно переселился на взморье. Больше никого я не знал и я уверенно ответил, что никого не знаю. Пауза, и потом новый вопрос: «Какие у вас отношения с Симеоном Варфоломеевым?». Я был удивлен таким вопросом и ответил, что самые лучшие. «А что он говорит про политику и как отзывается о советском правительстве?». Что я мог ответить, я сказал, что у меня с ним такого разговора никогда не было и ничего я о его мыслях не знаю. Жутко мне стало, неужели и его возьмут? Вот к чему они клонят. Ответ мой явно не понравился и, усмехнувшись, чекист спросил: «Ну, и о чем вы беседовали за кружкой пива?». Такой вопрос меня сильно возмутил и я несколько раздраженно ответил: «Да никакого пива мы с ним не пили и вообще отношения у нас с ним самые лучшие, но вполне официальные».

Тогда о. Симеона оставили в покое и перешли к о. Филимону Ратниску (101). И тут я мог ответить только то же самое, что отношения наши самые лучшие, но только официальные. Этим допрос кончился и меня

отпустили. Я был возмущен, они хотят из меня сделать предателя, нет, я не сдамся. Я себя оклеветал под влиянием нечеловеческих мучений и в состоянии полной невменяемости, но других я не введу в беду, нет. И долго я не мог успокоиться.

На следующий день меня снова вызвали те же два чекиста. Я с глубокой ненавистью смотрел на них, но они, конечно, ничего не чувствовали, вернее – это им было совершенно безразлично. Стали меня расспрашивать про о. Иоанна Янсона, но тут же прибавили – «Ну, его мы не тронем, он стар и слеп», и перешли к вопросам о Лисмане. Тогда более худой чекист (первый был толстый, расплывшийся) взял лист бумаги, сразу перешел в обращении со мною на «ты» и, указав на другой стол, сказал: «Садись там и пиши свою биографию» и прибавил – «только печатными буквами». «Но моя биография ведь два раза уже записана, для чего же еще?». «Ничего, пиши, так надо, только печатными буквами». Пришлось и это выполнить и я стал писать не торопясь. Очевидно, найдена была какая-то бумага, написанная печатными буквами, и они хотели узнать, не я ли писал, и по почерку хотели это установить. Долго я сидел и писал, ведь наверху при дневном свете было лучше, чем в сумрачном подвале. Этим допросы окончились и меня отпустили.

Я знал, что скоро меня отправят и потому стал обдумывать отъезд и к нему готовиться. Мешок для вещей у меня был, но перевязать его было нечем, а с неперевязанным мешком мне не управиться. Веревки в подвале не полагалось, таковую у меня отняли в первый же день. Что делать? И надумал я оторвать у простыни кромки, сплести косичку и крепкая прочная веревка была готова. Теперь я был спокоен, мешок был перевязан, значит, я могу его вскинуть на плечо и нести без затруднения. Конечно, если мою самодельную веревку у меня не отнимут, но этого, к счастью, не случилось.

Фрагмент рукописи с описанием и планом расположения заключенных в «черном вороне»

На третий день меня вызвали «на бук-
 ву Ш» и прибавили «с вещами». Меня
 отправляли в «Центральную гостиницу».
 Собрал я свои вещи, оделся, сердечно по-
 прощался с друзьями. Никого из них я ни-
 когда больше не встречал, только Кайцер в
 1957 году приходил к нам на квартиру (он
 был снова выслан в Сибирь), но меня не
 застал дома и уехал, не оставив адреса.

Вывели меня во двор, там было собрано
 еще человек 10 таких же, как я. Заскрипе-
 ли железные ворота в сторону Столбовой
 улицы, выполз задом «черный ворон» на
 12 мест, и нас стали рассаживать. Мне до-
 стало место X (см. рисунок) и когда мы

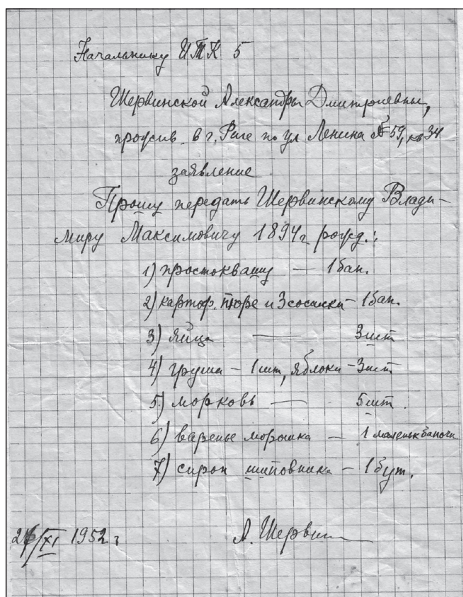
поехали по Столбовой улице, я через ма-
 ленькое оконце с решеткой, в задней двери
 увидел улицу и спокойно идущих людей, не
 обращающих на нас никакого внимания и,
 очевидно, даже не понимающих, что мимо
 них проводят 12 несчастных людей. По
 какой-то улице мы свернули на Матвеев-
 скую, вскоре затряслись, переезжая через
 железную дорогу, и остановились у ворот
 тюрьмы. Некоторые формальности, заскри-
 пели и эти железные ворота и черный ворон
 остановился около одноэтажного здания,
 «гостиница», как ее называли. Вошли мы
 в дом, каждый со своим мешком – у кого
 маленький, а у меня довольно большой, и

расположились на полу в ожидании что будет дальше. А дальше начался повальный обыск: перерыли весь мешок, потом заставили раздеться догола и осмотрели тщательно всю одежду, потом грубо: «открой рот», «присядь», и обыск закончен. Одевшихся и уложивших свои мешки сажали в шкафы по краям помещения, довольно тесные, но хоть без косога потолка. Вся процедура обыска продолжалась долго и я в своем шкафу успел заснуть. Когда я проснулся, в помещении было тихо. «Наверно обыск закончился», подумал я. Слышу, скрипнула дверь, кто-то прошел, потом вернулся, опять скрипнула дверь и стало совсем тихо, даже неприятно. Но я сижу и жду. Сколько я сидел – не знаю, но, думаю, что очень долго, наверно, несколько часов. Потом опять скрипнула дверь и слышу как кто-то вошел и стал подметать и мыть пол. Это мне показалось странным и я постучал. «Кто там?», раздался женский голос и явное удивление чувствовалось в этом голосе. Я постучал еще раз и женщина быстрыми шагами удалилась. Через несколько минут послышался стук мужских шагов, открылась дверь моего шкафа и уставились на меня удивленные солдатские глаза: «Ты что тут делаешь?». «Как что делаю, куда посадили, там и сижу». И дверь захлопнулась. Ясно было, что меня забыли. Мне, конечно, было все равно, спешить мне было некуда и я был совершенно равнодушен к случившемуся. Через некоторое время явились конвойные и меня повели мимо котельной в корпус №3 и впихнули на I этаже в небольшую камеру с двухэтажными деревянными нарами. В подвале ЧК я все время был с политическими, с друзьями, а тут я попал к подонкам общества, о них я в подвале успел послушать разных страшных рассказов и я почувствовал себя очень неуютно. Но, к счастью моему, было уже поздно, все уже спали, только некоторые взглянули на меня сонными глазами, но не обратили особого

внимания. Приткнулся я на свободное место, на нижнем этаже нар, положил мешок под голову и заснул мертвым сном.

Долго в этой камере быть не пришлось и уже утром меня вызвали с вещами, повели в главный корпус и выдали матрац. После подвала это тоже было большое достижение. Камера №33 на III этаже большая и довольно светлая. Подоконники, правда, высокие и видеть можно было только небо, но видеть небо после двух месяцев подвала – это ведь тоже большое счастье. Да, правы были те, которые говорили, что перевод в Центральную тюрьму сильно успокаивает нервы и там можно отдохнуть, можно даже днем лечь поспать. Нары в камере были двухэтажные, но металлические и это тоже было приятно. Было в камере человек 50, но помещение просторное, потолок высокий, вентиляция хорошая и воздух сносный, и после подвала даже хороший.

Стал я приглядываться к находившимся там и понемногу знакомиться. Все люди мне нравились, некоторые, конечно, больше, другие меньше. Но, как и в подвале, большинство – люди простые, но интеллигентные по природе. Особенно мне понравился один крестьянин, он в 40 году служил в пограничной страже и вместе со своим отрядом выполнял государственный долг и оказал сопротивление входившим войскам Красной армии. Командир их, видя, что сопротивление абсолютно бесполезно, перевес сил был слишком значительный, застрелился, а солдат теперь вылавливали и судили. Очень мило он пел народные песни, особенное впечатление произвела на меня «Meitene maiga...». Мелодия этой песни как-будто и сейчас еще звучит у меня в ушах. Когда я немного освоился с новой обстановкой, я заметил, что некоторые сидят и читают, это меня удивило, неужели разрешено читать. Оказалось, что разрешено и каждые несколько дней приносят кучу книг, из которых можно выбрать

Опись передачи в тюрьму. Обычный набор

Вдруг новый вызов в ЧК'у, что такое, в чем дело, неужели опять будут мучить? И всегда надо было с вещами, потому что неизвестно было когда и куда обратно, а вещей у меня набралось много и было тяжело, и каждый раз подробный обыск еще. «Черный ворон» отвез меня с другими еще, конечно, на Столбовую и поместили нас на первом этаже на *Debesbraukšanas iela* в камеру №42. Туда помещали тех, кого привозили на дополнительный допрос. Камера маленькая с одноэтажными нарами с одной стороны. Длина нар была рассчитана на 12 человек, а легло на них 15, а было нас всего 26, так что 11 человек разместилось на полу. Я на нары лезть не пробовал, уж очень трудно спать в такой тесноте, ни повернуться, ни встать ночью. 26 человек в такой маленькой комнате, можно себе представить, какой там был воздух. Окно открывать не разрешалось, но некоторые из бывших в камере были людьми уже опытными. Быстро один забрался на плечи другим, вынул оконную раму и спрятал ее за мешками. Ловко было это сделано, конвойные ничего не заметили,

а из окна так приятно потянул свежий воздух. Теснота и плохой воздух – все это опять-таки делалось нарочно, чтобы людей измотать, чтобы они не сопротивлялись при допросе. Нас было 26, но рассказывали, что там собиралось и больше 30, не могу себе представить, где они устраивались. Пальто я положил себе под голову прямо на пол и заснул тяжелым крепким сном. Утром, когда раздался окрик «подъем», я проснулся и почувствовал, что одно место левой щеки у меня болит и горит, как в огне. Тронул я щеку и оказывается, что усталость была так велика, что я лег щекой на пуговицу и не заметил этого. Глубоко пуговица впиалась мне в щеку, ведь я всю ночь пролежал на одном боку, я больное место стал растирать и боль понемногу утихла. Через несколько часов меня вызвали на букву «Ш» и подняли на лифте на шестой этаж. Оказывается, что Солдатов написал предполагавшийся мне приговор. Его предложение было «статья 58 п. 10а», т. е. контрреволюция. Суд с этой формулировкой не согласился и предложил переделать на «п. 3» – помощь оккупантам. «Честные чекисты» не могли сделать этого исправления и вызвали меня, чтобы мне это сообщить. Это было все и Солдатов объявил, что сегодня же меня отправят обратно в Центральную тюрьму. Объявили то мне, объявили, а какое мне до этого было дело, я и так знал, что мне будет дано 10 лет, а по какой статье-не все ли равно, какое-то в этом отношении отупение на меня напало: я могу делать все, что угодно, а решать будут другие и не спросят моего согласия.

Рад я был, что сегодня же меня отправят в тюрьму и не придется еще ночь провести в 42 камере. Но это был очередной обман, очередное издевательство и когда вызывали людей для отправки в тюрьму, меня не вызвали. Я заявил, что меня забыли вызвать, что следователь сказал, что сегодня отправят, но в списке меня не было и со мной, конечно, и не разговаривали. Сильно

удрученный я опять устроился на полу и вторая ночь была еще труднее, чем первая. На «подъем» я проснулся с болью в голове. С трудом я дождался отправки и этой поездки совершенно не помню. Помню только, что я сейчас же завалился на мою койку, не ужинал и проспал до утра. А когда мы вышли на прогулку, я опять почувствовал некоторую бодрость.

Раз в 10 дней полагалась баня, это было приятным разнообразием. Все мы собирались и водили нас в соседнее здание. В раздевалке оставлялось всё и оттуда специальная обслуга приносила одежду после прожарки в одевальную. Мы же переходили в мыльню, там с потолка свисали ряды душевых сеток и с потолка шел сплошной дождь. Мыться было хорошо и приятно. Рядом с одевалкой находилась парикмахерская и здесь брили бритвами, очевидно, было уже не так страшно, как в подвале. Освеженные мы возвращались в камеру и каждый старался заняться чем только мог. Из собеседников ко мне присоединился один еврей средних лет. Очень ему хотелось кому-нибудь рассказать свою историю, но слушать его никто не хотел. Я же, помня рассказ Чехова про извозчика, считал себя обязанным вооружиться терпением и слушать, и тем самым помочь человеку излить свою душу. Жаль, память у меня плохая, а в то время от сильных переживаний голова занята была не чужими заботами. Рассказ его был настолько интересным, что я с удовольствием бы его записал. Но писать нам не только не полагалось, а категорически запрещалось. Ни карандаша, ни клочка бумаги иметь нельзя было и при постоянных обысках мое писание все равно бы отобрали.

Он начал свой рассказ с первых дней войны, когда из Риги бежали все приезжие и бежали евреи. Он с женой и ребенком – мальчиком тоже отправились. Добравшись до Себежа, они должны были позаботиться о пропитании и в сутолоке потеряли

ребенка. В страшном волнении они бежали, всех расспрашивали, бежали в комендантуру, в милицию. Все уверяли, что видели мальчика, но найти его не было никакой возможности. Как потом выяснилось, мальчик набрел на отступавшую воинскую часть, его подхватили на машину и увезли вглубь страны. Родители, отчаявшись найти ребенка, тоже уехали и стали искать сына по всевозможным лагерям и приютам. Временами казалось, что вот-вот нашли, но в результате дети были всё другие. Кончилась война, они вернулись в Ригу, получили разрешение поехать в Себеж начать розыски с того места, где произошло несчастье, напали на какой-то след и поехали на какую-то станцию. Все расспросы там ни к чему не привели, а на обратный поезд опоздали. Пришлось ждать и тут случайно подслушали разговор какого-то человека, он был директором детского дома и приехал искать убежавшего мальчика. Сейчас же они к нему подсели, рассказали свое горе, описали приметы и пришли к убеждению, что убежавший мальчик именно их сын, но где же он? И опять поиски, туда-сюда и наконец... величайшая радость, мальчика нашли. Еще были какие-то трудности и, в конце концов, счастливая жизнь. Рассказывал мой собеседник всё с такими подробностями, что рассказ длился три дня. В начале рассказа мне не очень-то хотелось его слушать, но я сам увлекся рассказываемым и пожалел, когда всё кончилось.

Так мы коротали время. К разнообразиям относилась и здесь приписка, т. е. отпечатывание пальцев и рук, фотографироваться здесь не надо было. А другой раз вызвали к врачу на прививки: прививали оспу и что-то в спину, кажется, тиф. А раз вдруг всем приказали крепко завернуть всё съестное в шкафчиках и вынести в коридор. Всю нашу камеру опыляли дустом, так, на всякий случай, хотя насекомых никаких не было, в этом отношении была идеальная чистота.

Дни шли за днями и как-то меня вызвали и сказали, что со мной хочет говорить адвокат. Много она мне говорила, рассказала, как будет говорить в мою защиту и так это было убедительно, что в меня вкралась надежда: «А вдруг все это не так страшно, а вдруг меня оправдают», и я ушел от адвоката сильно ободренный.

И вот мне объявляют: «Завтра в 8 часов утра на суд». С вещами. На прощание я просил Rullisa спеть мне «Meitene maigā» (103), рукопожатие и в путь. Мешок мой у меня отобрали в гостинице «на хранение». Опять «черный ворон» и поехали, сначала в срочную тюрьму около ст. Браса, там взяли несколько человек, потом на Альбертовскую ул., там тоже еще взяли одного человека и в Верховный суд.

«Черный ворон» въехал в тупичок между зданием суда и Советом Министров со стороны ул. Дерптской. По одиночке нас выводили и в воротах выстраивали лицом к стене и руки за спину, а потом повели на третий этаж и разместили по разным комнатам. Сел я на скамейку и задумался, ничего не видя вокруг себя. Со мной в комнате оказалось еще три человека. Они очень волновались, всё шептались и, наконец, обратились ко мне с вопросом – за что меня судят. А когда узнали, что я политический, перестали обращать на меня какое-либо внимание. Они были спекулянты и их могли интересовать только спекулянты, а политический – это по их представлению и не человек совсем.

Скоро их увели и я стал ждать, что вот-вот позовут и меня. Надо было к этому подготовиться и я постучал, сказав, что мне надо в уборную. Я не понимал, а оказалось, что это вещь в здании суда очень и очень сложная. Очень долго меня не выпускали, но, наконец, замок щелкнул: «Выходи». Уборная оказалась тут же напротив, шагах в восьми. Но кто знает, может быть это с моей стороны только трюк и я собрался бежать.

От дверей комнаты, где я находился, до дверей уборной стояли две шеренги стражей, человек десять и я должен был шагать между ними. И пока я был в уборной они ждали. И также под такой серьезной охраной я вернулся в мою комнату и опять сел на скамейку. Комната была угловая и теперь только я заметил, что одно окно направлено на Верманский парк, а другое – прямо на угол Елизаветинской и Дерптской. Смотрел я в окно невидящими глазами, совершенно забыв о том, где нахожусь. И вдруг был разбужен стуком в дверь и окриком «Куда смотришь, в карцер захотел?». Я не сразу сообразил, что мне говорят, но когда понял, меня охватила страшная злоба и я раздраженно сказал: «Смотри там, в том доме в угловой комнате сидит человек и пишет, а на носу у него муха и он ее не стоняет, пойдди скажи ему, чтобы согнал!». С силой захлопнулась крышка глазка в двери и меня больше не беспокоили, да вскоре и пришел срок меня звать. Начался заключительный акт первого действия. Было 18 марта 1952 г. Вошел я в зал суда, сразу около двери направо была загородка со скамейкой и туда меня посадили. Направо и налево от меня стало по конвойному, я очевидно был очень опасный преступник. Перед загородкой за небольшим столиком села моя адвокатесса, а с левой стороны занял место прокурор Кузнецов. Вошел судья с двумя заседателями и секретаршей и комедия началась. Но я только смутно припоминаю все происходившее. Судья стал читать обвинение и, прочитав, спросил: «Вы его подписали?». «Да, я его подписал». Что же я мог сказать, выхода никакого не было, или подтвердить, или идти снова на следствие к Солдатову. А результат ведь все равно тот же.

Но как же судебное дело может быть без свидетелей и ради довершения комедии вызвали свидетелем о. Иоанна Янсона. Он в то время был уже настолько слеп, что его сопровождать должна была Ольга Андреевна.

Во время следствия Солдатов меня спросил: «Как ты попал в члены Экзаршего Совета, наверно, сам напросился?». Я на это ответил, что меня на это уговорил о. Иоанн. Потому о. Иоанна и вызвали подтвердить, что он предложил назначить меня членом Совета. Вопрос, конечно, смешной, но формальность и видимость «справедливого» суда надо было соблюсти. Ничтожную речь произнесла адвокатесса, в ее словах ничто не напоминало ее ободряющие слова при посещении меня. Убийственную речь произнес прокурор, очернив меня так, что я сам себя не узнавал. И, наконец, последнее слово было предоставлено мне. Я давно готовился к этому последнему слову и возлагал на него большие надежды. Десятки раз я повторял про себя выдуманную мною речь. Писать ведь нам не разрешалось и потому я всё твердо заучил наизусть. Встал я и удивился своему спокойствию, наверно потому, что я хорошо знал, что мне говорить, и спокойным голосом все изложил в мою защиту. И сказал я во много раз лучше моей адвокатессы. Судьи встали и удалились. Адвокатесса и прокурор тоже вышли. О. Иоанн с Ольгой Андреевной были отпущены и в зале суда я остался один с двумя моими стражами. Довольно долго суд не возвращался, всё это продолжалась разыгрываемая комедия, надо было дать видимость якобы долгого обсуждения. Но вот раздался звонок, вошли судьи, вернулись прокурор и адвокатесса. Прочитал судья приговор ст. 58 п. 3 – 10 лет + за хранение литературы противогосударственной ст. 58 п. 10 – 5 лет. Итого всего 10 лет. Медленно я вышел из-за загородки, идя вслед за моим стражем и не отдавая себе отчета, взглянула на главную дверь в зал. Дверь была приоткрыта и я ясно увидел мамочку и рядом с ней Танечку. Сердце рвалось к ним, но стражи зорко следили за мной и один из них, схватив меня за руку, втолкнул в боковую дверь.

Опять меня заперли в ту же комнату и долго пришлось ждать, пока наконец меня вызвали и проводили вниз к «черному ворону». Резкая команда «Садись», потом вдруг «Стой», стать лицом к стене (кого-то еще не хватало), потом опять «Садись» и мы поехали. Опять мимо срочной тюрьмы, где несколько человек высадили, а потом по Матвеевской улице к Центральной. В «гостинице» мне выдали мой мешок, опять обыск и направление на тот же третий этаж, но только в другую камеру, где собирались все уже осужденные. Не помню, сколько дней меня там продержали. Опять новые знакомства, опять новые разговоры и рассказы и, наконец, вызов на пересыльную. А куда дальше? Увижу ли я когда-нибудь еще моих милых? Я твердо решил делать всё возможное, чтобы выдержать данные мне 10 лет, а может быть срок и сократят? Лишь бы мои дорогие держались и не слишком унывали, а я вернусь обязательно.

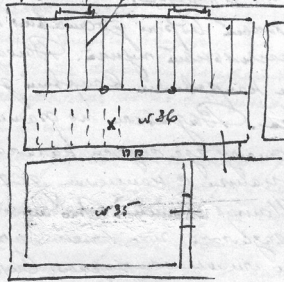
Первым делом надо было сдать полученный матрац и пройти опять обыск, на этот раз милостиво, без раздевания. У меня не было никакой посуды и я решил положить в мои вещи маленькую алюминиевую мисочку и алюминиевую кружку. Но обыск как всегда был тщательный и эти вещи были обнаружены: «Это что? Казенные вещи». В мисочку у меня было положено масло и я стал уверять, что получил ее вместе с маслом в передаче и кружечку тоже. Мы, получая передачи, имели право на сопроводительной не только расписаться, но и написать несколько слов и я сказал, что специально просил о присылке мне посуды. «Этого не может быть», был ответ и я понял, что писать то нам разрешали, но записки наши никому не передавались, что разрешение нам писать было только очередным обманом. Но признаться в этом надзиратели не решились и кружечка с мисочкой стали моей собственностью. Ночь надо было провести еще в Центральной и всех нас загнали

в большую, почему-то свободную камеру. Было очень неудобно, матрацев у нас больше не было, а на полу стояли большие лужи, наверно, канализация не была в порядке. Но помещение большое, воздух сравнительно неплохой и, конечно, было во много раз лучше, чем в ЧК в 42 камере.

На следующий день «черный ворон» доставил нас на ул. Виляну, на пересыльный пункт. Высадили нас на ул. Лаувас и направили в первый двор, а там началась проверка. Вызывали по фамилии, надо было подойти к столу, где сидели начальники, а на столе лежали папки с нашими делами. Раздавался окрик «Шапку снимите». Это меня сначала удивило, но потом оказалось, что хотели проверить, достаточно тщательно ли мы острижены. Спрашивали имя и отчество, год рождения и статью, по которой осужден. Довольно долго продолжалась эта процедура, после чего нас ввели в большое помещение на I этаже. Здесь в первый раз пришлось встретиться с преступниками разного рода, до сих пор нас 58 ст. держали отдельно. Много страшного от людей уже бывалых, пришлось послушаться про темных личностей и потому, видя их прогуливающимися среди нас и подозрительно поглядывающих на наши вещи, я чувствовал себя очень неудобно. Но нас было большинство и они нас тронуть не решились. Надо сказать, что в общей массе они были трусливы и нахально действовали только там, где их много, вполне подтверждая характеристику Вятских молодцев: «Вятские все залихватские, семеро одного не боятся». Скоро начался обыск, и нас, 58-ых поместили отдельно на верхнем этаже в камеру №36. Было нас опять больше, чем полагалось по числу мест. Двухэтажные нары рассчитаны были на 12+2 чел., а нас было 32. Я на нары опять не полез, потому что уж очень мне не нравилось лежать в такой тесноте, где ни повернуться, ни встать, и решил устроиться на полу, но

пол бетонный. Мы, оставшиеся без места, стали стучать в дверь и заявили, что на бетоне спать не можем. Такое заявление даже чекистам показалось убедительным и через некоторое время нам в камеру вдвинули несколько деревянных щитов. Спать на твердом я всегда умел и, положив под себя пальто, а под голову что-то из вещей я заснул крепким сном. В 6 часов утра – подъем, это стало уже делом привычным, умывание, завтрак и т. д. Я знал, что передачи ждать недолго, я чувствовал, как зорко мамочка следит за всеми моими передвижениями, чувствовал, как она думает и заботится обо мне. Передача была в первый же день, но что будет письмо, это я не предполагал. На пересылке было разрешено не только получать, но и писать письма и это я узнал только получив письмо. Дрожащими руками я из конверта вынул исписанный от края и до края листок, но прочитав первые только строчки я пришел в такое волнение, что читать дальше не мог, вскочил с места и зашагал по камере быстрыми шагами. И тут сказала душа хорошего, отзывчивого человека. Один из спавших со мною на щитах подошел ко мне, крепко обнял меня за плечи и сказал: «Успокойтесь, нельзя так волноваться, я вас очень хорошо понимаю и искренне вам сочувствую. Но что мы можем сделать, мы ведь все в одинаковом положении». Слова сочувствия вызвали на моих глазах слезы, но в то же время действительно меня успокоили, я перестал чувствовать себя одиноким, с этим человеком я больше не расставался, пока нас не разлучили. В далекий этап Ополайс Станислав (104) был угнан раньше меня. Успокоившись, я смог продолжить чтение письма. В конце была приписка, что в пересылке дают свидания и что мамочка будет об этом хлопотать. Свидеться, конечно, страстно хотелось, но как эти свидания происходят в тюрьмах мне рассказывали и это меня пугало. Комната для свиданий была перегороджена

процедура, после чего как ввели в основное помещение на 7 этаже. Здесь в третий раз пришлось встретиться с представителями разного рода, двести сто как в 80-е, держат ситуацию, много спрашивают от старой группы Лубянский, пришлось как-то выслушать про темных откосов и потому видя их про-мучившимися в разги как и погордившего по-мучивавшимся на какие вещи, и в вешевой сетке очень не устроило. Но как было обильнее и они как пробуют не решится. Ничего стараться это в общей массе они были турфолова и как алого дей-ствовать только там где много вольно вы-тваривая как раз не решится. Вотские мажорды в: "Решение вы дали как-то, семеро одно не бывши". Слово как-то, абисси и как в 80-е по-мешали откосово на верхнем этаже в камере №36. Было как антив больше чем полагалось по плану мест. Двухэтажные карты решены был на 1/2+1/2, а нас было 32. и ка карты были не пойдут, потому что устроили себе не пра-вилось мураш-б та-кой темные где все побудител и вшами и решил устроивать на место, но попл Бетонный. Мне ас-тывшия, без места

Стали строить в двери и завывали это как Бетонные стены

План тюремной камеры в Центральной тюрьме. Нарисован по памяти в 60-е годы

проволочной сеткой в два ряда так, чтобы между рядами, как между двумя сетками, получался коридор, по которому гулял вперед и назад надзиратель. Видеть друг друга сквозь две сетки кое-как можно было – и больше ничего. Нет, такого свидания, может быть, и не нужно. Передачи приходили чуть не каждый день и я едой был завален. Ответное письмо я сейчас же написал, я был так наивен, что верил в то, что мои дорогие смогут прочитать и мою весточку, но это опять был очередной обман, мои сердечные излияния дальше стен пересылочной не пошли, чекисты были настолько ленивы, что проверять письма им не хотелось, гораздо

проще было их сжечь. Режим здесь был тот же, еда такая же, такая же баня и парикмахер и. т. д. и. т. д.

Скучно нам было, болтали мы о том о сем, спрашивали друг друга: кто мы такие, чем занимались на свободе. Среди нас оказался один агроном, он мечтал о постройке своего домика и, узнав что я архитектор, стал уговаривать меня набросать ему проект домика. Недолго ему пришлось меня уговаривать, я охотно взял карандаш и бумагу (как странно было, что на пересылке это разрешено) и через часок эскиз был у меня готов, ведь рисовать домики я привык и то, что мне нравилось, мне было

известно твердо. Агроном был очень доволен, он сказал, что переправит рисунок жене и лишь только освободится, сейчас же начнет постройку.

Сколько дней я там на пересылке пробыл – не помню, во всяком случае недолго. С тревогой я всё время ждал, что вот-вот вызовут «с вещами» и отправят в дальний этап и я моих милых так и не увижу. Но когда этот момент пришел, сейчас же разнесся слух (и откуда это люди могли знать), что нас отправляют не в этап, а куда-то в другое место. Вывели нас из камеры в нижнее помещение и тут объявили, что нас (20 с лишним человек) отправляют в трудовой столярный лагерь и что начальство надеется, что мы себя там будем хорошо вести и будем ревностно трудиться. Я был так счастлив, что отсылают меня не туда, «где раки зимуют», что тут же за всех громко объявил, что будем работать хорошо. На дворе нас ждала открытая грузовая машина. Вдоль кабины листами был отделен небольшой коридорчик для охраны, а в кузов нам приказали забираться с вещами. И все мы должны были стоять. Было довольно тесно, а тут вдруг команда «Садись». Куда, ведь и стоять-то непросто, а тут еще «Садись», и мы в недоумении стали переглядываться. Снова еще более грозный окрик «Садись, быстро», и мы как-то стали вдавливаясь друг в друга и, плотно прижавшись, замерли. Теснота эта, конечно, создавалась умышленно, чтобы не было попыток выскочить из машины. Машина въехала на ул. Лаунас, свернула на Лудзас, потом ул. Даугавпилс через Гертрудинский переезд, по ул. Валмиерас, Матиса, опять через железную дорогу, и остановилась у ворот Центральной тюрьмы, но только со стороны Матвеевского кладбища. Трудно описать чувство, которое я испытывал во время переезда: вид улиц и прохожих был для меня чем-то новым, и вспоминалось мне детство, когда мы с дачи возвращались

в город, все как-то казалось новым, необычным. Прохожие косо поглядывали на нас и спешили поскорее пройти мимо. За всю дорогу никто из нас не проронил ни слова, у всех было какое-то особенное настроение. Раскрылись ворота и мы въехали в первый двор. И тут обыкновенные формальности: вызов по фамилиям, вопросы – имя, отчество, год рождения, статья. Потом бесконечное ожидание (это бывало всегда и везде) и, наконец, пропуск во второй двор и третий, где находился жилой корпус. На I этаже нам выдали матрацы и погнали наверх. Матрац оказался очень тяжелым, я его взвалил на плечо, схватил мой мешок, тоже тяжелый, и стал подниматься по лестнице. Все из нашей группы бежали вперед все выше и выше, а я со своей ношей не мог за ними поспеть. На II этаже размещались уголовные и многие из них вышли на лестничную площадку посмотреть на новеньких. Проплелся я мимо смеющихся и издевающихся надо мною. и на следующей промежуточной площадке остановился передохнуть, а нашей группы и след простыл. Добрался я, наконец, до III этажа, а тут были только 58-ые, о насмешках не могло быть и речи и мне сейчас же указали, куда прошли все мои. Вошел я в небольшую комнату с двухэтажными металлическими нарами. Там все суетились, как в муравейнике, устраивались кто как мог. Для меня на втором ярусе оказалось еще свободное место и я, не задумываясь, закинул туда свой матрац и стал оглядываться. Рядом со мной оказался грузный человек, почему-то очень недовольный моим соседством. Мы в то время еще не были знакомы, а потом подружились. Кое-как я устроился, но моего друга Ополайса почему-то нет. Я стал спрашивать и кто-то мне сказал, что двое из нашей группы поместились в соседней комнате. Я туда, вижу Ополайс копошится около занятого им места, стал с ним говорить, как вдруг за спиной меня кто-то

окликает: «Володя». Я так и вздрогнул от неожиданности, повернулся – смотрю с верхней полки соседних нар какой-то бородатый мужчина со мной заговаривает: «Что, не узнаешь?» А я и, действительно, не могу узнать: «Нет», говорю я, «я вас не знаю». «Розенберг», (105) был ответ. И тут знакомые глаза посмотрели на меня. Да, только по глазам я мог его узнать и поверить, что это действительно он. «Казька», воскликнул я и бросился его целовать. «А я знал, что ты придешь, мне Мельников говорил». Так у меня оказалось два близких человека – Казька старый друг и Ополайс новый друг.

На следующий же день нас по очереди стали вызывать к начальству для назначения на работы, каждому, как они говорили, на наиболее подходящую работу. Кого куда назначали: доктора Шалковица (106) на лесопилку, как врача его использовать не полагалось, ведь он по 58 статье; Зарин, как инвалид, попал в уборщики; Хомко, (107) как химик, в полировочную. А куда же нам послать архитектора, был вопрос, когда я предстал перед комиссией. «Ну, пошлем в заготовочную фанерную». «Хорошо», подтвердили другие и я стал столяром-заготовщиком. Один день нам дали еще отдых, «а заодно пройдет и медицинский осмотр» – сказал начальник лагеря. Медицинский осмотр был сплошным издевательством. Совершенно голыми мы должны были предстать перед «врачами», но нас не выслушивали, не осматривали, а только записывали общие сведения и это было всё.

Кроме того, раз мы были уже назначены на работу, значит нас надо разместить уже не во временном помещении, а на житье в большую палату. Я туда вбежал со своими вещами и поспешил занять две койки – для себя и Ополайса, мне хотелось быть с ним рядом. Ополайс, как я это чувствовал, был очень рад такому моему к нему отношению и наша дружба еще окрепла.

Писать я мог только два раза в месяц, но получать мог неограниченно и получал я письма часто. С каким нетерпением я ждал всегда письмоноши. Он входил в палату и выкликал имена, перебирая письма. Письмо в моих руках, я бежал к своей койке, дрожащими руками разрывал конверт и читал, читал, читал.

Прошел день и началась трудовая жизнь. Да, трудовая. Я работал с удовольствием и работа была не слишком трудная, но выполнять норму было нелегко. Начальником нашей группы был Трей, из бытовиков, он в каком-то учреждении проворовался. На фанерной работе он работал уже довольно давно и привык к ней. Две недели срока мне было дано, чтобы подучиться, и на это время никаких норм не было. Трей подбирал фанеру, отпиливал ее начерно целыми пачками. Пачки эти на строгальном станке надо было пристрогать, потом, разобрав пачки по узору, фанеру сложить и по швам, с лицевой стороны, наклеить бумажные полоски.

Готовый такой лист поступал в другой цех, где на приготовленные рамы наклеивали наши листы и под прессом сушили. Потом фанера очищалась от наших полос и шлифовалась циклем и наждачной бумагой и готовый предмет в полировочном цеху полировался. Стыки надо было подгонять очень аккуратно, чтобы после обработки не оказалось щелей. Были, конечно, и другие предметы, были и разные узоры.

Сначала Трей показал мне как строгать, и так как от аккуратности строгания зависело смыкание швов, он долго мне этой работы не доверял. Я должен был научиться наклеивать полоски. Казалось бы, что тут особенного, но отдельные куски фанеры не хотели спокойно лежать на столе и все время соскальзывали с места и не давали себя склеить. Для смачивания ленты кле-ем были особые машинки, правда, очень примитивные, но всё же машинки. Ленту надо было брать пальцами за конец, тянуть,

наклеивать на стык и обрывать. Пока я еще работать не умел, липкая лента приставала к рукам, не хотела приклеиваться там, где нужно, куски фанеры убегали из-под рук и никак нельзя было справиться. Двух недель для обучения оказалось мало и Трей выпросил для меня еще две недели. К концу этого срока я искусством овладел и овладел настолько, что клеить мог без перебоя. Постепенно я овладел и искусством строгать, но вставлять ножи Трей мне не доверял и не доверял и другим, работавшим со мною, а их было двое: Инкуш – худой, высокий средних лет человек и Петер (как фамилия забыл). Оба они долго уже работали и считались квалифицированными мастерами.

Ножи для строгального станка надо было точить часто и вынимал я их всегда сам, относил в механический цех, получал там другие, наточенные и просил Трея их вставить. Все шло нормально, но когда к чему-нибудь привыкаешь, перестаешь быть осторожным. Отвинчивая гайку, у меня ключ соскочил с гайки и я пальцами натолкнулся на нож. А нож, хоть и тупой для работы, для пальцев оказался очень острым и полилась кровь. Меня это мало взволновало, мало ли что случается, в ранах ничего опасного не было. Но Трей взволновался, он, очевидно, считался ответственным и он ведь мне не объяснил, что под руку надо класть дощечку, чтобы соскользнувшие пальцы попали бы на нее, а не на нож, и сейчас же послал меня в медицинский пункт. Только фельдшер меня увидел, как воскликнул: "Опять строгальный станок". Очевидно, ранения бывали часто. Но мои раны все же были пустяковые. К строганию я всегда относился очень осторожно, я прекрасно понимал, что машина не шутит и если попасть пальцем на быстро вращающийся вал с ножами, то будет уж не порез, а пальцы в миг станут короче (бывали там и такие случаи). Первые пару месяцев мне норму выполнять было трудно, но я все же ее

выполнял, было объявлено, что не выполняющим норму не будут даваться свидания и будет даваться только одно в месяц. Выполнявшие норму получали два свидания в месяц, а ударники еще больше. До ударника добраться я, однако, не мог. За работу нам платили как нормальным рабочим, но за питание и содержание так много вычитали, что на руки получалось только от 100 до 130 руб., а я так мечтал помочь моим милым и потому старался и работал упорно, чтобы хоть немного, я хорошо сознавал, что это не помощь, но все же старался направлять мамочке, и как только в конце месяца называлась сумма заработка, я сейчас же просил все перечислить. Моральное удовлетворение я от этого, конечно имел.

Чего-чего не передумаешь, когда работаешь, работа теперь стала настолько привычна, что можно было аккуратно работать и не думать о работе и потому всякие мысли приходили в голову.

Двигаясь вдоль стола, на котором лежит составляемая деталь и вытягиваю бумажную ленту из машинки, стоявшей на левом конце стола. Лента все время вьется в руках и следует за мной и вдруг сложилось такое впечатление, что я исполняю балетный номер. Если бы я мог написать музыку, я написал бы балет "Клейка фанерных деталей", в таком же роде, как когда-то был в моде матросский танец.

Настал праздник Пасхи, первый раз вне дома. "Puding", т. е. передача по лагерному, был очень солидным, были всякие продукты, всевозможные печения и кулек с разноцветными сахарными шариками. Мамочкины заботы обо мне меня всегда глубоко трогали, но вместе с тем меня не менее глубоко мучали, я ясно сознавал, что дорогие мне отрывают от себя необходимое им и отдают мне. Но что я мог делать, я писал, что я сыт, что мне ничего не нужно, чтобы не посылали так много, но... *Puding'* и продолжали поступать.

Сахарные шарики были очень кстати, всем своим друзьям я дал по символическому Пасхальному яичку. А тут уж новый "Пудинг" – мамочкины именины, опять всякие печенья и сладости. и ближайших своих друзей я пригласил на празднование этого дорогого для меня дня. Был Ополайс, был Хомко и Заринь. Они были тронуты моим приглашением, конечно, угощение на каждого не было обильным, но зато было очень уютно и мои гости просили написать мамочке, что они очень благодарны и восторгаются прекрасными печениями и искусством хозяйки. Сидели мы в общей комнате – столовой, вокруг комнаты с пола до потолка были полки с ящичками рядово в высоту. Каждый, получающий передачи, имел право на ящичек с ключом для хранения этой лагерной драгоценности, а посередине комнаты было три длинных стола. За одним из этих столов мы устроились, народа в комнате было много, но я никого не видел, кроме моих друзей, я не слышал окружавшего нас шума, я унесся далеко, в нашу уютную квартиру и представлял себе, как в дни наших семейных праздников собирались все родные и как хорошо мы проводили вечер. Но все было съедено, празднество кончилось и мы вернулись в нашу общую камеру, разошлись каждый к своей койке, а я, сидя на своем месте, продолжал думать и мечтать. А через несколько дней опять радость – я получил пудинг и букет цветов. Трудно описать мою радость этим цветам. Я раздобыл бутылку, бережно поставил мой букет на тумбочку и не мог им налюбоваться. Я об этом написал и мамочка не замедлила мне послать еще и еще цветы.

Два свидания в месяц я получал, столько заработать я мог, хотя и всё время приходилось думать о том, чтобы только не снизился темп работы. Наставал с таким нетерпением ожидаемый день, день встречи с моими дорогими. Я получал пудинг, на

сопроводительной писал "Проси встречи", а сам бежал на промежуточную площадку лестницы "А" и через окно напряженно смотрел на пропускную I. Через некоторое время в дверях показывались мамочка и Танечка и медленно проходили в комнату свиданий. Я сбегал вниз к пропускной II и с волнением ждал, когда появлялся страж и вызывал меня, осматривал, достаточно ли прилично я одет, побрит ли и если все оказывалось в порядке, пропускал меня. Нетерпеливым шагом я пересекал дорогу, на мгновение останавливался, чтобы перевести дыхание и входил. За столом сидели мамочка и Танечка. Крепко, безмолвно мы целовались и мгновенно улетало из головы все, что я хотел сказать. Долго, с глубочайшей любовью мы смотрели друг на друга, потом о чем-то говорили, но я не помню о чем. И назначенные для свидания 20 минут проходили как один миг. Я опять за столом с клейкой лентой в руках. Блаженная улыбка и глубокая тоска одновременно отражались на моем лице.

Всё прошло, и я с нетерпением начинал ожидать следующего свидания.

Тем временем я все ближе и ближе начинал сходить к Хомко. Наши флюиды сошлись, у нас постоянно находились темы для общих разговоров. Свободные часы мы проводили в нашем садике, я вообще старался быть как можно больше на воздухе. Мне нужно было движение, мне нужно было дышать, я хотел загореть, но бледность не пропадала, нас ведь в камере было около 50 человек, а на работе пыль от строгания сухой фанеры, но я ни на минуту не забывал, что я должен беречь здоровье, если хочу вернуться домой, а домой я рвался всей душой. Ближе других я сошелся еще с Лутумсом, с др. Шалковицем я жил рядом и впоследствии жил с ним вместе, но настоящего контакта у нас не получилось. Было в нашей камере много симпатичных людей, но сошелся я вот только с перечисленными:

Ополайсом, Хомко, Лутумсом и до некоторой степени с Зарином, а с другими приветливо перекидывался словами, но это и всё. К работе я привык окончательно, она мне давалась нетрудно и не утомляла, физически я тоже как будто бы окреп, но всё-же всё время должен был думать о том, чтобы только не сбиться с темпа и не лишиться свиданий.

Раз в две недели давался нам киносеанс. Я, конечно, этой возможности не пропустил, необходимо было как-нибудь рассеиваться. А к октябрьскому празднику стали готовить самодеятельность. Для самодеятельности нужны были декорации. Руководители самодеятельности знали кто я и предложили принять участие в устройстве декораций. Я, конечно, согласился, но когда моя кандидатура была представлена на утверждение начальства, поступил категорический отказ: «С 58-ой статьей такими делами заниматься не положено». По такой же причине и врач Шалковиц, несмотря на острый недостаток медицинского персонала, к работе по специальности не допускался, а возил на тачке опилки около лесопильной рамы. Некоторые цеха столярной фабрики работали в две смены и оказалось неудобным, что наш цех по заготовкам фанеры на ночь запирался. Бывало, что нужны какие-нибудь детали, а выдать их некому. Нас работало трое и вышло постановление, что мы по очереди, раз в три недели одну неделю должны работать ночью. На первый взгляд показалось, что это будет трудно, на самом же деле было не плохо, может быть, даже лучше: тишина,

никто не мешает, можно спокойно работать и предаваться своим думам. Окна нашего цеха выходили на восток. Еще с детского возраста вспоминается, как мы, бывало, летом ходили смотреть восход солнца. Ложились мы накануне такого утра пораньше спать, кто-то нас будил (не помню, как это происходило), только чуть светало, а мы с каким-то трепетом и замиранием сердца спешили на облюбованное нами открытое место, и не произнося ни слова, ожидали. Горизонт становился все светлее, вот нижние края облаков розовели, иногда появлялись лучи света и вдруг показывалась яркая точка – край восходящего солнца. Всё больше и больше, наконец показывалась уже половина большого диска, смотреть становилось все труднее и когда появлялся весь диск, мы, удовлетворенные виденным, возвращались домой и спать уже больше не хотелось.

А здесь, на работе я невольно стал присутствовать на таинственном явлении восхода солнца, и какие эти восходы разнообразны и по краскам, и по форме облаков, и по всевозможным еле уловимым деталям. Часто я в эти моменты стоял у окна очарованный, смотрел, смотрел и еще смотрел, пока ослепительный диск солнца не отгонял меня от окна и я опять брался за липкую ленту и тянул ее без конца. А ранним утром еще до восхода солнца начиналась песня соловьев. Никогда не думал, что их в Риге так много, наверно, Матвеевское кладбище им особенно понравилось. Голоса раздавались со всех сторон, перебивали друг друга и, наконец, сливались в общий мощный хор.

Примечания

1. Автор имеет ввиду курорт Огре в 40 км от Риги, где семья Шервинских в 1927 году построила дачу, где каждое лето проводила время. Недалеко от дачи Шервинских также по его проекту была построена и дача для семьи сестры В. М. Шервинского-Кривошапкиных. Семьи были очень дружны и часто проводили время вместе.
2. Таня – см. «Воспоминания архитектора В. М. Шервинского». Православие в Балтии. №2 (11), 5 ссылка (11–5), или «Воспоминания архитектора В. М. Шервинского». Православие в Латвии. №8, 3 (8–3).
3. Мама, мамочка, Санечка – см. «Воспоминания архитектора В. М. Шервинского». Православие в Балтии. №2 (11), 18 ссылка (11–18) или «Воспоминания архитектора В. М. Шервинского». Православие в Латвии. №8, 2 ссылка (8–2).
4. Кампе, Бабуль – крестьяне, жившие в окрестностях Огре. Шервинский знал некоторых из них еще со времен Первой мировой войны, когда проводил спарные работы по строительству дорог в окрестностях Огре.
5. *Tautas palīdzība* (Народная помощь) – общественная благотворительная организация во время Второй мировой войны.
6. Тетя Верочка – см. 11–31.
7. «Танин дневник» – ряд альбомных тетрадей, которые вел автор с момента рождения дочери Татьяны и в которых описывались памятные события семьи Шервинских. В отличие от публикуемых воспоминаний, написанных уже после возвращения автора из лагеря в 1960-годы, эти дневники писались и дополнялись различными материалами (фотографиями, вырезками из газет, программами концертов и т. д.) сразу же после описываемых событий.
8. Верочка, Леша – см. 11–31, 11–24, 11–21.
9. Лассман Иван Георгиевич – Jānis Lasmanis (20.06.1888.–?), брат В. М. Шервинского по студенческой корпорации *Fraternitas Arctica*, владелец крестьянского хутора в Кокнесе. Впоследствии проживал в США.
10. Икскюль – Ikšķile.
11. Усадьба N – эта запись современна описываемым событиям, поэтому автор намеренно не дает название усадьбы, дабы в случае не навлечь неприязности на ее жильцов.
12. Кокенгузен – Koknese.
13. Пура – ед. измерения зерновых, соответствует 48 кг.
14. Пуа – ед. измерения веса, соответствует 16 кг.
15. УТАГ – см. 11–1.
16. Климов – см. 11–41.
17. Тетя Наташа, дядя Коля – так автор называет Наталию Дмитриевну Дьяконову, урож. Кривошапкину, сестру жены В. М. Шервинского, и ее мужа Николая Дьяконова, проживавших в Витебской области и приехавших в Ригу во время войны в качестве беженцев.
18. Бабушка – см. 11–9.
19. Дядя Миша – см. 11–8.
20. Панкратовы – см. 11–21.
21. Царский сад – соврем. Viestura dārzs.
22. Бланкенбург – см. 11–35.
23. Крампы, «малые Крампы» – семья Михаила Крамписа, сына протоиерея Иоанна Крамписа и Лидии Крампис, ур. Кривошапкиной, сестры жены В. М. Шервинского. В это время семья проживала в Старой Риге в квартире семьи М. Д. Кривошапкина, сосланной в Сибирь 14 июня 1941 г.
24. Володичка – Владимир Михайлович Кривошапкин (1923–1942), сын М. Д. Кривошапкина, крестный В. М. Шервинского. 14 июня 1941 г. вместе с семьей был сослан в Сибирь, где умер.
25. Миша Крамп – см. 11–22.
26. Валя – Валлия Крампис, жена Михаила Ивановича Крамписа.
27. Тетя Маня – см. 11–26.
28. Дядя Петя – Петр Георгиевич Закке (Закис) (1856–1945), брат Евгении Георгиевны Кривошапкиной, урожд. Закис, тещи В. М. Шервинского.
29. Лукашев – столяр, знакомый В. М. Шервинского. Изготовил мебель для проектной конторы Шервинского и в последующие годы всегда очень качественно выполнял для В. М. отдельные столярные работы
30. *M-mme Vera* – соседка В. М. Шервинского с первого этажа. В ее квартире была небольшая мастерская по изготовлению корсетов.
31. О. Иоанн Крампис, протоиерей.
32. Дресвин Николай Николаевич.
33. Оля Мяннигсон – приемная дочь дяди Пети (см. 28).
34. Якимович – см. 10–4
35. Яковлев Николай Николаевич (1887–1958), финансист по образованию, знакомый В. М. Шервинского, жил недалеко от Шервинских на ул. Гертрудес.
36. Еременко Андрей Иванович (1892–1970), в 1944 г. – генерал армии, командующий 2-м Прибалтийским фронтом
37. Деглав Арнольд (1904–1969), в 1944–1950 гг. – председатель Рижского горисполкома
38. Анна Дмитриевна – сестра Николая Дьяконова, мужа Наталии Дьяконовой, урожд. Кривошапкиной, сестры жены В. М. Шервинского.
39. Чадарайнис – организатор и начальник Строительного треста в Риге.

40. Володя Дернаков – см. 11–6.
41. Спруде – Александр Спруде (1904–?), собрат В. М. Шервинского по студенческой корпорации *Fraternitas Arctica*.
42. Тетя Лида – Лидия Дмитриевна Крампис, урожд. Кривошапкина, жена протоиерея Иоанна Крамписа, сестра жены В. М. Шервинского.
43. Антонов Сергей (1884–1956), архитектор.
44. Боря – см. 11–19.
45. Надя Грасман – сестра одноклассницы Татьяны Шервинской, соседка Шервинских по лестничной площадке в доме по ул. Бривибас 35.
46. Вера Крампис (1907–1977), оперная певица (сопрано), педагог, дочь протоиерея Иоанна Крамписа.
47. Стаховскис Леон (1908–1982), архитектор, руководитель отдела Проектной конторы Рижского горисполкома, в котором работал В. М. Шервинский.
48. Александр Максимович Тейтельбаум, муж певицы Веры Крампис, дочери протоиерея Иоанна Крамписа. Во время Второй мировой войны Вера Крампис и Александр Тейтельбаум эвакуировались в СССР и вернулись в Ригу только в конце 1944 г.
49. Балин (Гутерман), директор кинотеатра *Splendid Palast*, крестник бабушки Евгении Георгиевны Кривошапкиной (Закис), (см. №11, стр. 122).
50. На квартире Шервинских перед иконами были установлены лампы с освещением электрическими лампочками постоянного тока.
51. Натуся – Наталия Михайловна Спризите (род. 21.01.1931 г.), урожд. Кривошапкина, дочь Михаила Дмитриевича Кривошапкина, брата жены В. М. Шервинского, инженера – технолога пищевой промышленности.
52. Упомянутая открытка была вклеена в альбом «Таниных дневников». После смерти Сталина появилась надежда на пересмотр и смягчение приговора В. М. Шервинскому. Семья подавала документы на пересмотр дела, одновременно опасаясь, что в связи с этим может быть проведен повторный обыск на квартире Шервинских. Супруга В. М. Шервинского Александра Дмитриевна вместе с сестрами просматривали все книги и записи, изымая и уничтожая все, что следователями могло бы быть истолковано как противогосударственное. Наряду с фотографиями и газетными вырезками о государственных праздниках довоенной Латвии, документами немецкого времени и т. п., видимо, «пропала» и эта, столь ценная для истории семьи открытка.
53. Геннадий Михайлович Коротков (1898–1982), советский военный деятель, генерал-лейтенант, в 1944 г. – командующий 22-й армией, участвовавшей в Рижской операции.
54. Янсон Иоанн (1878–1954), протоиерей, настоятель Рижского кафедрального собора.
55. Мельников Василий Андреевич (1886–1972), протоиерей, долголетний протоиерей Рижского кафедрального собора.
56. Виноградов Сергей Георгиевич (1889–1969), протоиерей, в 1945–1951 гг. ключарь Рижского кафедрального собора.
57. Трубецкой Михаил Никанорович, (1917–1974), протоиерей.
58. Константин Ершов, псаломщик.
59. Нина Крампис – см. 10–21.
60. Т. е. так наз. «малые Крампы» (см. 23).
61. Ирина Тилцена, урожд. Грасман (1922–2014), подруга и одноклассница Татьяны Шервинской, врач-стоматолог, с которой Татьяна Владимировна поддерживала дружеские отношения до самой смерти.
62. Долин – директор Рижского театра Русской Драмы.
63. Шгальберг – Эрнест Шгальберг (1883–1958), проф. архитектуры, руководитель мастерской «С» факультета Архитектуры, декан факультета Архитектуры Латвийского университета.
64. Автор вспоминает событие своей молодости в 1911 г.
65. Хлебнов – директор Рижского театра Русской Драмы.
66. Ансон – зам. директора Рижского театра Русской Драмы.
67. Россихин – инженер-конструктор.
68. Герхард Упманис (род. 13 июля 1926 г.), инженер холодильных установок, зять В. М. Шервинского. В то время, когда автор писал эти строки (начало 60-х), Г. Упманис учился на вечернем отделении Рижского политехнического института.
69. Павлов Павел Александрович, адвокат.
70. Алексей, Патриарх Московский и всея Руси.
71. Сергей, Патриарх Московский и всея Руси.
72. Корнилий, архиепископ Виленский и Литовский.
73. Сергей – см. 11–11.
74. Иоанн – см. 11–14.
75. Варфоломеев Симеон (1903–1971), протоиерей, настоятель Рижского кафедрального собора.
76. Голубкин Лаврентий Варфоломеевич, в 1952–1961 гг. – заместитель старосты Рижского кафедрального собора.
77. Берзинь Петр (1898–1958), протоиерей, с 1945 г. был секретарем Епархиального совета, благочинный Эргльского округа.
78. Костко Леонид Васильевич (1914–1961), священник.

79. Вениамин (Иван Афанасьевич Федченков, 1880–1961), в 1948–1951 гг. – митрополит Рижский и Латвийский.
80. Лобов Николай Николаевич, (...) начальник Проектной конторы Рижского горисполкома.
81. Фольц Август (1851–1926), рижский скульптор, автор многочисленных декоративных и скульптурных работ периода стиля „югенд“ (модерн).
82. Замараев Сергей Михайлович (1907–?), собрат В. М. Шервинского по русской студенческой корпорации „Fraternitas Arctica“.
83. Степанов Валентин Алексеевич (1886–1968), художник, сотрудничал с В. М. Шервинским в работах по ремонту и росписи храмов Латвии. См. 8–22.
84. Лапикен Николай Мартынович (1893–1973), протоиерей, репрессирован советской властью в 1949–1955 гг.
85. Лисман Александр Андреевич (1874–1953), митрофорный протоиерей, настоятель рижской Вознесенской церкви, секретарь Епархиального совета.
86. Филарет (Александр Михайлович Лебедев, 1887–1958), в 1951–1958 гг. – митрополит Рижский и Латвийский.
87. Абелс Иоанн Павлович (1916–2005), священник.
88. Бангерский Александр Карлович (1913–?), священник, настоятель ряда приходов в Видземе.
89. Стуритис Петр Петрович (1884–1956), митрофорный протоиерей.
90. Иоанн Георгиевич Энинь (1879–1952), митрофорный протоиерей, настоятель Лаздонской церкви, благочинный Мадонского округа.
91. Иоанн Иоаннович Дубакин (1888–1969), митрофорный протоиерей.
92. Палкавинекс Янис (1905–?), в 1946–1965 гг. директор театра Дайлес (Художественного).
93. Смильгис Эдуард (1886–1966), главный режиссер театра Дайлес.
94. Дядя Юра – Кречетников Юрий, друг семьи Шервинских, брат одноклассника В. М. по Александровской гимназии.
95. «Перезвоны» – литературно-художественный журнал, выходивший в Риге с 1925 по 1929 год под редакцией предпринимателя и просветителя Сергея Александровича Белоцветова.
96. Кайцер Гдалий Моисеевич (Мовшевич) (1927–1977), гимназист из Даугавпилса, выслан 14.06.1941 г. в Дзержинский район Красноярского края. В феврале 1947 г. был освобожден и вернулся в Латвию. Повторно арестован 14.12.1951 г. и вновь сослан в Сибирь.
97. Бардиньш Петерис Александрович (1918–?), дорожный мастер. 01.07.1945 г. ушел в партизаны («лесные братья»). Арестован 22.12.1951 г., сослан в Минеральлаг. Освобожден 05.10.1957 г., проживал в г. Инта республики Коми.
98. Гринберг – Теодорс Гринбергс (1870–1962), в 1932–1944 гг. – архиепископ Латвийской Ев.–лютеранской Церкви.
99. Фотолaborатория Буцлера. Мартиньш Буцлерс (1866–1944), латышский фотограф, основатель общества фотографов Латвии, издатель первого учебника фотографии на латышском языке.
100. Гончаров Александр Титович, купец, владелец доходного дома на Московской улице г. Риги, построенного по проекту В. М. Шервинского.
101. Ратник Филимон Кирилович, (1903–1963), протоиерей.
102. Пирогов Николай Иванович (1810–1861), русский хирург и анатом, основоположник российской военно-полевой хирургии, основатель русской школы анестезии.
103. Руллис Фрицис Янович (1911–?), в 1935–1939 гг. служил в 23 Абреском батальоне пограничной стражи. Арестован 21.04.1951 г., выслан в Печерлаг (респ. Коми), освобожден 18.10.1955 г. из Дубровка Мордовской АССР. Песня, о которой вспоминает В. М. Шервинский, скорее всего популярная во время войны песня *Zilais lakatiņš* (Синий платочек) (автор Эдуард Розенштраухс), в которой есть эти слова.
104. Ополайс Станислав Янович (1899–?), товарищ по несчастью В.М. Шервинского в заключении, впоследствии – близкий друг В.М. Арестован 19.11.1951 г., освобожден 06.09.1955 г. из Унжлага (респ. Коми). После освобождения проживал в г. Цесис.
105. Розенберг Казимир Петрович (Казька) (1891–?), инженер Латвийской железной дороги, собрат В. М. Шервинского по студенческой корпорации *Fraternitas Arctica*. Арестован 23.03.1951 г., арест отбывал в ЛТК-5 в Риге, освобожден 03.09.1955 г.
106. Др. Шалковиц Ян Янович (1896–?), фельдшер в Вайноде. Арестован 05.11.1950 г., освобожден 28.10.1954 г. из Устьвымага, респ. Коми. Был в лагере вместе с В. М. Шервинским.
107. Хомка Эдуард Станиславович (1915–?), инженер-химик. Арестован 22.06.1950 г., освобожден 10.01.1958 г. из Южжубзаслага Кемеровской области.

Публикация документов

Письма митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсонса) и протоиерея Иоанна Свемпа митрополиту Таллиннскому и всея Эстонии Александр (Паулусу), написанные в 1941 – 1943 гг.

Настоящая публикация является продолжением опубликованной нами ранее переписки митрополитов Эстонии и Латвии за 1941–1943 гг., хранящейся в фонде «Синод ЭАПЦ» в Эстонском Историческом архиве¹. В предыдущем номере «Православия в Балтии» были помещены письма митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра (12 писем, февраль 1942–июнь 1943) и одно письмо митрополита Рижского и всея Латвии Августина от 20.5.1942². Теперь вниманию читателей предлагаются 17 писем за декабрь 1941–конец мая 1943 гг. митрополита Августина и 2 письма – июль 1942 г. и февраль 1943 г., протоиерея Латвийской Церкви Иоанна Свемпа, адресованных митрополиту Александру (Паулусу).

Митрополит Рижский и всея Латвии Августин (в миру – Август Адамович Петерсонс, 17 февраля 1873 г., Леяспиле-ри, Кечской волости, Латвия – 4 октября 1955 г., Гаутинг, Германия) так же, как и митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус, 1872–1953),

окончил Рижскую Духовную семинарию. Хотя Августин вышел из стен семинарии на год позже Паулуса, тем не менее они не без основания считали друг друга товарищами по учебе и по судьбе. Из скромных священников провинциальных городов Пярну и Даугавпилса, без академической степени, они оба были возвышены в сан митрополитов национальных православных Церквей Эстонии и Латвии Константинопольского Патриархата. Их довольно тесная дружба началась с момента хиротонии митрополита Августина.

19 марта 1936 г. протоиерей Иоанн Свемп, друг митрополита Александра с семинарских времен, телеграфировал из Риги в Таллинн: «На 29 марта просим приехать на посвящение нашего Владыки Августина вместе с Печерским Николаем³».

20 марта 1936 г. из канцелярии Синода ЛПЦ на имя митрополита Александра пришло официальное приглашение на церемонию хиротонии:

«Его Преосвященству, Высокопреосвященнейшему Александру, митрополиту Таллиннскому и всея Эстонии.

Ваше Преосвященство!

После полутора годичного тяжелого периода вдовства и сиротства Нашей Латвийской Православной Церкви, наконец, милостию Божиею, отеческой попечительностью и предстательством Правительства Латвийской Республики и волеизъявлением всех чад Латвийской церкви, – мы у порога Светлого Чертога Христова, откуда 29 марта с. г. ожидаем явления носителя апостольской благодати – первого Митрополита Латвийской Православной Церкви.

29 марта с. г. в кафедральном соборе града Риги состоится хиротония новонареченного Митрополита Латвийской Православной Церкви и в 18 часов по полудни в тот же день торжественный чин интронизации новопосвященного Митрополита.

Извещая Вас, Ваше Высокопреосвященство, о предстоящем светлом и радостном торжестве нашей Церкви, всепочтительнейше просим Вас прибыть в Ригу для соучастия в сослужении в предстоящих торжествах хиротонии и интронизации Митрополита Латвийской Православной Церкви. О времени прибытия Вашего в Ригу благоволите уведомить нас заблаговременно. Испрашивая Ваших молитв и благословения прибываем

Синода Латвийской Православной Церкви член протоиерей Н. Македонский.

Секретарь: протоиер. К. Блодонс».

В ответ на телеграмму о. Иоанна и приглашение Синода ЛПЦ митрополит Александр написал: «Ввиду тесных и дружественных отношений между нашими Церквами и одинакового ныне положения их мы с Архиепископом Николаем с радостью прибудем на предстоящее торжество Латвийской Церкви. Предварительно только я

просил бы сообщить, нужно ли нам с собою взять облачения и, в случае надобности, какого цвета, или у Вас достаточно облачений архиерейских для всех участвующих в торжестве»⁴.

27 марта после обеда митрополит Александр выехал из Таллинна Балтийским экспрессом, в Валке Владыку митрополита встретил архиепископ Печерский Николай в сопровождении иеромонаха Агафона, и все трое поздно ночью прибыли в Ригу⁵.

До этого 21 марта 1936 г. протоиерей Август Петерсонс перед наречением был пострижен в рясофор, 29 марта 1936 года в Рижском кафедральном соборе Рождества Христова состоялась хиротония его во епископа Рижского и всея Латвии, и он сразу же был возведен в сан митрополита. Хиротонию возглавил митрополит Фиатирский Герман в сослужении митрополита Принципских островов Фомы, митрополита Иринопольского Константина, митрополита всея Эстонии Александра (Паулуса) и архиепископа Печерского Николая (Лейсмана).

Митрополит Августин управлял латвийской митрополией по 1940 год. В марте 1941 г. оба митрополита – Августин Рижский и Александр Таллиннский встретились в Москве и после покаяния были приняты в каноническое общение с Московским Патриархатом. Но в душе оба оставались верными своим прежним идеалам, поэтому немецкая оккупация воспринималась ими поначалу как освобождение от большевистского атеистического ига и избавлением от разрушения национальной Православной Церкви.

Осенью 1944 г. оба митрополита вместе с отступающими немецкими войсками были вынуждены бежать в Германию. За рубежом митрополит Августин организовал Латвийскую Православную Церковь в изгнании, председателем которой он считался до своей кончины 4 октября 1955 года.

10 августа 2011 года состоялось перезахоронение праха митрополита Августина на

кладбище в Косе (волость Скуйе), согласно завещанию Владыки, рядом с родителями.

Публикация имеет целью пополнить архив митрополита Августина⁶.

Как и в предыдущей публикации письма приводятся в современной орфографии: вместо «ъ» – е, окончание на -аго – -ого, – і – в сочетании с гласными в середине и конце слов транскрибируется как «и», окончания «ъ» не воспроизводятся.

ЕАА.1655.3.433 Augustin

1. Л. 6-6об. 24.12.1941 (дата на конверте из Риги). Письмо митрополита Августина

Ваше Высокопреосвященство.

От всей души приветствую Вас и с днем Рождества Христова Спасителя – Царя мира. К глубокому сожалению моему еще не перековали мечи на орала и кровь человеческая еще льется рекой. Но верю, твердо верую, что войны кончатся между людьми, но это, м[ожет] б[ыть], будет еще не скоро...

От души поздравляю тебя и с избавлением от чекистских застенков, от Соловок или чего-либо подобного. У нас один прот[оиерей] убит, одних вели на расстрел, но почему-то всех не расстреляли, трех иереев увезли до Острова, но героическая Велико-Германская армия освободила, трех увезли, увезли еще и трех дьяконов и т. д. За мной чека следила, но пока Бог помиловал.

Зато Господь мне послал «пакостника плоти», ангела сатанина в лице «нашего экзарха»⁷. Прав был в Москве владыка Дамаскин⁸, когда говорил, что мы его не признаем. Я, во всяком случае, с ним разошелся окончательно и бесповоротно – это форменный большевик, не считаясь ни с Божескими ни с человеческими законами, ни с канонами церкви – у него нет простой человеческой морали или, как говорят, чистоплотности нравственной. Он хотел,

Митрополитъ Александръ завтра выѣзжаетъ въ Ригу.

Глава православной церкви Эстоніи митрополитъ Александръ въ пятницу, 27 марта Балтійскимъ экспресомъ выѣзжаетъ въ Ригу. Въ Валга Владыку-митрополита встрѣтитъ архіепископъ Петерскій Николай, который въ сопровожденіи іеромонаха Агафона этимъ же поѣздомъ также выѣдетъ въ Ригу. Оба эстонскихъ іерарха вмѣстѣ съ тремя греческими митрополитами будутъ участвовать въ торжественной хиротоніи прот. А. Петерсона — новаго Главы Латвійской православной церкви.

Въ Ригѣ митрополитъ Александръ и архіепископъ Николай пробудутъ два-три дня.

Заметка в эстонской газете *Вести дня* о хиротонии Августина Петерсона

чтобы меня по дороге в Бигосово задержали, но не удалось. Приехал он в Ригу 9 апреля, разогнал Синод, благочинных и меня, учредил какое-то Епархиальное управление из самых подлых духовных лиц – Зайца⁹, запрещенного покойным Иоанном¹⁰, И. Янсона¹¹, Торопогрицкого¹², неких Бениксона¹³, внука жида и по душе жида,¹⁴ и Трубецкого¹⁵, достойного зятя своего достойного тестя И. Янсона, и чекиста Д. Ишевского¹⁶ (Азефа №2 – или убежавшего или расстрелянного – неизвестно). И это епархиальное управление во главе со своим самодержцем Сергием II¹⁷ (первый мерзавец в Москве¹⁸) стали разлагать православие в Латвии. Я смотрел, смотрел и 25 апреля уехал в трехмесячный отпуск, надеясь, что скоро большевистское владычество кончится, согласно предсказаниям архиепископа Алексия¹⁹, что в июне месяце будет война. Война началась, вся московская и местная сволочь удрала, но Сергей остался, так ему здесь понравилось. Его латыши арестовали, но Янсон и Бениксон пошли к немцам и его освободили и держат до сих пор. Представь, в августе месяце позвали меня в какое-то учреждение и предложили поехать в освобожденную

часть России – во Псков – экзархом и восстанавливать там веру. Я, конечно, отказалась и указал, пусть пошлют Сергия, но его не посылают, почему – не знаю. Думаю, Сергию чересчур хорошо живется в Латвии, и ехать отсюда ему совершенно не хочется. Он обложил Рижские храмы порядочными налогами, наверно, обложит и Литовские храмы, обложит, наверно, и Эстонские, по крайней мере он, оказывается, назначил себя настоятелем Петсерского монастыря. М. б. Ты слышал про некоего Фреймана, который принял православие и хотел принять монашество в Петсерском монастыре. Янсон его вызвал из Либавы, где он служил бухгалтером в каком-то банке, он поступил в секретари к Сергию и келейником, а три дня тому назад уехал обратно в Либаву, потому что Сергей оказался мерзавцем и обманул его. Я тоже с Сергием разошелся окончательно, он запретил меня поминать в церквях за богослужениями. Теперь ожидает Твоего приезда в Ригу, чтобы Тебя назначить митрополитом в Вильну, уверен, что Ты от этого предложения откажешься, но на твоём месте я бы в Ригу к нему не поехал, а попытался бы его совершенно изгнать из Эстонии. Из Латвии, кажется, нам его не удастся изгнать. У меня еще очень много есть, чего написать, но то в другой раз.

С искренней любовью М. Августин.

Приписка сверху: 23.1.1942. Мой адрес *Laudana iela №8, 24* (зачеркнуто). Меня выселяют из квартиры.

2. Л. 8. Письмо митрополита Августина от 23.2.1942.

Ваше Высокопреосвященство.
Дорогой собрат.

Получил Твое письмо, датированное 23.1 – сердечное спасибо. Ты пишешь, чтобы я Тебе поскорее отвечал, что тогда и Ты напишешь мне. Я не торопился с ответом

по очень важной причине: я надеялся, что Господь и Ты, кто имеют власть, право и долг, избавят меня, Латвийскую православную церковь от этого «пакостника», тем более что это обещано еще в октябре месяце прошлого года. Но видно Господу Богу угодно, чтобы я и Латвийское православие подверглись такому же испытанию, как Российское. Делать нечего. А, я, главным образом мои помощники, члены Синода др. Старц²⁰ и адвокат Заринь²¹, делаем все от нас зависящее, а все ничего. Я написал три сочинения: одно гл[авным] образ[ом] о Московском м[итрополите] Сергии²², другие два о здешнем Сергии.²³ Власть имущие взяли их у меня и хотя, мне кажется, там доказана яснее ясного антиканоничность, напр., незаконность того и другого на основании выдержек из Собрания еп. Никодима,²⁴ цитат из брош. М. Елефферия «Соборность церкви»²⁵, Кн. М. Горчакова «Итоги политики мм. Сергия и Евлогия»²⁶; Сенько-Поповского «Нападки на гамбургскую церковь»²⁷, но «воз и ныне там». Ранее я очень волновался и скорбел, ночами не спал, но теперь несколько успокоился: что делать, «мы рабы исключены» «сем», а «возвращает Бог». Но этот «пакостник» основательно разрушает православие в латышских приходах. Он даже говорил, когда ему на это указали: «Пусть идут к пасторам». И это «православный архиерей»! Я по приходе большевиков никаких дел с полицией не имел. Большевики первые меня позвали и теперь несколько раз полиция приходила ко мне и меня звали к себе. Положение до сих пор, как при большевиках, так и теперь, дело для меня всегда кончалось благополучно, но этот «пакостник» и его клеветы – прот. И. Янсон, Н. Лауцис и проч., наговаривают на меня всякую ложь: то будто я болен, будто глуп, будто националист-шовинист, будто меня народ не любит, будто я убил пок[ойного] Владыку Иоанна и смогу убить и Сергия, будто я распространяю

молву в народе, что немцы увезут Сергия в Вильну расстрелять. Последнее, что я слышал недели две тому назад от одного высокопоставленного чиновника-немца, что я архиерейство за деньги получил. Я не имел себе новой рясы купить к посвящению, и вдруг я за деньги архиерейство получил. Право, я о «человеке» лучше думал. Я не мог себе представить, чтобы архиерей мог быть таким «пакостником», и «человек» таким «негодяем».

Мне до прихода большевиков жилось чрезвычайно хорошо. В Даугавпилсе меня любили ученики и народ, и в Риге я видел любовь народную и работа удавалась – были хорошие помощники. И я, правду скажу, много о себе думал, возгордился. Теперь меня «Господь взыскал». Слава Богу за все! Конечно, до слез жалко, что не удалось довести начатое до конца: не успел издать всех книг, не успели студенты Университета кончить курса, и между ними оказались Бениксен и Трубецкой – не могу назвать их настоящими названиями. Но «история повторится» и показывает, как непрочно благополучие людское – валяются короны, сколько погибло дорогих жизней человеческих, труда и пота, появились Вей-хай-вен, Кусипены и т. д. И если капля моего труда и пота погибла, если крошка моего благополучия пропала и если часть крови моего сердца пропала даром, то это капля в житейском море. Ведь знаешь, этот «пакостник» не только запретил помянуть меня, но запретил мне помянуть своих присных на проскомидии²⁸. Я, конечно, его не послушал, тогда вступился архим[андрит] Сергий²⁹, что разрешает мне, [но экзарх] велел убрать спатрахиль, велел закрыть в маленький алтарь боковые двери, но я брал свою спатрахиль из дому, входил в алтарь северными дверьми, он велел убрать просфоры за здравие и за упокой, я вынимал из просфоры всех святых... Но, очевидно, получил нагоняй, теперь опять все по-старому и

Встреча митрополита Августина в Спасо-Преображенской Пустыне. 1938 г.

двери открыты, и просфоры на месте. Видишь, разве не «пакостник»? Оказывается у нас власти знают ваших Верхоустинского³⁰ и Пяхкеля³¹...

Поклон о. Густавсону³². Сердечный привет Тебе и всем знакомым.

Твой Августин.

Приписка сбоку: Не забудь помянуть меня в своих молитвах. Я Тебя всегда поминаю. М. Августин.

- Л.1–4 об. 26.05.1942 (датируется по содержанию письма, получено 26.5.1942). Письмо Митрополита Августина (автограф). Опубликовано в: «Православие в Балтии», 2.2014, 151–155.

Ваше Высокопреосвященство.

Получил Твою открытку только вчера 19V – сердечное спасибо и по обычаю сейчас же отвечаю.

Я теперь живу не в Риге, а уехал в деревню. Только не знаю, не уверен, получишь ли Ты мое письмо... Теперь я хочу хоть отчасти описать, как мне жилось и что я пережил [в] это время после нашей встречи в Москве (нашего «выправления и очищения»)³³.

Как помнишь, мне надо было спешно выехать одному без протодиакона. Он сидел в патриархии и ожидал, когда его позвонят, но все три телефона патриархии были

выключены. Это было сделано с дьявольским расчетом, чтобы я поехал в Ригу один, и чтобы потом и петух не пел бы, когда меня арестуют. В таком расчете Сергей велел меня не прописать в Москве в гостинице. Поэтому меня в Бигосово чуть не задержали. Я уже вполне приготовился к аресту, но Бог спас. На другой день протоиереев чекисты сказали в Бигосово: «Что же Вы бросили своего Митрополита. Мы хотели его задержать, его пропуск не был прописан в Москве. Пожалели старика!».

Сергий приехал в Ригу 9 IV и сейчас же принялся за разрушение церковной жизни. Меня совершенно отстранил от дел, закрыл Синод, уволил благочинных (Перехвальского и Липпана) и в какое-то им организованное Епархиальное Управление назначил Зайца³⁴, Янсона³⁵, Бенигсена (из жидов), Трубецкого (зятя Янсона)³⁶, Торопогрицкого³⁷, который, стуча по Синодскому столу кулаком (аки некий Аввакум), требовал еще в октябре 1940 г. присоединения к Москве, и секретаря Д. Ишевского – форменного чекиста, конечно, во главе с самим Сергием. Что можно ожидать от такого управления? Сергей сам сейчас же стал самодержествовать: за мною шпионит, без стеснения угрожает, чуть кто ко мне проявляет расположение, – терроризировать. Он в совершенстве усвоил на практике применять большевистские приемы управления. Я его скоро раскусил и 25 апреля пришлось уехать в отпуск в деревню, хотели оставить меня там жить навсегда. Но когда большевиков прогнали из Риги, Ишевский, конечно, уехал в Москву, а Сергей решил, вероятно, по указанию НКВД, остаться в Риге. Полиция (местная) его арестовала (теперь жалеют, что его не расстреляли), а Янсон и Бенигсен поручились за него и высшие власти его освободили и взяли под свое покровительство, и он теперь стал их доверенным лицом. Я вернулся в Ригу 18/VII и потребовал от него, чтобы он вернул мне мою кафедру. Он

соглашался отдать мне те приходы, которые сами того пожелают. Я от такой комбинации отказался, так как это антиканонично и послужило бы только к разрушению веры и вражды, потому что многие приходы смешанные³⁸. Кроме того, я основательно знал, что из себя представляет оба Сергия. Через несколько дней меня позвали в полицию (*Sicherheitspolizei*) и предложили ехать в Псков «Экзархом»³⁹. Это, конечно, по совету Сергия. Я от такой чести отказался и указал им, пусть пошлют Сергия, так как он антиканонически сидит в Риге. Мне велели все это написать. Через несколько дней я написал краткий доклад и пошел туда вместе с профес. П. Старцсом, который говорит по-немецки. Профес. Старцс вместе с адвокатом Зариным (они оба члены Синода) составили большую докладную записку на 56 страницах и послали. Затем несколько раз приходила ко мне полиция, и меня в полицию вызывали, и я написал основательные, основанные на канонах, доклады, а Старцс и Заринь ходили в разные учреждения и выясняли незаконность пребывания Сергия в Риге. И в октябре месяце мне поступили сведения, что решено Сергия отправить в Вильну, а управление латвийской православной церковью передать мне и Синоду. Но так как тут замешана Вильна-Литва, другое генерал-губернаторство, то это решение должно получить санкцию *Reichskom(m)is(s)ar'a*. Здесь дело получило совсем другой оборот: меня отстранили от управления церковью, которое передали епископу Александру⁴⁰ (боюсь его охарактеризовать) и Экзархату (епархиальному управлению неизвестного экзархата и не более известной епархии), состоящему из Янсона, Трубецкого и т. д. во главе с Александром. Несомненно, фактически все делает сам Сергей, а это только ширма. Он и они основательно уже разрушили латвийскую прав. Церковь. Даже при Соборе закрыт латышский приход и многие приходы

оставили без священников по деревням. Видишь, Сергей, конечно, с разрешения приехал в Ригу и вместе с Александром антиканонично посвятили какого-то Даниила в епископа Ковенского⁴¹. Говорят, звали на помощь и Павла Нарвского⁴², но тот почему-то не приехал. Говорят, Сергей скоро опять приедет в Ригу, а м. б., останется и совсем здесь жить. Недавно в Даугавпилсской русской газете было напечатано (Янсона информация), что в г. Вильно для всего нашего края (б. б. Литвы, Латвии и Эстонии) открывается духовная семинария и сведения о поступлении туда можно получить в Риге в патриаршем управлении (подч. в оригинале – Т. Ш.).

У нас все говорят, со слов самого Сергия Воскресенского, что немцы его поставят патриархом в Москве. Конечно, дай Бог скорее занять Москву, но немцы немного переоценивают свои права: как меня экзархатом назначить во Псков они не могли, не имея канонических прав, точно так же они Сергия патриархом в Москву назначить не смогут. Московского патриарха будут выбирать «Князи Церкви», которые Сергия Воскресенского ни в коем случае не выберут. Будет то же самое с этим Сергием, что случилось 28 марта 1940 г. с Сергием Старгородским⁴³, которого некоторые епископы хотели провозгласить тогда патриархом Московским и было довольно моего замечания: «Правомочны ли мы окраинные епископа выбирать патриарха для Советского Союза?» И вопрос этот больше не поднимался и Сергей Старгородский остался митрополитом⁴⁴. Только, м. б., за это замечание мне теперь приходится расплачиваться. Помнишь – Московскому Сергию все время пели за шампанским «патриаршее многолетие», тем дело и ограничилось.

Я надеялся, что с приездом в Ригу *Reichsminister'a* Розенберга⁴⁵ дело может принять другой оборот, но он, когда был в Риге, в речи своей указал, что он, конечно, относится

Митрополит Сергей (Воскресенский). 1943 г.

благоприятно к религии и устройство церковных дел поручил *Reichskom(m)is(s)ar'u* Лозе⁴⁶, а как этот вопрос разрешил – это мы уже помним. Ведь это он меня уволил без объяснения причин только потому, что ему наговорил Янсон, Лауцис и Гримм⁴⁷. И я, несмотря на самое внимательное и беспристрастное обсуждение своей жизни и работы, не нахожу никаких оснований для такого поступка со мною. Единственное, что я могу придумать, это то, что я латыш. И он предпочел посланца НКВД Сергия Воскресенского мне. Правда, он ловкий, хитрый, лукавый, но ведь он в последнее время был фактически правителем в Москве. Несомненно он приехал в Ригу, как посланец Чеки, не создавать здесь веру, а разрушать, что он и делает. Секретарю Синода Котвякю (?) в Префектуре в большевистское время сказал полковник: «Скоро приедет в Ригу Сергей Воскресенский. Он наш испытанный человек». А одному арестованному батюшке судебный следователь сказал: «Экзарх наш доверенный человек. Вы его слушайте. Правительство ему вполне доверяет». В первый же день по приезде в Ригу он поехал на автомобиле на взморье – смотреть море и заплатил за это сто латов. Потом он хотел купить собственный автомобиль и дачу, а пока правительство

дало в его распоряжение прекрасный семиместный лимузин. А денег у него видели червонцами, и крупными червонцами, целую гору. И как он свободно разъезжал то в Ригу, то в Москву, Вильну, Таллинн, а мне не разрешили поездку в Москву, но потом уже по просьбе Сергия и мы с Тобой прокатились в Москву. И теперь Сергий также свободно разъезжает и денег у него довольно, а мне не выдает с октября месяца прошлого года на содержание ни фенинга⁴⁸. И если бы не дети, то мне пришлось бы туго. Я, как бывший учитель, получаю теперь 25 марок пенсии. Христиане мне собрали 137 марок, а Департамент Конфессий (лютеране) постановили выдать мне пособие в 100 марок в месяц на три месяца, но я еще не получил, боюсь, что не получу, т. е. не то, что боюсь их не получить: я в пище, слава Богу, не нуждаюсь, – дети помогают, но этот факт показывает только, чего я могу ожидать от будущего устройства Латвийской прав. Церкви.

Я как-то сказал еп. Александру в августе месяце прошлого года: «Если я буду жив и здоров – Сергий из Риги уедет», что теперь и совершилось, а теперь я ему сказал: «Если я буду жив и здоров, я опять буду правящим епископом Латвийской прав. Церкви». На это я несказанно надеюсь, если только меня не постигнет судьба Рижских епископов Иринарха, Филарета, Иоанна. Когда это будет, не берусь предрешать, но когда будут говорить каноны, в не пушки (kanones), это будет. Но за этот год я порядочно расстроил свое здоровье – бессонные ночи, голодовки... Представь себе: ко мне приходят двое немецких полициста⁴⁹ и говорят: «На каких основаниях Вы созываете заседание Синода?». Я им подаю наш Устав, который пока никто не отменял. Дело этим ограничилось. Потом спрашивают: «Как Вы могли говорить, что немцы увезут Сергия в Вильно расстрелять?». Я от этого вопроса в тупик стал. Я вообще против убийства...

Оказывается, Сергий и компания всякую небывлицу на меня наговорили: что я убил Владыку Иоанна, что хочу и Сергия убить, так что когда он служит, у Собора стоит полицейский, что я и болен, и стар, и глуп-туп, и националист-латыш – ненавижу немцев... И полиция мне предлагала всякие каверзные вопросы и подсылала ко мне полицейских латышей с провакационной целью. Пишу теперь Тебе «не обинуясь ничтоже». До сих пор я молчал, думая, что «удобнее молчание есть», но теперь с передачей устройства церквами Лоозе, думаю, что мое дело, пока он будет править, и потому не считаю нужным молчание. Знаю, что за это может грозить сума и тюрьма и «сладкий кофик», но с передачей управления моей Латвийской правосл. Церкви этой ослиной голове Александру с компанией мерзавцев Янсона, Лауциса, и Трубецкого для меня «смерть приобретение», и сума и тюрьма, и высылка «*nach Vaterland*» только приблизит момент моей встречи с моим Архиепископом, которому я скажу: «Се аз, Господи, но детей моих у меня насильно антиканонично отобрали»...

Еще раз сердечно Тебе спасибо за Твое братское ко мне сочувствие, конечно, и Ты сам в том же положении, но у Тебя не оказалось Иудушки Зайца, Янсона, Лауциса, Трубецкого, не оказалось и «Петров» отречающихся, не вели Человека сего, поэтому Твое положение иное.

Я теперь живу в деревне – служил и буду служить, пока силою меня из церкви не выведут, но в Риге Сергий велел передо мною запереть алтарную дверь, убрал епитрахиль, просфоры за здравие и за упокой, чтобы я не вынимал частиц, а Александр не разрешал мне служения, не разрешил мне в Риге причащаться, а архимандриту Сергию запретили, под угрозой запрещения, принять меня на исповедь. Дальше идти некуда. «Сатана тут правит бал»... Прошу Твоих священных молитв.

Твой митрополит Августин.

Приписка: Пиши мне по Рижскому адресу – мне перешлют. Мой здешний адрес: Kļavkalna dzirnavās. С. Kosu./Волнуюсь – извини.

4 Л. 10–10об. Письмо митрополита Августина от 19.03.1942.

Дорогой Владыко!

Получил Твое письмо – очень благодарен Тебе за него, только жаль, что Ты раз не прислал и воззвания Московского Сергия. Я Тебе о себе в этом письме ничего подробнее писать не буду, только сообщу, что я переехал на новую квартиру – *Adolfa Hitlera ielā* №12, dz. 4 – это бывшая Александровская ул. – недалеко от собора.

Кланяюсь о. Густавсону и прошу Тебя сделать распоряжение перевести воззвание м. Сергия на немецкий язык, нотариально заверь перевод и пришли мне этот перевод и копию на русском языке. Ты понимаешь, они мне очень нужны. В следующем письме я Тебе объясню подробно. Теперь сижу на новой квартире, которая еще полна вещей кое-как набросанных. Сергей уезжает – его уехали – в Вильну.

С искренней братскою во Христе любовью М. Августин.

PS. Не забудь написать персонально про других духовных министерств – мы очень интересуемся их судьбою.

М. А.

5. Л. 11–11 об. Письмо митрополита Августина от 27.03.1942.

Вае Высокопреосвященство, возлюбленный во Христе брат.

Я тебе поряочно давно писал и просил выслать знаменитое м. Сергия Старгородского воззвание от 22 июня 1941 г., заверенное нотариально, но до сих пор не получая просимого, начинаю сомневаться, получил

ли ты мое письмо? Сим тебя оч. прошу – пришли копию этого воззвания, можно и на русском языке, только нотариально заверенную. О своем житье-бытье напишу потом подробнее.

Оч. прошу новых святых молитв – меня здесь по распоряжению Сергия Воскресенского многие церкви не поминают, поминают только часть латышских священников.

Всего хорошего

Митрополит Августин

Мой адрес: *Adolfa Hitlera ielā* 12–4.

6. Л. 13-13 об. Письмо митрополита Августина от 7.04.1942 – 10.04.1942.

Ваше Высокопреосвященство!

Во истину воскрес Христос!

Только что получил Твое письмо – сердечное спасибо. Ты пишешь, чтобы я Тебе написал о своем житье-бытье подробно, но не могу теперь писать, м.б. когда-нибудь и напишу, во всяком случае, при личной встрече расскажу, если буду жив- здоров.

К глубокому сожалению, письма о. К. Густавсона не получил. Письма, адресованные мне, никогда не пропадали – не знаю, как это письмо пропало. Воззвание Московского м. Сергия Старгородского, конечно, не что-либо особенное: так он начал свою карьеру, как узурпатор Московского патриаршего престола, воззванием к Советским верующим, в котором себя совершенно отождествил с безбожным Советским правительством, горе которого есть его горе (по случаю убийства в Варшаве Воейкова⁵⁰) и радости которого есть его радости, и если теперь Советское правительство вступило в войну с Германией, естественно, что он кощунственно призывает на Советскую власть благославление Божие и просит Бога помощи Советским войскам против Германии и союзников – в частности, эстов и латышей. И что удивительного в этом,

когда по распоряжению м. Сергия Воскресенского в Рижских церквях до сих пор на сугубой эктинье произносится прошение: «Придри милостивого, Человеколюбче, на землю Российскую и на рабов Твоих, люто страждущих в ней, ниспосли руку помощи, укрепи их благодатию Всесвятого Духа»...

На сей раз хватит.

Митрополит Августин.

NB. Все же копию воззвания м. Сергия пришли. М. А.

7. Л. 17-170б. Письмо протоиерея Иоанна Свемпа (автограф) 12.7.1942.

Latvija. Jaunabolini
c. Jaunzemijem

Дорогой Владыка!

То, что я предвидел, случилось. На покой уже давно ушел епископ Яков и Митрополит Августин, а теперь уходит и епископ Александр. Большевистский крокодил, именующий себя экзархом Латвии и Эстонии, – Митрополитом Литовским и Виленским – Сергей после долгого отсутствия снова появился в Риге и начал большевистскую пляску. Вначале я полагал, что он церковный человек, не каюсь в грехе с Константинополем, но теперь я убедился, что [он] хитрец и большевистская проказа еще вместе с ним. Местные власти еще верят ему, но долго ли это будет?

Меня радует, что тверд ты со своими пасомыми убиенных. Сергей давно уже собирается к тебе с расправой, но все не может собраться, объявляет народу, что Нарвский Павел придет к нему, якобы на Собор епископов. Ну какой тут в Риге может быть Собор епископов? Епископ Александр уходит на покой, ибо немецкими властями он был утвержден управляющим Латвийской православной церкви, но Сергей со своими клеветами не позволяют учредить

своего епархиального управления. По временам получался следующий абсурд. Было экзаршее управление, но не было экзарха (он сидел в Вильно, как папа в Риме). Был управляющий Латвийской православной епархией, но не было епархиального управления. Из всего видно было, что именующий себя по временам не Латвийским и Эстонским экзархом, а экзархом вместо блюстителя патриаршего престола, хочет быть со временем самим патриархом. Appetit большой, любит жить широко, RM 500 для бедной Латвийской церкви не по силам платить каждый месяц жалованья экзарху, а почему вот она одна должна его содержать? Часть расходов должны нести и Литва, и Эстония. Какой месяц тому назад для Ковно посвятили епископа Даниила (бывшего секретаря Елевферия)⁵¹. Теперь предстоит хиротония епископа для Пскова (митрофорного протоиерея Шенрока из Свирска)⁵². Да еще как-то Сергей посвятит, я полагаю, Янсона, если жена уйдет в монастырь. Янсону уже Сергей дал такие права как архиерею.

Я жив и здоров, живу в деревне у сына, а по временам и в Риге. В последнее время стал слепнуть, что доказывает сие писание.

С приветом

Протоиерей И. Свемп.

Приписка сверху на первом листе письма: А. Янсон и А. Вейтлайс сами живы и здоровы. О. Намниекс и о. Гредзенс увезены в Россию⁵³.

8. Л. 18-210б. 2.8.1942. Письмо Митрополита Августина. (автограф).

Ваше Высокопреосвященство!

Я уже с 8 мая живу в деревне. По ложному доносу был вызван в Ригу и опять вернулся в деревню. Было бы оч. много о чем писать, но нет... Сообщи только две последние сногосшибательные и оч. печальные новости.

1) 30 июня скончался епископ Александр (Адамс Витолс). Помнишь, как мы его в Даугавпилсе посвящали. Он недели три тому назад заболел нервным расстройством. Подробности не знаю, но, полагаю, его заездили. Это уже третья жертва... Спасся я только потому, что уехал в деревню – и мне грозило нервное расстройство.

2) Сегодня получил газету «Tēvijā» за 30 июня и в ней находится следующая информация –

«Резолюция православных епископов.

Благодарственная телеграмма вождю Великой Германии.

Проходящая в Риге первая конференция Латвийских, Литовских и Эстонских православных епископов приняла следующую резолюцию:

«Нам, участникам первой конференции православных епископов в Риге явилась возможность свободно обсуждать церковные дела. Мы считаем своим долгом возвестить всем, кто хочет нас слушать, ниже следующее.

Советское правительство подвергало православную церковь неслыханным преследованиям. Теперь Божия кара постигла эту власть. Большевики, желая задержать свою неизбежную гибель, стремясь приобрести благожелательство своих хитрых союзников, теперь стараются показать вид, что они изменили отношение к православной церкви и вернули ей свободу. Однако никто не позволит себя обмануть этим. Этот обман опровергают нескончаемые факты. Большевики распространяют какое-то глупое воззвание, под которым имеется подпись местоблюстителя патриаршего престола, митрополита Московского и Коломенского Сергия, в котором русский народ приглашается сопротивляться немцам-освободителям. Мы верим, что митрополит Сергий, как высокообразованный и крепкий в вере муж, никогда не составил бы подобного глупого и бестолкового воззвания. Или он

совсем его не подписывал или сделал это под влиянием ужасных угроз, желая спасти подчиненное ему духовенство от поголовного истребления. Для нас это воззвание служит неопровержимым доказательством в том, что большевики до сих пор давят и душат православную церковь и извращают ее голос. Оплакивая судьбу местоблюстителя патриаршего престола и определенно отвергая принужденную ему политическую платформу, мы просим нашего Господа Бога, чтобы он возможно скоро освободил православную церковь от ига большевиков.

Сергий, митрополит Литовский, экзарх Латвии и Эстонии.

Яков, архиепископ Елгавский

Павел, епископ Нарвский

Даниил, епископ Ковенский».

Какой «букет» подписавшихся и какая ложь подписана. Только большевик, не имеющий ни совести, ни чести мог это «воззвание» составить, а подписать его могли только такие младенцы, как Яков, «архиепископ» Елгавский, не умеющий отличить правой руки от левой, или отъявленные мерзавцы, хотя в епископской мантии. Разве Сергей Воскресенский не уверен, что воззвание 22 июля 1941 г. составил и подписал именно Сергей Старогородский, а видишь, что он пишет, поистине сын отца своего дьявола и творит волю его (Иоанн VIII, 44). Разве Сергей Воскресенский не знает, что воззвание 1927 года 29 июля несомненно написал и подписал Сергей Старогородский: «мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз (как умерщвление Воейкова в Варшаве) сознается нами, как удар, направленный в нас» (Князь М. Горчаков. Итоги политики митрополитов Сергия и

Евлогия», стр. 1). Разве оба эти воззвания писал не Сергей Старгородский, а подписал несомненно собственноручно и вполне добровольно. Если у тебя нет этой брошюры кн. Горчакова, постарайся достать, тогда ты увидишь, что представляет из себя Сергей Старгородский.

Неудивительно, что Сергей Воскресенский издал распоряжение молиться в Латвийской церкви: «Призри милостивно, Человеколюбие на землю Российскую и на рабов твоих люте страждущих в ней, пошли им руку помощи, укрепи их благодатию. Всесвятого Духа, прилежно молитесь услыши и помилуй». Вероятно, подобно молятсЯ и в Ваших русских приходах.

И после всего этого, есть люди, которых не видят и не хотят видеть настоящего лица Сергиева.

После смерти епископа Александра (власти его назначили правящим епископом вместо меня), правящим епископом несомненно будет «архиепископ» Яков, который, как видишь, подписал и знаменитое «воззвание» «Латвийских, Литовских и Эстонских епископов». А затем у Сергия уже имеются два новых кандидата на Латвийскую митрополицию кафедру – Владимир Андреевич Янсон, племянник знаменитого протоиерея Иоанна Янсона, и Иван Гарклав, неженатый священник, кончивший основную школу. Несомненно Сергей проведет свою программу, так как он при помощи Иоанна Янсона и профессора Гримма влезет в полное доверие к властям. За что – разное говорят...

Во всяком случае Сергей Воскресенский в Латвийской православной церкви чрез Янсона и компанию распоряжается всем самовольно, самоуправно, не считаясь ни с какими канонами церковными, как папа Римский, и как распоряжается Московский митрополит Сергей Старгородский в несчастной Российской православной церкви. У него нет ни совести, ни чести.

Он мне запретил совершать богослужения. Конечно, меня не пустят ни в одну церковь в Риге и там, где иерействуют его приверженцы, но я через недели две-три поеду в Ригу и закажу себе деревянную чашу и буду служить дома.

Умер 2 марта мой приверженец, протоиерей Иоанн Эзерлиц, который не признавал Сергия и помощников его. Так не было, кому похоронить его. Только нашелся один храбрый батюшка о. Иоанн Лиепинь, который приехал за 40 слишком верст и похоронил его. Правда, соседний пастор приехал со своими хорами и тоже служил.

Так же, несомненно, будет и со мною, если я умру, не найдется, кто похоронит меня – все боятся. И вот моя к тебе просьба: «Если я умру, моя дочь известит тебя, ты совершишь по мне отпевания иерейского».

Большинство священников и громадное большинство, несомненно, со мною, но это исчадие ада так терроризирует всех, что боятся и встретится со мною. У него по примеру его хозяев-большевиков масса шпионов, которые все сообщают ему и каждый мой шаг ему известен. Так, когда я был в Риге, я в воскресенье пошел в Вознесенскую церковь и после службы звонят служившему иерею П. Берзиню «доложите экзарху, что у вас на службе был митрополит Августин». О. Берзинь и говорит – богомольцы как будто все были свои, а нашелся все же один шпион. Так было и с погребением доцента Ивана Берзиня. На утро являются ко мне мои доброжелатели и говорят: «Экзарх производит дознание о том, что вы говорили на погребении Берзиня». Правда, там я «не обинуюся» сказал всю правду-матку о Московской патриархии и о том, как покойник работал на пользу автономной Латвийской православной церкви. У меня подобных фактов Сергиевского шпионажа много...

Хотел тебе написать длинное-предлинное письмо, потому начал писать на той тонкой бумаге, но нет, прости...

Буду рад получить от тебя письмо, м. пр., и о еп. Павле. Попосветили мы с тобой Иудушек... Но я уверен, что правда восторжествует – истина откроется.

Но удивляюсь слепоте властей... Желание победы затмило светлые немецкие глаза.

Привет Константину⁵⁴.

Не забывай поминать меня многогрешного, как я не забываю тебя.

С любовью во Христе

Твой М. А.

1942 г. 3 VIII.

NB. Извини небрежное письмо: рука не поспевает за мною.

9. Л. 24 Письмо Митрополита Августина к митрополиту Александру от 20.09.1942.

Ваше Высокопреосвященство,

Дорогой собрат.

Получил Твое письмо, в котором Ты общаешь о смерти моего товарища и друга о. Константина. Сердечное спасибо за письмо, но эта весть меня чрезвычайно огорчила и поразила. Да будет воля Божия, но печально то, что наш кружок выпуска 1895 г. все суживается и суживается. Остались мы в Латвии трое – Павел Пакалнынь, Петр Стуринг и я, и в Эстонии – Павел Сепп. За кем-то теперь очередь? По всем данным за мною. В ночь с 18–19 августа у меня стало сильно болеть сердце. 25 поехал в Ригу, пошел к врачам – тут надо мною проделали всякие манипуляции и нашли, что давление крови 136,60, а осадки крови 50, кроме того нашли и основательный склероз. Словом, ложись и умирай, и больше ничего. Однако оба врача, впрочем, обе были врачихи, прописали мне несколько лекарств, которые я пью, нельзя сказать, чтобы с удовольствием и аккуратно. Но не знаю что: моя природа или лекарства помогли, но теперь чувствую себя прекрасно. В Риге у меня температура

подскочил на 40, 30, а теперь упала на 36, 40, как у меня обыкновенно и бывало. Только пульс очень слабый и все же более частый, чем раньше у меня был. Так, вероятно, на сей раз меня миновала чаша сия.

Съездил я в Ригу и вернулся опять в деревню и больше в Ригу не поеду, впрочем, придется еще раз съездить. Дело в том, что мне в Латвийских православных храмах служить теперь не придется – этот Лев, т. е. чекист, распоряжением от 15 июня запретил мне служить, и отцы, боясь гнева, конечно, мне не разрешают служить. Я безусловно его распоряжений, как неканонических, не признаю, поэтому заказываю в Риге у мастеров деревянную чашу и дискос и буду служить у себя дома. Конечно, у меня не будет всей полноты сосудов и облачений и даже антимины, но полагаю, что это не может служить препятствием для сотворения бескровной жертвы.

У меня к Тебе две просьбы – первая, уже раньше я Тебе писал насчет моего отпевания, а вторая менее важная: я слышал в Таллинне служит прот. Богоявленский, кажется, брат покойного Литовского митрополита Елевферия. Будь добр, купи у него, если у него есть, книгу м. Елевферия «Соборность церкви» и пришли мне. В Риге этой книги есть только один экземпляр у адвоката Зариня, а я хотел бы эту книгу иметь сам. По этой книге одновременно можно основательно изучить, какое д.б. русское православие...

Сердечно приветствую и прошу Твоих святых молитв.

С любовью во Христе

Твой митрополит Августин.

10. Л. 25–26 об. Письмо Митрополита Августина к митрополиту Александру от 11.11.1942

Высокопреосвященнейший Владыко,
Дорогой о. Александр.

Вчера получил Твою посылку . «Соборность церкви». Сердечное спасибо. Я уже не надеялся ее получить. Зная Твою любезность и аккуратность, я думал, что Ты не получил моего письма, в котором я просил Тебя прислать эту книгу. Дело в том, что когда я отправил Тебе то письмо, у меня сидел посетитель, собиравшийся уже уйти, и я, не желая его задерживать, немного торопился и, наклеивая марку, нечаянно оборвал уголок. Я хотел переписать адрес на другом конверте и наклеить новую марку, но мой посетитель оч. настойчиво утверждал, что это не беда, что письмо дойдет. Я осмотрел марку и почти не мог заметить разрыва, и потому отправил это письмо с разорванной маркой. Потом я, конечно, пожалел, что отправил такое письмо, но дела поправить уже нельзя было. Я хотел написать Тебе новое письмо, но твердо не знал Твоего адреса и письмом просил дочь выслать его из Риги, но дочь до сих пор не исполнила моей просьбы. Я очень боялся, что Тебе придется заплатить штраф 24 Rpf. Будь добр, сообщи мне сколько стоила книга м. Елевферия и сколько приплатил за письмо.

За книгу Тебе оч. благодарен, интересно, где Ты ее получил. У нас в Риге обошел массу книжных лавок антикваров, но нигде не мог найти. Положим, я уже раньше эту книгу получил прочитать от Синодского юрисконсульта адвоката И. И. Зариня, читал, но не дочитал до конца, уж оч. она мерзопакостная.

Теперь, испытав на себе все прелести большевистского рая и национал-социалистического режима, я, пожалуй, ее когда-нибудь прочитаю до конца. Теперь, насколько мне позволяет лень, разбираю письменно грозное и лживое «определение» м. Сергия Воскресенского от 15 июня с. г., которым он запретил меня в священнослужении и грозит запрещением всем, кто осмелится мне сослужить. Понятно, я на это его антиканоническое незаконное определение не обращаю вни-

мания – служил и буду служить, когда представится возможность, но теперь сижу в деревне и совершенно не служу. Это, конечно, меня оч. огорчает, но утешаю себя мыслью, что великие святители земли Русской, столпы Св. Православной церкви, томясь в Соловках, Карадончах и за полярным кругом, тоже лишены были возможности служить, погибли без службы и покоятся без отпевания. Верую, что Великий Архиперей встретил их, как своих верных слуг, и упокоит их в своих небесных обителях. Так и меня теперь не смущает грозное незаконное прещение м. Сергия. Но усердно прошу Тебя, дорогой собрат и мой духовный отец, который родился на высокое архиерейское служение, не забудь поминать меня, своего многогрешного сына духовного. Знаю, меня поминают, конечно, тайно, оч. многие иереи Божии, и это для меня служит великим утешением...

Треволнения последнего времени, начиная с 19 июня 1940 г. произвели на мою «физику» тяжелое впечатление. После большевиков думал: «ну, слава Богу, все пойдет хорошо. Ведь немцы славятся своею культурностью и законопочитанием». Но для меня время с 18 июня 1941 г. по сей день является особенно тяжелым. Уже одно то, что хотели меня отправить в Псков «экзархом», а в Риге вместо меня оставить несомненно доверенное лицо НКВД; и затем меня совершенно отстранили от дел, явилось для меня положением, которое постоянно ранит мое бедное сердце. Затем все незаконные антиканонические действия м. Сергия – запрещение меня поминать, запрещение мне служить, тоже удручают меня. Наконец, когда я вижу, что он губит православие между латышами – это удручает меня больше всего. Затем это лживое провозглашение «толерантности» в делах веры, которое выразилось в покровительстве несомненному посланцу НКВД и в отстранении меня, тоже смущает и волнует. А я-то верил толерантности и

закономерности людей, и вдруг покровительство и союз с несомненным доверенным лицом большевистского НКВД, хотя наружно перевертнем.

Я себя физически чувствую ничего себе, но сердце у меня пошаливает. Пью лекарства, но, конечно, не помогает.

Слышал, что Тебя посетили два сына Иванов. Оч. интересно, что они Тебе говорили, м. б. и обо мне, и какие громы и молнии они посулили Тебе? Это два Кангера (Кангер был во время оно предатель своего народа), но, с другой стороны, это два совершенно без всякой морали иерея. Бог им судья... Как живет Твой Иудушка Павел? Он, вероятно, будет приезжать в Ригу рукотворить продолжателей окаяннорода, вместе с моим Иудушкой Яковом⁵⁵.

Усердно прошу Тебя, когда получишь просьбу о моем отпевании, не откажись заочно его совершить.

Здесь некому будет меня похоронить...

Прошу Твоих святых молитв
Митрополит Августин

Приписка сбоку: Как живет Николай?⁵⁶

Рукою секретаря Синода ЭАПЦ адрес:
Klavkalna dzirnavas
C. Kosu, Lettland.

11. Л. 28–28 об. Письмо Митрополита
Августина к митрополиту Александру
от 06.12.1942

Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой собрат.

Как только получил Твою посылку (книгу Соборн. Церкви), сейчас же по обыкновению ответил Тебе длинным письмом, в котором просил Тебя сообщить

1) стоимость книги и

2) что сказали Тебе приехавшие к Тебе с неба два ангела сатаны, которые, как я слышал, из Риги летели к Тебе.

Потом дочь прислала мне Твою открытку, но так как только перед тем написал уже Тебе, то на Твою открытку я не ответил, прости, потому что я ждал от Тебя ответа на свое письмо. Не получая так долго ответа, пишу Тебе опять, боюсь, что Ты не получил первого моего письма. Меня оч. интересует, что сказали Тебе эти два посланца, хотя впрочем предположительно я это знаю, а главное, что хорошего они обещали Тебе в случае неповиновения. Будь добр, сообщи.

Я с мая месяца живу в деревне. В Ригу приезжал несколько раз на несколько дней. Думал осенью опять переселиться в Ригу, но семья и друзья советуют теперь в Ригу не ехать. И правда, мне теперь в Риге делать нечего – работы никакой, а главное – моего духовного отца, архимандрита Сергея Подворозника м. Сергей переместил в монастырь. Он был этим оч. огорчен, говорил: «Век свой не служил в женском монастыре». Когда я бывал в Риге, я обязательно ходил в Собор в эти дни, когда там служил о. Сергей, а теперь некуда ходить даже в церковь. В последние свои приезды по воскресеньям я ходил в Вознесенскую церковь. Но наш чекист каждый раз это знал через своих шпионов и справлялся у о. Лисманиса и о. Берзиня, не пели ли мне «Ис полла...». Теперь я довольствуюсь великим храмом Божиим – Вселенной, по совету св. Василия Великого. Это послание В. В. я недавно случайно нашел в книге правил еп. Никодима, т. II, стр. 611. Это послание весьма утешительно в моем положении. Не знаю, есть ли у Тебя эта Книга правил и хотя бы она у Тебя была, то так как в этом письме еще есть много места, то я его Тебе здесь напишу.

I

«Какое же зло потерпели мы? Разве то одно огорчительно, что ничего не потерпели, не признаны и достойными страданий за

Христа (Деян. V, 41). Если же печалит вас то, что другой владеет храмом молитвенным, а вы на открытом воздухе покланяетесь Творцу неба и земли, то рассудите, что одиннадцать учеников заключены были в горнице, а распявшие Господа совершали иудейское богослужение в пресловутом храме. Иуда, который смерть давления предпочел постыдной жизни, наказал себя едва ли лучшим тех, которые ныне равнодушно принимают все упреки людей, и потому с бесстыдством готовы на дела гнусные. Не обольщайтесь только их лживыми речами, когда приписывают себе правоту веры. Ибо они Христопродавцы, а не христиане; полезное для них в сей жизни всегда предпочитают они жизни истинной. Когда задумали приобрести эту пустую власть, присоединились к врагам Христовым; а когда увидели народ раздраженным, опять налагают личину православия. Не признаю епископом и не причисляю к иереям Христовым того, кто оскверненными руками к разорению веры возведен в начальники. Таково мое решение. А вы, если есть у вас что-либо общее со мною, будете держаться того же мнения. Если же сами что-либо от себя придумаете, то всякий волен в своем мнении, а мы чисты от крови сей».

Это писал В. В. пресвитерам Никополя в 376 г., когда некий Фронтон противозаконно был поставлен епископом Никополя и старался всеми средствами утвердиться в Никопольской церкви, ради чего преследовал пресвитеров, не желавших подчиняться ему.

Прошу Твоих святых молитв.
Митрополит Августин

Приписка сбоку: В. В. говорит, что он его (Фронтона) и епископом не считает.

Мой теперешний адрес на конверте.
М. А.

12. Л. 29–29 об. Письмо Митрополита Августина к митрополиту Александру от 24.12.1942.

Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой собрат во Христе.

Сердечно приветствую Тебя с Великим Праздником Рождения Христова и с наступающим 1943 Новым годом.

К глубокому сожалению не могу пожелать Тебе, как это принято, чтобы тот мир, который принесло на нашу грешную землю Рождество Христово, наступил бы в 1943 году – этого не может быть. Но надеюсь, что все же будущий год придвинет нас ближе к этому миру мира, чем мы находились к нему в настоящем 1942 году. Во всяком случае, желаю возглавляемой Тобой братской Православной Эстонской церкви Христова мира и процветания. А Тебе, дорогой собрат, желаю доброго здоровья и крепости духовной и телесной, право править вверенную Тебе Великим Архиереем Церковь.

Твое письмо от 27. XI. получил – сердечное спасибо. Читал его по получении и перечитывал сегодня с радостью, что Твои сородичи крепки в св. Православии, и со скорбью, со слезами (буквально) о посланном Богом испытании дорогой моей Латвийской православной церкви. Оба Янсона говорили Тебе, что я сам виноват в постигших меня невзгодах. И Валаамова ослица правду говорила (Чис. XXII). Конечно, я сам виноват, только не в том смысле, как говорят оба Янсона. Помните дедушку Крылова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне есть». И. Янсон, конечно, думает, что и Тебя постигнет та же участь. Он глуп, хотя и с академическими ярлыками и митрой. Он не принимает во внимание, что в Эстонии его нет. Ведь произошедшее в Риге дело его рук. Но А. Янсон далеко не глупый и, мне кажется, он не мог думать, что Твои сородичи окажутся иудами, предателями, каковыми частично оказались мои сородичи. Впрочем, тут особенно удивляется не приходится.

Я не слышал, чтобы у эстов были предатели, у латышей Кангеры (предатели) всегда были...

Что касается лично меня после последних невзгод, то я ими не особенно, правильно сказать, совершенно, не огорчаюсь. Я «силен за истину» (II Кор. XIII, 8). Я радуюсь, что мне не могут указать никакого преступления, что меня постигло это преследование за истину (II Кор. XII, 10) и переношу свои страдания благодушно, за Тело Христово, часть которого есть Латвийская православная церковь (Кин. I, 24). Я с апостолом научился быть довольным, что у меня есть (Филип. IV, 19–12). Ты только подумай. Теперешние правители (красный митрополит Сергей Воскресенский – единственно) Латвийской прав[ославной] церкви, которой я век свой работал не за страх, а за совесть, и которой (Л. пр. ц.) я есть Глава, которая по Божьему и человеческому законам обязана дать мне в старости пропитание и кров, ничего не даст. Но благодарение Богу, я до сих пор материально не нуждался. Помогает мне сын, добрые люди и Лютеранская церковь... Надеюсь и дальше не оставит меня Тот, Кто питает птиц на небесах (Матф. VI, 26). У нас стоит ужасный туман, плохо вижу, плохо пишу – извини.

Братски Тебя целую
Твой грешный богомолец
Митрополит Августин.

Переехал жить в Ригу.

Приписка сбоку: Отсылаю, не проверивши – уж очень темно – извини.

13. Л. 32–32 об. Письмо Митрополита
Августина от 09.02.1943 (автограф).

Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой собрат во Христе.

Получил Твое письмо от 11 января с. г. – сердечное спасибо. Оно меня крайне огорчило, но одновременно и утешило. Огорчило то, что между «православными» епископами находятся такие недостойные люди, как оба Сергия и, кстати, Нарвский Иудушка Павел. Поистине они ни Бога не боятся, ни людей не стыдятся. Оба Сергия настолько отошли от Христа, что ни во что не ставят Его Св. Учение, Св. Заветы о мире, любви, чистоте и правде, справедливости и т. д. Отошли они и от Св. Православной Церкви – не обращают ни малейшего внимания на каноны свв. Вселенских соборов и святоотеческие послания и поучения. Мало того, они извращают истину и лгут, как говорится, нахально глядя в глаза. Но надо отдать им справедливость, за эти 25 лет, что прожили они в большевизии, они вполне усвоили чисто большевистские приемы в своей жизненной практике и писаниях так искусно соединяют истину с ложью, что людям, не знающим всех обстоятельств, может казаться, что они говорят чистейшую правду. О нравственной чистоплотности в их жизни, поступках и писаниях не приходится и говорить. Постановления конференции Сергия Воскресенского и иже с ним Иудушек – Павла, Якова и Даниила, Ты, наверное, читал, как С. В. распинался за Московского Сергия, что последний не мог будто бы написать подобное (22.VI.1941 г.) послание. Но после этого послания еще сколько посланий написал (как несколько и первых) сам Московский Сергей и иже с ним митрополит теперь Киевский и Галицкий Николай⁵⁷, но когда мы были в Москве, он был экзархом Украины и Белоруссии. Помнишь, он с большим желудком сидел по правую руку Сергия Старогородского, ничего не ел, все молчал. Он до начала войны не успел доехать до места своего назначения, где-то застрял и теперь сподвижничает Сергию Старогородскому, посылая вместе с ним свои послания украинцам.

А наш «экзарх» Сергей Воскресенский посылает свои послания русским «православным» людям, живущим в Совдепии, о непротивлении немцам и их союзникам... Какая ирония...

Сообщу Тебе и последнюю нашу новость – факт об обоих Сергиях. Рижское радио 31.I с. г. сообщило, что «Известный Московский поп» пожертвовал из своих личных средств любимому вождю народов, возлюбленному учителю Сталину сто тысяч (100.000) руб. На постройку танков. А Виленский С. В. в воскресенье 7.II с. г. в Рижском Кафедральном соборе молился за этого самого Сергия и совершил панихиду по Сергием построенными танками убиенным под Сталинградом немецким воинам... Какая симфония: один из личных средств строит танки и убивает немецких воинов, а другой служит усердные панихиды об их вечном благом упокоении... А Рижские заправила, но о них лучше умолчу...

Все это меня крайне мущает, огорчает и доводит до столбняка. Ну и времечко мы переживаем: сам черт вселился в этого Кавказского ишака и чрез него губит Церковь и веру. Утешает меня в Твоем письме, что Эстонская церковь крепка в православии. Надеюсь, что угрозы С. Тебя и Эстонской церкви останутся безрезультатными. Мне очень хотелось бы, конечно, не из просто любопытства получить копию Сергиевой бумаги Тебе – если можешь, пришли копию, буду оч. благодарен.

Я живу, благодарение Богу и добрым людям, хорошо – чорт против меня пока ничего не успел. Он и так и сяк старается – убирает гостию с жертвенника, чтобы только я не вынул сколько-нибудь за здравие и за упокой, но я утешаюсь посланием ВВ. Пресвитером Никопольской церкви, копию которой я и Тебе посылаю.

Братский привет и поцелуй.
Твой М. А.

Приписка сбоку на 1 странице: Архиепископ Дамаскин, когда говорил, что мы с Тобой не признали Сергия, оказался пророком. Очевидно, у них без нас был разговор о нас.

14. Л. 33–34 об. Письмо Митрополита Августина от 17.2.1943 (дата получения письма отмечена черными чернилами) (автограф).

Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой брат во Христе.

Недавно отправил Тебе письмо, но пишу опять. То письмо было просто дружеское, а это будет деловое. Как Тебе неизвестно, Сергей Воскресенский недавно открыл в Вильне не то духовную семинарию, не то богословский институт, – он и сам хорошо не знает, что это есть, для Виленской епархии, Эстонской и Латвийской церквей, конечно, с русским языком преподавания. В этом учебном заведении из Латвии будто поступило 12 человек русских (конечно, из-за боязни ехать на работу в Германию), латышей нет ни одного, но есть будто эстонцы. И профессор Мартинсон из Юрьева будто тоже будет там преподавать. Как Тебе неизвестно, мною при Рижском университете было открыто при Богословском факультете православное отделение с латышским языком преподавания. Теперь поставлен формально вопрос о дальнейшем существовании этого отделения. Теперь Сергей Воскресенский хочет переорганизовать наш Рижский Богословский факультет для всех трех областей Латвии, Эстонии и Литвы и даже для России с русским языком преподавания. У директора департамента конфессий 12 февраля было собрание наших профессоров, Сергия и представителя правительства Дг. Гёгингера⁵⁸. Наши, конечно, на русский язык преподавания не согласились, но Сергей заявил, что Литовская епархия и Эстонская церковь согласны на ведение преподавания в будущем

Богословском факультете на русском языке. Думаю, что подобное согласие от Эстонской церкви мог дать только Твой Иудушка Павел, но знаю, что Эстонская церковь на это никогда не согласится. Мне кажется, что Ваш Синод и Ты сейчас же должны по этому вопросу выявить свое мнение. Бумагу, конечно, надо писать по-немецки и через Вашего Генерал-Комиссара направить в Ригу Рейхс-Комиссару, от которого будет зависеть окончательное решение. Бумагу эту надо послать возможно скорее, так как наш католический факультет уже представил свое мнение и наши профессора собираются сегодня для выработки своей петиции.

Из последних новостей: Иван Гарклав, из бывших портных, без среднего образования, Сергием Воскресенским через неделю или две будет посвящен в епископа – какие – не знаю, конечно, без моего согласия, что совершенно антиканонично, как и все действия Сергия под покровом...

Сегодня же узнал еще одну новость, что какой-то очень почтенный протоиерей, к тому же канонист, молился обо мне в церкви, поминал меня, за что находился две недели под запрещением, пока не знаю, как оправился. «Сатана тут правит бал»...

Я многогрешный живу по-старому, физически и финансово ни в чем не нуждаюсь. Бог и добрые люди помогают. Мне очень часто теперь приходит на память песня сибирского хобника, сбежавшего с каторги арестанта, что «бабы кормили нас, а парни снабжали махоркой». Только одно снедает меня, что Сергей и его сподвижники, а в последнее время и правительством основанный «немой» совет, которым безапелляционно распоряжается Сергей, губят святое латвийское православие, для поднятия которого и я вложил каплю своего пота и крови сердца... Я знаю, что всему этому будет конец, кончится война, если, конечно, и победою немцев*, перестанут

говорить пушки, будут говорить каноны, и мразь вся эта сгинет, но тогда я или кто будет вместо или после меня канонический епископ, будет сидеть у моря, у разбитого корыта. Положение латвийских приходов катастрофическое. Оно, конечно, приятно Сергию, а м. б. и его покровителям, так как он прислан сюда не строить, а именно разрушать... Что он цинично засвидетельствовал в первый свой приезд в Ригу 2 января 1941 г. после заседания Синода, когда сказал: «А что мне 65 000 православных латышей, когда у меня в Дмитровской епархии 350 приходов?». Первое, конечно, правда, а второе врет. 2 января 1941 г. во всем Советском Союзе не было 350 приходов...

Братски Тебя целую. Передай мой привет Павлу Ивановичу Сеппу – художнику.
Твой М. А.

* а что будет, если победят русские? И подумать страшно.

15. Л. 37–37об. Письмо Митрополита Августина от 17.2.1943. Рукописная копия предыдущего письма л. 33-34об., сделанная в Синоде ЭАПЦ).

16. Л. 38-41об. 10.2.1943. Письмо о .Иоанна Свемпа. (автограф).

Рига, Kapseļu ielā № 2, dz. 3.

Дорогой Владыка!

Все время с осени живу в Риге со старшим сыном и дочерью, которая по смерти матушки переехала из деревни с детьми к нам. Она ведет хозяйство, а мы добываем продукты. К младшему сыну Бог даст передышку только летом. Он недавно переправил Твое письмо мне. Спасибо, что Ты меня не позабываешь. Зрение все ухудшается, писать-то сие письмо пишу, приглядываясь последним глазом, но корректировать-то написанное уже трудно. Все может случиться, что скоро от писания придется отказаться.

Поэтому не удивляйся, что в письме будут ошибки. Но лишь был бы смысл.

Когда поехал к Тебе Андрей Янсон, то я полагал, что он все Тебе передаст о причинах смерти епископа Александра. О своих успехах и душевном состоянии Иоанна Янсона он мне сообщил. После этой неразберихи он уехал в деревню и больше не показывается, хотя среди 6 протоиереев Епархиального совета числится. Совет-то состоит из людей представительных и хороших – в этот совет вошли все лица, которые были мною немцам представлены после свержения правления Ивана Янсона и его соратников. Но этот новый совет ничего не может сделать, ибо Московский Крокодил все переворачивает на свой лад. Съездил на минутку в Вильну и скоро обратно, потому что там хлеб черствый. Во время отсутствия Крокодила все время был прот. Перехвальский, но из-за антиминсов Крокодил его сместил и на месте сем теперь Николай Македонский, бывший сотрудником митрополита Августина. Для коммерции Крокодил с И. Янсоном отпечатали новые антиминсы и за хорошую плату захотели обменять. Выбирая мощи из старых и затем день переключивали в отпечатанное. Перехватили. Это предприятие забраковали. Могу Тебе сообщить, что Крокодил теперь себя навеличивает экзархом Латвии и Эстии, но только патриаршим экзархом. Видно не патриарх его такое имя утвердил, а Сталин.

Со смерти матушки я почувствовал какую-то слабость в организме – раз чуть-чуть не свалился около префектуры и стал думать о духовном завещании. Но теперь, следуя рецептам доктора Леского?, я стал поправляться. За это время в связи с моей борьбой после смерти Александра с Крокодилом и янсонским правлением грозили мне даже лишением сана и всех орденов. Но как-то убоились это сделать. Воевал я открыто, громогласно, зная, что Крокодил

и И. Янсон против храброго наступления, трусливы. Еще сохранил за собой Эндзелинский приход и, жуя свой хлеб, присматриваюсь к грядущим событиям. Митрополит Августин живет в Риге, видел его, говорил с ним, он еще верит, что придет и его время занять свой пост. Условие: «Если выдержит мое сердце». Хотя он и не мой приятель, но все-таки желаю ему успеха, патриарх Михаил Латвийской православной церкви дал автономию⁹, а именующий себя патриаршим экзархом хочет лишиться этой автономии. Ввиду этого нужно бороться до последнего вдохновения. Покойный епископ Александр начал потихоньку отстаивать эти права латвийской церкви и погиб, несмотря на то, что немцы дали ему полноту власти, не сумел эту власть использовать, поддался гипнозу Крокодила, позволил И. Янсону за своей спиной делать всякий шахер-махер. Я видел это, предупреждал, но он все время терпел и говорил: «Не хочу открывать второй фронт». Издевательства над ним доходили другой раз до безобразия, не говоря уже о заседаниях под его председательством, где он оставался один. По временам дело доходило до абсурда: было экзаршее управление, но не было экзарха (он сидел в Вильне), был епархиальный архиепископ Александр, но не было епархиального управления. Так продолжалось до 1 июля прошлого года. В этот день лопнуло долготерпение епископа Александра. В этот день был торжественный молебен. На этот молебен все облачились в пасхальные ризы, а еп. Александр заставил надеть красные ризы, чтобы подчеркнуть, что он ...? Под самый конец Крокодил заставил и его сказать речь, а сам стал разоблачаться. Как только им была речь начата, в соборе все огни были потушены по распоряжению И. Янсона, чтобы народ оставил собор. Речь еп. Александр кончил при горстке молящихся и тут же решил, что ему не по одной дороге с Крокодилом.

2 июля, оказывается, он явился к экзарху и подал прошение об отставке. В прошении он указал, что при теперешнем положении он не может быть ответственным управляющим латвийской церковью.

3 июля, оказывается, он был еще вызван в монастырь, чтобы заставить забрать прошение обратно. Но он остался при своем. 3 июля вечером прибежала ко мне дочь Александра, чтобы я пошел бы к нему. ибо уже 3 дня ничего не ест и все время молчит. Я пошел к нему. Он объявил, что идет в отставку. Мой разговор с ним был сердечный. Я даже одобрял его поступок и предложил ему поехать со мной в деревню. Он изъявил желание поехать. И я, как тебе писал, уехал 4-го вечером в деревню, ничего не предвидя. Через неделю я был вызван из деревни в Ригу. Пошел к нему, но он уже говорил о лучах смерти и о том, что кто-то влияет на него издали. Созванный мной консилиум врачей нашел дело серьезным. Отвезли в 1-ю городскую больницу. Принимать пищу отказывался. Боялся отравы. Кормили искусственно. 21 июля утром скончался. И вот таким образом здоровенный дуб в три недели сторел. Похоронили его на Вознесенском кладбище рядом с прот. Блодонсом и прот. Борманом. Там же захватил я и себе местечко в связи с погребением жены. Ну что ж, пора старикам уходить «и пусть у гробового входа младая будет жизнь играть»⁶⁰.

А мы, слава Богу, еще живем-жуем, ну и будем еще продолжать жить и жевать, 1944 года 20 июня, может быть, будет Новая Европа и мы соберемся, если будем живы, в новой столице и зададим пир на весь мир. Да, да «веселой жизни мне не много провозжать осталось дней»⁶¹. »

Хоть зубы в деснах ослабели и потух огонь очей – почему не дожить до 99-ти лет? Ну, довольно шутить. Будь здоров, Владыка.

Привет от меня Тебе и товарищам. А толстяку Пихлаку [память] вечная. О смерти его сообщу А. Янсону и А. Веглайсу.

Твой товарищ
Протоиерей Иоанн Свемп

17. Л. 43– 45. Письмо Митрополита Августина от 2.4. 1943 Рига. (автограф).

Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой собрат во Христе.

Долго ждал ответа на свои два письма, наконец, дождался и вполне удовлетворен, сердечное спасибо. Меня особенно интересовало, что Тебе и о Тебе писал С. В. Вижу, что почти то же, что и мне и обо мне. Но, оказывается, я в его глазах большой грешник, так как его писания обо мне много обширнее его писаний о Тебе. Горжусь, но зато Ты по его писаниям согрешил против большого числа канонов церкви, чем я. Я, согласно его писаниям, которые, правда, ни один не обличает приписанных мне С. В. грехов, а потому совершенно не касаются меня, Твоим духовным отцом не состою, Твоих грехов не знаю, поэтому не знаю также обличать ли и осуждать ли, приведенные С. В. грехи твои, указанные каноны, но судя по себе, по аналогии, и к Тебе приведенные С. В. каноны никакого отношения не имеют. Не поднимается перо написать обыкновенное в таком случае выражение: «Бог с ним», потому что с ним не Бог, а сатана, отец лишь клевет и вражд, которого приемы он действует, сея вражду и разрушая веру в душе латвийских, эстонских и литовских православных христиан...

Монастырские насельницы стопами стонут от его «монашеского жития» в женском монастыре. Он совершенно не стесняясь пьянствует по ночам (не брезгает и днем), жарит свинину, которую, вероятно, доставляет ему «о. протоиерей Николай Лауцис» и т. д. А в последнее время купил большую собаку и по утрам чуть свет возит с нею по саду монастырскому (собака, естественно, брешет) и бедным монашкам не дает никакой доли поспать по утрам...

Кроме того, его постоянные гости и посетители из Псковщины, ведь он ведаёт миссию в освобождённых от большевиков областях, объедают бедных монашек, отчего у них в последнее время значительно ухудшилась и без того «монашеская трапеза»...

Носятся слухи, что он скоро уедет в Вильну, но правда ли это и надолго ли, не знаю. Знаю только, что пока он живёт, невзирая ни на какие каноны Церкви, в Рижском женском монастыре и не думает об отъезде, об устройстве духовной жизни в своей епархии и во всей освобождённой большевизии, где он действительно, если бы он был настоящий епископ, был бы очень нужен, а живёт и пьянствует в Риге и, согласно распоряжением НКВД, данного ему при отправке его в Ригу, продолжает разрушать веру и нравственность Латвийской и Эстонской церквях и в своей Литовской епархии...

Ты пишешь, что смеешься над его обвинениями Тебя в политической неблагонадежности. Ты знаешь, что это явная, наглая ложь, но это знает Твоя совесть, а С. В. посеял это «злое семя» в «плодородную землю». Смотри, чтобы Тебе за это не пришлось горько пострадать. Говорю по опыту. С. В. и его сотрудники – ябедники И. Янсон, Г. Бениксон и И. Гримм, наговорили на меня, что я стар, болен, глуп (чудак) и «националист-латыш», «английской ориентации». Первые три обвинения, конечно, не важны, но четвертое, и особенно пятое ведь уже очень важные и, несмотря на всю голословность этих обвинений, отняли у меня мою кафедру, лишили меня даже возможности совершать богослужения – в храме Богу помолиться, исповедать свои грехи и причаститься Св. Христовых Таин и, наконец, оставили без куска хлеба. Захотели меня и уечь туда, куда Макар телят не гонял, натравили на меня полицию из Риги, Вольмара и Вендена, но немного

пересчитались: несмотря на всю ложь и клевету С. В. и Константина Витола, Ты его, наверное, по семинарии помнишь, и его матушки с дочерью, это дело им не выгорело, так как я ни в чем «предосудительном» не только не был «замешан», но даже «не замечен». Язык свой держу за оставшейся парюю зубов, а если говорю, то по-писанному и если кому угодно, пожалуйста, читай и поучайся...

И вот я, пока, как некая «птичка Божия» на полной свободе, мне летать, куда захочу и питаться, чем Бог пошлет. И благодарение Всемилостивейшему Спасителю и добрым людям, материально обеспечен, даже более того, просил некоторых своих друзей прото- и просто иереев и лаев впредь мне не посылать и не давать того, что раньше называлось златом и серебром, а теперь РМ – ками, потому что добрые люди уже мне положили пособие в необходимой сумме в РМ – ках ежемесячно, чтобы не умереть с голоду и не протягивать руки на церковной паперти со слезливым причитанием: «Православные! Подайте своему бывшему (и настоящему...) митрополиту Христа ради», на что обрек меня С. В. со своею сворою...

Итак, живу я, как Божья птаха...десятками раз на день (иногда с горькою болью в сердце и со слезами на глазах) смотрю на свой Кафедральный собор, а утром и вечером, смотря на него (когда нет тумана и не темно), совершаю свои моления по примеру пророка Даниила (VI, 10), только он три раза, а я только два раза каждый день.

Будет...

Да. На востоке убит наш бывший диакон, посвященный С. В. во иереи, Василий Гутанов, некоторые говорят в затылок, а некоторые иначе...

Твой

М. А.

1943 г. 2 апреля.

Рига.

19. Л. 46-46 об. Письмо Митрополита
Августина от 29.4.1943. (автограф).

Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой собрат.
Во истину воскрес!

Получил Твое письмо-поздравление. С одной стороны, сердечное спасибо, что не забываешь, а с другой, оч. прошу, извини, что я как будто не исполнил своего долга по отношению к Тебе – не поздравил Тебя вовремя. Но у меня, как говорится, были всякие «но», почему я этого не сделал вовремя, во всяком случае я имел твердое намерение сделать это задним числом, только даже не сегодня, а позже. Но теперь, видишь, пишу. И, как всегда, у меня было бы много материалу на оч. длинное письмо, но, знаешь, рука начала пошаливать – начинает болеть в суставе за ладонью. Я это объясняю просто. Всю зиму я жил в другом климате, где была печка «буржуйка», которую я топил по мере надобности. В доме у нас центральное отопление и в связи с ограничениями подводам для угля из Германии и дров из местных лесов центральное отопление топили оч. экономно. Но и за это спасибо. В прошлом году с начала марта у нас совершенно прекратили топить и в комнатах, где не было «буржук» вода и чернила замерзали. У нас в последние дни погода значительно потеплела и я позавчера перешел на житье в свою гостиную. Там у меня письменный стол немного выше того стола, за которым я сидел и писал в третьей комнате и, вероятно, от нового положения при писании и заболели те мышцы, которые раньше не работали, геср. они несколько атрофировались. Иначе чувствую себя прекрасно, но не красно физически. Хотя, правду сказать, и морально не могу пожаловаться на свою судьбу. Мне часто вспоминаются горькие слова упрека апостола Павла: «При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да

не вменится им!» (II Тим. 4, 16). «Господь же предстал мне и укрепил меня» (17). «И избавил меня от всякого злого дела, и сохранил меня для своего небесного царства» (18)⁶². А меня очень мало, кто «оставил», как я теперь вижу, хотя под террором этого «левафана» Сергия Воскресенского многие боялись заходить ко мне и даже писать мне, потому что у него масса шпионов, но при случае эти лица показывали мне свою любовь и расположение...

Перед праздником я был в удрученном состоянии духа. Я получил от своего сына офицера письмо, что он ранен в ногу двумя пулями на войне, лежит в Двинском военном госпитале, нога в лучинках, хотя кость как будто цела. Но если кость цела, зачем лучинки? Это меня крайне удручает. С другой стороны, то, что мне негде служить. Этот слуга сатаны запретил всему духовенству служить со мною и позволить мне где бы то ни было служить. И все духовенство под его террором это исполняет. А тут идут великие Страстные дни и раненый сын лежит в госпитале. 20-го марта подал докладную записку агенту политической полиции, которому поручено вести дела нашей православной церкви Dr. Геггенгеру, кстати он Dr. Теологии, чтоб мне разрешили служить в левом малом приделе Кафедрального Собора раннюю литургию по воскресеньям. Но до сих пор ответа не получил. Получить благоприятный ответ крайне мало надежды. Все это меня крайне удручало. И писать никому не хотелось. Но на праздниках меня посетили мои друзья и я вижу и слышу, что у меня много друзей и мне надо только две вещи – «терпение» и «выдержка»...

На это тоже надо изрядно моральной силы. Ну что ж! Попробую «терпеть» и «выдерживать» в надежде, что нет ничего вечного под луною...

Да, Jānis Garklāvs посвящен 28 февраля в «епископы Рижские» и прозывается

Похороны митрополита Августина
7 октября 1955 года на кладбище
в Гаутингене. ЕАА.5355.1.363.3

«Иоанн ШЙ, Епископ Рижский», вопреки всем канонам Св. Православной Церкви. Несколько лет тому назад я сам его посвятил в иереи и послал в самый темный угол «Домеснес». В 1938 г. он мне уже нагадил в душу в деле протоиерея Намниекса (увезенного в Совдепию...), а теперь, видишь, под эгидою Сергия Воскресенского, антиканонично правящего в Латвийской православной церкви, от него также антиканоническое принял посвящение во «епископы Рижские» и сел мне на голову. После за это всем или придется отвечать перед канонической Церковной властью, но пока фактически правит С. В., а фиктивно Иван Гарклав. Иван Гарклав без среднего образования, кажется, по профессии портной; во всяком случае он большой рукодельник – «сам себе рясы шьет и прекрасно вышивает занавесы»... В газете было, что «при большевиках ушел с прихода»... Вот и все, что я о нем знаю; впрочем – холостой. Я подал форменный протест против его посвящения – только для очистки своей совести, исполняя долг, не надеясь ни на какие результаты. Меня приглашали принять участие в его посвящении, я, конечно, отказался. Его посвящали С.В, епископ Ковенский Даниил и наш «младенец» Яков

Карп. Вашего Иудушки почему-то не было. Говорят поливали нового архиерея целых три дня – значит, будет чист от всякой скверны «раскола».

Братский привет и целование
Твой МА.
1943 г.27.IV.

20. Л. 47–470б. Письмо Митрополита
Августина от 24.5.1943. (автограф).

Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой собрат.

Опять Тебя я беспокою своим письмом. Знаю, что Ты живешь полной жизнью: у Тебя живое, любимое дело, есть добрые сослуживцы и сотрудники. Не так живу я. А в настоящее время, кажется, всеми забыт, оставлен. Знаю, что у меня есть много друзей, доброжелателей, почитателей среди духовенства и мирян, но так как я отошел от жизни, то и остался один. В прошлом воскресенье умер архимандрит Сергей, бывший Соборный священник. Мне сейчас же об этом сообщили мои почитатели и когда я пришел на его квартиру, духовенство кончало облагаться и я попал на первую панихиду. Потом я пошел в Собор на парастас⁶³, пошел и на литургии проститься с ним. Служил Иван Гарклав, именуемый епископом Рижским. Я слышал несколько его возгласов. Оказывается, он в совершенстве усвоил Сергиевскую манеру служения и даже интонацию, так что я сначала думал, что служит Сергей. Я попрощался с покойным и ушел из Собора. Вообще я больше в Собор не хожу с тех пор, как оттуда убрали покойного архимандрита... Потом я встретил покойника на Покровском кладбище и благословил его последнее место упокоения и присутствовал при погребении. Ни Гарклав, ни Воскресенский не удостоили проводить его на кладбище. Зато народу было оч. много. Было бы еще больше, но

народ не знал о его смерти. В латышской газете появилось сообщение только после его погребения. И вот в эти дни я видел, с одной стороны, насколько напугано Сергием Воскресенским духовенство, а, с другой стороны, я видел и любовь и расположение народа к себе.

Но все же чувствую в себе и вокруг себя страшную пустоту – не достает служения и вообще работы. Если бы я мог где-нибудь служить – это доставило бы мне громадное утешение, но этого нет. И если бы я имел какую-нибудь осмысленную работу – это тоже дало бы смысл моему существованию. А теперь ничего...

Я, вероятно, писал Тебе, что еще 30 апреля просил вершителю моей судьбы разрешить мне служить в Соборном малом алтаре по воскресеньям раннюю литургию, но до сих пор ответа нет и, конечно, не разрешат...

Настоящее правительство настолько тесно связано с С. В., что теперь развязаться от него трудно. Оно дало ему даже автомобиль и шофера, на это деньги есть. Они надеются, что это будет Всероссийский патриарх, но они глубоко ошибаются... Не быть ему Всероссийским патриархом никогда.

Ты, вероятно, тоже читал, что убит митрополит Алексей⁶⁴. Это тот знакомый и друг наш по Москве, архиепископ Алексей (Громадский) Кременецкий. А жаль. В Москве он и архиеп. Дамаскин мне оч. нравились – это были самые светлые владыки.

Похороны митрополита Августина
7 октября 1955 года на кладбище
в Гаутингене. ЕАА.5355.1.363.2

Про Дамаскина ничего не слышно, вероятно, большевики его убрали: или увезли в Соловки или уколошили.

Тебе, дорогой Владыко, это письмо пишу я собственно потому, что я хочу просить Тебя сообщить мне подробности, относительно Вашего собрания духовенства 12–13 мая. Меня это оч. интересует. Надеюсь, что не откажешь исполнить мою просьбу.

К Вам С. В. пока не показывается даже в Петсери... Мне кажется, он большой трус, как и всякий негодай...

Что слышно про владыку Германа? Нельзя ли ему написать?

Всего доброго.

Твой МА.

1943 г. 21.V

Примечания

- 1 Исторический архив Эстонии =ЕАА.1655.3.433.
- 2 Письма митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра Митрополиту Рижскому и всея Латвии Августину (Петерсонсу) и протоиерею Иоанну Свемпу, написанные в 1941–1943 гг. // Православие в Балтии. Научно-аналитический журнал. 2014. № 2 (11). С. 147–171.
- 3 Архиепископ Печерский Николай (Лейсман).
- 4 ЕАА.1655.3.386, без пагинации.
- 5 Митрополит Александр завтра выезжает в Ригу // Вести дня. 1936. 26 марта. № 70. С. 1.
- 6 Документы по делу митрополита Рижского и всея Латвии Августина (Петерсонса). Латвийские папки» Архива Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей/публикация А. В. Гаврилина. // Православие в Латвии. Исторические очерки. 5. Рига: Филокалия, 2006. С. 140–144.

- 7 Речь идет о митрополите Виленском и Литовском, экзархе Латвии и Эстонии Сергии (Воскресенском).
- 8 Дамаскин (Малюта), 9 августа 1940 года хиротонисан во епископа Житомирского, с 1941 года – епископ Черновицкий и Хотинский, с 1943 года – епископ Каменец-Подольский, с 1944 года в заключении, где и скончался.
- 9 Кирилл Иванович Зайц (1869–1948), с августа 1941 г. был начальником Внутренней Православной Миссии в Латвии, затем возглавил Внешнюю миссию в Пскове.
- 10 Имеется ввиду архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн (Поммер, 1876–1934).
- 11 Янсон Иоанн Андреевич (1878–1954), протопресвитер ЛПЦ, ректор Рижской Духовной семинарии.
- 12 Протоиерей Рижского храма во имя Всех Святых Алексей Торопогрицкий.
- 13 Бениксон (Бенигсен) Георгий (1915–1993), рукоположен во священника в 1941.
- 14 Митрополит Августин никогда не скрывал своего антисемитизма. На самом деле о.Георгий Бениксон (Бенигсен) родился в семье обрусевших немцев.
- 15 Трубецкой Николай (1907–1978), в 1941–1942 гг. секретарь Латвийского Епархиального управления.
- 16 Ишевский Дмитрий Александрович (псевд. М. А. Привалов, 1894–?), журналист, деятель Русской Православной Церкви Зарубежом (РПЦЗ).
- 17 Экзарх-митрополит Сергей (Воскресенский).
- 18 Митрополит Сергей (Старгородский, 1867–1944), с 1937 г. – Патриарший Местоблюститель Московской Патриархии, с 1943 г. – Патриарх Московский и всея Руси.
- 19 Алексей (в миру Виктор Михайлович Сергеев, 1899–1968), архиепископ Кишиневский и Бессарабский.
- 20 Петерис Старцс, в 1936–1940 гг. член Синода ЛПЦ.
- 21 И. И.Зариньш, адвокат, в 1936–1940 гг. юрист-консульт Синода ЛПЦ 1936–1941.
- 22 Сергей (Старгородский).
- 23 Сергей (Воскресенский).
- 24 Никодим, епископ Далматинский. Православное церковное право: составлено по общим церковно-юридическим источникам и частным законам, действующим в автокефальных церквях. Перевод с сербского Мил. Г. Петровича. С.-Петербург: Комаров, 1897. XIX, 708 с.
- 25 Елевферий, Соборность Церкви: божие и кесарево. Париж : [б. и.], 1938. 349 с.
- 26 Итоги политики митрополитов Сергия и Евлогия. Выпуск I. П. Париж: Издательство Светлейшего Князя М.К. Горчакова: Долой зло!. 1929, 1930. 80 с.
- 27 Нападение на Гамбургскую Церковь/Л. А. Сенько-Поповский. Париж : Долой зло, 1928. 64 с.
- 28 Проскомидия (греч. *προσκομιδή* принесение, подношение), часть литургии, при которой епископом на алтаре во время чтения часов совершается поминовение всех членов Церкви, как живых, так и усопших
- 29 Архимандрит Сергей (Подворозник) во время Второй мировой войны входил в причт Рижского кафедрального Христорождественского собора.
- 30 Тайловский протоиерей Эллий Верхоустинский (1878–1962), получивший из рук экзарха Сергия митру в 1941.
- 31 Петр Михайлович Пяхкель (Peeter Pähkel, 1875–1948), хиротонисан 25.7.1943 в Таллинском Преображенском храме митрополитом Александром и архиепископом Печерским Николаем в епископа Эстонской Митрополии.
- 32 Густавсон Константин Петрович (1873–1942), настоятель Таллинского Преображенского собора, член и секретарь Синода ЭАПЦ.
- 33 Имеется ввиду Собор епископов 30 марта 1941 в Москве, на котором произошло публичное покаяние митрополита Эстонского Александра и митрополита Латвийского Августина. Подр. см.: Православие в Эстонии. Исследования и документы. Т.1. Москва, 2010. С. 137–138.
- 34 Кирилл Иванович Зайц (1869–1948), начальник Внутренней Православной Миссии в Латвии в августе 1941, с конца ноября 1941 по осень 1944 – начальник Внешней Православной Миссии с местонажением во Пскове.
- 35 Митрофорный протоиерей Иоанн Янсон (ок. 1878–1954), ректор Рижской Духовной семинарии (1926–36), доцент Богословского факультета Рижского университета до 1940 г.
- 36 Выпускник Свято-Сергиевского православного Богословского института в Париже протоиерей Николай Трубецкой (1907–1978), секретарь Латвийского Епархиального управления (1941–42). Подр. о нем: Голиков Андрей, Фомин С. Кровью убежденные: Мученики и исповедники Северо-Западной России и Прибалтики (1940-1955). М.: Паломник, 1999. С. 113–116.
- 37 Настоятель Всехсвятской церкви о. Алексей Торопогрицкий погиб в гестапо на допросе в декабре 1941 г.
- 38 На самом деле митрополита Августина поддержали лишь ок. пяти сельских приходов.

- 39 Имеется ввиду возглавить Псковскую Православную миссию.
- 40 Епископ Александр (Витоль, 1879–1942), епископ Иерсикский (1938), позже Мадонский (1940). Он окончил Рижскую семинарию тремя годами позже епископа Августина, в его хиротонии в Даугавпилсе приняли участие эстонский митрополит Александр Таллинский и епископ Печерский Николай (Лейсман)
- 41 Н. П. Юзвюк был рукоположен во иерея 4 апреля 1942; затем 12 апреля возведен в сан протоиерея и пострижен в монашество с именем Даниила, 13 апреля возведен в сан архимандрита и 26 апреля – во епископа Ковенского, викария Литовской епархии с местом служения в Ковно.
- 42 Павел (Дмитровский) (15.1.1872–1.2.1946), епископ Нарвский и Изборский в лоне ЭАПЦ 3.10.1937, архиепископ Московской патриархии 25.12.1942, архиепископ Таллинский и всея Эстонии 5.3.194–1.2.1946. Он был хиротонисан в 1937 г. при участии митрополита Латвийского Августина.
- 43 Митрополит Сергей (Старгородский, 1867–1944), патриарх Московский и всея Руси (1943).
- 44 В марте 1940 года вопрос о восстановлении патриаршества не поднимался.
- 45 Розенберг Альфред Эрнст (1893 Таллинн–1946 Нюрнберг), начальник внешнеполитического управления Германского рейха 1933–45, рейхсминистр Остланда 1941–45.
- 46 Лозе Генрих (нем. *Hinrich Lohse*, 1886–1964), рейхс-комиссар оккупированных восточных территорий Остланда со штаб-квартирой в Риге июль 1941–осень 1944.
- 47 Иван Давидович Гримм (1891–1970), бывший приват-доцент Тартуского университета, секретарь Сергея. См. ЕАА.2100.2.151. *Ivan Grimm*.
- 48 Д. б. пфенинга.
- 49 Т. е. полицейских.
- 50 Советский полпред в Варшаве П. А. Войков (1888–1927).
- 51 Имеется ввиду хиротония 26 апреля 1942 Н. П. Юзвюка, в монашестве Даниила, бывшего секретаря митрополита Елевферия [в оригинале у Свемпа «Евлферия»] (Богоявленского, 1870–1940) во епископа Ковенского
- 52 Возможно, здесь имеется ввиду протоиерей Николай Шенрок, окормлявший гатчинские храмы и ст. Сиверская с февраля по июнь 1942 г., оттуда он выехал в Псков. См.: Шкаровский, Михаил, Церковь зовет к защите Родины, Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны", Санкт-Петербург, 2005. <http://krotov.info/history/20/1940/1941shka.htm>
- 53 Протоиереи Иоанн Намникс и Петерис Гредзенс были арестованы органами НКВД в июне 1941 года. Погибли в заключении.
- 54 Имеется ввиду Константин Густавсон, одноклассник митрополитов по Рижской семинарии, секретарь Синода ЭАПЦ.
- 55 Имеется ввиду епископ Нарвский Павел (Дмитровский) и архиепископ Елгавский Иаков (Карпс).
- 56 Имеется ввиду архиепископ Николай (Лейсман).
- 57 Митрополит Николай (в миру Борис Дорофеевич Ярушевич, 1892–1961), 9 марта 1941 года возведен в сан митрополита, экзарх Украины.
- 58 Геггингер В., капеллан вермахта, офицер полиции безопасности, начальник отдела по церковным делам.
- 59 Автономно ЛПЦ даровал Патриарх Константинопольский Вениамин.
- 60 Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»
- 61 Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина 1835 г. Ода LVI (Из Анакреона):
*«Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет мой...».*
- 62 Цит. из Второго послания Тимофею апостола Павла.
- 63 Парастас, греч. *Παραστάσεις* -- ходатайство, последование великой панихиды по всем усопшим православным христианам, совершаемое на всеобщем бдении (служится вечером в пятницу).
- 64 Митрополит Алексей (в миру Александр Якубович Громадский; род. в 1882, убит 7 мая 1943 близ села Смыга, Ровенская область), глава Украинской автономной православной церкви в юрисдикции Московского патриархата, митрополит Вольнский и Житомирский, с 25.11.1941 – экзарх Украины.

Публикация, предисловие к публикации и примечания Татьяны Шор

Письмо протоиерея Юрьевского Успенского собора Михаила Блейве (к истории немецкой оккупации Юрьева/Тарту в 1918 г.)

Письмо канонизированного в 1999 г. священномученика Эстонской Апостольской Православной Церкви пресвитера Михаила Иоанновича Блейве (29.10.1873, Олуствере, Вильяндимаа – 14.01.1919, Тарту), отправленное из оккупированного германцами Тарту незадолго до его трагической гибели вместе с первым эстонским епископом Платоном и протоиереем Николаем Бежаницким¹, представляет ценность не только как документ жизни нового святого, но и как важный эпизод истории Юрьевского благочиния, Успенского прихода и Исидоровского училища в период Первой мировой войны.

Отступление русских армий на германском фронте весной и летом 1915 года и стабилизация фронта под Ригой в 1915 г. имели тяжёлые последствия как для города Юрьева/Тарту, так и для его университета.² Тарту был наводнен беженцами; сюда эвакуировалось множество государственных учреждений из Риги и ближайшего региона. Начался квартирный, топливный и продовольственный кризис. 24 февраля 1918 г. германские войска оккупировали Юрьев/Тарту и эвакуация университета стала неотвратимой. Императорский Юрьевский университет вынужденно прекратил свое существование 31 мая 1918 г. Последовала его эвакуация двумя поездами 17 и 31 августа 1918 г. в Воронеж, куда вместе

с университетом эвакуировался и профессор русской истории И. И. Лапто с семьей. Позднее в результате Гражданской войны он оказался в эмиграции – сначала в Праге, а затем в Каунасе.³ Именно ему адресовано письмо протоиерея Михаила Блейве, отправленное, как следует из даты, со вторым эшеленом эвакуированных. Письмо свидетельствует о тесном сотрудничестве профессора И. И. Лапто, ставшего в 1918 г. председателем приходского Совета Успенского собора⁴, с о. Михаилом Блейве.

В 1928 г. И. И. Лапто в своих воспоминаниях об о. Михаиле писал об условиях жизни в период оккупации Юрьева кайзеровскими войсками: «Die deutsche Macht ist Ordnung», – провозгласили германские власти. Но этот «порядок» так часто превращался в каприз германского лейтенанта⁵. По своей тональности эти воспоминания во многом совпадают с бытовым фоном письма протоиерея Михаила Блейве, оригинал которого бережно сохранялся адресатом в годы Гражданской войны и эмиграции. В настоящее время оригинал находится в личном фонде профессора И. И. Лапто в Отделе рукописей Библиотеки Академии Наук Литвы⁶.

Работа подготовлена в рамках научного проекта «Altar ja klassituba: õigeusu kooliid Balti provintside 1870–1914» PUT428 (Эстония).

Юрьев 17/30 августа 1918 г.

Многоуважаемые и дорогие Иван Иванович, Вера Антоновна⁷ и Иван Иванович⁸!

Привет Вам из Юрьева и низкий поклон. Скучаем без Вас и не находим верной точки зрения на совершающееся⁹. Мы то радуемся, то унываем и думаем о Вас, нашли ли Вы уже то, чего жаждали или и Вам еще долго ждать. Я радуюсь, что Вы благополучно доехали, но не знаю, хорошо ли Вы устроились. О[тец] Дорин¹⁰ передал мне Вашу открытку, и там я прочитал опять ваше предложение прислать Федю¹¹ в Воронеж к Вам. Чрезвычайно этому рад, хотя мне и очень стыдно. Федя всеми силами рвется к Вам, мне его уже и не удержать. Веселый и довольный ходит и прощается со знакомыми. Когда, будучи в Юрьеве, уважаемая Вера Антоновна и Вы говорили мне о том, что возьмете Федю к себе в Воронеж и позаботитесь о его воспитании, т. е. образовании, я не умел ни благодарить Вас, ни возражать против этого. Это было для меня такую радость, таким благодеянием, что я только удивлялся Вашей доброте ко мне и моей жене¹².

Возражать было бы лицемерием, благодарить я боялся, боялся оскорбить Вас ничтожеством слов благодарности, ничтожеством слов перед делом. Теперь, испытывая материальные затруднения, сравнительный недостаток в пище¹³, которого я в Рингене¹⁴ не испытывал бы, имея там полное хозяйство, я все-таки радуюсь и благодарю Бога, что привел меня Господь в Юрьев, и не потому радуюсь, что тут я достиг недостижимого для себя почета стать настоятелем и протоиереем,¹⁵ а потому, что познакомился с Вами и оказался обласканным Вами. Это для меня награда, ничем не заслуженная перед Вами и потому наиболее ценная для меня. Молю Бога об одном, чтобы Федя оказался достойным Вашей заботливости и чтобы он не причинил Вам затруднений,

Отец Михаил Блейве

которых и так теперь очень много, и чтобы Вера Антоновна из-за него не волновалась. Я и супруга моя отсылаем Федю совершенно спокойно. Мне даже кажется, что ему у Вас будет лучше, чем у нас, во всяком случае, пользы извлечет он для себя у Вас гораздо больше, чем у нас дома. В настоящую минуту я считаю Федю счастливецом и верю, что Бог ему помогает.¹⁶

Жизнь наша течет своим обычным порядком при тех же стеснениях, как и в Ваше время. Обойдти (так в оригинале – Л. Д.) пешком благочиние мне не удалось¹⁷. Помешало дело с Исидоровским училищем¹⁸. На здание Исидор[овского] уч[илища] я нашел нанимателя. В виду большого наплыва учащихся в эстонскую женскую гимназию для нея понадобились новые помещения. Я предложил директору этой гимназии Петру Пэльд¹⁹ нанять под свою гимназию Исидор[овскую] школу. Он был очень рад и мы совместно с Резвовым²⁰ и Екимовым²¹ заключили с ним условие, по которому П. Пэльд должен отапливать все наше здание, нанимать сторожа и еще платить 2000 рублей в год. Для Исидоровской школы мы оставили только квартиру учительницы и помещение,

И. И. Лаппо профессор русской истории
в Юрьевском университете
(Библиотека Тартуского университета,
Отдел редких книг и рукописей,
фонд 78, 17–147.)

которое занимал Петров.²² Все мы были рады, что дело со зданием устроилось, оно будет отапливаться и Исидоровское училище в уменьшенном виде может существовать. Пошел я к Мербицу²³ с прошением о разрешении открыть школу; в нем было указано, что одним из источников содержания школы будет наемная плата и что школа

уже сдана П. Пэльдзу за 2000 р[ублей]. Мербиц заявил: «Вы не имели права без моего ведома сдавать свою школу, тем более, что я имел в виду арендовать у Вас школу под немецкое женское среднее уч[ебное] заведение». Он, Мербиц, будто бы, ради этого не допустил туда немецких солдат, если бы не он, Мербиц, школа непременно была бы занята солдатами. Мы пробовали возражать, упирались на то, что нам ничего об этом не было сказано, что грешно нарушать свое слово. Резвов даже поспорил с Мербицем, напомнил ему, что когда Резвов просил о защите школьного здания, Мербиц заявил, что это частное дело, это его не касается, и отсылал в комендатуру. Ничто не помогло. Мербиц пригласил П. Пэльда (так в оригинале – Л. Д.) и сам ему отказал, а мне предложил представить свои условия ему. Пришлось повиноваться. Целые две недели, которые я предназначал на обход благочиния, пошли на переговоры об условиях сдачи немцам здания. Тем временем прибыл в Юрьев Преосвященный,²⁴ и я так и не выполнил своего обещания. Мы сдали школу немцам на тех же условиях, что и Пэлду. Они еще проведут электричество. Занятия начнем в Исидоровском уч[илище] 9-го сентября. М. Флоринской²⁵ определили мы

Успенский собор Свято-Исидоровской
церковно-приходской школы Юрьева/Тарту, 1940 г.

жалованья 75 р[ублей] в месяц при готовой квартире, отоплении и освещении. Она недовольна. На немецкий язык остается 25 р[ублей] в месяц. Скоропостижная²⁶ за эту плату не согласна преподавать у нас немецкий язык. Бывший прапорщик Михаил Михайлович Иванов²⁷ предложил свои услуги и согласен на все условия. Он хорошо владеет немецким языком, его можно будет и взять, он студент.

В Епарх[иальном] Совете у нас опять поднялся вопрос об изыскании средств на содержание Епископа. Решили обратиться к самому верному источнику – сбору добровольных пожертвований. Разослали воззвания благочинным, настоятелям, приходским Советам дать из церковных сумм два раза столько, сколько вносили на содержание духовно-учебных заведений и производить сборы на тарелку и по подписному листу. По этому поводу у нас состоялось собрание приходского Совета и мы решили дать на содержание Епископа из церковных сумм 100 рублей, только половину взноса на дух[овно]-уч[ебные] заведения. Это потому, что у нас очень много расходов: на ремонты 2000 р[ублей], за дрова 2000 р[ублей]. Накануне храмового праздника²⁸ на всенощном мы начали сбор по подписному листу. Перед пением канона я обратился к народу со словом и просил начать запись добровольных даяний в подписной лист у свечного ящика. Тут же началась подписка и к концу всенощной записали уже 150 рублей. В самый храмовый праздник сделали сбор на причт. После моей проповеди выступил Н. Р. Австриц,²⁹ сказал слово и пошел с тарелкой. Набрали 170 рублей. После Вашего отъезда сбор на содержание причта очень плохо двигается, ничего и не подвинулся. При Вас уже в кассе оставалось 400 р[ублей], столько же остается и теперь. Форсунов³⁰ и Воробьев³¹ за это время ничего не собрали, кажется потому, что они во все и не собирали. Нет у нас Ив. И. Лаппо,

Семья Блейве: отец Михаил, матушка Любовь, дети – Феодор, Иоанн и София (Кумыш В. Священномученики Эстонской церкви в Юрьеве пострадавшие. Санкт-Петербург, 2000. С. 73.)

который и начал и двигал все это дело. Теперь лишаемся Николая Романовича. Положение наше печально, но не безнадежно. Верим, что все изменится, и этою верою живем. Дорин рассказывает, что на Руси духовенству еще хуже, там расстреливают³². Нужно потерпеть, всем плохо.

На Вашей квартире все благополучно, вещи и все цело. Цветиков³³ уезжал, и в его отсутствие там жила г-жа Петерсон,³⁴ очень верная и аккуратная пожилая дева. Теперь Цветиковы вернулись все. Он будет заниматься у немцев в Юрьеве и вести свое прежнее дело по земельным оброчным статьям. Просит провести его в члены приходского Совета. Они пожелали занять и столовую, чтобы там кушать, и говорят, что хотят зимой топить и столовую печь. Мне думается, что оно было бы хорошо для вещей в доме и вообще будет меньше сырости. Нужно будет только передвинуть ящики от печки в другой угол. Я постараюсь присмотреть, чтобы все было сделано поаккуратнее. Еще супруга Цветикова желает перенести в залу Ваш шкаф с зеркалом, боясь как бы его там проходя не разбить. Сергей³⁵ еще дрова не переложил, но на будущей неделе он это сделает. Тогда Цветиков закупит дрова и поставит в сарай.

Икона священномучеников
Платона, Михаила и Николая

В воскресенье 19-го авг[уста]/1 сент[ября] Владыка служит в у (так в оригинале – Л. Д.) нас литургию и посвятит меня в протоиереи. Будем звать его и сослужащих на пирог. Жалеем, что Вас не будет у нас. Благодарю Вас за все хлопоты обо мне и за все заботы о Феде. Бог Вас вознаградит за это. Да сохрани Вас Господь от всяких

случайностей и несчастий. Желаю Вам быть здоровыми и спокойными. Преданный Вам и всегда благодарный Священник

Михаил Блейве.

Передайте от меня поклон Ник[олаю] Ив[ановичу] Щукину.³⁶

Примечания

- 1 Кумыш, Владислав. Священномученики Эстонской Церкви, в Юрьеве пострадавшие. Санкт-Петербург: Журнал "Нева", 2000. С. 71–84; Игумен Дамаскин (Орловский). Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь. Тверь. 2005. С. 18–20.
- 2 Вопрос об эвакуации Тартуского – в 1893–1918 гг. – Юрьевского университета на протяжении Первой мировой войны вставал после этого неоднократно. Наиболее ценное имущество университета эвакуировалось в 1915 г. в Нижний Новгород, в 1916 г. в Пермь и в 1917 г. в Воронеж – места, которые в каждый конкретный момент

рассматривались, как потенциальное место эвакуации всего университета. Подр. см.: Tartu ülikooli ajalugu. Tallinn, 1982. Kd. 2: 1798–1918. Lk. 319; Тамул, Сирье. Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века). Ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 642–672.

- 3 Лаппо Иван Иванович (1869–23.12.1944, Дрезден), историк, профессор русской истории Юрьевского университета в 1905–1918 гг., специалист по истории Великого княжества Литовского. В 1918 г. эвакуировался с Юрьевским

- университетом в Воронеж, откуда в ходе гражданской войны через Новороссийск проследовал в эмиграцию. В 1921–1933 гг. жил в Праге, в 1933–1944 гг. – в Каунасе. Подр.: Дубьева Л. В. «Отдаюсь науке совсем...»: И. И. Лаппо – профессор русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905–1918 гг. // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 374–391; Dubjeva, Ljudmila. Ivan Ivanovic Lappo (1869–1944: "Ich möchte die Staatsordnung von Litauen untersuchen" // *Baltische Biographische Forschungen* / Hrg. N. Angermann; W. Lenz; K. Maier. Bd. 1, Berlin: LIT, 2011. S. 513–539. (Schriften der Baltischen Historischen Kommission. 17).
- 4 Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве // Памяти новых мучеников за веру, пострадавших в Юрьеве 14 января 1919 г. Проповеди протоиерея о. Михаила Блейве, настоятеля Юрьевск[ого] Успенского собора. [Юрьев]: Изд. Приходского Совета Юрьевского Успенского Собора, [1928]. С. 16.
 - 5 Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 17.
 - 6 Отдел рукописей Библиотеки Академии Наук Литвы (F 211–26. 7 л.). Два фрагмента письма были ранее опубликованы профессором И. И. Лаппо в воспоминаниях об о. Михаиле Блейве. (См.: Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 21–22).
 - 7 Лаппо Вера Антоновна (1874?–1944?), жена Ивана Ивановича Лаппо (старшего) и мать Ивана Ивановича Лаппо (младшего). См. ЕАА. 1979.1171. Л. 9.
 - 8 Лаппо Иван Иванович (младший) (24.04.1895, Петербург – 1944?), юрист, сын историка Ивана Ивановича Лаппо. В 1913–1918 гг. – студент Юридического факультета Юрьевского университета. В 1918 г. бесплатно преподавал в Свято-Исидоровской церковно-приходской школе. Продолжил юридическое образование в Праге, доктор права (1935). (ЕАА.402.1.14604. 2 л.; Tartu Ülikooli üliõpilaskonn teatmik. Kd. 2. 1889–1918. Tartu, 1987. Lk. 286; Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 20.)
 - 9 Подробнее см.: Сент-Илер К. К истории Воронежского университета. 1. История последних дней русского Юрьевского университета // Труды Воронежского государственного университета. Т. 1. Воронеж, 1925. С. 396–397.
 - 10 Дорин Константин Андреевич (1878 – после 1942), протодиакон, секретарь Епархиального Совета. «Протодьякон К. Дорин был арестован вместе с Владыкой и избежал расстрела по причине внезапного вторжения белых войск в город». (Кумыш, Владислав. Священномученики Эстонской церкви в Юрьеве пострадавшие. С. 142. См. также: Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве // Памяти новых мучеников за веру. С. 20; Протодиакон Константин Андреевич Дорин // Голиков, Андрей, Фомин, Сергей. Кровью убеленные: Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1944–1955). Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. Жизнеописания и материалы к ним. Москва: Паломник, 1999. С. 82–83).
 - 11 Блейве Федор (Теодор) Михайлович (1901–1979), сын о. Михаила Блейве, религиозный и хоровой деятель. В 1920–1923 гг. – студент Математического факультета (химического отделения), затем Богословского факультета 1924–1930 гг. Рукоположен во священника в 1927 г., протоиерей (1948). (ЕАА.2100.1.1081. Л. 32; Album Academicum Universitatis Tartuensis 1918–1944. Kd. 2. Tartu, 1994. Lk. 117).
 - 12 Блейве Любовь Федоровна, урожд. Луговская (1875–?), дочь олонецкого священника. Помимо старшего Федора, в семье Блейве было еще двое детей – София (род. в 1903) и Иван (род. в 1909).
 - 13 «... в городе уже не только не было белой муки, но стало трудно добывать вообще какие-либо припасы». (Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 21.) См. также: «Немцы реквизируют у крестьян на нужды войск и населения Германии почти все продовольствие и множество скота. Свободная продажа сельскохозяйственных продуктов запрещалась. Резко сократилось производство зерна и овощей, земли оставались невозделанными. Было введено жесткое нормирование продуктов для эстонцев. В соответствии с распоряжением военных властей каждый гражданин мог купить в день только 50 граммов хлеба. В магазинах не было сахара, масла, молока и других необходимых продуктов питания». (Кумыш, Владислав. Священномученики Эстонской церкви в Юрьеве пострадавшие. С. 42).
 - 14 Ринген – совр. Рынту, место предыдущего служения о. Михаила Блейве, где он с 22 июля 1915 г. до 6 октября 1916 г. состоял священником при Рингенской церкви (Кумыш, Владислав. Священномученики Эстонской церкви в Юрьеве пострадавшие. С. 74.)
 - 15 Михаил Блейве стал настоятелем с возведением в сан протоиерея Юрьевского Успенского прихода епископом Эстонским Платоном 7/20 июня 1918 г. (ЕАА.1979.1.81. Л. 17 об.; Кумыш, Владислав.

- Священномученики Эстонской церкви в Юрьеве пострадавшие. С. 76).
- 16 Ф. М. Блейве присутствовал на отпевании отца в Юрьевском Успенском соборе 18 января 1919 г. Он является автором биографии своего отца. (Кумыш, Владислав. Священномученики Эстонской церкви в Юрьеве пострадавшие. С. 65; Блейве Ф. М. Биография протоиерея о. М. Блейве // Памяти новых мучеников за веру, пострадавших в Юрьеве 14 января 1919 г. С. 25–28).
 - 17 Знакомство с приходами, в том числе обход сельских церквей благочиния пешком, входило в обязанности как вновь назначенных благочинных, так и первого эстонского епископа Платона, которому пришлось столкнуться при этом с рядом трудностей: «Оккупационные власти препятствовали епископу Платону объезжать приходы, невозможным стал и проезд по железной дороге. В сопровождении свиты из трех человек, частью на лошадях, частью пешком, Владыка посетил большую часть своих приходов в Эстонии и Латвии». (Священномученик Платон, епископ Ревельский (1869–1919) // Собор святых земли Эстонской. Таллинн, 2003. С. 61. См. также: Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 19; Кумыш, Владислав. Жизнеописание священномученика Платона, епископа Ревельского (1869–1919). Санкт-Петербург, 1999. С. 31–32).
 - 18 Речь идет об Св. Исидоровском православное приходское училище, которое было открыто Юрьевским Исидоровским братством 8 сентября 1913 г. при Юрьевской Успенской церкви. Целью было дать начальное образование детям православного населения, испытывающего нужду в этом отношении среди преобладающего инородческого и иноверного населения г. Юрьева. Каменное здание для училища было построено в 1916 г., когда двухклассное училище было преобразовано в 4-х комплектное. О судьбе училища в период немецкой оккупации И. И. Лаппо вспоминал: «Но забот требовала и Свято-Исидоровская церковно-приходская школа. Нужно было не только содержать и отапливать довольно большое новое здание, но и найти и учителей для школы, не говоря уже о постоянных хлопотах перед германскими властями, поначалу совершенно не признававшими за русскими прав на свою особую школу. Все было преодолено настоятелем и Приходским Советом». (Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 19. См. также: ЕАА. 384.1. 2548; ЕАА. 384.1. 2754; http://www.dorpat.ru/index/russian_gymnasium/0-477).
 - 19 Пэльд Петр (*Peeter Põld*, 1878–1930), эстонский педагог и политический деятель, директор Эстонской женской гимназии в Тарту до конца оккупационного периода, первый министр образования Эстонской Республики. В 1918–1925 гг. был временным куратором Тартуского университета, ректором 1919–1920 и проректором 1925–1927, профессор педагогики (*Eesti biograafiline leksikon*. Tartu: K. / Ü Loodus, 1926–1927. Lk.389–391; *Album rectorum universitatis Tartuensis 1632–1997* / Koost. Sirje Tamul. Tartu: TÜK, 1997. Lk. 95–96).
 - 20 Резвов Иван Леонтьевич (1874–1937), член приходского Совета Юрьевского Успенского собора, купец в Тарту, меценат (Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 19; Исаков С. Г. Русские просветительные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. 1. Таллинн, 1996. С. 103).
 - 21 Екимов Николай Иванович (1858 – ?), член приходского Совета Юрьевского Успенского собора, в феврале 1919 г. и. о. председателя приходского Совета. (ЕАА.1979.1.171; 1916; Кумыш, Владислав. Священномученики Эстонской церкви в Юрьеве пострадавшие. С. 139.)
 - 22 Петров Н. Н., полковник, в 1918 г. бесплатный преподаватель Свято-Исидоровской церковно-приходской школы, в здании которой ему была предоставлена бесплатная квартира, а также псаломщик Успенского собора. (Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 20–21.)
 - 23 Мербиц Й. фон (*J. von Merbitz*), обер-лейтенант германской армии, в апреле-мае исполнял обязанности градоначальника Юрьева, занимался описью университетского имущества во время закрытия университета и перед его эвакуацией в 1918 г. В конце мая 1918 его сменил Поаль и затем в середине июня Гельфритц. (ЕАА.2100.16.365. L. 15–23, 24, 30, 37–39; Сент-Илер К. К истории Воронежского университета. 1. История последних дней русского Юрьевского университета. С. 374–375, 378–379, 385, 388, 390.)
 - 24 Преосвященный Владыка Платон, епископ Ревельский по прибытии из Петрограда в Эстонию перенес место своего пребывания из Ревеля в Тарту, откуда было удобнее поддерживать связь с отдаленными частями епархии. (Кумыш, В. Жизнеописание священномученика Платона. С. 28).
 - 25 Флоринская Мария Михайловна (1895–1936), педагог, преподавала в школах г. Тарту.

- (ЕАА.1979.1.81. L. 1of.; даты жизни показаны со слов её дочери М. В. Шмидт).
- 26 Скоропостижная Елена Ивановна, учительница немецкого языка (ЕАА.403.1.4479).
 - 27 Иванов Михаил Михайлович (13.01.1897–?) – родился в г. Риге, сын купца, личного почетного гражданина Михаила Ивановича Иванова, председателя попечительного совета рижской Ломоносовской женской гимназии. Студент химического отделения Физико-математического факультета Юрьевского университета (1915–1917, 1918). Служил в 27-м Мортирном артиллерийском дивизионе. (ИАЭ.402.1.10455. 14 л.; Tartu Ülikooli üliõpilaskonna teatmik. Kd. 2. 1889-1918. Tartu, 1987. Lk. 347.)
 - 28 Успение Пресвятой Богородицы 28 августа (н. ст.).
 - 29 Австриц (Austrin) Николай Романович (1881–?), учился на Медицинском факультете Юрьевского ун-та в 1901 – 1904, преподавал на Юрьевских высших частных курсах М. Ростовцева, приват-доцент Тартуского университета в 1917–1918 гг. Проводил чтения в Успенском соборе. (ЕАА.402.1.164; ЕАА.402.1.165; ЕАА.402.3.7; Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 19–20.)
 - 30 Форсунов Иван Кассианович (1864 – до 1931), купец, домовладелец в Юрьеве. (ЕАА.1979.1.171. L.19).
 - 31 Воробьев Степан Игнатьевич, владелец лавки одежды на ул. Поэ 7 (ЕАА.2381.2.1081).
 - 32 Отчет К. Дорина о поездке в Россию см.: Татьяна Шор, Документы о ЛПЦ в фонде Синода ЭАПЦ Национального архива Эстонии // Православие в Балтии, 2013, № 10 (1). Рига, 2013. С. 16–21.
 - 33 Возможно, речь идет о семье Николая Николаевича Цветикова, сына Лельского священника (род. 1854 г.), окончившего Петербургский университет. В исповедных росписях Успенского прихода за 1914–1916 гг. эта семья не обнаружена.
 - 34 Петерсон Ольга Федоровна (1877 – ?), юрьевская мещанка.
 - 35 Возможно, речь идет о сыне приписанного к Успенскому причту в 1918 г. бывшего университетского священника Михаила Ивановича Карпинского Сергея, которому в 1918 г. было 20 лет. (ЕАА.1979.1.81. L.20).
 - 36 Шукин Николай Иванович (1883 – ?), ученый-юрист, приват-доцент Юрьевского университета (1915–1916). В 1917 г. исполнял обязанности помощника городского головы Юрьева, проводил бесплатные чтения в Успенском соборе. (Tartu ülikooli ajalugu. Tallinn, 1982. Kd. 2: 1798–1918. Lk. 337; Исаков С. Г. Русские просветительные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. 1. Таллинн, 1996. С. 136; Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 19–20).

Публикация, предисловие к публикации и примечания Людмилы Дубевой

Summary

The third issue of the scientific periodical "Orthodoxy in the Baltic States" consists of three sections: 1. Scientific articles; 2. Memoirs; 3. Publication of documents.

Six articles are published in the first section. The article of the German archivist Anatolij Kinstler introduces the reader with sources on the history of the Orthodox Church in the Baltic countries, held in the archives of the German Diocese (AGE) of the Russian Orthodox Church Outside of Russia (ROCOR). It should be noted that this material has not been known to researchers and is introduced into the scientific discourse for the first time.

The article of the Latvian historian Alexander Gavrilin "Interviews of Orthodox missionaries with Old Believers from Riga in the late XIX-early XX centuries" continues the theme of the history of interfaith relations in the Baltic provinces of the Russian Empire.

The periodical publishes three articles devoted to analysis of the situation of the Orthodox Church during the Second World War in the territories occupied by the army of Nazi Germany. The article of the Polish historian, Professor Anthony Mironovich "The Orthodox Church in Belarus during the Second

World War" traces the attempts to create the Belarusian Autocephalous Orthodox Church. According to the author, the hierarchs of the Church, on the one hand, revived the church structure, earlier destroyed by the communist regime, but, on the other hand, it was made under violation of canon law.

The article of the Russian historian Konstantin Oboznoj "Professor Ivan Davidovich Grimm. Touches to the biography" is dedicated to the life and work of a lawyer, an officer of the royal army, a professor at the University of Tartu, I. D. Grimm. Particular attention is paid to the period of the Second World War, in which I. D. Grimm served as a secretary of Exarch Metropolitan Sergij (Voskresenskij) and as a chief of the Staff of the Baltic Exarchate.

Finally, the article by Regina Laukaytite "Lithuanian Orthodox Diocese under the Authority of Metropolitan Sergij (Voskresenskij)" analyses the situation of the diocese of Lithuania during the Second World War. The attempt to analyze the activity of Metropolitan of Vilnius and Lithuania Sergij (Voskresenskij) and the circumstances of his tragic death are of particular interest.

Estonian researcher Sergei Männik in the article “Archbishop Ioann (Aleksejev)” tells the reader about the ministry of Archbishop Ioann (in the world – Georgij Aleksejev, 1892–1966), who lived in Estonia in 1919, committed the pastoral ministry more than a quarter of century, was personally acquainted with each member of diocesan clergy, served as a Bishop of Tallinn and Estonia from 1955 up to 1961 and was a head of the Riga diocese from 1958 up to 1961.

In the second section of the periodical, the continuation of the memoirs of one of the leading Latvian architects of the inter-war period, the architect of the Synod of the Latvian Orthodox Church Vladimir Shervinsky (1894–1975) is published. The published fragment tells the reader about the events of 1944, about the first post-war years and, finally, about the worst period in the life of the author – about the arrest, investigation and imprisonment. Like the rest of fragments of memories, this passage has been prepared for publication by

the grandson of V. Shervinsky – architect Eizens Upmanis.

In the third section of the periodical, the letters written in 1941–1943 by the Metropolitan of Riga and all Latvia Augustine (Petersons) and the Archpriest Ioann Svemps to the Metropolitan of Tallinn and All Estonia Alexander (Paulus), are published. As well as the letter of the Metropolitan Alexander Augustine, published in №2 (11) of the “Orthodoxy in the Baltic States”, these unique documents was found in the Estonian Historical Archive and prepared for publication by the archivist Tatiana Schor. In the same section, a unique letter written by the Hieromartyr Archpriest Mikhail Bleyve shortly before his tragic death is also published. This letter was found and prepared for publication by the Estonian archivist Lyudmila Dubievoja.

All sources published in the third section are introduced into the scientific discourse for the first time.

Православие в Балтии
№ 3 (12)
Научно-аналитический журнал

Pareizticība Baltijā
Nr. 3 (12)
Zinātniski analītisks žurnāls

The Orthodoxy in the Baltics
№ 3 (12)
Scientific-Analytical Journal

Izdevējs: LU aģentūra „LU Filozofijas un socioloģijas institūts”

Kalpaka bulvārī 4, Rīga, LV-1050

tālr. – 67034250 e-pasts – fsi@lza.lv

fakss – 67210806 www.fsi.lv

Izdevējdarbības reģistrācijas apliecība: Nr. 2-0521